

ЛЕНИН

ИНСТИТУТ МАРКСА-ЭНГЕЛЬСА-ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП(б)

В. И. ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

Издание четвертое

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1948

В. И. ЛЕНИН

ТОМ

21

Август 1914—декабрь 1915

ПРЕДИСЛОВИЕ

Двадцать первый том содержит произведения В. И. Ленина, написанные в августе 1914 — декабре 1915 годов. В этих произведениях Ленин поднял знамя борьбы против империалистической войны и международного социал-шовинизма, обосновал теорию и тактику большевистской партии по вопросам войны, мира и революции.

Группа произведений — «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне», «Европейская война и международный социализм», «Война и российская социал-демократия», «О поражении своего правительства в империалистской войне», «Социализм и война» и другие — посвящена главным образом оценке войны и определению задач пролетарской партии и международного рабочего движения.

Значительную часть тома составляют произведения, разоблачающие международный социал-шовинизм и центризм, вскрывающие причины краха II Интернационала. К ним относятся: «Крах II Интернационала», «О борьбе с социал-шовинизмом», «Положение и задачи социалистического Интернационала», «Революционные марксисты на Международной социалистической конференции 5—8 сентября 1915 г.» и другие.

Ряд произведений направлен по преимуществу против социал-шовинизма в России: «Русские Зюдекумы», «Под чужим флагом», «О положении дел в российской социал-демократии», «Поражение России и революционный кризис», «О двух линиях революции» и другие.

В статье «О лозунге Соединенных Штатов Европы», написанной в августе 1915 года, Ленин дал формулировку

гениального вывода о возможности победы социализма первоначально в нескольких странах или даже в одной, отдельно взятой, стране.

В настоящий том входит работа Ленина «Карл Маркс», дающая сжато и вместе с тем исчерпывающую характеристику учения Маркса.

В 21-й том включены четыре произведения, впервые публикуемые в Сочинениях В. И. Ленина. В произведениях: «В Интернациональную социалистическую комиссию (I. S. K.)» и «Письмо в «Vorwärts» и Wiener «Arbeiter-Zeitung»», — Ленин вскрывает империалистическую сущность первой мировой войны и предательство интересов рабочего класса вождями II Интернационала. Работы «Какое «единство» провозгласил на шведском съезде Ларпи?» и «Письмо ЦК РСДРП — редакции «Нашего Слова» направлены против ликвидаторства и социал-шовинизма в России.

ЗАДАЧИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ВОЙНЕ¹

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ О ЕВРОПЕЙСКОЙ ВОЙНЕ

Нам сообщают из самых достоверных источников, что недавно состоялось совещание руководящих деятелей Российской социал-демократической рабочей партии по вопросу о европейской войне. Вполне официального характера это совещание не носило, ибо Центральный Комитет Росс. с.-д. р. партии не мог еще собраться вследствие массы арестов и неслыханных преследований со стороны царского правительства. Но мы знаем вполне точно, что совещание, о котором идет речь, действительно выражало взгляды влиятельнейших кругов РСДРП Партии.

Совещание приняло следующую резолюцию, полный текст которой мы приводим, как документ:

РЕЗОЛЮЦИЯ ГРУППЫ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ

1) Европейская и всемирная война имеет ярко определенный характер буржуазной, империалистической, династической войны. Борьба за рынки и грабеж чужих стран, стремление пресечь революционное движение пролетариата и демократии внутри стран, стремление одурачить, разъединить и перебить пролетариев всех стран, натравив наемных рабов одной нации против наемных рабов другой на пользу буржуазии — таково единственное реальное содержание и значение войны.

2) Поведение вождей немецкой с.-д. партии, самой сильной и влиятельной партии II Интернационала (1889—1914), голосовавшей за военный бюджет и повторяющей буржуазно-шовинистические фразы прусских юнкеров и буржуазии, есть прямая измена социализму. Ни в каком

случае, даже при предположении абсолютной слабости этой партии и необходимости временного подчинения воле буржуазного большинства нации, поведение вождей немецкой с.-д. партии не может быть оправдано. На деле эта партия повела в данное время национально-либеральную политику.

3) Такого же осуждения заслуживает поведение вождей бельгийской и французской с.-д. партий, которые предали социализм, вступая в буржуазные министерства².

4) Измена социализму большинства вождей II (1889—1914) Интернационала означает идейно-политический крах этого Интернационала. Основной причиной этого краха является фактическое преобладание в нем мелкобуржуазного оппортунизма, на буржуазность коего и опасность давно указывали лучшие представители революционного пролетариата всех стран. Оппортунисты давно подготавливали крах II Интернационала, отрицая социалистическую революцию и подменяя ее буржуазным реформизмом; отрицая классовую борьбу, с ее необходимым превращением, в известные моменты, в гражданскую войну, и проповедуя сотрудничество классов; проповедуя буржуазный шовинизм под видом патриотизма и защиты отечества и игнорируя или отрицая основную истину социализма, изложенную еще в «Коммунистическом Манифесте», что рабочие не имеют отечества; ограничиваясь в борьбе с милитаризмом сентиментально-мещанской точкой зрения, вместо признания необходимости революционной войны пролетариатов всех стран против буржуазии всех стран; превращая необходимое использование буржуазного парламентаризма и буржуазной легальности в фетишизирование этой легальности и забвение обязательности нелегальных форм организации и агитации в эпохи кризисов. Один из международных органов оппортунизма, немецкий «Социалистический Ежемесячник»³, давно вставший на национально-либеральную позицию, вполне правильно торжествует теперь свою победу над европейским социализмом. Так называемый «центр» немецкой социал-демократической партии и других социал-демократических партий на деле трусливо капитулировал пред оппортунистами. Задачей будущего Интернационала должно быть бесповоротное и решительное избавление от этого буржуазного течения в социализме.

5) Из тех буржуазных и шовинистических софизмов, коими в особенности одурачивают массы буржуазные партии и правительства двух главных соперничающих наций континента — германской и французской — и кои повторяют рабски плетущиеся за буржуазией социалистические оппортунисты как откровенные, так и прячущиеся, — следует в особенности отметить и заклеить следующие:

когда немецкие буржуа ссылаются на защиту родины, на борьбу с царизмом, на отстаивание свободы культурного и национального развития, они лгут, ибо прусское юнкерство с Вильгельмом во главе и крупная буржуазия Германии всегда вели политику защиты царской монархии и не преминут, при всяком исходе войны, направить усилия на ее поддержку; они лгут, ибо на деле австрийская буржуазия предприняла грабительский поход против Сербии, немецкая — угнетает датчан, поляков и французов в Эльзас-Лотарингии, ведя наступательную войну с Бельгией и Францией ради грабежа более богатых и более свободных стран, организуя наступление в момент, который ей казался наиболее удобным для использования последних ее усовершенствований в военной технике, и накануне проведения так называемой большой военной программы Россией.

Когда французские буржуа ссылаются точно так же на защиту родины и прочее, они также лгут, ибо на деле они защищают более отсталые в отношении капиталистической техники и более медленно развивающиеся страны, нанимая на свои миллиарды черносотенные банды русского царизма для наступательной войны, т. е. грабежа австрийских и немецких земель.

Обе воюющие группы наций ничуть не уступают друг другу в жестокостях и варварстве войны.

6) Задачей социал-демократии России является в особенности, и в первую голову, беспощадная и безусловная борьба с великорусским и царско-монархическим шовинизмом и софистической защитой его русскими либералами, кадетами, частью народников и другими буржуазными партиями. С точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск, угнетающих Польшу, Украину и целый ряд народов России

и разжигающих национальную вражду для усиления гнета великоруссов над другими национальностями и для укрепления реакционного и варварского правительства царской монархии.

7) Лозунгами социал-демократии в настоящее время должны быть:

во-1-х, всесторонняя, распространяющаяся и на войско и на театр военных действий, пропаганда социалистической революции и необходимости направить оружие не против своих братьев, наемных рабов других стран, а против реакционных и буржуазных правительств и партий всех стран. Безусловная необходимость организации для такой пропаганды на всех языках нелегальных ячеек и групп в войске всех наций. Беспощадная борьба с шовинизмом и «патриотизмом» мещан и буржуа всех без исключения стран. Против изменивших социализму вожаков современного Интернационала обязательно апеллировать к революционной сознательности рабочих масс, несущих на себе всю тяжесть войны и в большинстве случаев враждебных оппортунизму и шовинизму;

во-2-х, пропаганда, как одного из ближайших лозунгов, республики немецкой, польской, русской и т. д., наряду с превращением всех отдельных государств Европы в республиканские соединенные Штаты Европы⁴;

в-3-х, в особенности борьба с царской монархией и великорусским, панславистским, шовинизмом и проповедь революции в России, а равно освобождения и самоопределения угнетенных Россией народов, с ближайшими лозунгами демократической республики, конфискации помещичьих земель и 8-мичасового рабочего дня.

Группа социал-демократов, членов РСДРП

*Написано не позднее 24 августа
(6 сентября) 1914 г.*

Вступление «Российская социал-демократия о европейской войне» публикуется впервые

*Тезисы (резолюция) впервые напечатаны полностью в 1929 г.
во 2—3 изданиях Сочинений
В. И. Ленина, том XVIII*

Печатается: вступление по рукописи; тезисы (резолюция) по копии, переписанной Н. К. Крупской

ЕВРОПЕЙСКАЯ ВОЙНА И МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЦИАЛИЗМ

Социалисту всего тяжелее не ужасы войны — мы всегда за «*santa guerra di tutti gli oppressi per la conquista delle loro patrie!*»*, — а ужасы измены вожakov современного социализма, ужасы краха современного Интернационала.

Разве это не измена, в социал-демократии, когда мы видим у немецких социалистов поразительную перемену фронта (после объявления войны Германией)? лживая фраза об освободительной войне с царизмом? забвение германского империализма? забвение грабежа Сербии? буржуазные интересы войны с Англией? etc. ** etc. Патриоты, шовинисты, голосуют за бюджет!!

Разве не такая же измена у французских и бельгийских социалистов? Они превосходно разоблачают германский империализм, но, к сожалению, поразительно слепы относительно английского, французского и особенно варварского русского империализма! Они не видят вопиющего факта, что французская буржуазия десятки и десятки лет занимала за миллиарды черносотенные банды русского царизма, — что этот царизм подавляет инокродческое большинство России, грабит Польшу, угнетает рабочих и крестьян великороссов и т. д.?

В такое время социалист отдыхает душой, читая, как «*Avanti!*»⁵ мужественно и прямо сказала горькую правду в лицо *Зюдекуму*⁶, правду немецким социалистам, что они *империалисты*, т. е. шовинисты. Еще более отдыхаешь душой, когда читаешь статью Zibordi («*Avanti!*»

* — «священную войну всех угнетенных за завоевание их отечеств!». *Ред.*

** — et cetera — и так далее. *Ред.*

2 сентября), разоблачающую шовинизм не только немецкий и австрийский (это, ведь, выгодно с точки зрения итальянской буржуазии), но и французский, признающую войну — войной буржуазии *всех стран!*

Позиция «*Avanti!*» и статья *Zibordi* — наравне с резолюцией группы революционных социал-демократов (на недавнем совещании в одной из скандинавских стран)* — показывает нам, что есть правильного и неправильного в обычной фразе о крахе Интернационала. Эту фразу повторяют буржуа и оппортунисты («*riformisti di destra*»**) злорадно, социалисты («*Volksrecht*»⁷ в Zürich'e, «*Bremer Bürger-Zeitung*»⁸) с горечью. В этой фразе есть большая доля правды! Крах *вождей* и большинства партий *современного* Интернационала есть *факт*. (Сравните «*Vorwärts*»⁹, wiener «*Arbeiter-Zeitung*»¹⁰, «*Hamburger Echo*»¹¹ versus*** «*L'Humanité*»¹², и воззвания бельгийских и французских социалистов versus «ответ» немецкого Vorstand'a****¹³. Массы *еще* не высказались!!!

Но 1000 раз прав *Zibordi*, когда говорит, что не «*dottrina è sbagliata*», не «*rimedio*» социализма «*errato*», — «*semplicemente non erano in dose bastante*», «*gli altri socialisti non sono abbastanza socialisti*»*****.

Не социализм потерпел крах в лице *современного европейского* Интернационала, а недостаточный социализм, т. е. *оппортунизм* и *реформизм*. Именно эта «тенденция», имеющаяся *везде*, во всех странах, и так ярко выраженная Биссолати и К⁰ в Италии, потерпела крах, именно она *учила* годами забывать классовую борьбу и т. д. и т. д. — из резолюции¹⁴.

Zibordi прав, когда он главную вину европейских социалистов видит в том, что они «*cercano nobilitare con postumi motivi la loro incapacità a prevenire, la loro necessità di partecipare al macello*», что они «*preferisce fingere di fare per amore ciò ch'è (социализм европейский) costretto a fare per forza*», что социалисты «*solidarizzarono ciascuno*

* См. настоящий том, стр. 1—4. *Ред.*

** — «правые реформисты». *Ред.*

*** — по откопению И. *Ред.*

**** — правления. *Ред.*

***** — не «теория ошибочна», не «ленарство» социализма «неправильно», а «просто его не было в достаточных дозах», «и иные социалисты не являются «достаточно социалистами». *Ред.*

con la propria nazione, col Governo borghese della propria nazione... in una misura da formare una delusione per noi» (и для всех социалистов *не* оппортунистов) «e un compiacimento per tutti i non socialisti d'Italia»* (и не одной Италии, а всех стран: см., например, русский либерализм).

Да, даже при полной *incapacità*, неспособности, бессилии европейских социалистов, поведение их вождей измена и подлость: рабочие пошли на бойню, а вожди? голосуют *за*, идут в *министерство!!!* Даже при полном бессилии они должны бы голосовать *против*, *не идти* в министерство, не говорить шовинистических подлостей, *не* солидаризироваться с своей «нацией», *не* защищать «своей» буржуазии, а разоблачать ее подлости.

Ибо *овезде* буржуазия и империалисты, везде подлая подготовка бойни: если *особенно* подлый и варварский русский царизм (более всех реакционен), то и немецкий империализм тоже монархический — феодально-династические цели, грубая буржуазия, менее свободная, чем во Франции. Русские социал-демократы были правы, говоря, что *для них* меньшее зло — поражение царизма, что *их* непосредственный враг — больше всего *великорусский* шовинизм, но социалисты (не оппортунисты) каждой страны должны были видеть своего главного врага в «своем» («отечественном») шовинизме.

Но верно ли, что так уже абсолютно *«incapacità»*? Так ли? *fucilare? *** Heldentod*** и подлая смерть?? *in vantaggio di un'altra patria??***** Не всегда! *Почин* был возможен, был обязателен. Нелегальная пропаганда и гражданская война были бы *честнее*, были бы обязательнее для социалистов (*это* пропагандируют русские социалисты).

* — что они «пытаются задним числом оправдать благовидными доводами как свою неспособность предупредить бойню, так и создавшуюся для них необходимость участвовать в ней», что они «предпочитают создавать видимость, что они вполне добровольно делают то» (социализм европейский), «что припущены делать поневоле», что социалисты «солидаризировались каждый со своей собственной нацией, с буржуазным правительством своей собственной нации... в степени, способной породить разочарование для нас» (я для всех социалистов *не* оппортунистов) «и доставить удовольствие всем не социалистам Италии». *Ред.*

** — расстрелять? *Ред.*

*** — героическая смерть. *Ред.*

**** — ради чуждого отечества?? *Ред.*

Например, утешают себя иллюзией: прекратится война, наладится... Нет!! Чтобы крах современного (1889—1914) Интернационала не был крахом социализма, чтобы массы не отвернулись, чтобы не получилось господства анархизма и синдикализма (так же позорно, [как] во Франции), надо смотреть истине в глаза. Кто бы ни победил, Европе угрожает усиление шовинизма, «реванши» etc. Милитаризм немецкий или великорусский возбуждает контршовинизм etc. etc.

Наш долг сделать вывод о полном крахе того оппортунизма, реформизма, который так торжественно провозглашался в Италии (и так твердо был отсечен итальянскими товарищами) и*

NB** *вставить*: презрительное, пренебрежительное отношение «*Neue Zeit*»¹⁵ к итальянским социалистам и «*Avanti!*»: уступочки оппортунизму!!! «Золотая середина».

Так называемый «центр» = лакей оппортунистов.

Написано в конце августа — сентябре
1914 г.

Впервые напечатано 1 августа 1929 г.
в газете «Правда» № 174

Печатается по рукописи

* На этом рукопись обрывается. Следующие две фразы — приписка на полях. Ред.

** — Nota bene — заметьте. Ред.

ВОЙНА И РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ

*Написано до 28 сентября
(11 октября) 1914 г.*

*Напечатано 1 ноября 1914 г.
в газете «Социал-Демократ» № 33*

*Печатается по тексту газеты,
сверенному с рукописью*

Европейская война, которую в течение десятилетий готовили правительства и буржуазные партии всех стран, разразилась. Рост вооружений, крайнее обострение борьбы за рынки в эпоху новейшей, империалистической, стадии развития капитализма передовых стран, династические интересы наиболее отсталых, восточно-европейских монархий неизбежно должны были привести и привели к этой войне. Захват земель и покорение чужих наций, разорение конкурирующей нации, грабеж ее богатств, отвлечение внимания трудящихся масс от внутренних политических кризисов России, Германии, Англии и других стран, разъединение и националистическое одурачение рабочих и истребление их авангарда в целях ослабления революционного движения пролетариата — таково единственное действительное содержание, значение и смысл современной войны.

На социал-демократию прежде всего ложится долг раскрыть это истинное значение войны и беспощадно разоблачить ложь, софизмы и «патриотические» фразы, распространяемые господствующими классами, помещиками и буржуазией, в защиту войны.

Во главе одной группы воюющих наций стоит немецкая буржуазия. Она одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну ради защиты родины, свободы и культуры, ради освобождения угнетенных царизмом народов, ради разрушения реакционного царизма. А на деле именно эта буржуазия, лакействуя перед прусскими юнкерами с Вильгельмом II во главе их, всегда была вернейшим союзником царизма и врагом революционного

движения рабочих и крестьян в России. На деле эта буржуазия вместе с юнкерами направит все свои усилия, при всяком исходе войны, на поддержку царской монархии против революции в России.

На деле немецкая буржуазия предприняла грабительский поход против Сербии, желая покорить ее и задушить национальную революцию южного славянства, вместе с тем направляя главную массу своих военных сил против более свободных стран, Бельгии и Франции, чтобы разграбить более богатого конкурента. Немецкая буржуазия, распространяя сказки об оборонительной войне с ее стороны, на деле выбрала наиболее удобный, с ее точки зрения, момент для войны, используя свои последние усовершенствования в военной технике и предупреждая новые вооружения, уже намеченные и предпринятые Россией и Францией.

Во главе другой группы воюющих наций стоит английская и французская буржуазия, которая одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну за родину, свободу и культуру против милитаризма и деспотизма Германии. А на деле эта буржуазия на свои миллиарды давно уже нанимала и готовила к нападению на Германию войска русского царизма, самой реакционной и варварской монархии Европы.

На деле целью борьбы английской и французской буржуазии является захват немецких колоний и разорение конкурирующей нации, отличающейся более быстрым экономическим развитием. И для этой благородной цели «передовые», «демократические» нации помогают дикому царизму еще более душить Польшу, Украину и т. д., еще более давить революцию в России.

Обе группы воюющих стран несколько не уступают одна другой в грабежах, зверствах и бесконечных жестокостях войны, но чтобы одурачить пролетариат и отвлечь его внимание от единственной действительно освободительной войны, именно гражданской войны против буржуазии как «своей» страны, так и «чужих» стран, для этой высокой цели буржуазия каждой страны ложными фразами о патриотизме старается возвеличить значение «своей» национальной войны и уверить, что она стремится победить противника не ради грабежа и захвата земель, а ради «освобождения» всех других народов, кроме своего собственного.

Но чем усерднее стараются правительства и буржуазия всех стран разьединить рабочих и натравить их друг на друга, чем свирепее применяется для этой возвышенной цели система военных положений и военной цензуры (гораздо более преследующей даже теперь, во время войны, «внутреннего», чем внешнего врага), — тем настоятельнее долг сознательного пролетариата отстоять свое классовое сплочение, свой интернационализм, свои социалистические убеждения против разгула шовинизма «патриотической» буржуазной клики всех стран. Отказаться от этой задачи значило бы со стороны сознательных рабочих отказаться от всех своих освободительных и демократических, не говоря уже о социалистических, стремлений.

С чувством глубочайшей горечи приходится констатировать, что социалистические партии главнейших европейских стран этой своей задачи не выполнили, а поведение вождей этих партий — в особенности немецкой — граничит с прямой изменой делу социализма. В момент величайшей всемирно-исторической важности большинство вождей теперешнего, второго (1889—1914) социалистического Интернационала пытаются подменить социализм национализмом. Благодаря их поведению, рабочие партии этих стран не противопоставили себя преступному поведению правительств, а призвали рабочий класс *слить* свою позицию с позицией империалистических правительств. Вожди Интернационала совершили измену по отношению к социализму, голосуя за военные кредиты, повторяя шовинистические («патриотические») лозунги буржуазии «своих» стран, оправдывая и защищая войну, вступая в буржуазные министерства воюющих стран и т. д. и т. п. Влиятельнейшие социалистические вожди и влиятельнейшие органы социалистической печати современной Европы стоят на шовинистически-буржуазной и либеральной, отнюдь не на социалистической точке зрения. Ответственность за это опозорение социализма ложится прежде всего на немецких социал-демократов, которые были самой сильной и влиятельной партией II Интернационала. Но нельзя оправдать и французских социалистов, принимающих министерские посты в правительстве той самой буржуазии, которая предавала свою родину и соединялась с Бисмарком для подавления Коммуны.

Германские и австрийские с.-д. пытаются оправдать свою поддержку войны тем, что этим самым они будто бы борются против русского царизма. Мы, русские с.-д., заявляем, что такое оправдание считаем простым софизмом. Революционное движение против царизма вновь приняло в нашей стране в последние годы громадные размеры. Во главе этого движения все время шел российский рабочий класс. Миллионные политические стачки последних лет шли под лозунгом низвержения царизма и требования демократической республики. Не далее, как накануне войны, президент французской республики Пуанкаре во время своего визита Николаю II сам мог видеть на улицах Петербурга баррикады, построенные руками русских рабочих. Ни перед какими жертвами не останавливался российский пролетариат, чтобы освободить все человечество от позора царской монархии. Но мы должны сказать, что если что может при известных условиях отсрочить гибель царизма, если что может помочь царизму в борьбе против всей российской демократии, так это именно нынешняя война, отдавшая на службу реакционным целям царизма денежный мешок английской, французской и русской буржуазии. И если что может затруднить революционную борьбу русского рабочего класса против царизма, так это именно поведение вождей германской и австрийской социал-демократии, которое не перестает нам ставить в пример шовинистская печать России.

Если даже допустить, что недостаток сил у германской социал-демократии был так велик, что мог заставить ее отказаться от каких бы то ни было революционных действий, — то и в этом случае целью было присоединиться к шовинистическому лагерю, нельзя было делать шагов, по поводу которых итальянские социалисты справедливо заявляли, что вожди германских социал-демократов бесчестят знамя пролетарского Интернационала.

Наша партия, Российская с.-д. рабочая партия, понесла уже и еще понесет громадные жертвы в связи с войной. Вся наша легальная рабочая печать уничтожена. Большинство союзов закрыты, множество наших товарищей арестовано и сослано. Но наше парламентское представительство — Российская социал-демократическая рабочая фракция в Государственной думе — сочло своим безуслов-

ным социалистическим долгом не голосовать военных кредитов и даже покинуть зал заседаний Думы для еще более энергического выражения своего протеста, сочло долгом заклеить политику европейских правительств, как империалистскую. И, несмотря на удешевленный гнет царского правительства, социал-демократические рабочие России уже издают первые нелегальные воззвания против войны, исполняя долг перед демократией и Интернационалом.

Если представители революционной социал-демократии в лице меньшинства немецких с.-д. и лучших с.-д. в нейтральных странах испытывают жгучее чувство стыда по поводу этого краха II Интернационала; если голоса социалистов против шовинизма большинства с.-д. партий раздаются и в Англии и во Франции; если оппортунисты в лице, например, германского «Социалистического Ежемесячника» («Sozialistische Monatshefte»), давно стоящие на национал-либеральной позиции, вполне законно торжествуют свою победу над европейским социализмом, — то наихудшую услугу пролетариату оказывают те колеблющиеся между оппортунизмом и революционной социал-демократией люди (подобно «центру» в германской с.-д. партии), которые пытаются замалчивать или прикрывать дипломатическими фразами крах II Интернационала.

Напротив, надо открыто признать этот крах и понять его причины, чтобы можно было строить новое, более прочное социалистическое сплочение рабочих всех стран.

Оппортунисты сорвали решения Штутгартского¹⁶, Копенгагенского¹⁷ и Базельского¹⁸ конгрессов, обязывавшие социалистов всех стран бороться против шовинизма при всех и всяких условиях, обязывавшие социалистов на всякую войну, начатую буржуазией и правительствами, отвечать усиленною проповедью гражданской войны и социальной революции. Крах II Интернационала есть крах оппортунизма, который вырастал на почве особенностей миновавшей (т. наз. «мирной») исторической эпохи и получил в последние годы фактическое господство в Интернационале. Оппортунисты давно готовили этот крах, отрицая социалистическую революцию и подменяя ее буржуазным реформизмом; — отрицая классовую борьбу, с ее необходимым превращением в известные

моменты в гражданскую войну, и проповедуя сотрудничество классов; — проповедуя буржуазный шовинизм под названием патриотизма и защиты отечества и игнорируя или отрицая основную истину социализма, изложенную еще в Коммунистическом Манифесте, что рабочие не имеют отечества; — ограничиваясь в борьбе с милитаризмом сентиментально-мещанской точкой зрения вместо признания необходимости революционной войны пролетариев всех стран против буржуазии всех стран; — превращая необходимое использование буржуазного парламентаризма и буржуазной легальности в фетишизирование этой легальности и забвение обязательности нелегальных форм организации и агитации в эпохи кризисов. Естественное «дополнение» оппортунизма, — столь же буржуазное и враждебное пролетарской, т. е. марксистской точке зрения, — анархо-синдикалистское течение ознаменовало себя не менее позорно самодовольным повторением лозунгов шовинизма во время современного кризиса.

Нельзя выполнить задачи социализма в настоящее время, нельзя осуществить действительное интернациональное сплочение рабочих без решительного разрыва с оппортунизмом и разъяснения массам неизбежности его фиаско.

Задачей с.-д. каждой страны должна быть в первую голову борьба с шовинизмом данной страны. В России этот шовинизм всецело охватил буржуазный либерализм («кадеты») и частью народников вплоть до с.-р. и «правых» с.-д. (В особенности обязательно заклеить шовинистские выступления, напр., Е. Смирнова, П. Маслова и Г. Плеханова, подхваченные и широко используемые буржуазно-«патриотической» печатью.)

При данном положении нельзя определить с точки зрения международного пролетариата, поражение которой из двух групп воюющих наций было бы наименьшим злом для социализма. Но для нас, русских с.-д., не может подлежать сомнению, что с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии, самого реакционного и варварского правительства, угнетающего наибольшее количество наций и наибольшую массу населения Европы и Азии.

Ближайшим политическим лозунгом с.-д. Европы должно быть образование республиканских Соединенных Штатов

Европы, причем в отличие от буржуазии, которая готова «обещать» что угодно, лишь бы вовлечь пролетариат в общий поток шовинизма, с.-д. будут разъяснять всю лживость и бессмысленность этого лозунга без революционного низвержения монархий германской, австрийской и русской.

В России задачами с.-д. ввиду наибольшей отсталости этой страны, не завершившей еще своей буржуазной революции, должны быть попрежнему три основные условия последовательного демократического преобразования: демократическая республика (при полном равноправии и самоопределении всех наций), конфискация помещичьих земель и 8-часовой рабочий день. Но во всех передовых странах война ставит на очередь лозунг социалистической революции, который становится тем насущнее, чем больше ложатся тяжести войны на плечи пролетариата, чем активнее должна будет стать его роль при воссоздании Европы, после ужасов современного «патриотического» варварства в обстановке гигантских технических успехов крупного капитализма. Использование буржуазией законов военного времени для полного затыкания рта пролетариату ставит перед ним безусловную задачу создания нелегальных форм агитации и организации. Пусть оппортунисты «берегут» легальные организации ценой измены своим убеждениям, — революционные с.-д. используют организационные навыки и связи рабочего класса для создания соответствующих эпохе кризиса нелегальных форм борьбы за социализм и сплочения рабочих не с шовинистской буржуазией своей страны, а с рабочими всех стран. Пролетарский Интернационал не погиб и не погибнет. Рабочие массы через все препятствия создадут новый Интернационал. Нынешнее торжество оппортунизма недолговечно. Чем больше будет жертв войны, тем яснее будет для рабочих масс измена рабочему делу со стороны оппортунистов и необходимость обратить оружие против правительств и буржуазии каждой страны.

Преобразование современной империалистской войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом иммуны, намеченный Базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистской войны между высоко

развитыми буржуазными странами. Как бы ни казались велики трудности такого превращения в ту или иную минуту, социалисты никогда не откажутся от систематической, настойчивой, неуклонной подготовительной работы в этом направлении, раз война стала фактом.

Только на этом пути пролетариат сможет вырваться из своей зависимости от шовинистской буржуазии и, в той или иной форме, более или менее быстро, сделать решительные шаги по пути к действительной свободе народов и по пути к социализму.

Да здравствует международное братство рабочих против шовинизма и патриотизма буржуазии всех стран!

Да здравствует пролетарский Интернационал, освобожденный от оппортунизма!

*Центральный Комитет
Российской С.-Д. Рабочей Партии*

ПОЛОЖЕНИЕ И ЗАДАЧИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Тяжелее всего в теперешнем кризисе — победа буржуазного национализма, шовинизма над большинством официальных представителей европейского социализма. Недаром буржуазные газеты всех стран то издеваются над ними, то снисходительно похваливают их. И нет задачи важнее для того, кто хочет остаться социалистом, как выяснение причин социалистического кризиса и анализ задач Интернационала.

Есть люди, которые боятся признать ту истину, что кризис, вернее: крах II Интернационала есть крах оппортунизма.

Ссылаются на единомышленников, напр., французских социалистов, на полную будто бы перетасовку старых фракций в социализме по вопросу об отношении к войне. Но эти ссылки неправильны.

Защита сотрудничества классов, отречение от идеи социалистической революции и от революционных методов борьбы, приспособление к буржуазному национализму, забвение исторически-преходящих границ национальности или отечества, превращение в фетиш буржуазной легальности, отказ от классовой точки зрения и классовой борьбы из боязни оттолкнуть от себя «широкие массы населения» (читай: мелкую буржуазию) — таковы, несомненно, идейные основы оппортунизма. Именно на этой почве и выросло теперешнее шовинистское, патристическое настроение большинства вождей II Интернационала. Фактическое преобладание оппортунистов среди них давно отмечалось с самых различных сторон различными наблюдателями. Война лишь вскрыла особенно быстро и

остро действительные размеры этого преобладания. Что необычайная острота кризиса вызвала ряд перетасовок в старых фракциях, — это не удивительно. Но в общем и целом эти перетасовки коснулись только личностей. Направления внутри социализма остались прежние.

Среди французских социалистов нет полного единодушия. Сам Вальян, ведущий шовинистскую линию вместе с Гедом, Плехановым, Эрве и др., вынужден признать, что он получает ряд писем от протестующих французских социалистов, указывающих, что война есть империалистская война, что французская буржуазия не менее других повинна в ней. Не надо забывать, что такие голоса заглушает не только восторжествовавший оппортунизм, но и военная цензура. У англичан группа Гайндмана (английские социал-демократы — «Британская социалистическая партия») ¹⁹ вполне скатилась к шовинизму, как и большинство полулиберальных вождей тред-юнионов. Отпор шовинизму дают Макдональд и Кейр-Гарди из оппортунистической «Независимой рабочей партии» ²⁰. Это — действительно исключение из правила. Но некоторые революционные социал-демократы, давно боровшиеся с Гайндманом, вышли теперь из рядов «Британской социалистической партии». У немцев картина ясна: оппортунисты победили, они ликуют, они «в своей тарелке». «Центр» с Каутским во главе скатился к оппортунизму и защищает его особенно лицемерными, пошлыми и самодовольными софизмами. Из среды революционных социал-демократов раздаются протесты — Меринга, Паннекука, К. Либкнехта, ряда безыменных голосов в Германии и в немецкой Швейцарии. В Италии тоже ясная группировка: крайние оппортунисты, Биссолати и К^о, за «отечество», за Геду — Вальяна — Плеханова — Эрве. Революционные социал-демократы («социалистическая партия») с «Avanti!»* во главе борется с шовинизмом и разоблачает буржуазно-корыстный характер призывов к войне, встречая поддержку огромного большинства передовых рабочих ²¹. В России крайние оппортунисты из лагеря ликвидаторов уже подняли свой голос в защиту шовинизма на рефератах и в печати. П. Маслов и Е. Смирнов защищают царизм под предлогом защиты отечества (Германия, ви-

* — «Вперед!». Ред.

дите ли, грозит «силой меча» навязать «нам» торговые договоры, тогда как царизм, должно быть, не силой меча, кнута и виселицы душил и душит экономическую, политическую и национальную жизнь $\frac{9}{10}$ населения России!) и оправдывают вступление социалистов в буржуазно-реакционные министерства и голосование сегодня за военные кредиты, завтра за новые вооружения! К национализму скатился Плеханов, прикрывая свой русский шовинизм французофильством, и Алексинский. Мартов, если судить по парижскому «Голосу»²², держится всех приличнее из этой компании, давая отпор шовинизму и германскому и французскому, восставая и против «Vorwärts'a»*, и против г. Гайндмана, и против Маслова, но боясь объявить решительную войну всему международному оппортунизму и его «влиятельнейшему» защитнику, «центру» немецкой социал-демократии. Попытки представить волонтерство, как осуществление социалистических задач (см. декларацию группы русских волонтеров в Париже, социал-демократов и социал-революционеров, а также польских социал-демократов, Ледера и др.), встретили защиту только Плеханова. Большинство Парижской секции нашей партии осудило эти попытки. Позицию ЦК нашей партии читатели видят из передовой статьи настоящего номера**. К истории того, как сложилась формулировка взглядов нашей партии, мы должны — во избежание недоразумений — установить следующие факты: группа членов нашей партии, преодолевая громадные трудности восстановления организационных связей, прерванных войной, выработала сначала «тезисы» и 6—8 сентября нового стиля пустила их в обращение между товарищами. Затем она передала их через швейцарских социал-демократов двум членам итало-швейцарской конференции в Лугано (27 сентября). Только в половине октября удалось восстановить связи и сформулировать точку зрения ЦК партии. Передовая статья этого номера есть окончательная редакция «тезисов».

Таково, вкратце, положение дел в европейской и российской социал-демократии. Крах Интернационала налицо. Полемика в печати между французскими и немецкими социалистами окончательно доказала это. Не только

* — «Вперед». Ред.

** См. настоящий том, стр. 9—18. Ред.

левые социал-демократы (Меринг и «Bremer Bürger-Zeitung»*), но и умеренные швейцарские органы («Volksrecht»**) признали это. Попытки Каутского заглушить этот крах — трусливая увертка. И этот крах есть именно крах оппортунизма, оказавшегося в плену у буржуазии.

Позиция буржуазии ясна. Не менее ясно и то, что оппортунисты просто повторяют слепо ее доводы. К сказанному в передовице остается разве добавить простое указание на издевательские речи «Neue Zeit»***, будто интернационализм состоит как раз в стрельбе рабочих одной страны против рабочих другой во имя защиты отечества!

Вопрос об отечестве — ответим мы оппортунистам — нельзя ставить, игнорируя конкретно-исторический характер данной войны. Это — война империалистическая, т. е. война эпохи наиболее развитого капитализма, эпохи конца капитализма. Рабочий класс должен сначала «устроиться в пределах нации» — говорит «Коммунистический Манифест», указывая при этом *границы и условия* нашего признания национальности и отечества, как необходимых форм буржуазного строя, а, следовательно, и буржуазного отечества. Оппортунисты извращают эту истину, перенося то, что верно по отношению к эпохе возникновения капитализма, на эпоху конца капитализма. А об этой эпохе, о задачах пролетариата в борьбе за разрушение не феодализма, а капитализма, ясно и определенно говорит Коммунистический Манифест: «рабочие не имеют отечества». Понятно, почему оппортунисты боятся признать эту истину социализма, боятся даже в большинстве случаев открыто посчитаться с ней. Социалистическое движение не может победить в старых рамках отечества. Оно творит новые, высшие формы человеческого общежития, когда законные потребности и прогрессивные стремления трудящихся масс *всякой* национальности будут впервые удовлетворены в интернациональном единстве при условии уничтожения теперешних национальных перегородок. На попытки современной буржуазии разделить и разъединить рабочих посредством лицемерных ссылок на «защиту отечества» сознательные рабочие ответят но-

* — «Бременская Гражданская Газета». Ред.

** — «Народное Право». Ред.

*** — «Новое Время». Ред.

выми и новыми, повторными и повторными попытками установить единство рабочих разных наций в борьбе за свержение господства буржуазии всех наций.

Буржуазия одурачивает массы, прикрывая империалистический грабеж старой идеологией «национальной войны». Пролетариат разоблачает этот обман, провозглашая лозунг превращения империалистической войны в гражданскую войну. Именно этот лозунг наметен Штутгартской и Базельской резолюциями, которые как раз предвидели не войну вообще, а именно теперешнюю войну, и которые говорили не о «защите отечества», а об «ускорении краха капитализма», об использовании для этой цели кризиса, создаваемого войной, о примере Коммуны. Коммуна была превращением войны народов в гражданскую войну.

Такое превращение, конечно, не легко и не может быть произведено «по желанию» отдельных партий. Но именно такое превращение лежит в объективных условиях капитализма вообще, эпохи конца капитализма в особенности. И в этом направлении, только в этом направлении должны вести свою работу социалисты. Не вотировать военных кредитов, не потакать шовинизму «своей» страны (и союзных стран), бороться в первую голову с шовинизмом «своей» буржуазии, не ограничиваться легальными формами борьбы, когда наступил кризис и буржуазия сама отняла созданную ею легальность, — вот та линия работы, которая *ведет* к гражданской войне и приведет к ней в тот или иной момент всеевропейского пожара.

Война — не случайность, не «грех», как думают христианские попы (проповедующие патриотизм, гуманность и мир не хуже оппортунистов), а неизбежная ступень капитализма, столь же законная форма капиталистической жизни, как и мир. Война наших дней есть народная война. Из этой истины следует не то, что надо плыть по «народному» течению шовинизма, а то, что и в военное время, и на войне, и по-военному продолжают существовать и будут проявлять себя классовые противоречия, раздражающие народы. Отказ от военной службы, стачка против войны и т. п. есть простая глупость, убогая и трусливая мечта о безоружной борьбе с вооруженной буржуазией, вздыхание об уничтожении капитализма без отчаянной гражданской войны или ряда войн. Пропаганда

классовой борьбы и в войске есть долг социалиста; работа, направленная к превращению войны народов в гражданскую войну, есть единственная социалистическая работа в эпоху империалистического вооруженного столкновения буржуазии всех наций. Долой поповски-сентиментальные и глупенькие вздыхания о «мире во что бы то ни стало!» Поднимем знамя гражданской войны! Империализм поставил на карту судьбу европейской культуры: за данной войной, если не будет ряда успешных революций, последуют вскоре другие войны — сказка о «последней войне» есть пустая, вредная сказка, мещанская «мифология» (по верному выражению «Голоса»). Пролетарское знамя гражданской войны не сегодня, так завтра, — не во время теперешней войны, так после нее, — не в эту, так в ближайшую следующую войну, соберет вокруг себя не только сотни тысяч сознательных рабочих, но и миллионы одураченных ныне шовинизмом полупролетариев и мелких буржуа, которых ужасы войны будут не только заугивать и забивать, но и просвещать, учить, будить, организовать, закалять и готовить к войне против буржуазии и «своей» страны и «чужих» стран.

II Интернационал умер, побежденный оппортунизмом. Долой оппортунизм и да здравствует очищенный не только от «перебежчиков» (как желает «Голос»), но и от оппортунизма III Интернационал.

II Интернационал выполнил свою долю полеаной подготовительной работы по предварительной организации пролетарских масс в долгую «мирную» эпоху самого жестокого капиталистического рабства и самого быстрого капиталистического прогресса последней трети XIX и начала XX века. III Интернационалу предстоит задача организации сил пролетариата для революционного нажима на капиталистические правительства, для гражданской войны против буржуазии всех стран за политическую власть, за победу социализма!

ПИСЬМО В «VORWÄRTS» И WIENER «ARBEITER-ZEITUNG»

Уважаемые товарищи!

На днях по поводу моего реферата о войне и социализме, прочитанного в Цюрихе, «Vorwärts» поместил краткую заметку, которая дает совершенно неверное представление о нем. Заметка создает впечатление, как будто бы я ограничился полемикой против царизма. В действительности же я, будучи убежден, что долг социалистов каждой страны вести беспощадную борьбу с шовинизмом и патриотизмом собственной (а не только неприятельской) страны, резко нападал на царизм и в связи с этим говорил о свободе Украины. Но смысл моих рассуждений совершенно извращается, если ни одним словом не упомянуть о том, что я говорил о крахе II Интернационала, об оппортунизме и против позиции немецкой и австрийской социал-демократии. Девять десятых моего двухчасового реферата были посвящены этой критике.

Я был бы Вам очень обязан, если бы Вы смогли напечатать эти указанные дополнения в «Vorwärts'e» (или...) ²³.

С с.-д. приветом...

*Написано между 29 октября и
8 ноября (11 и 21 ноября) 1914 г.*

*Впервые напечатано в 1930 г.
в Ленинском сборнике XIV*

*Печатается по рукописи
Перевод с немецкого*

КАРЛ МАРКС³⁴
(КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
С ИЗЛОЖЕНИЕМ МАРКСИЗМА)

Написано в июле — ноябре 1914 г.

*Впервые напечатано в 1915 г.
в Энциклопедическом словаре
Гранат, издание 7-е, том 28
Подпись: В. Ильин*

*Печатается по рукописи, сверенной
стеклом брошюры издания 1918 г.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выходящая ныне отдельным оттиском статья о Карле Марксе написана была мной в 1913 (насколько помню) году для словаря Граната. В конце статьи было приложено довольно подробное указание литературы о Марксе, преимущественно иностранной. Это в настоящем издании выпущено. Затем редакция словаря, с своей стороны, по цензурным соображениям выбросила конец статьи о Марксе, посвященный изложению его революционной тактики. К сожалению, я лишен возможности воспроизвести здесь этот конец, ибо черновик остался где-то в моих бумагах в Кракове или в Швейцарии. Помню только, что в этом конце статьи я приводил, между прочим, то место из письма Маркса к Энгельсу от 16. IV. 1856 г., где Маркс писал: «Все дело в Германии будет зависеть от возможности подкрепить пролетарскую революцию своего рода вторым изданием крестьянской войны. Тогда дело будет отлично». Вот чего не поняли с 1905-го года наши меньшевики, докатившиеся теперь до полной измены социализму, до перехода на сторону буржуазии.

Н. Ленин

Москва, 14. V. 1918.

*Напечатано в 1918 г. в брошюре:
Н. Ленин. «Карл Маркс». Изд.
«Прибой». Москва*

Печатается по рукописи

Маркс Карл родился 5 мая нового стиля 1818 г. в городе Трире (прирейнская Пруссия). Отец его был адвокат, еврей, в 1824 г. принявший протестантство. Семья была зажиточная, культурная, но не революционная. Окончив гимназию в Трире, Маркс поступил в университет, сначала в Бонне, потом в Берлине, изучал юридические науки, но больше всего историю и философию. Окончил курс в 1841 г., представив университетскую диссертацию о философии Эпикура. По взглядам своим Маркс был еще тогда гегельянцем-идеалистом. В Берлине он примыкал к кружку «левых гегельянцев» (Бруно Бауэр и др.), которые стремились делать из философии Гегеля атеистические и революционные выводы.

По окончании университета Маркс переселился в Бонн, рассчитывая стать профессором. Но реакционная политика правительства, которое в 1832 г. лишило кафедры Людвига Фейербаха и в 1836 г. снова отказалось пустить его в университет, а в 1841 г. отняло право читать лекции в Бонне у молодого профессора Бруно Бауэра, заставила Маркса отказаться от ученой карьеры. Развитие взглядов левого гегельянства в Германии шло в это время вперед очень быстро. Людвиг Фейербах в особенности с 1836 г. начинает критиковать теологию и поворачивать к материализму, который вполне берет верх у него в 1841 г. («Сущность христианства»); в 1843 г. выпил его же «Основные положения философии будущего». «Надо было пережить освободительное действие» этих книг — писал Энгельс впоследствии об этих сочинениях Фейербаха. «Мы» (т. е. левые гегельянцы, Маркс в том числе) «стали сразу фейер-

Первая страница
рукописи В. И. Ленинна
«Маркс Карл»
Июль — ноябрь 1914 г.

бахиянцами». В это время рейнские радикальные буржуа, имевшие точки соприкосновения с левыми гегельянцами, основали в Кёльне оппозиционную газету: «Рейнскую Газету» (начала выходить с 1 января 1842 г.). Маркс и Бруно Бауэр были приглашены в качестве главных сотрудников, а в октябре 1842 г. Маркс сделался главным редактором и переселился из Бонна в Кёльн. Революционно-демократическое направление газеты при редакторстве Маркса становилось все определеннее, и правительство сначала подчинило газету двойной и тройной цензуре, а затем решило вовсе закрыть ее 1 января 1843 г. Марксу пришлось к этому сроку оставить редакторство, но его уход все же не спас газеты, и она была закрыта в марте 1843 г. Из наиболее крупных статей Маркса в «Рейнской Газете» Энгельс отмечает, кроме указанных ниже (см. *Литературу*), еще статью о положении крестьян-виноделов в долине Мозеля. Газетная работа показала Марксу, что он недостаточно знаком с политической экономией, и он усердно принялся за ее изучение.

В 1843 г. Маркс женился в Крейцнахе на Дженни фон Вестфален, подруге детства, с которой он был обручен еще будучи студентом. Жена его принадлежала к прусской реакционной дворянской семье. Ее старший брат был министром внутренних дел в Пруссии в одну из самых реакционных эпох, 1850—1858 гг. Осенью 1843 г. Маркс приехал в Париж, чтобы издавать за границей, вместе с Арнольдом Руге (1802—1880; левый гегельянец, 1825—1830 в тюрьме, после 1848 г. эмигрант; после 1866—1870 бисмаркианец), радикальный журнал. Вышла лишь первая книжка этого журнала «Немецко-Французский Ежегодник». Он прекратился из-за трудностей тайного распространения в Германии и из-за разногласий с Руге. В своих статьях в этом журнале Маркс выступает уже как революционер, провозглашающий «беспощадную критику всего существующего» и в частности «критику оружия»²⁵, апеллирующий к *массам* и к *пролетариату*.

В сентябре 1844 г. в Париж приехал на несколько дней Фридрих Энгельс, ставший с тех пор ближайшим другом Маркса. Они вдвоем приняли самое горячее участие в тогдашней кипучей жизни революционных групп Парижа (особенное значение имело учение Прудона, с которым Маркс решительно рассчитался в своей «Нищете

философии», 1847 г.) и выработали, резко борясь с различными учениями мелкобуржуазного социализма, теорию и тактику революционного *пролетарского социализма* или коммунизма (марксизма). См. соч. Маркса этой эпохи, 1844—1848 гг., ниже: *Литература*. В 1845 г. Маркс по настоянию прусского правительства, как опасный революционер, был выслан из Парижа. Он переехал в Брюссель. Весной 1847 г. Маркс и Энгельс примкнули к тайному пропагандистскому обществу: «Союзу коммунистов», приняли выдающееся участие на II съезде этого союза (ноябрь 1847 г. в Лондоне) и, по его поручению, составили вышедший в феврале 1848 г. знаменитый «Манифест Коммунистической Партии». В этом произведении с гениальной ясностью и яркостью обрисовано новое миросозерцание, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества.

Когда разразилась февральская революция 1848 г., Маркс был выслан из Бельгии. Он приехал опять в Париж, а оттуда, после мартовской революции, в Германию, именно в Кёльн. Там выходила с 1 июня 1848 по 19 мая 1849 г. «Новая Рейнская Газета»; главным редактором ее был Маркс. Новая теория была блестяще подтверждена ходом революционных событий 1848—1849 гг., как подтверждали ее впоследствии все пролетарские и демократические движения всех стран мира. Победившая контрреволюция сначала отдала Маркса под суд (оправдан 9 февраля 1849 г.), а потом выслала из Германии (16 мая 1849 г.). Маркс отправился сначала в Париж, был выслан и оттуда после демонстрации 13 июня 1849 г. и уехал в Лондон, где и жил до самой смерти.

Условия эмигрантской жизни, особенно наглядно вскрытые перепешкой Маркса с Энгельсом (изд. в 1913 г.), были крайне тяжелы. Нужда прямо душила Маркса и его семью; не будь постоянной самоотверженной финансовой поддержки Энгельса, Маркс не только не мог бы кончить «Капитала», но и неминуемо погиб бы под гнетом нищеты. Кроме того, преобладающие учения и течения мелкобуржуазного, вообще непролетарского социализма вынуждали

Маркса постоянно к беспощадной борьбе, иногда к отражению самых бешеных и диких личных нападков («Негг Vogt»^{*}). Сторонясь от эмигрантских кружков, Маркс в ряде исторических работ (см. *Литературу*) разрабатывал свою материалистическую теорию, посвящая главным образом силы изучению политической экономии. Эту науку Маркс революционизировал (см. ниже *учение Маркса*) в своих сочинениях «К критике политической экономии» (1859) и «Капитал» (т. I. 1867).

Эпоха оживления демократических движений конца 50-х и 60-х гг. снова призвала Маркса к практической деятельности. В 1864 г. (28 сентября) был основан в Лондоне знаменитый I Интернационал, «Международное товарищество рабочих». Маркс был душой этого общества, автором его первого «Обращения» и массы резолюций, заявлений, манифестов. Объединяя рабочее движение разных стран, стараясь направить в русло совместной деятельности различные формы непролетарского, домарксистского социализма (Мадзини, Прудон, Бакунин, английский либеральный тред-юнионизм, лассальянские качания вправо в Германии и т. п.), борясь с теориями всех этих сект и школок, Маркс выковывал единую тактику пролетарской борьбы рабочего класса в различных странах. После падения Парижской Коммуны (1871), которую так глубоко, метко, блестяще и *действительно*, революционно оценил Маркс («Гражданская война во Франции» 1871), и после раскола Интернационала бакунистами, существование его в Европе стало невозможным. Маркс провел после конгресса Интернационала в Гааге (1872) перенесение Генерального совета Интернационала в Нью-Йорк. I Интернационал кончил свою историческую роль, уступив место эпохе неизмеримо более крупного роста рабочего движения во всех странах мира, именно эпохе роста его *вширь*, создания *массовых* социалистических рабочих партий на базе отдельных национальных государств.

Усиленная работа в Интернационале и еще более усиленные теоретические занятия окончательно подорвали здоровье Маркса. Он продолжал свою переработку политической экономии и окончание «*Капитала*», собирая массу

* — «Господин Фогт». *Ред.*

новых материалов и изучая ряд языков (напр., русский), но окончить «Капитал» не дала ему болезнь.

2 декабря 1881 г. умерла его жена. 14 марта 1883 г. Маркс тихо заснул навеки в своем кресле. Он похоронен, вместе со своей женой, на кладбище Хайгейт в Лондоне. Из детей Маркса несколько умерло в детском возрасте в Лондоне, когда семья сильно бедствовала. Три дочери были замужем за социалистами Англии и Франции: Элеонора Эвеллинг, Лаура Лафарг и Джени Лонгэ. Сын последней — член французской социалистической партии.

УЧЕНИЕ МАРКСА

Марксизм — система взглядов и учения Маркса. Маркс явился продолжателем и гениальным завершителем трех главных идейных течений XIX века, принадлежащих трем наиболее передовым странам человечества: классической немецкой философии, классической английской политической экономии и французского социализма в связи с французскими революционными учениями вообще. Признаваемая даже противниками Маркса замечательная последовательность и цельность его взглядов, дающих в совокупности современный материализм и современный научный социализм, как теорию и программу рабочего движения всех цивилизованных стран мира, заставляет нас предпослать изложению главного содержания марксизма, именно: экономического учения Маркса, краткий очерк его мирозерцания вообще.

ФИЛОСОФСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Начиная с 1844—1845 гг., когда сложились взгляды Маркса, он был материалистом, в частности сторонником Л. Фейербаха, усматривая и впоследствии его слабые стороны исключительно в недостаточной последовательности и всесторонности его материализма. Всемирно-историческое, «составляющее эпоху» значение Фейербаха Маркс видел именно в решительном разрыве с идеализмом Гегеля и в провозглашении материализма, который еще «в XVIII веке особенно во Франции был борьбой не только против существующих политических учреждений, а вместе с тем против религии и теологии, но и... против всякой метафизики» (в смысле «пьяной спекуляции» в отличие

от «трезвой философии») («Святое семейство» в «Литературном Наследстве»). «Для Гегеля — писал Маркс — процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург (творец, соиздатель) действительного... У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» («Капитал», I, предисловие к 2 изд.). В полном соответствии с этой материалистической философией Маркса и излагая ее, Фр. Энгельс писал в «Анти-Дюринге» (см.): — Маркс ознакомился с этим сочинением в рукописи — ... «Единство мира состоит не в его бытии, а в его материальности, которая доказывается... долгим и трудным развитием философии и естествознания... Движение есть форма бытия материи. Нигде и никогда не бывало и не может быть материи без движения, движения без материи... Если поставить вопрос, ... что такое мышление и познание, откуда они берутся, то мы увидим, что они — продукты человеческого мозга и что сам человек — продукт природы, развившийся в известной природной обстановке и вместе с ней. Само собою разумеется в силу этого, что продукты человеческого мозга, являющиеся в последнем счете тоже продуктами природы, не противоречат остальной связи природы, а соответствуют ей». «Гегель был идеалист, т. е. для него мысли нашей головы были не отражениями (Abbilder, отображениями, иногда Энгельс говорит об «оттисках»), более или менее абстрактными, действительных вещей и процессов, а, наоборот, вещи и развитие их были для Гегеля отражениями какой-то идеи, существовавшей где-то до возникновения мира». В своем сочинении «Людвиг Фейербах», в котором Фр. Энгельс излагает свои и Маркса взгляды на философию Фейербаха и которое Энгельс отправил в печать, предварительно перечитав старую рукопись свою и Маркса 1844—1845 гг. по вопросу о Гегеле, Фейербахе и материалистическом понимании истории, Энгельс пишет: «Великим основным вопросом всякой, а особенно новейшей философии является вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе... что чему предшествует: дух природе или природа духу... Философы разделились на два больших лагеря, сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, и которые,

следовательно, так или иначе признавали сотворение мира, ...составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма». Всякое иное употребление понятий (философского) идеализма и материализма ведет лишь к путанице. Маркс решительно отвергал не только идеализм, всегда связанный так или иначе с религией, но и распространенную особенно в наши дни точку зрения Юма и Канта, агностицизм, критицизм, позитивизм в различных видах, считая подобную философию «реакционной» уступкой идеализму и в лучшем случае «стыдливый пропусканием через заднюю дверь материализма, изгоняемого на глазах публики». См. по этому вопросу, кроме названных сочинений Энгельса и Маркса, письмо последнего к Энгельсу от 12 декабря 1868 г., где Маркс, отмечая «более материалистическое», чем обычно, выступление известного естествоиспытателя Т. Гёксли и его признание, что, поскольку «мы действительно наблюдаем и мыслим, мы не можем никогда сойти с почвы материализма», упрекает его за «лазейку» в сторону агностицизма, юмизма. В особенности надо отметить взгляд Маркса на отношение свободы к необходимости: «следа необходимость, пока она не сознана. Свобода есть сознание необходимости» (Энгельс в «Анти-Дюринге») = признание объективной закономерности природы и диалектического превращения необходимости в свободу (наравне с превращением непознанной, но познаваемой, «вещи в себе» в «вещь для нас», «сущности вещей» в «явления»). Основным недостатком «старого», в том числе и фейербаховского (а тем более «вульгарного», Бюхнера-Фогта-Мошотта) материализма Маркс и Энгельс считали (1) то, что этот материализм был преимущественно механическим, не учитывая новейшего развития химии и биологии (а в наши дни следовало бы еще добавить: электрической теории материи); (2) то, что старый материализм был неисторичен, недиалектичен (метафизичен в смысле антидиалектики), не проводил последовательно и всесторонне точки зрения развития; (3) то, что они «сущность человека» понимали абстрактно, а не как «совокупность» (определенных конкретно-исторически) «всех общественных отношений» и потому только «объясняли» мир, тогда когда дело идет об «изменении» его, т. е. не понимали значения «революционной практической деятельности».

ДИАЛЕКТИКА

Гегелевскую диалектику, как самое всестороннее, богатое содержанием и глубокое учение о развитии, Маркс и Энгельс считали величайшим приобретением классической немецкой философии. Всякую иную формулировку принципа развития, эволюции, они считали односторонней, бедной содержанием, уродующей и калечащей действительный ход развития (нередко со скачками, катастрофами, революциями) в природе и в обществе. «Мы с Марксом были едва ли не единственными людьми, поставившими себе задачу спасти» (от разгрома идеализма и гегельянства в том числе) «сознательную диалектику и перевести ее в материалистическое понимание природы». «Природа есть подтверждение диалектики, и как раз новейшее естествознание показывает, что это подтверждение необыкновенно богато» (писано до открытия радия, электронов, превращения элементов и т. п.), «накопляющее ежедневно массу материала и доказывающее, что дела обстоят в природе в последнем счете диалектически, а не метафизически».

«Великая основная мысль, — пишет Энгельс, — что мир состоит не из готовых, законченных предметов, а представляет собой совокупность процессов, в которой предметы, кажущиеся неизменными, равно как и делаемые головой мысленные их снимки, понятия, находятся в непрерывном изменении, то возникают, то уничтожаются, — эта великая основная мысль со времени Гегеля до такой степени вошла в общее сознание, что едва ли кто-нибудь станет оспаривать ее в ее общем виде. Но одно дело признавать ее на словах, другое дело — применять ее в каждом отдельном случае и в каждой данной области исследования». «Для диалектической философии нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем видит она печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед нею, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему. Она сама является лишь простым отражением этого процесса в мыслящем мозгу». Таким образом диалектика, по Марксу, есть «наука об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления».

Эту, революционную, сторону философии Гегеля воспринял и развил Маркс. Диалектический материализм

«не нуждается ни в какой философии, стоящей над прочими науками». От прежней философии остается «учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика». А диалектика, в понимании Маркса и согласно также Гегелю, включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией, которая должна рассматривать свой предмет равным образом исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переход от незнания к познанию.

В наше время идея развития, эволюции, вошла почти всецело в общественное сознание, но иными путями, не через философию Гегеля. Однако эта идея в той формулировке, которую дали Маркс и Энгельс, опираясь на Гегеля, гораздо более всесторонняя, гораздо богаче содержанием, чем ходячая идея эволюции. Развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе («отрицание отрицания»), развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии; — развитие скачкообразное, катастрофическое, революционное; — «перерывы постепенности»; превращение количества в качество; — внутренние импульсы к развитию, даваемые противоречием, столкновением различных сил и тенденций, действующих на данное тело или в пределах данного явления или внутри данного общества; — взаимозависимость и теснейшая, неразрывная связь *всех* сторон каждого явления (причем история открывает все новые и новые стороны), связь, дающая единый, закономерный мировой процесс движения, — таковы некоторые черты диалектики, как более содержательного (чем обычное) учения о развитии. (Ср. письмо Маркса к Энгельсу от 8 января 1868 г. с насмешкой над «деревянными трихотомиями» Штейна, которые нелепо смешивать с материалистической диалектикой.)

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ИСТОРИИ

Сознание непоследовательности, незавершенности, односторонности старого материализма привело Маркса к убеждению в необходимости «согласовать науку об обществе с материалистическим основанием и перестроить ее соответственно этому основанию». Если материализм вообще объясняет сознание из бытия, а не наоборот, то в применении к общественной жизни человечества материализм

требовал объяснения *общественного* сознания из *общественного* бытия. «Технология — говорит Маркс («Капитал», I) — вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и проистекающих из них духовных представлений». Целную формулировку основных положений материализма, распространенного на человеческое общество и его историю, Маркс дал в предисловии к сочинению «К критике политической экономии» в следующих словах:

«В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли независящие, отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил.

Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением этого — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче: от идеологических форм, в которых люди сознают этот конфликт и борются с ним.

Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить

о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями... «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации». (Ср. краткую формулировку Маркса в письме к Энгельсу от 7 июля 1866 г.: «Наша теория об определении организации труда средствами производства».)

Открытие материалистического понимания истории или, вернее, последовательное продолжение, распространение материализма на область общественных явлений, устранило два главных недостатка прежних исторических теорий. Во-1-х, они в лучшем случае рассматривали лишь идейные мотивы исторической деятельности людей, не исследуя того, чем вызываются эти мотивы, не улавливая объективной закономерности в развитии системы общественных отношений, не усматривая корней этих отношений в степени развития материального производства; во-2-х, прежние теории не охватывали как раз действий *масс* населения, тогда как исторический материализм впервые дал возможность с естественно-исторической точностью исследовать общественные условия жизни масс и изменения этих условий. Домарксовская «социология» и историография в *лучшем* случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса. Марксизм указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая *совокупность* всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных *классов* общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных «главенствующих» идей или в толковании их, вскрывая *корни* без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил. Люди сами творят свою историю, но чем определяются мотивы людей и именно масс людей, чем вызываются столкновения противоречивых идей и стремлений, какова совокупность всех этих столкновений всей

массы человеческих обществ, каковы объективные условия производства материальной жизни, создающие базу всей исторической деятельности людей, каков закон развития этих условий, — на все это обратил внимание Маркс и указал путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА

Что стремления одних членов данного общества идут в разрез с стремлениями других, что общественная жизнь полна противоречий, что история показывает нам борьбу между народами и обществами, а также внутри них, а кроме того еще смену периодов революции и реакции, мира и войн, застоя и быстрого прогресса или упадка, эти факты общеизвестны. [Марксизм дал руководящую нить, позволяющую открыть закономерность в этом кажущемся лабиринте и хаосе, именно: теорию классовой борьбы. Только изучение совокупности стремлений всех членов данного общества или группы обществ способно привести к научному определению результата этих стремлений. А источником противоречивых стремлений является различие в положении и условиях жизни тех классов, на которые каждое общество распадается. «История всех до сих пор существовавших обществ, — пишет Маркс в «Коммунистическом Манифесте» (за исключением истории первобытной общины — добавляет впоследствии Энгельс), — была историей борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов... Вышедшее из недр погибшего феодального общества современное буржуазное общество не уничтожило классовых противоречий. Оно только поставило новые классы, новые условия угнетения и новые формы борьбы на место старых. Наша эпоха, эпоха буржуазии, отличается однако тем, что она упростила классовые противоречия: общество все более и более раскалывается на два большие враждебные лагеря, на два большие, стоящие друг против друга, класса —

буржуазию и пролетариат». Со времени великой французской революции европейская история с особой наглядностью вскрывала в ряде стран эту действительную подкладку событий, борьбу классов. И уже эпоха реставрации во Франции выдвинула ряд историков (Тьерри, Гизо, Минье, Тьер), которые, обобщая происходящее, не могли не признать борьбы классов ключом к пониманию всей французской истории. А новейшая эпоха, эпоха полной победы буржуазии, представительных учреждений, широкого (если не всеобщего) избирательного права, дешевой, идущей в массы, ежедневной печати и т. п., эпоха могучих и все более широких союзов рабочих и союзов предпринимателей и т. д., показала еще нагляднее (хотя и в очень иногда односторонней, «мирной», «конституционной» форме) борьбу классов, как двигатель событий. Следующее место из «Коммунистического Манифеста» Маркса покажет нам, какие требования объективного анализа положения каждого класса в современном обществе, в связи с анализом условий развития каждого класса, предъявлял Маркс общественной науке: «Из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, только пролетариат представляет собою действительно революционный класс. Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности; пролетариат же есть ее собственный продукт. Средние сословия: мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин — все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели, как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории. Если они революционны, то постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не свои настоящие, а свои будущие интересы: поскольку они покидают свою собственную точку зрения для того, чтобы встать на точку зрения пролетариата». В ряде исторических сочинений (см. *Литературу*) Маркс дал блестящие и глубокие образцы материалистической историографии, анализа положения *каждого* отдельного класса и иногда различных групп или слоев внутри класса, показывая воочию, почему и как «всякая классовая борьба есть борьба политическая». Приведенный нами отрывок иллюстрирует, какую сложную

есть общественных отношений и *переходных* ступеней от одного класса к другому, от прошлого к будущему анализирует Маркс для учета всей равнодействующей исторического развития.

Наиболее глубоким, всесторонним и детальным подтверждением и применением теории Маркса является его экономическое учение.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ МАРКСА

«Конечной целью моего сочинения — говорит Маркс в предисловии к «Капиталу» — является открытие экономического закона движения современного общества», т. е. капиталистического, буржуазного общества. Исследование производственных отношений данного, исторически определенного, общества в их возникновении, развитии и упадке — таково содержание экономического учения Маркса. В капиталистическом обществе господствует производство *товаров*, и анализ Маркса начинается поэтому с анализа товара.

СТОИМОСТЬ

Товар есть, во-1-х, вещь, удовлетворяющая какой-либо потребности человека; во-2-х, вещь, обмениваемая на другую вещь. Полезность вещи делает ее *потребительной стоимостью*. Меновая стоимость (или просто стоимость) является прежде всего отношением, пропорцией при обмене известного числа потребительных стоимостей одного вида на известное число потребительных стоимостей другого вида. Ежедневный опыт показывает нам, что миллионы и миллиарды таких обменов приравнивают постоянно все и всякие, самые различные и несравнимые друг с другом, потребительные стоимости одну к другой. Что же есть общего между этими различными вещами, постоянно приравниваемыми друг к другу в определенной системе общественных отношений? Общее между ними то, что они — *продукты труда*. Обменивая продукты, люди приравнивают самые различные виды труда. Производство товаров есть система общественных отношений, при которой отдельные производители создают разнообразные продукты (общественное разделение труда), и все эти продукты приравниваются друг к другу при обмене. Следовательно, тем

общим, что есть во всех товарах, является не конкретный труд определенной отрасли производства, не труд одного вида, а *абстрактный* человеческий труд, человеческий труд вообще. Вся рабочая сила данного общества, представленная в сумме стоимостей всех товаров, является одной и той же человеческой рабочей силой: миллиарды фактов обмена доказывают это. И, следовательно, каждый отдельный товар представляется лишь известной долей *общественно-необходимого* рабочего времени. Величина стоимости определяется количеством общественно-необходимого труда или рабочим временем, общественно-необходимым для производства данного товара, данной потребительной стоимости. «Приравнивая свои различные продукты при обмене один к другому, люди приравнивают свои различные виды труда один к другому. Они не сознают этого, но они это делают». Стоимость есть отношение между двумя лицами — как сказал один старый экономист; ему следовало лишь добавить: отношение, прикрытое вещной оболочкой. Только с точки зрения системы общественных производственных отношений одной определенной исторической формации общества, притом отношений, проявляющихся в массовом, миллиарды раз повторяющемся явлении обмена, можно понять, что такое стоимость. «Как стоимости, товары суть лишь определенные количества застывшего рабочего времени». Проанализировав детально двойственный характер труда, воплощенного в товарах, Маркс переходит к анализу *формы стоимости* и *денег*. Главной задачей Маркса является при этом изучение *происхождения* денежной формы стоимости, изучение *исторического процесса* развертывания обмена, начиная с отдельных, случайных актов его («простая, отдельная или случайная форма стоимости»: данное количество одного товара обменивается на данное количество другого товара) вплоть до всеобщей формы стоимости, когда ряд различных товаров обменивается на один и тот же определенный товар, и до денежной формы стоимости, когда этим определенным товаром, всеобщим эквивалентом, является золото. Будучи высшим продуктом развития обмена и товарного производства, деньги затушевывают, прикрывают общественный характер частных работ, общественную связь между отдельными производителями, объединенными рынком. Маркс подвергает чрезвычайно детальному

анализу различные функции денег, причем и здесь (как вообще в первых главах «Капитала») в особенности важно отметить, что абстрактная и кажущаяся иногда чисто дедуктивной форма изложения на самом деле воспроизводит гигантский фактический материал по истории развития обмена и товарного производства. «Деньги предполагают известную высоту товарного обмена. Различные формы денег — простой товарный эквивалент или средство обращения или средство платежа, сокровище и всемирные деньги — указывают, смотря по различным размерам применения той или другой функции, по сравнительному преобладанию одной из них, на весьма различные ступени общественного процесса производства» («Капитал», I).

ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ

На известной ступени развития товарного производства деньги превращаются в капитал. Формулой товарного обращения было: Т (товар) — Д (деньги) — Т (товар), т. е. продажа одного товара для покупки другого. Общей формулой капитала является, наоборот, Д — Т — Д, т. е. покупка для продажи (с прибылью). Прибавочной стоимостью называет Маркс это возрастание первоначальной стоимости денег, пускаемых в оборот. Факт этого «роста» денег в капиталистическом обороте общеизвестен. Именно этот «рост» превращает деньги в *капитал*, как особое, исторически определенное, общественное отношение производства. Прибавочная стоимость не может возникнуть из товарного обращения, ибо оно знает лишь обмен эквивалентов, не может возникнуть и из надбавки к цене, ибо взаимные потери и выигрыши покупателей и продавцов уравновесились бы, а речь идет именно о массовом, среднем, общественном явлении, а не об индивидуальном. Чтобы получить прибавочную стоимость, «владелец денег должен найти на рынке такой товар, сама потребительная стоимость которого обладала бы оригинальным свойством быть источником стоимости», такой товар, процесс потребления которого был бы в то же самое время процессом создания стоимости. И такой товар существует. Это — рабочая сила человека. Потребление ее есть труд, а труд создает стоимость. Владелец денег покупает рабочую силу по ее стоимости, определяемой, подобно стоимости всякого другого товара, общественно-необходимым рабочим

временем, необходимым для ее производства (т. е. стоимостью содержания рабочего и его семьи). Купив рабочую силу, владелец денег вправе потреблять ее, т. е. заставлять ее работать целый день, скажем, 12 часов. Между тем рабочий в течение 6 часов («необходимое» рабочее время) создает продукт, окупающий его содержание, а в течение следующих 6 часов («прибавочное» рабочее время) создает неоплаченный капиталистом «прибавочный» продукт или прибавочную стоимость. Следовательно, в капитале, с точки зрения процесса производства, необходимо различать две части: постоянный капитал, расходуемый на средства производства (машины, орудия труда, сырой материал и т. д.) — стоимость его (сразу или по частям) без изменения переходит на готовый продукт — и переменный капитал, расходуемый на рабочую силу. Стоимость этого капитала не остается неизменной, а возрастает в процессе труда, создавая прибавочную стоимость. Поэтому для выражения степени эксплуатации рабочей силы капиталом надо сравнивать прибавочную стоимость не со всем капиталом, а только с переменным капиталом. Норма прибавочной стоимости, как называет Маркс это отношение, будет, напр., в нашем примере $\frac{6}{6}$ т. е. 100%.

Исторической предпосылкой возникновения капитала является, во-1-х, накопление известной денежной суммы в руках отдельных лиц при высоком сравнительно уровне развития товарного производства вообще и, во-2-х, наличность «свободного» в двойном смысле рабочего, свободного от всяких стеснений или ограничений продажи рабочей силы и свободного от земли и вообще от средств производства, бесхозяйного рабочего, рабочего-«пролетария», которому нечем существовать кроме как продажей рабочей силы.

Увеличение прибавочной стоимости возможно путем двух основных приемов: путем удлинения рабочего дня («абсолютная прибавочная стоимость») и путем сокращения необходимого рабочего дня («относительная прибавочная стоимость»). Анализируя первый прием, Маркс развертывает грандиозную картину борьбы рабочего класса за сокращение рабочего дня и вмешательства государственной власти за удлинение рабочего дня (XIV—XVII века) и за сокращение его (фабричное законодательство XIX века).

После того, как появился «Капитал», история рабочего движения всех цивилизованных стран мира дала тысячи и тысячи новых фактов, иллюстрирующих эту картину.

Анализируя производство относительной прибавочной стоимости, Маркс исследует три основные исторические стадии повышения производительности труда капитализмом: 1) простую кооперацию; 2) разделение труда и мануфактуру; 3) машины и крупную промышленность. Насколько глубоко вскрыты здесь Марксом основные, типичные черты развития капитализма, видно, между прочим, из того, что исследования русской так называемой «кустарной» промышленности дают богатейший материал по иллюстрации двух первых из названных трех стадий. А революционизирующее действие крупной машинной индустрии, описанное Марксом в 1867 году, обнаружилось в течение полувека, истекшего с тех пор, на целом ряде «новых» стран (Россия, Япония и др.).

Далее. В высшей степени важным и новым является у Маркса анализ *накопления капитала*, т. е. превращения части прибавочной стоимости в капитал, употребление ее не на личные нужды или причуды капиталиста, а на новое производство. Маркс показал ошибку всей прежней классической политической экономии (начиная с Адама Смита), которая полагала, что вся прибавочная стоимость, превращаемая в капитал, идет на переменный капитал. На самом же деле она распадается на *средства производства* плюс переменный капитал. Громадное значение в процессе развития капитализма и превращения его в социализм имеет более быстрое возрастание доли постоянного капитала (в общей сумме капитала) по сравнению с долей переменного капитала.

Накопление капитала, ускоряя вытеснение рабочих машиной, создавая на одном полюсе богатство, на другом нищету, порождает и так называемую «резервную рабочую армию», «относительный избыток» рабочих или «капиталистическое перенаселение», принимающее чрезвычайно разнообразные формы и дающее возможность капиталу чрезвычайно быстро расширять производство. Эта возможность в связи с кредитом и накоплением капитала в средствах производства дает, между прочим, ключ к пониманию *кризисов* перепроизводства, периодически наступающих в капиталистических странах сначала в среднем

каждые 10 лет, потом в более продолжительные и менее определенные промежутки времени. От накопления капитала на базисе капитализма следует отличать так называемое первоначальное накопление: насильственное отделение работника от средств производства, изгнание крестьян с земли, кражу общинных земель, систему колоний и государственных долгов, покровительственных пошлин и т. д. «Первоначальное накопление» создает на одном полюсе «свободного» пролетария, на другом владельца денег, капиталиста.

«Историческую тенденцию капиталистического накопления» Маркс характеризует в следующих знаменитых словах: «Экспроприация непосредственных производителей производится с самым беспощадным вандализмом и под давлением самых подлых, самых грязных, самых мелочных и самых бешеных страстей. Частная собственность, добытая трудом собственника» (крестьянина и ремесленника), «основанная, так сказать, на срастании отдельного независимого работника с его орудиями и средствами труда, вытесняется капиталистической частной собственностью, которая покоится на эксплуатации чужой, но формально свободной рабочей силы... Теперь экспроприации подлежит уже не рабочий, сам ведущий самостоятельное хозяйство, а капиталист, эксплуатирующий многих рабочих. Эта экспроприация совершается игрой имманентных законов самого капиталистического производства, путем централизации капиталов. Один капиталист побивает многих капиталистов. Рука об руку с этой централизацией или экспроприацией многих капиталистов немногими развивается кооперативная форма процесса труда во все более и более широких, крупных размерах, развивается сознательное техническое применение науки, планомерная эксплуатация земли, превращение средств труда в такие средства труда, которые допускают лишь коллективное употребление, экономизирование всех средств производства путем употребления их как средств производства комбинированного общественного труда, вплетение всех народов в сеть всемирного рынка, а вместе с тем интернациональный характер капиталистического режима. Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса

нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем и возмущения рабочего класса, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют» («Капитал», I).

✓ В высшей степени важным и новым является, далее, данный Марксом во II томе «Капитала» анализ воспроизведения общественного капитала, взятого в целом. И здесь Маркс берет не индивидуальное, а массовое явление, не дробную частичку экономии общества, а всю эту экономию в совокупности. Исправляя указанную выше ошибку классиков, Маркс делит все общественное производство на два больших отдела: I) производство средств производства и II) производство предметов потребления и детально рассматривает, на взятых им числовых примерах, обращение всего общественного капитала в целом, как при воспроизводстве в прежних размерах, так и при накоплении. В III томе «Капитала» разрешен вопрос об образовании *средней нормы прибыли* на основе закона стоимости. Великим шагом вперед экономической науки, в лице Маркса, является то, что анализ ведется с точки зрения массовых экономических явлений, всей совокупности общественного хозяйства, а не с точки зрения отдельных казусов или внешней поверхности конкуренции, чем ограничивается часто вульгарная политическая экономия или современная «теория предельной полезности». Сначала Маркс анализирует происхождение прибавочной стоимости и затем уже переходит к ее распадению на прибыль, процент и поземельную ренту. Прибыль есть отношение прибавочной стоимости ко всему вложенному в предприятие капиталу. Капитал «высокого органического строения» (т. е. с преобладанием постоянного капитала над переменным в размерах выше среднего общественного) дает норму прибыли ниже среднего. Капитал «низкого органического строения» — выше среднего. Конкуренция между капиталами, свободный переход их из одной отрасли

в другую сведет в обоих случаях норму прибыли к средней. Сумма стоимостей всех товаров данного общества совпадает с суммой цен товаров, но в отдельных предприятиях и отдельных отраслях производства товары, под влиянием конкуренции, продаются не по их стоимостям, а по *ценам производства* (или производственным ценам), которые равняются затраченному капиталу плюс средняя прибыль.

Таким образом общезвестный и бесспорный факт отступления цен от стоимостей и равенства прибыли вполне объяснен Марксом на основе закона стоимости, ибо сумма стоимостей всех товаров совпадает с суммой цен. Но сведение стоимости (общественной) к ценам (индивидуальным) происходит не простым, не непосредственным, а очень сложным путем: вполне естественно, что в обществе разрозненных товаропроизводителей, связанных лишь рынком, закономерность не может проявляться иначе как в средней, общественной, массовой закономерности, при взаимопогашении индивидуальных отклонений в ту или другую сторону.

Повышение производительности труда означает более быстрый рост постоянного капитала по сравнению с переменным. А так как прибавочная стоимость есть функция одного лишь переменного капитала, то понятно, что норма прибыли (отношение прибавочной стоимости ко всему капиталу, а не к его переменной только части) имеет тенденцию к падению. Маркс подробно анализирует эту тенденцию и ряд прикрывающих ее или противодействующих ей обстоятельств. Не останавливаясь на передаче чрезвычайно интересных отделов III тома, посвященных ростовщическому, торговому и денежному капиталу, мы перейдем к самому главному: к теории *поземельной ренты*. Цена производства сельскохозяйственных продуктов в силу ограниченности площади земли, которая вся занята отдельными хозяевами в капиталистических странах, определяется издержками производства не на средней, а на худшей почве, не при средних, а при худших условиях доставки продукта на рынок. Разница между этой ценой и ценой производства на лучших почвах (или при лучших условиях) дает разностную или *дифференциальную* ренту. Анализируя ее детально, показывая происхождение ее при разнице в плодородии отдельных участков земли, при разнице в размерах вложения капитала в землю, Маркс вполне

вскрыл (см. также «Теории прибавочной стоимости», где особого внимания заслуживает критика Родбертуса) ошибку Рикардо, будто дифференциальная рента получается лишь при последовательном переходе от лучших земель к худшим. Напротив, бывают и обратные переходы, бывает превращение одного разряда земель в другие (в силу прогресса агрикультурной техники, роста городов и пр.), и глубокой ошибкой, взваливанием на природу недостатков, ограниченностей и противоречий капитализма является пресловутый «закон убывающего плодородия почвы». Затем, равенство прибыли во всех отраслях промышленности и народного хозяйства вообще предполагает полную свободу конкуренции, свободу перелива капитала из одной отрасли в другую. Между тем частная собственность на землю создает монополию, помеху этому свободному переливу. В силу этой монополии продукты сельского хозяйства, отличающегося более низким строением капитала и, след., индивидуально более высокой нормой прибыли, не идут в вполне свободный процесс выравнивания нормы прибыли; собственник земли, как монополист, получает возможность удержать цену выше средней, а эта монополия цена рождает абсолютную ренту. Дифференциальная рента не может быть уничтожена при существовании капитализма, абсолютная же *может* — напр., при национализации земли, при переходе ее в собственность государства. Такой переход означал бы подрыв монополии частных собственников, означал бы более последовательное, более полное проведение свободы конкуренции в земледелии. И поэтому радикальные буржуа, отмечает Маркс, выступали в истории неоднократно с этим прогрессивным буржуазным требованием национализации земли, которое однако отпугивает большинство буржуазии, ибо слишком близко «задевает» еще другую, в наши дни особенно важную и «чувствительную» монополию: монополию средств производства вообще. (Замечательно популярно, сжато и ясно изложил сам Маркс свою теорию средней прибыли на капитал и абсолютной земельной ренты в письме к Энгельсу от 2 августа 1862 г. См. «Переписку», т. III, стр. 77—81. Ср. также письмо от 9 августа 1862 г., там же, стр. 86—87.²⁶) — К истории поземельной ренты важно также указать на анализ Маркса, показывающего превращение ренты отработочной (когда крестьянин своим

трудом на земле помещика создает прибавочный продукт) в ренту продуктами или натурой (крестьянин на своей земле производит прибавочный продукт, отдавая его помещику в силу «внеэкономического принуждения»), затем в ренту денежную (та же рента натурой, превращенная в деньги, «оброк» старой Руси, в силу развития товарного производства) и наконец в ренту капиталистическую, когда на место крестьянина является предприниматель в земледелии, ведущий обработку при помощи наемного труда. В связи с этим анализом «генезиса капиталистической поземельной ренты» следует отметить ряд глубоких (и особенно важных для отсталых стран, как Россия) мыслей Маркса об *эволюции капитализма в земледелии*. «Превращению натуральной ренты в денежную не только сопутствует неизбежно, но даже предшествует образование класса неимущих поденщиков, нанимающихся за деньги. В период возникновения этого класса, когда он появляется еще только спорадически, у более зажиточных, обязанных оброком крестьян естественно развивается обычай эксплуатировать за свой счет сельских наемных рабочих — совершенно подобно тому, как в феодальные времена зажиточные крепостные крестьяне сами в свою очередь держали крепостных. У этих крестьян развивается таким образом постепенно возможность накапливать известное имущество и превращаться самим в будущих капиталистов. Среди старых владельцев земли, ведущих самостоятельное хозяйство, возникает, следов., рассадник капиталистических арендаторов, развитие которых обусловлено общим развитием капиталистического производства вне сельского хозяйства» («Капитал», III², 332)... «Экспроприация и изгнание из деревни части сельского населения не только «освобождает» для промышленного капитала рабочих, их средства к жизни, их орудия труда, но и создает внутренний рынок» («Капитал», I², 778). Обнищание и разорение сельского населения играет, в свою очередь, роль в деле создания резервной рабочей армии для капитала. Во всякой капиталистической стране «часть сельского населения находится поэтому постоянно в переходном состоянии к превращению в городское или мануфактурное (т. е. не земледельческое) население. Этот источник относительного избыточного населения течет постоянно... Сельского рабочего сводят к наинижнему уровню заработной платы,

и он всегда стоит одной ногой в болоте пауперизма» («Капитал», I², 668). Частная собственность крестьянина на землю, обрабатываемую им, есть основа мелкого производства и условие его процветания, приобретения им классической формы. Но это мелкое производство совместимо только с узкими примитивными рамками производства и общества. При капитализме «эксплуатация крестьян отличается от эксплуатации промышленного пролетариата лишь по форме. Эксплуататор тот же самый — капитал. Отдельные капиталисты эксплуатируют отдельных крестьян посредством ипотек и ростовщичества; класс капиталистов эксплуатирует класс крестьян посредством государственных налогов» («Классовая борьба во Франции»). «Парцелла (мелкий участок земли) крестьянина представляет только предлог, позволяющий капиталисту извлекать из земли прибыль, процент и ренту, предоставляя самому землевладельцу выручать, как ему угодно, свою заработную плату» («18 брюмера»). Обычно крестьянин отдает даже капиталистическому обществу, т. е. классу капиталистов, часть заработной платы, опускаясь «до уровня ирландского арендатора — под видом частного собственника» («Классовая борьба во Франции»). В чем состоит «одна из причин того, что в странах с преобладающим мелким крестьянским землевладением цена на хлеб стоит ниже, чем в странах с капиталистическим способом производства?» («Капитал», III², 340.) В том, что крестьянин отдает обществу (т. е. классу капиталистов) даром часть прибавочного продукта. «Следовательно, такая низкая цена (хлеба и др. сельскохозяйственных продуктов) есть следствие бедности производителей, а ни в коем случае не результат производительности их труда». («Капитал», III², 340.) Мелкая поземельная собственность, нормальная форма мелкого производства, деградируется, уничтожается, гибнет при капитализме. «Мелкая земельная собственность, по существу своей, исключает: развитие общественных производительных сил труда, общественные формы труда, общественную концентрацию капиталов, скотоводство в крупных размерах, все большее и большее применение науки. Ростовщичество и система налогов неизбежно ведут всюду к ее обнищанию. Употребление капитала на покупку земли отнимает этот капитал от употребления на культуру земли. Бесконечное раздробление

средств производства и разъединение самих производителей». (Кооперации, т. е. товарищества мелких крестьян, играя чрезвычайно прогрессивную буржуазную роль, лишь ослабляют эту тенденцию, но не уничтожают ее; не надо также забывать, что эти кооперации дают много зажиточным крестьянам и очень мало, почти ничего, массе бедноты, а затем товарищества сами становятся эксплуататорами наемного труда.) «Гигантское расхищение человеческой силы. Все большее и большее ухудшение условий производства и удорожание средств производства есть закон парцелльной (мелкой) собственности». Капитализм и в земледелии, как и в промышленности, преобразует процесс производства лишь ценой «мартирологии производителей». «Рассеяние сельских рабочих на больших пространствах сламывает их силу сопротивления, в то время как концентрация городских рабочих увеличивает эту силу. В современном, капиталистическом, земледелии, как и в современной промышленности, повышение производительной силы труда и большая подвижность его покупаются ценой разрушения и истощения самой рабочей силы. Кроме того всякий прогресс капиталистического земледелия есть не только прогресс в искусстве грабить рабочего, но и в искусстве грабить почву... Капиталистическое производство, след., развивает технику и комбинацию общественного процесса производства лишь таким путем, что оно подрывает в то же самое время источники всякого богатства: землю и рабочего» («Капитал», I, конец 13-й главы).

СОЦИАЛИЗМ

Из предыдущего видно, что неизбежность превращения капиталистического общества в социалистическое Маркс выводит всецело и исключительно из экономического закона движения современного общества. Обобществление труда, в тысячах форм идущее вперед все более и более быстро и проявляющееся за те полвека, которые прошли со смерти Маркса, особенно наглядно в росте крупного производства, картелей, синдикатов и трестов капиталистов, а равно в гигантском возрастании размеров и мощи финансового капитала, — вот главная материальная основа неизбежного наступления социализма. Интеллектуальным и моральным двигателем, физическим выпол-

нителем этого превращения является воспитываемый самим капитализмом пролетариат. Его борьба с буржуазией, проявляясь в различных и все более богатых содержанием формах, неизбежно становится политической борьбой, направленной к завоеванию политической власти пролетариатом («диктатура пролетариата»). Обобществление производства не может не привести к переходу средств производства в собственность общества, к «экспроприации экспроприаторов». Громадное повышение производительности труда, сокращение рабочего дня, замена остатков, руин мелкого, примитивного, раздробленного производства коллективным усовершенствованным трудом — вот прямые последствия такого перехода. Капитализм окончательно разрывает связь земледелия с промышленностью, но в то же время своим высшим развитием он готовит новые элементы этой связи, соединения промышленности с земледелием на почве сознательного приложения науки и комбинации коллективного труда, нового расселения человечества (с уничтожением как деревенской заброшенности, оторванности от мира, одичалости, так и противоестественного скопления гигантских масс в больших городах). Новая форма семьи, новые условия в положении женщины и в воспитании подрастающих поколений готовятся высшими формами современного капитализма: женский и детский труд, разложение патриархальной семьи капитализмом неизбежно приобретают в современном обществе самые ужасные, бедственные и отвратительные формы. Но тем не менее «крупная промышленность, отводя решающую роль в общественно-организованном процессе производства, вне сферы домашнего очага, женщинам, подросткам и детям обоего пола, создает экономическую основу для высшей формы семьи и отношения между полами. Разумеется, одинаково нелепо считать абсолютной христианско-германскую форму семьи, как и форму древнеримскую или древнегреческую или восточную, которые, между прочим, в связи одна с другой образуют единый исторический ряд развития. Очевидно, что составление комбинированного рабочего персонала из лиц обоего пола и различного возраста, будучи в своей стихийной, грубой, капиталистической форме, когда рабочий существует для процесса производства, а не процесс производства для рабочего, зачумленным источником

глубели и рабства, — при соответствующих условиях неизбежно должно превратиться, наоборот, в источник гуманного развития» («Капитал», I, конец 13-й главы). Фабричная система показывает нам «зародыши воспитания эпохи будущего, когда для всех детей свыше известного возраста производительный труд будет соединяться с преподаванием и гимнастикой не только как одно из средств для увеличения общественного производства, но и как единственное средство для производства всесторонне развитых людей» (там же). На ту же историческую почву, не в смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению, ставит социализм Маркса и вопросы о национальности и о государстве: **Нации неизбежный продукт и неизбежная форма буржуазной эпохи общественного развития. И рабочий класс не мог окрепнуть, возмужать, сложиться, не «устраиваясь в пределах нации», не будучи «национален» («хотя совсем не в том смысле, как понимает это буржуазия»).** Но развитие капитализма все более и более ломает национальные перегородки, уничтожает национальную обособленность, ставит на место национальных антагонизмов **классовые.** В развитых капиталистических странах полной истиной является поэтому, что «рабочие не имеют отечества» и что «соединение усилий» рабочих по крайней мере цивилизованных стран «есть одно из первых условий освобождения пролетариата» («Коммунистический Манифест»). Государство, это организованное насилие, возникло неизбежно на известной ступени развития общества, когда общество расколосось на непримиримые классы, когда оно не могло бы существовать без «власти», стоящей якобы над обществом и до известной степени обособившейся от него. Возникая внутри классовых противоречий, государство становится «государством сильнейшего, экономически господствующего класса, который при его помощи делается и политически господствующим классом и таким путем приобретает новые средства для подчинения и эксплуатации угнетенного класса. Так, античное государство было, прежде всего, государством рабовладельцев для подчинения рабов, феодальное государство — органом дворянства для подчинения крепостных крестьян, а современное представительное государство является орудием

эксплуатации наемных рабочих капиталистами» (Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», где он излагает свои и Маркса взгляды). Даже самая свободная и прогрессивная форма буржуазного государства, демократическая республика, нисколько не устраняет этого факта, а лишь меняет форму его (связь правительства с биржей, подкупность — прямая и косвенная — чиновников и печати и т. д.). Социализм, ведя к уничтожению классов, тем самым ведет и к уничтожению государства. «Первый акт, — пишет Энгельс в «Анти-Дюринге», — с которым государство выступает действительно как представитель всего общества — экспроприация средств производства в пользу всего общества, — будет в то же время его последним самостоятельным актом, как государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения будет становиться в одной области за другой излишним и прекратится само собой. Управление людьми заменится управлением вещами и регулированием производственного процесса. Государство не будет «отменено», оно отомрет». «Общество, которое организует производство на основе свободных и равных ассоциаций производителей, поставит государственную машину туда, где ей тогда будет место: в музей древностей, рядом с веретеном и бронзовым топором» (Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства»).

Наконец, по вопросу об отношении социализма Маркса к мелкому крестьянству, которое останется в эпоху экспроприации экспроприаторов, необходимо указать на заявление Энгельса, выражающего мысли Маркса: «Когда мы овладеем государственной властью, мы не будем и думать о том, чтобы насильственно экспроприировать мелких крестьян (все равно, с вознаграждением или нет), как это мы вынуждены будем сделать с крупными землевладельцами. Наша задача по отношению к мелким крестьянам будет состоять прежде всего в том, чтобы их частное производство и частную собственность перевести в товарищескую, но не насильственным путем, а посредством примера и предложения общественной помощи для этой цели. И тогда у нас, конечно, будет достаточно средств, чтобы доказать крестьянину все преимущества такого перехода, преимущества, которые и теперь уже должны

быть ему разъясняемы» (Энгельс: «К аграрному вопросу на Западе», изд. Алексеевой, стр. 17, рус. пер. с ошибками. Оригинал в «Neue Zeit»*).

ТАКТИКА КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ ПРОЛЕТАРИАТА

Выяснив еще в 1844—1845 гг. один из основных недостатков старого материализма, состоящий в том, что он не умел понять условий и оценить значения революционной практической деятельности, Маркс в течение всей своей жизни, наряду с теоретическими работами, уделял неослабное внимание вопросам тактики классовой борьбы пролетариата. Громадный материал дают в этом отношении *все* сочинения Маркса и изданная в 1913 г. четырехтомная переписка его с Энгельсом в особенности. Материал этот далеко еще не собран, не сведен вместе, не изучен и не разработан. Поэтому мы должны ограничиться здесь лишь самыми общими и краткими замечаниями, подчеркивая, что без *этой* стороны материализма Маркс справедливо считал его половинчатым, односторонним, мертвенным. Основную задачу тактики пролетариата Маркс определял в строгом соответствии со всеми посылками своего материалистически-диалектического мирозерцания. Лишь объективный учет всей совокупности взаимоотношений всех без исключения классов данного общества, а, след., и учет объективной степени развития этого общества и учет взаимоотношений между ним и другими обществами может служить опорой правильной тактики передового класса. При этом все классы и все страны рассматриваются не в статическом, а в динамическом виде, т. е. не в неподвижном состоянии, а в движении (законы которого вытекают из экономических условий существования каждого класса). Движение в свою очередь рассматривается не только с точки зрения прошлого, но и с точки зрения будущего и притом не в пошлом понимании «эволюционистов», видящих лишь медленные изменения, а диалектически: «20 лет равняются одному дню в великих исторических развитиях, — писал Маркс Энгельсу, — хотя впоследствии могут наступить такие дни, в которых сосредоточивается по 20 лет» (т. III,

* — «Новое Время». Ред.

с. 127 «Переписки»)»²⁷. На каждой ступени развития, в каждый момент тактика пролетариата должна учитывать эту объективно неизбежную диалектику человеческой истории, с одной стороны, используя для развития сознания, силы и боевой способности передового класса эпохи политического застоя или черепашьего, так называемого «мирного», развития, а с другой стороны, ведя всю работу этого использования в направлении «конечной цели» движения данного класса и создания в нем способности к практическому решению великих задач в великие дни, «концентрирующие в себе по 20 лет». Два рассуждения Маркса особенно важны в данном вопросе, одно из «Ничеты философии» по поводу экономической борьбы и экономических организаций пролетариата, другое из «Коммунистического Манифеста» по поводу политических задач его. Первое гласит: «Крупная промышленность скопляет в одном месте массу неизвестных друг другу людей. Конкуренция раскалывает их интересы. Но охрана заработной платы, этот общий интерес по отношению к их хозяину, объединяет их одной общей идеей сопротивления, коалиции... Коалиции, вначале изолированные, формируются в группы, и охрана рабочими их союзов против постоянно объединенного капитала становится для них более необходимой, чем охрана заработной платы... В этой борьбе — настоящей гражданской войне — объединяются и развиваются все элементы для грядущей битвы. Достигши этого пункта, коалиция принимает политический характер». Здесь перед нами программа и тактика экономической борьбы и профессионального движения на несколько десятилетий, для всей долгой эпохи подготовки сил пролетариата «для грядущей битвы». С этим надо сопоставить многочисленные указания Маркса и Энгельса на примере английского рабочего движения, как промышленное «процветание» вызывает попытки «купить рабочих» (I, 136, «Переписка с Энгельсом»)»²⁸, отвлечь их от борьбы, как это процветание вообще «деморализует рабочих» (II, 218); как «обуржуазивается» английский пролетариат — «самая буржуазная из всех наций» (английская) «хочет, видимо, привести дело в конце концов к тому, чтобы рядом с буржуазией иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат» (II, 290)²⁹; как исчезает у него «революционная энергия» (III, 124); как придется

ждать более или менее долгое время «избавления английских рабочих от их кажущегося буржуазного развращения» (III, 127); как недостает английскому рабочему движению «пыла чартистов» (1866; III, 305)³⁰; как английские вожди рабочих создаются по типу серединки «между радикальным буржуа и рабочим» (о Голиоке, IV, 209); как, в силу монополии Англии и пока эта монополия не лопнет, «ничего не поделаешь с британскими рабочими» (IV, 433)³¹. Тактика экономической борьбы в связи с общим ходом (*и исходом*) рабочего движения рассматривается здесь с замечательно широкой, всесторонней, диалектической, истинно революционной точки зрения.

«Коммунистический Манифест» о тактике политической борьбы выдвинул основное положение марксизма: «коммунисты борются во имя ближайших целей и интересов рабочего класса, но в то же время они отстаивают и будущность движения». Во имя этого Маркс в 1848 г. поддерживал в Польше партию «аграрной революции», «ту самую партию, которая вызвала краковское восстание 1846 года». В Германии 1848—1849 гг. Маркс поддерживал крайнюю революционную демократию и никогда впоследствии не брал назад сказанного им тогда о тактике. Немецкую буржуазию он рассматривал как элемент, который «с самого начала был склонен к измене народу» (только союз с крестьянством мог бы дать буржуазии цельное осуществление ее задач) «и к компромиссу с коронованными представителями старого общества». Вот данный Марксом итоговый анализ классового положения немецкой буржуазии в эпоху буржуазно-демократической революции, анализ, являющийся между прочим образчиком материализма, рассматривающего общество в движении и притом не только с той стороны движения, которая обращена *назад*:... «без веры в себя, без веры в народ; ворча перед верхами, дрожа перед низами;... напуганная мировой бурей; нигде с энергией, везде с плагиатом;... без инициативы;... окаянный старик, осужденный на то, чтобы в своих старческих интересах руководить первыми порывами молодости молодого и здорового народа»... («Новая Рейнская Газета» 1848 г., см. «Литературное Наследство», т. III, 212 стр.)³². Около 20 лет спустя в письме к Энгельсу (III, 224) Маркс объявлял причиной неуспеха революции 1848 г. то, что буржуазия предпочла мир с рабством одной

уже перспективе борьбы за свободу. Когда кончилась эпоха революций 1848—1849 гг., Маркс восстал против всякой игры в революцию (Шаппер — Виллих и борьба с ними), требуя умения работать в эпоху новой полосы, готовящей якобы «мирно» новые революции. В каком духе требовал Маркс ведения этой работы, видно из следующей его оценки положения в Германии в наиболее глухое реакционное время в 1856 году: «Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием крестьянской войны» («Переписка с Энгельсом», II, 108)³³. Пока демократическая (буржуазная) революция в Германии была не закончена, все внимание в тактике социалистического пролетариата Маркс устремлял на развитие демократической энергии крестьянства. Лассалья он считал совершающим «объективно измену рабочему движению на пользу Пруссии» (III, 210) между прочим именно потому, что Лассаль мирволил помещикам и прусскому национализму. «Подло», — писал Энгельс в 1865 г., обмениваясь мыслями с Марксом по поводу предстоящего общего выступления их в печати, — «в земледельческой стране нападать от имени промышленных рабочих только на буржуа, забывая о патриархальной «палочной эксплуатации» сельских рабочих феодальным дворянством» (III, 217)³⁴. В период 1864—1870 гг., когда подходила к концу эпоха завершения буржуазно-демократической революции в Германии, эпоха борьбы эксплуататорских классов Пруссии и Австрии за тот или иной способ завершения этой революции *сверху*, Маркс не только осуждал Лассалья, заигрывавшего с Бисмарком, но и поправлял Либкнехта, впадавшего в «австрофильство» и в защиту партикуляризма; Маркс требовал революционной тактики, одинаково беспощадно борющейся и с Бисмарком и с австрофилами, тактики, которая не подлаживалась бы к «победителю» — прусскому юнкеру, а немедленно возобновляла революционную борьбу с ним и на почве, созданной прусскими военными победами («Переписка с Энгельсом», III, 134, 136, 147, 179, 204, 210, 215, 418, 437, 440—441)³⁵. В знаменитом обращении Интернационала от 9 сентября 1870 г. Маркс предупреждал французский пролетариат против несвоевременного восстания, но, когда оно все же наступило (1871 г.), Маркс с восторгом приветствовал

революционную инициативу масс, «штурмовавших небо» (письмо Маркса к Кугельману). Поражение революционного выступления в этой ситуации, как и во многих других, было, с точки зрения диалектического материализма Маркса, меньшим злом в общем ходе *и исходе* пролетарской борьбы, чем отказ от занятой позиции, сдача без боя: такая сдача деморализовала бы пролетариат, подрезала бы его способность к борьбе. Вполне оценивая использование легальных средств борьбы в эпохи политического застоя и господства буржуазной легальности, Маркс в 1877—1878 г., после того как издан был исключительный закон против социалистов, резко осуждал «революционную фразу» Моста, но не менее, если не более резко обрушивался на оппортунизм, овладевший тогда на время официальной социал-демократической партией, не проявившей сразу стойкости, твердости, революционности, готовности перейти к нелегальной борьбе в ответ на исключительный закон («Письма Маркса к Энгельсу», IV, 397, 404, 418, 422, 424.³⁶ Ср. также письма к Зорге).

ЛИТЕРАТУРА

Полное собрание сочинений и писем Маркса не издано еще до сих пор. На русский язык переведена большая часть произведений Маркса, чем на какой-либо другой язык. Нижеследующий перечень этих произведений составлен в хронологическом порядке. К 1841 году относится диссертация Маркса о философии Эпикура (вошла в посмертное издание «Литературное Наследство», о нем ниже). В этой диссертации Маркс стоит еще вполне на идеалистически-гегельянской точке зрения. К 1842-му году относятся статьи Маркса в «Рейнской Газете» (Кёльн), в особенности критика прений о свободе печати в шестом рейнском ландтаге, затем по поводу законов о краже леса, далее: защита освобождения политики от теологии и др. (вошли частью в «Литературное Наследство»). Здесь намечается переход Маркса от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму. В 1844 г. выходит в Париже под редакцией Маркса и Арнольда Руге «Немецко-Французский Ежегодник», где вышеуказанный переход совершается окончательно. Особенно замечательны статьи Маркса: «Введение в критику гегелевской философии права» (кроме «Литературного Наследства» есть отдельное издание брошюрой) и «К еврейскому вопросу» (тоже; брош. в изд. «Знание», «Дешевая библиотека» № 210). В 1845 году Маркс и Энгельс издают вместе (во Франкфурте на Майне) брошюру: «Святое семейство. Против Бруно Бауэра и К^о» (кроме «Литературного Наследства» есть по-русски два отдельных издания брошюрой, в изд. «Нового Голоса», СПБ. 1906, и «Вестника Знания», СПБ. 1907 г.). К весне 1845 г. относятся тезисы Маркса

о Фейербахе (напечатаны в приложении к брошюре Фр. Энгельса: «Людвиг Фейербах»; есть русский перевод). В 1845—1847 гг. Маркс писал ряд статей (большая часть не собранных, не переизданных и не переведенных на русский) в газетах: «Vorwärts»*, — изд. в Париже, «Brüsseler Deutsche Zeitung»** (1847), «Das Westphälische Dampfboot» (Bielefeld, 1845—1848)***, «Der Gesellschaftsspiegel» (1846, Elberfeld)****. К 1847 году относится изданное в Брюсселе и Париже основное сочинение Маркса против Прудона: «Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона» (по-русски три издания «Нового Мира», одно Г. Львовича, одно Алексеевой, одно «Просвещения», все в 1905—1906 гг.). В 1848 г. издана в Брюсселе «Речь о свободе торговли» (есть русский перевод) и затем в Лондоне, в сотрудничестве с Фр. Энгельсом, знаменитый, переведенный едва ли не на все языки Европы и частью других стран мира, «Манифест Коммунистической Партии» (русский перевод около 8 изданий 1905—1906 гг., «Молота», «Колокола», Алексеевой и др., большей частью конфискованных, под разными названиями: «Комм. Маниф.», «О коммунизме», «Общественные классы и коммунизм», «Капитализм и коммунизм», «Философия истории»; полный и наиболее точный перевод этого, а равно и других произведений Маркса см. в заграничных изданиях большей частью группы «Освобождение труда»). С 1 июня 1848 по 19 мая 1849 выходила в Кёльне «Новая Рейнская Газета», главным редактором которой фактически был Маркс. Многочисленные статьи Маркса в этой газете, донныне остающейся лучшим, непревзойденным органом революционного пролетариата, не собраны и не переизданы полностью. Наиболее важные вошли в «Литературное Наследство». Отдельной брошюрой многократно издавались статьи Маркса из этой газеты «Наемный труд и капитал» (по-русски 4 издания, Козмана, «Молота», Мягкова и Львовича, 1905—1906 гг.). Из той же газеты: «Либералы у власти» (изд. «Знание», «Дешев. Библ.» № 272. СПб. 1906). В 1849 г. Маркс издал в Кёльне «Два политических процесса» (две защитительные речи Маркса,

* — «Вперед». Ред.

** — «Немецкая Брюссельская Газета». Ред.

*** — «Вестфальский Пароход» (Билсфельд, 1845—1848). Ред.

**** — «Зеркало Общества» (1846, Эльберфельд). Ред.

оправданного судом присяжных по обвинениям в преступлении печати и в призыве к вооруженному сопротивлению правительству. Русский перевод 5 изданий 1905—1906 гг., Алексеевой, «Молота», Мягкова, «Знания», «Нового Мира»). В 1850 г. Маркс издал в Гамбурге 6 №№ журнала: «Новая Рейнская Газета». Важнейшие статьи отсюда вошли в «Литературное Наследство». Особенно замечательны переизданные Энгельсом в 1895 г. брошюрой статьи Маркса: «Классовая борьба во Франции с 1848 до 1850 г.» (русский перевод, изд. М. Малых, «Библи.» № 59—60; также в сборнике: «Собрание исторических работ», пер. Базарова и Степанова, изд. Скимунта, СПб. 1906 г., тоже: «Мысли и взгляды о жизни XX века», СПб. 1912 г.). В 1852 г. в Нью-Йорке вышла брошюра Маркса: «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (русский перевод в только что названных сборниках). В том же году в Лондоне: «Разоблачения относительно кёльнского процесса коммунистов» (русс. пер.: «Кёльнский процесс коммунаров», № 43 «Популярно-Научной Библиотеки», СПб. 1906, 28 окт.). С августа 1851 по 1862 г.* Маркс был постоянным сотрудником нью-йоркской газеты «Трибуна» («The New York Tribune»), где многие из его статей появились без подписи, как редакционные. Особенно замечательны статьи: «Революция и контрреволюция в Германии», переизданные, после смерти Маркса и Энгельса, в немецком переводе (русский перевод в двух сборниках, пер. Базарова и Степанова, затем отдельной брошюрой пять изданий 1905—1906 гг., Алексеевой, «Общественной Пользы», «Нового Мира», «Всеобщей Библиотеки» и «Молота»). Некоторые из статей Маркса в «Трибуне» изданы были в Лондоне отдельными брошюрами, напр., о Пальмерстоне в 1856 г., «Разоблачения относительно дипломатической истории XVIII века» (о постоянной корыстной зависимости английских министров либеральной партии от России) и др. После смерти Маркса его дочь Элеонора Эвелинг издала ряд статей его из «Трибуны» по восточному вопросу под заглавием: «The Eastern Question». London. 1897.

* Энгельс в статье о Марксе в «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», Bd. 6, S. 603 («Словарь государственных наук», том 6, стр. 603. Ред.) и Бернштейн в статье о Марксе в 11-м издании «Британской Энциклопедии» 1911 г. ошибочно указывают 1853—1860 гг. См. переписку Маркса и Энгельса, изданную в 1913 году.

(«Восточный вопрос».) Часть переведена на русский: «Война и революция». Вып. I. Маркс и Энгельс: «Неизданные статьи (1852, 1853, 1854 гг.)». Харьков. 1919. (Библи. «Наша Мысль».) С конца 1854 г. и в течение 1855 г. Маркс сотрудничал в газете «Neue Oder-Zeitung»*, а в 1861—1862 гг. в венской газете «Presse»** . Статьи эти не собраны и лишь частью появлялись в «Neue Zeit», как и многие письма Маркса. То же относится к статьям Маркса из газеты «Das Volk»*** (Лондон. 1859 г.) относительно дипломатической истории итальянской войны 1859 г. В 1859 г. в Берлине вышло сочинение Маркса: «К критике политической экономии» (русский перевод, М. 1896 г., под ред. Мануилова, и СПб. 1907 г., перевод Румянцева). В 1860 г. в Лондоне вышла брошюра Маркса «Herr Vogt» («Г-н Фогт»).

В 1864 г. в Лондоне вышло написанное Марксом «Обращение Международного товарищества рабочих» (есть русский перевод). Маркс был автором многочисленных манифестов, обращений и резолюций Генерального совета Интернационала. Весь этот материал далеко еще не разработан и даже не собран. Первым приступом к этой работе является книга Г. Иэкса: «Интернационал» (русский перевод СПб. 1906, изд. «Знание»), где напечатаны, между прочим, некоторые письма Маркса и составленные им проекты постановлений. К числу написанных Марксом документов Интернационала относится манифест Генерального совета по поводу Парижской Коммуны, вышедший в 1871 г. в Лондоне отдельной брошюрой под заглавием: «Гражданская война во Франции» (рус. пер. под ред. Ленина, изд. «Молота» и др. изд.). К эпохе 1862—1874 гг. относится переписка Маркса с членом Интернационала Кугельманом (два издания в рус. пер., одно перевод А. Гойхбарга, другое под ред. Ленина). В 1867 г. в Гамбурге вышло в свет главное сочинение Маркса: «Капитал. Критика политической экономии». Т. I. Второй и третий томы изданы после смерти Маркса Энгельсом в 1885 и 1894 гг. Русский перевод: т. I — пять изданий (два в пер. Даниельсона, 1872 и 1898 гг., два в пер. Е. А. Гурвич и Л. М. Зака под ред. Струве 1-е изд. — 1899, 2-е — 1905, одно под ред. Базарова

* — «Новая Одерская Газета». *Ред.*

** — «Печать». *Ред.*

*** — «Народ». *Ред.*

и Степанова). Тт. II и III вышли в пер. Даниельсона (менее удовлетворительный) и в переводе под ред. Базарова и Степанова (лучший). В 1876 г. Маркс принял участие в составлении книги Энгельса «Анти-Дюринг» («Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft»), просмотрев в рукописи все сочинение и написав целиком главу, посвященную истории политической экономии.

Затем, после смерти Маркса были изданы следующие его произведения: «Критика Готской программы» (СПБ. 1906 г., по-немецки в «Neue Zeit», 1890/91, № 18). «Заработная плата, цена и прибыль» (доклад, читанный 26 июня 1865 г. «Neue Zeit», XVI, 1897/98, русский перевод в изд. «Молот» 1906 г. и Львовича 1905 г.). «Литературное Наследство К. Маркса, Фр. Энгельса и Ф. Лассаля», 3 тома. Штутгарт. 1902. (Русский перевод под ред. Аксельрода и др. 2 тт. СПБ. 1908. I том еще под ред. Е. Гурвич, М. 1907. Отдельно изданы письма Лассаля к Марксу, входят в «Литературное Наследство».) «Письма К. Маркса, Ф. Энгельса и др. к Зорге» (два изд. по-русски, одно под ред. Аксельрода, другое — с пред. Ленина, изд. Дауге). «Теории прибавочной стоимости», 3 тт. в 4-х частях, Штутгарт, 1905—1910, изданная Каутским рукопись четвертого тома «Капитала» (русс. пер. только первого тома в трех изданиях: СПБ. 1906, под ред. Плеханова; Киев, 1906, под ред. Железнова; Киев, 1907, под ред. Тучапского). В 1913 г. вышли в Штутгарте 4 больших тома «Переписки К. Маркса и Фр. Энгельса», содержащие 1386 писем за период времени с сентября 1844 по 10 января 1883 года и дающие массу в высшей степени ценного материала к изучению биографии и воззрений К. Маркса. В 1917 г. вышли 2 тома Маркса и Энгельса: Статьи 1852—1862 гг. (по-немецки). В заключение по поводу этого перечня произведений Маркса необходимо оговориться, что сюда не вошли еще некоторые из более мелких статей и отдельных писем, помещавшихся большей частью в «Neue Zeit», «Vorwärts» и др. периодических соц.-дем. изданиях на немецком языке; несомненно также, что не полон и список всех переводов Маркса на русск. язык, особенно брошюр в 1905—1906 гг.

Литература о Марксе и марксизме необычайно велика. Мы отметим лишь наиболее существенное, разделяя авторов на три главные отдела: марксистов, стоящих

в существенном на точке зрения Маркса; буржуазных писателей, по существу враждебных марксизму, и ревизионистов, якобы признающих те или иные основы марксизма, а на деле заменяющих его буржуазными воззрениями. Как своеобразно русскую разновидность ревизионизма следует рассматривать народническое отношение к Марксу. В. Зомбарт в своем «Ein Beitrag zur Bibliographie des Marxismus» (Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, XX, 2. Heft, 1905, S.S. 413—430)* приводит 300 названий в далеко неполном списке. Для пополнения его см. «Neue Zeit», указатели за 1883—1907 гг. и последующие годы. Затем см. Josef Stammhammer: «Bibliographie des Sozialismus und Kommunismus». Bd. I—III. Jena (1893—1909)**. Далее для детальной библиографии марксизма можно указать еще: «Bibliographie der Sozialwissenschaften». Berlin. Jahrgang 1, 1905 u. ff.***. См. также Н. А. Рубакин, «Среди книг» (т. II, 2-е изд.). Мы приводим здесь лишь наиболее существенное. По вопросу о биографии Маркса следует указать прежде всего на статьи Фр. Энгельса в «Volkskalender»****, изданном Бракке в Брауншвейге в 1878 г., и в «Handwörterbuch der Staatswissenschaften». Bd. 6, S. 600—603. W. Liebknecht: «Karl Marx zum Gedächtniss». Nürnberg. 1896. Lafargue: «K. Marx. Persönliche Erinnerungen». В. Либкнехт: «Карл Маркс». 2 изд. СПб. 1906. П. Лафарг: «Мои воспоминания о К. Марксе». Одесса. 1905. (См. ориг. в «Neue Zeit» IX, I.) «Памяти К. Маркса». СПб. 1908, стр. 410, сборник статей Ю. Невзорова, Н. Рожкова, В. Базарова, Ю. Стеклова, А. Финна-Еногаевского, П. Румянцева, К. Реннера, Г. Ролланд-Гольст, В. Ильина, Р. Люксембург, Г. Зиновьева, Ю. Каменева, П. Орловского и М. Таганского. Фр. Меринг: «Карл Маркс». Обширная биография Маркса на английском языке, составленная американским социалистом Спарго (Spargo: «K. Marx, his life and work»). London, 1911*****), неудовлетворительна. Общий обзор

* — «К библиографии марксизма» (Архив социальной науки и социальной политики, XX том, 2 выпуск, 1905, стр. 413—430). *Ред.*

** — Иосиф Штаммхаммер. «Библиография социализма и коммунизма». Тт. I—III. Йена (1893—1909). *Ред.*

*** — «Библиография социальных наук». Берлин. Год издания 1, 1905 и сл. *Ред.*

**** — «Народный Календарь». *Ред.*

***** — Спарго, «К. Маркс, его жизнь и деятельность». Лондон, 1911. *Ред.*

деятельности Маркса см. *K. Kautsky*: «Die historische Leistung von K. Marx. Zum 25. Todestag des Meisters». Berlin. 1908. Русск. перевод: «К. Маркс и его историческое значение». СПб., 1908. Ср. также популярную брошюру *Klara Zetkin*: «K. M. und sein Lebenswerk» (1913)*. Воспоминания о Марксе: *Анненкова* в «Вестнике Европы», 1880, № 4 (п «Воспоминания», т. III. «Замечательное десятилетие». СПб. 1882) и *Карла Шульца* в «Русском Богатстве». 1906, № 12; *М. Ковалевского* в «Вестнике Европы», 1909, VI и сл.

По вопросу о философии марксизма и об историческом материализме лучшее изложение у Г. В. Плеханова: «За 20 лет». СПб. 1909, 3-е изд.; «От обороны к нападению». СПб. 1910; «Основные вопросы марксизма». СПб. 1908; «Критика наших критиков». СПб. 1906; «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». СПб. 1908, и др. соч. *Антонио Лабриола*: «К вопросу о материалистическом взгляде на историю». СПб. 1898. *Его же*: «Исторический материализм и философия». СПб. 1906. *Фр. Меринг*: «Об историческом материализме». СПб. 1906 (2 изд.: «Просвещения» и «Молота»). *Его же*: «Легенда о Лессинге». СПб. 1908 («Знание»). Ср. также (немарксист) *Ш. Андлер*: «Коммунистический Манифест. История, введение, комментарий». СПб. 1906. См. также «Исторический материализм». СПб. 1908, сборник статей Энгельса, Каутского, Лафарга и мн. др. *Л. Аксельрод*: «Философские очерки. Ответ философским критикам исторического материализма». СПб. 1906. Специальная защита неудачных отступлений Дядгена от марксизма у *E. Untermann*: «Die logischen Mängel des engeren Marxismus». München. 1910** (753 стр. — обширный, но несерьезный труд). *Hugo Riekcs*: «Die philosophische Wurzel des Marxismus» в «Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft», 62. Jahrgang, 1906, 3. Heft, S. 407—432***, интересная работа противника марксовых взглядов, показывающего их философскую цельность с точки зрения материализма. *Benno Erdmann*: «Die philosophischen Voraussetzungen der materialistischen Geschichtsauffassung»

* — *Клара Цеткин*. «Карл Маркс и дело его жизни» (1913). Ред.

** — *Э. Унтерманн*. «Логические недостатки ортодоксального марксизма». Мюнхен. 1910. Ред.

*** — *Гуго Рикес*. «Философские корни марксизма» в «Журнале Государственных Наук», 62 год издашил. 1906, 3 книга, стр. 407—432. Ред.

в «Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft» (Schmollers Jahrbuch). 1907, 3. Heft, S. 1—56* очень полезная формулировка некоторых основных положений философского материализма Маркса и свод возражений с ходячей точки зрения кантианства и агностицизма вообще. *R. Stammler*: «Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung». 2 изд. Лpz. 1906** (кантианец). *Вольтман*: «Исторический материализм», рус. перевод, 1901 г. (также кантианец). *Форлендер*: «Кант и Маркс». СПб. 1909 (тоже). Ср. также полемику между А. Богдановым, В. Базаровым и др. («Очерки по философии марксизма», СПб. 1908. А. Богданов: «Падение великого фетишизма». М. 1909 и др. соч.) и В. Ильиным («Материализм и эмпириокритицизм». Москва. 1909). По вопросу об историческом материализме и этике: *К. Каутский*: «Этика и материалистическое понимание истории». СПб. 1906 и многочисленные другие произведения Каутского. Затем *Boudin*: «Das theoretische System von K. Marx». Stuttg. 1909 (*Л. Б. Будин*: «Теоретическая система К. Маркса в свете новейшей критики», перев. с английск. под ред. В. Засулич. СПб. 1908). *Hermann Gorter*: «Der historische Materialismus», 1909***. Из сочинений противников марксизма укажем *Туган-Барановского*: «Теоретические основы марксизма». СПб. 1907. *С. Прокопович*: «К критике Маркса». СПб. 1904. *Hammacher*: «Das philosophisch-ökonomische System des Marxismus» (Лpz. 1910****, стр. 730 — собрание цитат). *В. Зомбарт*: «Социализм и социальное движение в XIX в.». СПб. *Max Adler* (кантианец): «Kausalität und Teleologie» (Wien. 1909: «Marx-Studien») и «Marx als Denker»*****.

Достойна внимания книга идеалиста гегельянца *Giorgio Gentile*: «La philosophia di Marx» (Pisa. 1899)***** —

* — *Бенно Эрдман*. «Философские предпосылки материалистического понимания истории» в «Ежегоднике Законодательства, Управления и Народного Хозяйства» (Ежегодник Шмоллера). 1907, 3 книга, стр. 1—56. *Ред.*

** — *Р. Штамmler*. «Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории». 2 изд. Лейпциг. 1906. *Ред.*

*** — *Герман Гортер*. «Исторический материализм», 1909. *Ред.*

**** — *Гаммахер*. «Философско-экономическая система марксизма» (Лейпциг. 1910). *Ред.*

***** — *Макс Адлер*. «Причинность и телеология» (Вена. 1909. «Исследования по Марксу») и «Маркс как мыслитель». *Ред.*

***** — *Джозуини Джентиле*. «Философия Маркса» (Пиза. 1899). *Ред.*

автор отмечает некоторые важные стороны материалистической диалектики Маркса, обычно ускользающие от внимания кантианцев, позитивистов и т. п., — и *Lévy*: «Feuerbach»* — об одном из главнейших философских предшественников Маркса. Полезный свод цитат из ряда сочинений Маркса у *Чернышева*: «Памятная книжка марксиста». СПб. («Дело») 1908. По вопросу об экономическом учении Маркса: *К. Каутский*: «Экономическое учение Маркса» (многочисленные русск. издания), *его же*: «Аграрный вопрос», «Эрфуртская программа» и многочисленные брошюры. Ср. еще *Вернштейн*: «Экономическое учение Маркса». 3-й том «Капитала» (русск. перев. 1905); *Габриэль Девиль*: «Капитал» (изложение I тома «Капитала», русский перевод 1907). Представителем так называемого ревизионизма среди марксистов по аграрному вопросу является *Э. Давид*: «Социализм и сельское хозяйство» (рус. перев. СПб. 1902). Критику ревизионизма см. у *В. Ильина*: «Аграрный вопрос», ч. I. СПб. 1908. См. также *В. Ильин*: «Развитие капитализма в России». 2-е изд. СПб. 1908, и *его же*: «Экономические этюды и статьи». СПб. 1899. *В. Ильин*: «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии», вып. I. 1917. Применение взглядов Маркса, с некоторыми отступлениями, к новейшим данным об аграрных отношениях во Франции у *Compère-Morel*: «La question agraire et le socialisme en France». Paris. 1912** (455 стр.). Дальнейшее развитие экономических взглядов Маркса в применении к новейшим явлениям хозяйственной жизни см. у *Гильфердинга*: «Финансовый капитал». СПб. 1911. (Исправление существенных неправильностей во взглядах автора на теорию стоимости см. у Каутского в «Neue Zeit»: «Gold, Papier und Ware» — «Золото, бумажные деньги и товары» — 30, I; 1912, S. 837, 886.) *В. Ильин*: «Империализм, как новейший этап капитализма». 1917 г. В существенных пунктах отстает от марксизма *П. Маслов*: «Аграрный вопрос» (2 тт.) и «Теория развития народного хозяйства» (СПб. 1910 г.). Критику некоторых из этих отступлений см. у Каутского в «Neue Zeit», XXIX, 1, 1911, статья: «Мальтузианизм и социализм».

* — *Леву*. «Фейербах». Ред.

** — *Компер-Морель*. «Аграрный вопрос и социализм во Франции». Париж. 1912. Ред.

Критика экономического учения Маркса с точки зрения широко распространенной среди буржуазных профессоров теории «предельной полезности»: *Böhm-Bawerk*: «Zum Abschluss des Marxschen Systems» (Brl. 1896 в «Staatswiss. Arbeiten», Festgabe für K. Knies). Есть русск. перевод: СПБ. 1897, «Теория Маркса и ее критика», и *его же* «Kapital und Kapitalzins», 2 изд. Insbr. 1900—1902, 2 т. («Капитал и прибыль». СПБ. 1909). Далее см.: *Riekcs*: «Wert und Tauschwert» (1899)*; *v. Bortkiewicz*: «Wertrechnung u. Preisrechnung im Marxschen System» (Archiv f. Sozialw., 1906—1907)**; *Leo v. Buch*: «Über die Elemente d. polit. Ökonomie. I. Th. Die Intensität d. Arbeit, Wert u. Preis»*** (изд. также по-русски). Разбор критики Бём-Баверка с марксистской точки зрения: *Hilferding*: «Böhm-Bawerks Marx-Kritik» («Marx-Studien», Bd. I. Wien, 1904)**** и более мелкие статьи в «Neue Zeit».

По вопросу о двух главных направлениях в истолковании и развитии марксизма, — «ревизионистском» и радикальном («ортодоксальном»), см. *Эд. Бернштейн*: «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» (нем. ориг. Stuttg. 1899; рус. пер. «Историч. материализм», СПБ. 1901. «Социальные проблемы», М. 1901), ср. также *его же*: «Очерки из истории и теории социализма». СПБ. 1902. Ответ ему: *К. Каутский*: «Бернштейн и с.-д. программа» (нем. ориг. Stuttg. 1899. Рус. пер. 4 издания 1905—1906 гг.). Из французской марксистской литературы: *Jules Guesde*: «Quatre ans de lutte des classes», «En gardel», «Questions d'hier et d'aujourd'hui» (Paris, 1911)*****; *P. Lafargue*: «Le déterminisme économique de K. Marx» (Paris, 1909)*****. *Ant. Pannekoek*: «Zwei Tendenzen in der Arbeiter-Bewegung»*****.

* — *Riekcs*. «Стоимость и меновая стоимость» (1899). Ред.

** — *Борткевич*. «Определение стоимости и цен в системе Маркса» (Архив социальных наук. 1906—1907). Ред.

*** — *Л. Бух*. «Основные элементы политической экономии. I часть. Интенсивность труда, стоимость и цена». Ред.

**** — *Гильфердинг*. «Бём-Баверк как критик Маркса» («Исследования по Марксу», том I. Вена, 1904). Ред.

***** — *Жюль Гед*. «Четыре года классовой борьбы», «На страже!», «Вопросы вчерашнего и сегодняшнего дня» (Париж, 1911). Ред.

***** — *П. Лафарг*. «Экономический детерминизм К. Маркса» (Париж, 1909). Ред.

***** — *А. Паннекук*. «Две тенденции в рабочем движении». Ред.

По вопросу о марксовой теории накопления капитала новая работа *Rosa Luxemburg*: «Die Akkumulation des Kapitals» (Brл. 1913)* и разбор ее неправильного толкования теории Маркса у *Otto Bauer*: «Die Akkumulation des Kapitals» («Neue Zeit» 31 т., 1913, I, S.S. 831 и 862)**. *Eckstein* в «Vorwärts», 1913 и *Pannekoek* в «Bremer Bürger-Zeitung», 1913.

Из старой русской литературы о Марксе: *Б. Чичерин*: «Немецкие социалисты» в «Сборнике государственных знаний» Безобразова, СПб. 1888, и «История политических учений», ч. 5. М. 1902, стр. 156. Ответ *Зибера*: «Немецкие экономисты сквозь очки г. Чичерина» в «Собрании сочинений» т. II, СПб. 1900. *Л. Слонимский*: «Экономическое учение К. Маркса». СПб. 1898. *Н. Зибера*: «Давид Рикардо и К. Маркс в их общественно-экономических исследованиях». СПб. 1885 и «Собр. сочинений», 2 тома, СПЕ. 1900. Рецензия *И. Кауфмана* (И. К — на) на «Капитал» в «Вестнике Европы» 1872, № 5 — замечательна тем, что Маркс в послесловии ко 2-му изданию «Капитала» цитировал рассуждения И. К — на, признавая их правильным изложением своего материалистически-диалектического метода.

Русские народники о марксизме: *Н. К. Михайловский* в «Русском Богатстве» 1894, № 10; 1895, №№ 1 и 2, перепеч. в собр. соч. — по поводу «Критических заметок» П. Струве (СПБ. 1894), разобранных с марксистской точки зрения *К. Тулиным* (В. Ильин) в «Материалах к характеристике нашего хозяйственного развития» (СПБ. 1895, уничтожено цензурой), перепечатано у *В. Ильина*: «За 12 лет». СПб. 1908. Далее, из народнической литературы: *В. В.*: «Наши направления». СПб. 1892. *Его же*: «От 70-х годов к 900-ым». СПб. 1907. *Николай — он*: «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства». СПб. 1893. *В. Чернов*: «Марксизм и аграрный вопрос». СПб. 1906. *Его же*: «Философские и социологические этюды». СПб. 1907.

Кроме народников отметим еще: *Н. Кареев*: «Старые и новые этюды об историческом материализме». СПб. 1896. 2-е изд. 1913 г. под заглавием: «Критика экономического

* — *Роза Люксембург*. «Накопление капитала» (Берлин, 1913). Ред.

** — *Отто Бауэр*. «Накопление капитала» («Новое Время», 31 т., 1913, I, стр. 831 и 862). Ред.

материализма». *Масарик*: «Философские и социологические основания марксизма». М. 1900. *Кроче*: «Исторический материализм и марксистская экономия». СПб. 1902.

Для правильной оценки взглядов Маркса безусловно необходимо знакомство с произведениями его ближайшего единомышленника и сотрудника *Фридриха Энгельса*. Нельзя понять марксизм и нельзя цельно изложить его, не считаясь со *всеми* сочинениями Энгельса.

Критика Маркса с точки зрения анархизма см. у *В. Черкезова*: «Доктрины марксизма». СПб. 1905, 2 части; *В. Текер*: «Вместо книги». М. 1907. Синдикалист *Сорель*: «Социальные очерки современной экономии». М. 1908.

ОДИН НЕМЕЦКИЙ ГОЛОС О ВОЙНЕ

...«За одну ночь картина мира переменилась... Каждый сваливает вину на соседа. Каждый объявляет себя защищающимся, действующим только в состоянии необходимой обороны. Все защищают, извольте видеть, лишь свои самые священные блага, свой очаг, свою родину... Национальное тщеславие и национальный задор торжествуют... Даже великий интернациональный рабочий класс... повинуется национальному приказу и избивает друг друга на полях битв... Наша цивилизация обанкротилась... Писатели с европейской славой не стыдятся выступать яростно-слепыми шовинистами... Мы слишком верили тому, что империалистское безумие может быть укрощено боязнью экономического разорения... Мы переживаем голую империалистскую борьбу за гегемонию на земле. Нигде и следа нет того, чтобы дело шло о великих идеях, разве что, может быть, о свержении русского минотавра, ... царя и его великих князей, отдававших палачам благороднейших людей своей страны... Но не видим ли мы, как благородная Франция, носительница идеалов свободы, становится союзником царя-палача? как честная Германия... нарушает свое слово и душит несчастную нейтральную Бельгию?.. Чем это кончится? Если нищета станет чересчур велика, если отчаяние возьмет верх, если брат узнает брата в военном мундире врага, — может быть, наступит еще нечто весьма неожиданное, может быть, оружие обратят против тех, кто втраивливает в войну, может быть, народы, которым навязали ненависть, забудут ее, объединившись внезапно. Мы не хотим заниматься пророчествами, но если европейская война приблизит нас на шаг к европейской социальной республике, то эта война все-таки была не так бессмысленна, как теперь кажется».

Чей это голос? Может быть, немецкого социал-демократа?

Куда им! Они стали теперь, с Каутским во главе, «жалкими контрреволюционными болтунами»³⁷, как звал Маркс тех немецких социал-демократов, которые тотчас после издания закона против социалистов держали себя «по-нынешнему», подобно Гаазе, Каутскому, Зюдекуму и К^о в наши дни.

Нет, наша цитата взята из журнала мещанских христианских демократов, издаваемого компанией добрых попигов в Цюрихе («Neue Wege, Blätter für religiöse Arbeit», 1914, September*). Вот до какого позора мы дожили: верующие в бога филистеры договариваются до того, что недурно бы обратить оружие против «отравляющих в войну», а «авторитетные» социал-демократы, как Каутский, «паучно» защищают подлеиший шовинизм или, как Плеханов, объявляют проповедь гражданской войны против буржуазии вредной «утопией»!!

Да, если подобные «социал-демократы» желают быть в большинстве и составлять официальный «Интернационал» (= союз для интернационального оправдания национального шовинизма), то не лучше ли отказаться от запачканного и униженного ими названия «социал-демократов» и вернуться к старому марксистскому названию коммунистов? Каутский грозил сделать это, когда бернштейнцы-оппортунисты подходили как будто к официальному завоеванию немецкой партии. То, что в его устах было пустой угрозой, станет, пожалуй, делом для других.

«Социал-Демократ» № 34,
5 декабря 1914 г.

Печатается по тексту газеты
«Социал-Демократ»

---

* — «Новые пути, листки для религиозной пропаганды», 1914, сентябрь.
Ред.

МЕРТВЫЙ ШОВИНИЗМ И ЖИВОЙ СОЦИАЛИЗМ

(КАК ВОССТАНОВЛЯТЬ ИНТЕРНАЦИОНАЛ?)

Для социал-демократии России, несколько больше даже, чем для социал-демократии всего мира, образцом была в течение последних десятилетий немецкая социал-демократия. Понятно поэтому, что нельзя отнестись сознательно, т. е. критически, к царящему теперь социал-патриотизму или «социалистическому» шовинизму без самого точного выяснения своего отношения к ней. Чем она была? что она есть? чем она будет?

На первый вопрос ответ может дать изданная в 1909 г. и переведенная на многие европейские языки брошюра К. Каутского «Путь к власти», самое цельное, самое благоприятное для немецких социал-демократов (в смысле подаваемых ими надежд) изложение взглядов на задачи нашей эпохи, принадлежащее перу самого авторитетного во II Интернационале писателя. Напомним поподробнее эту брошюру; это будет тем полезнее, чем чаще теперь позорно отбрасывают «забытые слова».

Социал-демократия есть «революционная партия» (первая фраза брошюры) не только в том смысле, в каком революционна паровая машина, но «еще в другом смысле». Она стремится к завоеванию политической власти пролетариатом, к диктатуре пролетариата. Осыпая насмешками «сомневающих в революции», Каутский писал: «Разумеется, при всяком значительном движении и восстании мы должны считаться с возможностью поражения. Перед борьбой только дурак может считать себя вполне уверенным в победе». «Прямой изменой нашему делу» был бы отказ считаться с возможностью победы. Революция в связи с войной возможна и во время войны и после нее.

Когда именно обострение классовых противоречий приведет к революции, определить невозможно, но «я могу совершенно определенно утверждать, что революция, которую несет с собой война, разразится или во время войны, или непосредственно после нее»: нет ничего пошлее теории «мирного вращающегося в социализм». «Нет ничего ошибочнее мнения, будто познание экономической необходимости означает ослабление воли». «Воля, как желание борьбы, определяется: 1) ценой борьбы; 2) чувством силы и 3) действительной силой». Когда знаменитое предисловие Энгельса к «Классовой борьбе во Франции» пробовали (между прочим в «Vorwärts»*) истолковать в смысле оппортунизма, то Энгельс возмущался и называл «позорным» допущение, что он «мирный поклонник законности во что бы то ни стало». «Мы имеем все основания думать, что мы вступаем в период борьбы за государственную власть»; борьба эта может тянуться десятилетия, это нам неизвестно, но «по всей вероятности она приведет в недалеком будущем к значительному усилению пролетариата, если не к диктатуре его в Западной Европе». Революционные элементы растут: в 1895 году из 10 миллионов избирателей Германии было 6 миллионов пролетариев и 3½ миллиона заинтересованных в частной собственности. В 1907 году число последних возросло на 0,03 миллиона, а первых на 1,6 миллиона! И «темп движения вперед сразу становится очень быстрым, когда наступают времена революционного брожения». Классовые противоречия не смягчаются, а обостряются, растет дороговизна, неистовствует империалистское соревнование, милитаризм. Близится «новая эра революций». Сумасшедший рост налогов «давно уже привел бы к войне, как единственной альтернативе революции... если бы именно эта альтернатива революции за войной не стояла еще ближе, чем за вооруженным миром». «Всемирная война становится угрожающе близкой; а война означает также и революцию». Еще в 1891 г. Энгельс мог бояться преждевременной революции в Германии, но с тех пор «положение сильно изменилось». Пролетариат «не может уже говорить о *преждевременной* (курсив Каутского) революции». Мелкая буржуазия очень ненадежна и все более враждебна

* — «Вперед». Ред.

пролетариату, но в эпоху кризиса она «способна массами перейти к нам». Все дело в том, чтобы социал-демократия «оставалась непоколебимой, последовательной, непримиримой». Несомненно, что мы вступили в революционный период.

Вот как писал Каутский в давно-давнопрошедшие времена, целых пять лет тому назад. Вот чем была или, вернее, обещала быть немецкая социал-демократия. Вот какую социал-демократию можно и должно было уважать.

Посмотрите, что пишет теперь сей Каутский. Вот важнейшие заявления из его статьи «Социал-демократия во время войны» («Neue Zeit»* № 1, 2/X 1914): «Наша партия гораздо реже обсуждала вопрос о том, как вести себя во время войны, чем о том, как помешать войне»... «Никогда правительство не бывает так сильно, никогда партии не бывают так слабы, как при начале войны». «Военное время всего менее удобно для спокойного обсуждения». «Практический вопрос теперь: победа или поражение собственной страны». Соглашение между партиями в воюющих странах о действии против войны? «Практически что-либо подобное никогда еще не было испытано. Мы всегда оспаривали возможность этого»... Расхождение между французскими и немецкими социалистами «не принципиальное» (и те и другие защищают отечество)... «Социал-демократы всех стран имеют равное право или равную обязанность участвовать в защите отечества: ни одна нация не должна упрекать за это другую»... «Интернационал обанкротился?» «Партия отказалась от прямой защиты своих партийных принципов во время войны?» (Слова Меринга из того же номера.) Ошибочное мнение... Нет никаких оснований к такому пессимизму... Расхождение не принципиальное... Единство принципов остается... Неповиновение законам военного времени повело бы «просто к запрещению нашей прессы». Повиновение этим законам «так же мало означает отказ от защиты партийных принципов, как подобная же работа нашей партийной печати под дамокловым мечом исключительного закона против социалистов».

Мы нарочно привели подлинные цитаты, ибо нелегко поверить, что подобные вещи могли быть написаны.

* — «Новое Время». Ред.

Нелегко найти в литературе (кроме разве «литературы» прямых ренегатов) такой самодовольной пошлости, такого постыдного... уклонения от истины, таких некрасивых уверток для прикрытия самого явного отречения и от социализма вообще, и от точных международных решений, принятых единогласно (напр., в Штутгарте и особенно в Базеле) как раз в виду европейской войны именно теперешнего характера! Было бы неуважением к читателю, если бы мы стали брать «всерьез» доводы Каутского и пробовать «анализировать» их: ибо если европейская война во многом не похожа на простой и «маленький» еврейский погром, то «социалистические» доводы в защиту участия в этой войне *вполне* похожи на «демократические» доводы в защиту участия в еврейском погроме. Доводов в защиту погрома не разбирают: на них лишь указывают, чтобы выставить их авторов к позорному столбу перед всеми сознательными рабочими.

Но как *могло* случиться, спросит читатель, чтобы крупнейший авторитет II Интернационала, чтобы писатель, защищавший приведенные в начале статьи взгляды, опустился до такого положения «хуже ренегатского»? Это непонятно, ответим мы, лишь для того, кто — может быть бессознательно — стоит на той точке зрения, что в сущности ничего особенного не случилось, что не трудно «помириться и забыть» и т. д., т. е. именно на ренегатской точке зрения. Но, кто серьезно и искренно исповедывал социалистические убеждения и разделял взгляды, изложенные в начале статьи, тот не удивится тому, что «умер «Vorwärts»» (выражение Л. Мартова в парижском «Голосе») и «умер» Каутский. Крах отдельных лиц не диковинка в эпохи великих всемирных переломов. Каутский, несмотря на свои громадные заслуги, никогда не принадлежал к тем, кто во время больших кризисов сразу занимал боевую марксистскую позицию (вспомним его колебания по вопросу о миллеранизме³⁶).

А мы переживаем именно такую эпоху. «Стреляйте первыми, гг. буржуа!» писал в 1891 г. Энгельс, защищая (и вполне справедливо) использование нами, революционерами, буржуазной легальности в эпоху так называемого мирного конституционного развития. Мысль Энгельса была яснее ясного: мы, сознательные рабочие, будем стрелять вторыми, нам выгоднее теперь использовать

для перехода от избирательного бюллетеня к «стрельбе» (т. е. к гражданской войне) момент нарушения самой буржуазией того легального базиса, который ею создан. И Каутский выражал в 1909 г. бесспорные мнения всех революционеров социал-демократов, когда говорил, что *преждевременную* революция теперь в Европе быть не может и что война означает революцию.

Но десятилетия «мирной» эпохи не прошли бесследно: они создали неизбежно оппортунизм во всех странах, обеспечив ему преобладание среди «свождей» парламентских, профессиональных, журналистских и т. д. Нет ни одной страны в Европе, где бы не шла долгая и упорная борьба, в той или иной форме, против оппортунизма, который вся буржуазия поддерживала миллионами путей для развращения и обессиления революционного пролетариата. Тот же самый Каутский писал 15 лет тому назад, в начале бернштейниады³⁹, что, если бы оппортунизм из настроения стал направлением, раскол стал бы на очередь дня. А у нас в России создавшая социал-демократическую партию рабочего класса старая «Искра» писала в № 2, в начале 1901 года, в статье «На пороге XX века», что революционный класс XX века имеет (подобно революционному классу XVIII века, буржуазии) свою *Жиронду* и свою *Гору*⁴⁰.

Европейская война означает величайший исторический кризис, начало новой эпохи. Как всякий кризис, война обострила глубоко таившиеся противоречия и вывела их наружу, разорвав все лицемерные покровы, отбросив все условности, разрушив гнилые или успевшие подгнуть авторитеты. (В этом, в скобках сказать, состоит благотворное и прогрессивное действие всяких кризисов, непонятное только тупым поклонникам «мирной эволюции».) II Интернационал, успевший за 25—45 лет (смотри по тому, считать ли с 1870 или 1889 года) сделать чрезвычайно важную и полезную работу распространения социализма вширь и подготовительной, первоначальной, простейшей организации его сил, сыграл свою историческую роль и умер, побежденный не столько фон Клюками, сколько оппортунизмом. Пусть теперь мертвые хоронят мертвых. Пусть пустые хлопотуны (если не интриганские лакеи шовинистов и оппортунистов) «трудятся» теперь над тем, чтобы свести Вандервельдов и Самба с Каутским

и Гаазе, как будто б перед нами был Иван Иванович, сказавший «гусака» Ивану Никифоровичу и нуждающийся в приятельском «подталкивании» к противнику. Интернационал состоит не в том, чтобы сидели за одним столом и писали лицемерную и крючкотворскую резолюцию люди, которые считают истинным интернационализмом, когда немецкие социалисты оправдывают призыв немецкой буржуазии стрелять во французских рабочих, а французские — призыв французской стрелять в немецких «во имя защиты отечества»!!! Интернационал состоит в том, чтобы сблизались между собой (сначала идейно, а потом, в свое время, и организационно) люди, способные в наши трудные дни отстаивать социалистический интернационализм на деле, т. е. собирать свои силы и «стрелять вторыми» против правительств и командующих классов *каждый своего* «отечества». Это — нелегкое дело, которое потребует немалой подготовки, больших жертв, не обойдется без поражений. Но именно потому, что это не легкое дело, надо делать его только с теми, кто *хочет* его делать, не боясь полного разрыва с шовинистами и защитниками социал-шовинизма.

Больше всего делают для искреннего, а не для лицемерного, восстановления социалистического, а не шовинистского, интернационала такие люди, как Паннекук, написавший в статье «Крах Интернационала»: «если вожди съедутся и попытаются склеить разногласия, это не будет иметь никакого значения».

Скажем открыто то, что есть: война все равно *заставит* не завтра, так послезавтра сделать это. Есть три течения в международном социализме: 1) шовинисты, последовательно проводящие политику оппортунизма; 2) последовательные враги оппортунизма, которые во всех странах уже начинают заявлять о себе (оппортунисты разбили их большей частью наголову, но «разбитые армии хорошо учатся») и которые способны вести революционную работу в направлении гражданской войны; 3) люди, растерявшиеся и колеблющиеся, которые теперь плетутся за оппортунистами и приносят пролетариату больше всего вреда лицемерными попытками почти научно и марксистски (не шутите!) оправдать оппортунизм. Часть гибнущих в этом третьем течении может быть спасена и возвращена к социализму, но не иначе, как политикой самого решительного разрыва и раскола с первым течением, со

всеми, кто способен оправдывать вотирование кредитов, «защиту отечества», «подчинение законам военного времени», удовлетворение легальностью, отречение от гражданской войны. Только те, кто ведет *эту* политику, на деле строят Интернационал социалистический. Мы, с своей стороны, установив сношения с русской коллегией ЦК и с руководящими элементами питерского рабочего движения, обменявшись мыслями с ними и убедившись, что есть солидарность в основном, можем, как редакция ЦО, заявить от нашей партии, что только в таком направлении ведома работа есть партийная и социал-демократическая работа.

Раскол немецкой социал-демократии кажется мыслью, которая слишком пугает многих своей «необычайностью». Но объективное положение ручается за то, что либо произойдет это необычайное (заявили же Адлер и Каутский на последнем заседании Международного социалистического бюро⁴¹ в июле 1914 года, что они не верят в чудеса и потому не верят в европейскую войну!), — либо мы будем свидетелями мучительного гниения того, что было некогда немецкой социал-демократией. Тем, кто чересчур привык «верить» в (*бывшую*) немецкую социал-демократию, мы напомним еще только в заключение, как люди, много лет бывшие нашими противниками по целому ряду вопросов, подходят к мысли о таком расколе; — как Л. Мартов писал в «Голосе»: «умер «Vorwärts»»; «социал-демократия, объявляющая об отказе от классовой борьбы, лучше бы сделала, если бы открыто признала то, что есть, временно распустила свою организацию, закрыла свои органы»; — как Плеханов, по отчету «Голоса», говорил на реферате: «я большой противник раскола, но если из-за цели организации жертвуют принципами, тогда лучше раскол, чем фальшивое единство». Плеханов сказал это про немецких радикалов: он видит сучок в глазу немцев и не видит бревна в своем собственном глазу. Это его индивидуальная особенность, к которой мы все слишком привыкли за последние 10 лет плехановского радиализма в теории и оппортунизма на практике. Но если даже люди с *такими* индивидуальными... странностями заговаривают о расколе у немцев, то это — знамение времени.

О НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОРДОСТИ ВЕЛИКОРОССОВ

Как много говорят, толкуют, кричат теперь о национальности, об отечестве! Либеральные и радикальные министры Англии, бездна «передовых» публицистов Франции (оказавшихся вполне согласными с публицистами реакции), тьма казенных, кадетских и прогрессивных (вплоть до некоторых народнических и «марксистских») писак России — все на тысячи ладов воспевают свободу и независимость «родины», величие принципа национальной самостоятельности. Нельзя разобрать, где здесь кончается продажный хвалитель палача Николая Романова или истязателей негров и обитателей Индии, где начинается дюжинный мещанин, по тупоумию или по бесхарактерности плывущий «по течению». Да и неважно разбирать это. Перед нами очень широкое и очень глубокое идейное течение, корни которого весьма прочно связаны с интересами господ помещиков и капиталистов великодержавных наций. На пропаганду выгодных этим классам идей затрачиваются десятки и сотни миллионов в год: мельница немалая, берущая воду отовсюду, начиная от убежденного шовиниста Меньшикова и кончая шовинистами по оппортунизму или по бесхарактерности, Плехановым и Масловым, Рубановичем и Смирновым, Кропоткиным и Бурцевым.

Попробуем и мы, великорусские социал-демократы, определить свое отношение к этому идейному течению. Нам, представителям великодержавной нации крайнего востока Европы и доброй доли Азии, неприлично было бы забывать о громадном значении национального вопроса; — особенно в такой стране, которую справедливо называют

«тюрьмой народов»; — в такое время, когда именно на дальнем востоке Европы и в Азии капитализм будит к жизни и к сознанию целый ряд «новых», больших и малых наций; — в такой момент, когда царская монархия поставила под ружье миллионы великороссов и «иностранцев», чтобы «решить» целый ряд национальных вопросов согласно интересам совета объединенного дворянства и Гучковых с Крестовниковыми, Долгоруковыми, Кутлерами, Родичевыми.

Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы *ее* трудящиеся массы (т. е. $\frac{9}{10}$ *ее* населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов.* Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великороссов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика.

Мы помним, как полвека тому назад великорусский демократ Чернышевский, отдавая свою жизнь делу революции, сказал: «жальная нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы»⁴². Откровенные и прикровенные рабы-великороссы (рабы по отношению к царской монархии) не любят вспоминать об этих словах. А, по-нашему, это были слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения. Тогда *ее* не было. Теперь *ее* мало, но она уже есть. Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация *тоже* создала революционный класс, *тоже* доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм, а не только великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое раболепство перед попами, царями, помещиками и капиталистами.

Мы полны чувства национальной гордости, и именно поэтому мы *особенно* ненавидим свое рабское прошлое

(когда помещики дворяне вели на войну мужиков, чтобы душили свободу Венгрии, Польши, Персии, Китая) и свое рабское настоящее, когда те же помещики, споспешествуемые капиталистами, ведут нас на войну, чтобы душили Польшу и Украину, чтобы давить демократическое движение в Персии и в Китае, чтобы усилить позорящую наше великорусское национальное достоинство шайку Романовых, Бобринских, Пуришкевичей. Никто не повинен в том, если он родился рабом; но раб, который не только чуждается стремлений к своей свободе, но оправдывает и прикрашивает свое рабство (например, называет удушение Польши, Украины и т. д. «защитой отечества» великороссов), такой раб есть вызывающий законное чувство негодования, презрения и омерзения холуй и хам.

«Не может быть свободен народ, который угнетает чужие народы»⁴³, так говорили величайшие представители последовательной демократии XIX века, Маркс и Энгельс, ставшие учителями революционного пролетариата. И мы, великорусские рабочие, полные чувства национальной гордости, хотим во что бы то ни стало свободной и независимой, самостоятельной, демократической, республиканской, гордой Великороссии, строящей свои отношения к соседям на человеческом принципе равенства, а не на унижающем великую нацию крепостническом принципе привилегий. Именно потому, что мы хотим ее, мы говорим: нельзя в XX веке, в Европе (хотя бы и дальневосточной Европе), «защищать отечество» иначе, как борясь всеми революционными средствами против монархии, помещиков и капиталистов *своего* отечества, т. е. *худших* врагов нашей родины; — нельзя великороссам «защищать отечество» иначе, как желая поражения во всякой войне царизму, как наименьшего зла для $\frac{9}{10}$ населения Великороссии, ибо царизм не только угнетает эти $\frac{9}{10}$ населения экономически и политически, но и деморализует, унижает, обесценивает, prostituiрует его, приучая к угнетению чужих народов, приучая прикрывать свой позор лицемерными, якобы патриотическими фразами.

Нам возразят, может быть, что кроме царизма и под его крылышком возникла и окрепла уже другая историческая сила, великорусский капитализм, который делает прогрессивную работу, централизуя экономически и сплачивая громадные области. Но такое возражение

не оправдывает, а еще сильнее обвиняет наших социалистов-шовинистов, которых надо бы назвать царско-пуришкевичевскими социалистами (как Маркс назвал лассальянцев королевско-прускими социалистами). Допустим даже, что история решит вопрос в пользу великорусского великодержавного капитализма против ста и одной маленькой нации. Это не невозможно, ибо вся история капитала есть история насилий и грабежа, крови и грязи. И мы вовсе не сторонники непременно маленьких наций; мы безусловно, *при прочих равных условиях*, за централизацию и против мещанского идеала федеративных отношений. Однако даже в таком случае, во-первых, не наше дело, не дело демократов (не говоря уже о социалистах) помогать Романову-Бобринскому-Пуришкевичу душить Украину и т. д. Бисмарк сделал по-своему, по-юнкерски, прогрессивное историческое дело, но хорош был бы тот «марксист», который на этом основании вздумал бы оправдывать социалистическую помощь Бисмарку! И притом Бисмарк помогал экономическому развитию, объединяя раздробленных немцев, которых угнетали другие народы. А экономическое процветание и быстрое развитие Великороссии требует освобождения страны от насилия великороссов над другими народами — эту разницу забывают наши поклонники истинно-русских почти-Бисмарков.

Во-вторых, если история решит вопрос в пользу великорусского великодержавного капитализма, то отсюда следует, что тем более великой будет *социалистическая* роль великорусского пролетариата, как главного двигателя коммунистической революции, порождаемой капитализмом. А для революции пролетариата необходимо длительное воспитание рабочих в духе *полнейшего* национального равенства и братства. Следовательно, с точки зрения интересов именно великорусского пролетариата, необходимо длительное воспитание масс в смысле самого решительного, последовательного, смелого, революционного отстаивания полного равноправия и права самоопределения всех угнетенных великороссами наций. Интерес (не по-холопски понятой) национальной гордости великороссов совпадает с *социалистическим* интересом великорусских (и всех иных) пролетариев. Нашим образцом останется Маркс, который, прожив десятилетия в Англии, стал наполювину англичанином и требовал свободы и национальной

независимости Ирландии в интересах социалистического движения английских рабочих.

Наши же доморожденные социалистические повинисты, Плеханов и проч. и проч., в том последнем и предположительном случае, который мы рассматривали, окажутся изменниками не только своей родине, свободной и демократической Великороссии, но и изменниками пролетарскому братству всех народов России, т. е. делу социализма.

*«Социал-Демократ» № 35,
12 декабря 1914 г.*

*Печатается по тексту газеты
«Социал-Демократ»*

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

(О ЗАДАЧАХ РАБОЧИХ ПАРТИЙ
ПО ОТНОШЕНИЮ К ОПОРТУНИЗМУ И СОЦИАЛ-ШОВИНИЗМУ)

Величайший кризис, который вызвала всемирная война в европейском социализме, породил сначала (как и полагается при больших кризисах) громадную растерянность, затем наметил целый ряд новых группировок среди представителей разных течений, оттенков и взглядов в социализме, наконец, поставил с особенной остротой и настойчивостью вопрос о том, какие именно изменения в *основах* социалистической политики вытекают из кризиса и требуются им. Эти три «стадии» пережиты с августа по декабрь 1914 г. особенно наглядно и социалистами России. Все мы знаем, что в начале растерянность была немалая и что она усугублялась преследованиями царизма, поведением «европейцев», переполохом войны. Месяцы сентябрь и октябрь были тем периодом, когда в Париже и в Швейцарии, где было всего больше эмигрантов, всего больше связей с Россией и всего больше свободы, наиболее широко и полно шла в дискуссиях, на рефератах и в газетах новая размежевка по вопросам, поднятым войной. Можно с уверенностью сказать, что не осталось ни одного оттенка взглядов ни в едином течении (и фракции) социализма (и почти-социализма) в России, которые бы не нашли себе выражения и оценки. Все чувствуют, что пришла пора точных, положительных выводов, способных служить основой для систематической практической деятельности, пропаганды, агитации, организации: положение определилось, все высказались; разберемся же наконец, *кто с кем и кто куда?*

23 ноября нового стиля, на другой день после того, как в Питере было опубликовано правительственное сообщение

об аресте РСДР Фракции, на съезде шведской социал-демократической партии в Стокгольме произошел случай, который окончательно и бесповоротно поставил на очередь дня именно эти два, подчеркнутые нами, вопроса⁴⁴. Читатели найдут ниже описание этого случая, именно: полный перевод, с официального шведского социал-демократического отчета, как речей Беленина (представителя ЦК) и Ларина (представителя ОК)⁴⁵, так и прений по вопросу, поднятому Брантингом.

Впервые после войны, на конгрессе социалистов нейтральной страны встретились представитель нашей партии, ее ЦК, и представитель ликвидаторского ОК. Чем отличались их выступления? Беленин занял вполне определенную позицию по больным, тяжелым, но зато и великим вопросам современного социалистического движения и, сославшись на ЦО партии «Социал-Демократ»⁴⁶, выступил с самым решительным объявлением войны оппортунизму, назвал поведение немецких социал-демократических вождей (и «многих других») *изменой*. Ларин никакой позиции не занял и суть дела совершенно обошел молчанием, отделавшись теми шаблонными, пустыми и гнилыми фразами, которым обеспечены хлопки со стороны оппортунистов и социал-шовинистов всех стран. Зато Беленин совершенно промолчал о нашем отношении к другим социал-демократическим партиям или группам в России: наша позиция, дескать, такова, а о других помолчим, подождем, *как* они определятся. Наоборот, Ларин развернул знамя «единства», пролил слезу по поводу «горьких плодов раскола в России», обрисовал пышно-яркими красками «объединительную» работу ОК, объединившего и Плеханова, и кавказцев, и бундистов, и поляков *и так далее*. О том, что мог здесь иметь в виду Ларин, будет речь особо (см. ниже заметку: «Какое единство провозгласил Ларин?»*). Сейчас нас интересует принципиальный вопрос о единстве.

Перед нами два лозунга. Один: война оппортунистам и социал-шовинистам, они — изменники. Другой: единство в России, в частности с Плехановым (который, в скобках заметим, ведет себя у нас совершенно так же, как

* См. настоящий том, стр. 97—98. Ред.

Зюдекум* у немцев, Гайндман у англичан и т. д.). Не ясно ли, что Ларин, боясь назвать вещи своим именем, выступил по сути дела за оппортунистов и социал-шовинистов?

Но рассмотрим вообще значение лозунга: «единство» в свете современных событий. Единство пролетариата есть величайшее оружие его в борьбе за социалистическую революцию. Из этой бесспорной истины столь же бесспорно вытекает, что, когда к пролетарской партии примыкают в значительном числе мелкобуржуазные элементы, способные мешать борьбе за социалистическую революцию, единство с такими элементами вредно и губительно для дела пролетариата. Современные события показали как раз, что, с одной стороны, назрели объективные условия империалистической (т. е. соответствующей высшей, последней стадии капитализма) войны, а с другой стороны, десятилетия так называемой мирной эпохи накопили во всех странах Европы массу мелкобуржуазного, оппортунистического навоза *внутри* социалистических партий. Уже около пятнадцати лет, со времени знаменитой «бернштейниады» в Германии, — а во многих странах и раньше, — вопрос об этом оппортунистическом, *чуждом*, элементе в пролетарских партиях стал на очередь дня, и едва ли найдется хоть один видный марксист, который бы не признавал много раз и по разным поводам, что оппортунисты действительно враждебный социалистической революции, непролетарский элемент. Особенно быстрый рост этого социального элемента за последние годы не подлежит сомнению: чиновники легальных рабочих союзов, парламентарии и прочие интеллигенты, удобно и спокойно устроившиеся при массовом легальном движении, некоторые слои наилучше оплачиваемых рабочих, мелких служащих и т. д. и т. п. Война показала наглядно, что в момент кризиса (а эпоха империализма неизбежно будет эпохой всяких кризисов) внушительная масса оппортунистов, поддерживаемая и частью прямо направляемая буржуазией (это особенно важно!), перебегает на ее сторону, изменяет социализму, вредит рабочему делу, губит его. При всяком кризисе буржуазия всегда будет помогать

* Только что полученная нами брошюрка Плеханова «О войне» (Париж, 1914) особенно наглядно подтверждает сказанное в тексте. К этой брошюре мы еще вернемся.

оппортунистам, подавлять — ни перед чем не останавливаясь, самыми незаконными, жестокими *военными* мерами подавлять — революционную часть пролетариата. Оппортунисты, это — буржуазные враги пролетарской революции, которые в мирное время ведут свою буржуазную работу тайком, ютятся внутри рабочих партий, а в эпохи кризиса *сразу* оказываются открытыми союзниками *всей* объединенной буржуазии, от консервативной до самой радикальной и демократической, от свободомыслящей до религиозной и клерикальной. Кто не понял этой истины *после* переживаемых нами событий, тот безнадежно обманывает и себя и рабочих. Личные переметывания при этом неизбежны, но надо помнить, что значение их определяется существованием *слоя* и *течения* мелкобуржуазных оппортунистов. Социал-шовинисты Гайндман, Вандервельде, Гед, Плеханов, Каутский не имели бы никакого значения, если бы их бесхарактерные и пошлые речи в защиту буржуазного патриотизма не подхватывались целыми общественными слоями оппортунистов и целыми тучами буржуазных газет и буржуазных политиков.

Типом социалистических партий эпохи II Интернационала была партия, которая терпела в своей среде оппортунизм, все более накапливаемый десятилетиями «мирного» периода, но державшийся тайком, приспособившийся к революционным рабочим, *перенявший* у них их марксистскую терминологию, уклонявшийся от всякой ясной принципиальной размежевки. Этот тип пережил себя. Если война кончится в 1915 году, то найдутся ли среди социалистов с головой охотники в 1916 году начать снова восстанавливать рабочие партии *вместе* с оппортунистами, *зная по опыту*, что при следующем кризисе какого бы то ни было рода они *поголовно* (плюс еще все бесхарактерные и растерявшиеся люди) будут за буржуазию, которая непременно найдет предлог для запрещения разговоров о классовой ненависти и классовой борьбе?

В Италии партия была исключением для эпохи II Интернационала: оппортунисты с Биссолати во главе были удалены из партии. Результаты во время кризиса оказались *превосходны*: люди разных направлений не обманывали рабочих, не засоряли им глаза пышными цветами красноречия о «единстве», а шли каждый своей дорогой. Оппортунисты (и перебежчики из рабочей партии вроде

Муссолини) упражнялись в социал-шовинизме, прославляя (подобно Плеханову) «героическую Бельгию» и прикрывая этим политику не героической, а буржуазной Италии, желающей ограбить Украину и Галицию... тобишь Албанию, Тунис и т. д. и т. п. А социалисты *против них* вели войну с войной, подготовку *гражданской* войны. Мы вовсе не идеализируем итальянской социалистической партии, вовсе не ручаемся за то, что она окажется вполне прочной в случае вмешательства Италии в войну. Мы не говорим о будущем этой партии, мы говорим сейчас только о настоящем. Мы констатируем бесспорный *факт*, что рабочие большинства европейских стран оказались *обмануты фиктивным единством* оппортунистов и революционеров, и что Италия есть счастливое исключение — страна, где в данное время такого обмана нет. То, что было счастливым исключением для II Интернационала, должно стать и *станет* правилом для III. Пролетариат всегда будет находиться, — пока держится капитализм, — по соседству с мелкой буржуазией. Неумно отказываться иногда от временных союзов с ней, но *единство* с ней, единство с оппортунистами могут *теперь* защищать только враги пролетариата или одуроченные рутинеры пережитой эпохи.

Единство пролетарской борьбы за социалистическую революцию требует теперь, после 1914 года, безусловного отделения рабочих партий от партий оппортунистов. Что именно мы понимаем под оппортунистами, это ясно сказано в Манифесте ЦК (№ 33 «Война и рос. соц.-дем.»*).

А что мы видим в России? Полезно или вредно для рабочего движения нашей страны единство между людьми, которые так или иначе, более или менее последовательно, борются с шовинизмом и пуришкевичевским, и кадетским, и людьми, которые подпевают этому шовинизму, подобно Маслову, Плеханову, Смирнову? Между людьми, которые противодействуют войне, и людьми, которые заявляют, что не противодействуют ей, подобно влиятельным авторам «документа» (№ 34)⁴⁷? Затрудниться в ответе на этот вопрос могут только люди, которые хотят закрывать глаза.

Нам возражат, пожалуй, что в «Голосе» Мартов полемизировал с Плехановым и, вместе с рядом других друзей

* См. настоящий том, стр. 9—18. Ред.

и сторонников ОК, восвал с социал-шовинизмом. Мы не отрицаем этого и в № 33 ЦО выразили прямо приветствие Мартову. Мы были бы очень рады, если бы Мартова не «шворачивали» (см. заметку «Поворот Мартова»), мы очень желали бы, чтобы решительно антишовинистская линия стала линией ОК. Но дело не в наших и не в чьих бы то ни было желаниях. Каковы объективные факты? Во-первых, официальный представитель ОК, Ларин, почему-то молчит о «Голосе», но называет социал-шовиниста Плеханова, называет Аксельрода, написавшего одну статью (в «Berger Tagwacht»⁴⁸), чтобы не сказать ни единого определенного слова. А Ларин, кроме своего официального положения, находится не в одной только географической близости к влиятельному ядру ликвидаторов в России. Во-вторых, возьмем европейскую прессу. Во Франции и Германии газеты молчат о «Голосе», но говорят о Рубановиче, Плеханове и Чхеидзе. («Hamburger Echo»* — один из самых шовинистских органов шовинистской «социал-демократической» печати Германии — в № от 12 декабря называет Чхеидзе сторонником Маслова и Плеханова, на что намекали и некоторые газеты в России. Понятно, что все сознательные друзья Зюдекумов вполне оценивают идейную поддержку, которую оказывает Зюдекумам Плеханов.) В России миллионы экземпляров буржуазных газет разнесли «народу» весть о Маслове-Плеханове-Смирнове и никаких вестей о течении «Голоса». В-третьих, опыт легальной рабочей прессы 1912—1914 гг. вполне доказал тот факт, что источник известной общественной силы и влияния ликвидаторского течения коренится не в рабочем классе, а в слое буржуазно-демократической интеллигенции, который выделил основное ядро легалистов-писателей. О национал-шовинистском настроении этого слоя, как слоя, свидетельствует вся пресса России в согласии с письмами питерского рабочего (№№ 33, 35 «Социал-Демократа») и «документом» (№ 34). Очень возможны большие личные перегруппировки внутри этого слоя, но совершенно невероятно, чтобы, как слой, он не был «патриотическим» и оппортунистическим.

Таковы объективные факты. Считаясь с ними и вспоминая, что всем буржуазным партиям, желающим влиять

* — «Гамбургское Эхо». Ред.

на рабочих, очень выгодно иметь показное левое крыло (особенно если оно не официально), мы должны признать мысль о единстве с ОК вредной для рабочего дела иллюзией.

Политика ОК, который в далекой Швеции выступает 23/ХІ с заявлениями о единстве с Плехановым и с речами, приятными сердцу всех социал-шовинистов, а в Париже и Швейцарии ни с 13/ІХ (день выхода «Голоса») по 23/ХІ, ни с 23/ХІ по сле число (23/ХІІ) не дает о себе знать ровно хонько ничем, очень похожа на худшее политиканство. А надежды на партийно официальный характер обещанных «Отклик»⁴⁹ в Цюрихе разрушаются прямым заявлением в «Berner Tagwacht» (от 12/ХІІ), что *такого* характера эта газета носить не будет... (Кстати: в № 52 «Голоса» редакция его заявляет, что было бы худшим «национализмом» продолжение теперь раскола с ликвидаторами; эта фраза, лишенная грамматического смысла, имеет лишь тот политический смысл, что редакция «Голоса» предпочитает единство с социал-шовинистами сближению с людьми, которые относятся к социал-шовинизму непримиримо. Плохой выбор сделала редакция «Голоса».)

Нам остается, для полноты картины, сказать пару слов об с.-р. «Мысли»⁵⁰ в Париже, которая *тоже* воспевает «единство», прикрывает (сравни «Социал-Демократ» № 34) социал-шовинизм своего партийного вождя Рубановича, защищает бельгийско-французских оппортунистов и министериалистов, умалчивает о патриотических мотивах речи Керенского, одного из самых левых среди русских трудовиков, и печатает невероятно избитые мелкобуржуазные пошлости о пересмотре марксизма в народническом и оппортунистическом духе. Сказанное об с.-р. в резолюции Летнего совещания РСДРП 1913 г.⁵¹ вполне и сугубо подтверждается этим поведением «Мысли».

Некоторые русские социалисты, видимо, думают, что интернационализм состоит в готовности принять с распростертыми объятиями ту резолюцию об интернациональном оправдании социал-национализма всех стран, которую готовится составить Плеханов с Зюдекумом, Каутский с Эрве, Гед с Гайндманом, Вандервельде с Биссолати и т. д. Мы позволяем себе думать, что интернационализм состоит только в недвусмысленно интернационалистской политике внутри своей партии. Вместе с оппортунистами

и социал-шовинистами нельзя вести действительно интернациональной политики пролетариата, нельзя проповедывать противодействие войне и собирать силы для этого. Отмалчиваться или отмахиваться от этой горькой, но необходимой для социалиста, истины вредно и губительно для рабочего движения.

«Социал-Демократ» № 36,
9 января 1915 г.

Печатается по тексту газеты
«Социал-Демократ»

КАКОЕ «ЕДИНСТВО» ПРОВОЗГЛАСИЛ НА ШВЕДСКОМ СЪЕЗДЕ ЛАРИН?⁵²

В приведенной нами (№ 36) речи Ларина он мог иметь в виду только пресловутый «третьеиюльский» блок⁵³, т. е. союз, заключенный в Брюсселе 3. VII. 1914 между ОК, Троцким, Розой Люксембург, Алексинским, Плехановым, бундистами, кавказцами, литовцами, «левицей»⁵⁴, польской оппозицией и т. д. Почему Ларин ограничился намеком? Это... странно. Мы думаем, что, если жив ОК и жив этот союз, то скрывать сию истину вредно.

ЦК нашей партии и ЦК латышских с.-д. не приняли участия в этом союзе. Наш ЦК предложил 14 точных условий единства, которые ОК и «блок» не приняли, ограничившись дипломатической, уклончивой резолюцией, на деле никакого решительного поворота прежней ликвидаторской политики не обещавшей и не знаменовавшей. Вот суть наших 14 §§: 1) Резолюции о ликвидации от XII. 1908 и I. 1910 гг. подтверждаются недвусмысленно, именно так, что признается несовместимость членства с.-д. партии и выступлений против подполья, против рекламирования нелегальной печати; за открытую партию (или борьбу за нее), против революционных митингов и т. д. (как выступали «Наша Заря»⁵⁵ и «Наша Рабочая Газета»⁵⁶); 2) тоже — о выступлениях против лозунга республики и т. д.; 3) тоже — против блока с не с.-д. партией «левицей»; 4) в каждой местности должна быть единая, не разделенная по национальностям с.-д. организация; 5) отвергается «культурно-национальная автономия»; 6) рабочие призываются к «единству снизу»; членом партии может быть только входящий в нелегальную организацию; в легальной печати для учета большинства берутся

данные о групповых рабочих взносах с 1913 года; 7) конкурирующие газеты в одном городе недопустимы; «Н.Р.Г.» закрывается; основывается дискуссионный журнал; 8) подтверждаются резолюции съездов 1903 и 1907 гг. о буржуазности партии с.-р.; соглашения части с.-д. партии с с.-р. недопустимы; 9) заграничные группы подчиняются русскому ЦК; 10) о работе в профессиональных союзах подтверждается резолюция лондонского ЦК (I. 1908); необходимы нелегальные ячейки; 11) недопустимы выступления против «Страхового Совета»⁵⁷ и других страховых учреждений; «Страхование Рабочих»⁵⁸, как конкурирующий орган, закрывается; 12) кавказские с.-д. особо подтверждают §§ 5 и 4; 13) фракция Чхеидзе берет назад «культурно-национальную автономию» и признает вышеуказанные условия; 14) по «клеветническим» делам (Малиновский, Икс и т. д.) ОК и его друзья либо берут назад обвинения и клеветы, либо посылают представителя на предстоящий съезд нашей партии, чтобы перед ним подержать все свои обвинения.

Нетрудно видеть, что без этих условий, при любом словесном «обещании» еще и еще раз отречься от ликвидаторства (как на пленуме 1910 г.) ровно ничего не могло бы измениться; «единство» было бы фикцией и признанием «равноправия» ликвидаторов.

Гигантский кризис социализма, порожденный всемирной войной, вызвал величайшее напряжение сил всех групп с.-д. и стремление к собиранию всех, кто мог сблизиться по коренным вопросам отношения к войне. «Третьеиюльский» блок, которым хвастал (боясь назвать его прямо) Ларин, оказался сразу фикцией.

Еще и еще раз предостережение против фиктивного «единства» при непримиримом расхождении на деле.

РУССКИЕ ЗЮДЕКУМЫ

Слово «Зюдекум» приобрело нарицательное значение: тип самодовольного, бессовестного оппортуниста и социал-шовиниста. Это хороший признак, что все с презрением говорят о Зюдекумах. Но есть только одно средство не впасть при этом самому в шовинизм. Это средство — помогать, по мере сил, разоблачению русских Зюдекумов.

Во главе их окончательно поставил себя Плеханов своей брошюрой «О войне». Рассуждения его — сплошная замена диалектики софистикой. Софистически обвиняется немецкий оппортунизм для прикрытия оппортунизма французского и русского. В итоге получается не борьба с международным оппортунизмом, а поддержка его. Софистически оплакивается судьба Бельгии при умолчании о Галиции. Софистически смешивается эпоха империализма (т. е. эпоха, когда по общему признанию марксистов созрели уже объективные условия крушения капитализма и когда имеются налицо массы социалистического пролетариата) с эпохой буржуазно-демократических национальных движений; эпоха назревшего уже разрушения буржуазных отечеств интернациональной революцией пролетариата с эпохой их зарождения и сплочения. Софистически обвиняется в нарушении мира буржуазия Германии и замалчивается длительная и упорная подготовка войны против нее буржуазией «тройственного согласия»⁵⁹. Софистически обходится революция Базельская. Софистически подменяется социал-демократизм национал-либерализмом: желание победы царизму мотивируется интересами экономического развития России, причем даже не затрагиваются вопросы ни о национальностях России, ни о задержке ее экономического развития царизмом, ни о сравнительно

неизмеримо более быстром и успешном росте производительных сил в Германии и т. д. и т. п. Разбор всех софизмов Плеханова потребовал бы ряда статей, и еще неизвестно, стоит ли разбирать многие из его смешных нелепостей. Остановимся только на одном якобы доводе. Энгельс писал Марксу в 1870 г., что В. Либкнехт ошибочно делает себе *единственный* руководящий принцип из антибисмаркизма⁶⁰. Плеханов обрадовался, найдя эту цитату: у нас-де то же самое с антицаризмом! Но попробуйте заменить софистику (т. е. выхватывание внешнего сходства случаев вне связи событий) диалектикой (т. е. изучением всей конкретной обстановки события и его развития). Объединение Германии было необходимо, и Маркс как перед 1848 г., так и после него всегда признавал это. Энгельс еще в 1859 г. прямо звал немецкий народ на войну ради объединения⁶¹. Когда не удалось объединение революционное, Бисмарк сделал это контрреволюционно, поюнкерски. Антибисмаркизм, как *единственный* принцип, стал нелепостью, ибо завершение необходимого объединения стало фактом. А в России? Имел ли наш храбрый Плеханов мужество провозглашать заранее, что для развития России необходимо завоевать Галицию, Царьград, Армению, Персию и т. п.? Имеет ли он мужество теперь сказать это? Подумал ли он о том, что Германии надо было перейти от раздробления немцев (угнетаемых и Францией и Россией две первые трети XIX века) к объединению их, а в России великороссы не столько объединили, сколько придавили ряд других наций? Плеханов, не подумав об этом, просто прикрывает свой шовинизм, извращая смысл цитаты из Энгельса 1870 г., как Зюдекум извращает цитату из Энгельса 1891 г., когда Энгельс писал о необходимости для немцев бороться не на жизнь, а на смерть против союзных войск Франции и России.

Другим языком в другой обстановке защищает шовинизм «Наша Заря», № 7—8—9. Г-н Череванин предсказывает и призывает «поражение Германии», уверяя, что «Европа (!) восстала» против нее. Г-н А. Потресов разносит германских социал-демократов за «промах» «хуже любого преступления» и т. д., уверяя, что у германского милитаризма есть «специальные, сверхсметные грехи», что «не панславистские мечты известных русских кругов являлись угрозой европейскому миру» и пр.

Разве это не значит подпевать Пуришкевичу и социал-шовинистам, когда в легальной печати разрисовывается «сверхсметная» вина Германии и необходимость поражения ее? О том, что милитаризм России имеет во сто раз больше «сверхсметных» грехов, приходится молчать под гнетом царской цензуры. Неужели люди, не желающие быть шовинистами, не должны были при таком положении, по крайней мере, *не* говорить о поражении Германии и сверхсметных грехах ее?

«Наша Заря» не только взяла линию «непротиводействия войне»; нет, она прямо льет воду на мельницу великорусского, царско-пуришкевичевского шовинизма, проповедуя «социал-демократическими» доводами поражение Германии и выгораживая панславистов. А ведь именно писатели «Нашей Зари», не кто другой, как они, вели массовую пропаганду ликвидаторства среди рабочих в 1912—1914 годах.

Возьмем, наконец, Аксельрода, которого, как и писателей «Нашей Зари», так сердито и так неудачно прикрывает, защищает и выгораживает Мартов.

Взгляды Аксельрода, с его согласия, изложены в №№ 86 и 87 «Голоса». Это взгляды — социал-шовинистские. Вступление французских и бельгийских социалистов в буржуазное министерство Аксельрод защищает следующими доводами: 1) «Историческая необходимость, на которую так любят теперь некстати ссылаться, для Маркса отнюдь не означала пассивного отношения к конкретному злу — в ожидании социалистического переворота». Что это за путаница? При чем это? Все, что случается в истории, случается необходимо. Это — азбука. Противники социал-шовинизма ссылались не на историческую необходимость, а на *империалистский* характер войны. Аксельрод прикидывается, что не понял этого, не понял вытекающей отсюда оценки «конкретного зла»: буржуазного господства во всех странах и *своевременности* начать революционные действия, ведущие к «социальному персвороту». «Пассивными» являются социал-шовинисты, отрицая это. 2) Нельзя «игнорировать вопрос, кто явился настоящим зачинщиком» войны, «тем самым поставив все страны, подвергшиеся военному нападению, в необходимость защищать свою самостоятельность». И на той же странице признание, что «французские империалисты стремились, конечно, через два-три года вызвать войну!» За это время, извольте видеть,

усилился бы пролетариат и шансы на мир!! Но мы знаем, что за это время усилился бы любезный сердцу Аксельрода оппортунизм и шансы на его еще более подлую измену социализму. Мы знаем, что десятилетиями трое разбойников (буржуазия и правительства Англии, России, Франции) вооружались для ограбления Германии. Удивительно ли, что два разбойника напали раньше, чем трое успели получить заказанные ими новые ножи? Разве это не софизм, когда фразами о «зачинщиках» замазывается всеми социалистами бесспорно, единогласно признанная в Базеле одинаковая «виновность» буржуазии всех стран? 3) «Упрекать бельгийских социалистов за оборону своей страны» есть «не марксизм, а цинизм». Именно так Маркс назвал прудоновское отношение к восстанию Польши (1863 г.)⁶². Об исторической прогрессивности восстания Польши против царизма Маркс говорил с 1848 года постоянно. Никто не смел отрицать этого. Конкретные условия состояли в нерешенности национального вопроса на востоке Европы, т. е. в буржуазно-демократическом, а не империалистском характере войны против царизма. Это — азбука.

Бельгийской «стране» в данной конкретной войне, если относиться отрицательно или издевательски или халатно (как относятся Аксельроды) к социалистическому перевороту, нельзя помочь иначе, как помогая царизму душить Украину. Это факт. Обходить его со стороны русского социалиста есть цинизм. Кричать о Бельгии и молчать о Галиции есть цинизм.

Что же было делать бельгийским социалистам? Если они не могли совершить социального переворота вместе с французами и т. д., им надо было подчиниться большинству нации в данный момент и идти на войну. Но, подчиняясь воле класса рабовладельцев, надо было на них свалить ответственность, не голосовать кредитов, послать Вандервельде не в министерские поездки к эксплуататорам, а в организаторы (вместе с революционными социал-демократами всех стран) нелегальной революционной пропаганды «социалистического переворота» и гражданской войны; надо было и в армии вести эту работу (опыт показал, что возможно даже «братанье» рабочих-солдат в траншеях воюющих армий!). Болтать о диалектике и марксизме и не уметь соединить необходимое (если оно на время необходимо) подчинение большинству с револю-

ционной работой при всяких условиях есть издевательство над рабочими, насмешка над социализмом. «Граждане Бельгии! Нашу страну постигло великое несчастье, его вызвала буржуазия *всех* стран и Бельгии в том числе. Вы не хотите свергнуть этой буржуазии, не верите в апелляцию к социалистам Германии? Мы в меньшинстве, я подчиняюсь вам и иду на войну, но я и на войне буду проповедывать, буду готовить гражданскую войну пролетариев всех стран, ибо вне этого нет спасения крестьянам и рабочим Бельгии и других стран!» За такую речь депутат Бельгии или Франции и т. п. сидел бы в тюрьме, а не в кресле министра, но он был бы социалистом, а не изменником, о нем говорили бы теперь в траншеях и французские и немецкие солдаты-рабочие, как о *своем* вожде, а не как о предателе рабочего дела. 4) «Пока существуют отечества, пока жизнь и движение пролетариата будут в такой мере, как до сих пор, втиснуты в рамки этих отечеств, и он не будет вне их чувствовать особой, другой, интернациональной, почвы, до тех пор для рабочего класса вопрос о патриотизме и самообороне будет существовать». Буржуазные отечества будут существовать, пока их не разрушит интернациональная революция пролетариата. Почва для нее уже есть, как это признавал даже Каутский в 1909 г., как это единогласно признали в Базеле и как доказывает теперь *факт* глубокого сочувствия рабочих всех стран людям, не вотирующим кредитов, не боящимся тюрьмы и прочих жертв, в силу «исторической необходимости», связанных со всякой революцией. Фраза Аксельрода есть лишь *отговорка* от революционной деятельности, есть лишь повторение доводов шовинистской буржуазии. 5) Совершенно такой же смысл имеют его слова, что поведение немцев *не* было изменой, что причиной их поведения является «живое чувство, сознание органической связи с тем куском земли, отечеством, на котором живет и работает немецкий пролетариат». На деле поведение немцев, как и Геда и пр., несомненная измена; прикрывать и защищать ее недостойно. На деле именно буржуазные отечества разрушают, уродуют, ломают, калечат «живую связь» немецкого рабочего с немецкой землей, создавая «связь» раба с рабовладельцем. На деле *только* разрушение буржуазных отечеств может дать рабочим всех стран «связь с землей», свободу родного

языка, кусок хлеба и блага культуры. Аксельрод — просто апологет буржуазии. 6) Проповедывать рабочим «осторожность с обвинениями в оппортунизме» таких «испытанных марксистов, как Гед», и т. д. значит проповедывать рабочим холопство перед вождями. Учитесь на примере всей жизни Геда, скажем мы рабочим, *кроме* его явной измены социализму в 1914 г. Может быть, найдутся личные или другие обстоятельства, смягчающие его вину, но речь идет вовсе не о виновности *лиц*, а о социалистическом значении *событий*. 7) Ссылка на «формальную» допустимость вступления в министерство, ибо есть-де пунктик резолюции об «исключительно важных случаях», равняется самому бесчестному адвокатскому крючкотворству, ибо смысл этого пунктика, очевидно, есть *содействие* интернациональной революции пролетариата, а не *противодействие* ей. 8) Заявление Аксельрода: «поражение России, не могущее затронуть органического развития страны, могло бы ликвидировать старый режим», верно само по себе, взятое отдельно, но, взятое в связи с оправданием немецких шовинистов, оно представляет из себя не что иное, как попытку *подслужиться* к Зюдекумам. Признать пользу поражения России, не обвиняя открыто в измене немецких и австрийских социал-демократов, значит *на деле* помогать им оправдаться, вывернуться, обмануть рабочих. Статья Аксельрода есть двойной поклон: один в сторону немецких социал-шовинистов, другой в сторону французских. Взятые вместе, эти поклоны и составляют образцовый «российско-бундовский» социал-шовинизм.

Пусть судит теперь читатель о последовательности редакции «Голоса», которая, печатая эти возмутительнейшие рассуждения Аксельрода, оговаривает лишь несогласие с «некоторыми положениями» его и затем в передовице № 96 проповедует «резкий разрыв с элементами активного социал-патриотизма». Неужели редакция «Голоса» так наивна или так невнимательна, что она не видит правды? не видит того, что рассуждения Аксельрода — *сплошь* являются «элементами активного (ибо активность писателя есть его писание) социал-патриотизма»? А писатели «Нашей Зари», гг. Череванин, А. Потресов и К^о, это не элементы активного социал-патриотизма?

РЕДАКЦИИ «НАШЕГО СЛОВА»⁶³

Берн, 9/II 1915 г.

Уважаемые товарищи!

В Вашем письме от 6 февраля Вы предлагаете нам план борьбы с «официальным социал-патриотизмом», по поводу проектируемой Лондонской конференции социалистов «союзных стран» тройственного согласия⁶⁴. Как Вы видите, конечно, из нашего органа «Социал-Демократ», мы стоим на точке зрения этой борьбы вообще и ведем ее. Поэтому мы очень рады Вашему обращению и с удовольствием принимаем Ваше предложение об обсуждении плана совместных действий.

Конференция, намечавшаяся, говорят, на 15 февраля (мы ни одного документа о ней не получили), будет может быть отсрочена до 25 февраля и позже (судя по письму Гюисманса, сообщавшего о заседании Исполнительной комиссии на 20 февраля и о плане личных переговоров членов (секретаря) Исполнительной комиссии с социалистами Франции, Англии и России). Возможно также, что конференция планируется не официальных членов МСБ, а как *частные* совещания отдельных «видных» социалистов.

Поэтому то противопоставление «официальному социал-патриотизму» «ясной, революционной и интернационалистской» точки зрения, о котором Вы пишете и которому мы вполне сочувствуем, должно быть изготовлено *на все возможные случаи* (и на случай конференции официальных представителей партий и на случай частного совещания во всех его формах и на 15 февраля и на более позднее время).

Со своей стороны, мы предлагаем, отвечая Вашему желанию, следующий проект декларации, содержащий такое противопоставление (с тем, чтобы прочесть и напечатать эту декларацию):

«Нижеподписавшиеся представители социал-демократических организаций России (Англии и т. д.) исходят из того убеждения,

что настоящая война является не только со стороны Германии и Австро-Венгрии, но и со стороны Англии и Франции (действующих в союзе с царизмом), империалистской войной, т. е. войной эпохи последней ступени развития капитализма, эпохи, когда отжили свое время буржуазные государства в национальных границах, войной, направленной исключительно к захвату колоний, грабежу конкурирующих стран и к ослаблению пролетарского движения путем натравливания пролетариев одной страны на пролетариев другой.

Поэтому безусловным долгом социалистов всех воюющих стран является немедленное и решительное исполнение Базельской резолюции, а именно:

1) разрыв национальных блоков и Burgfrieden* во всех странах;

2) призыв рабочих всех воюющих стран к энергичной классовой борьбе, как экономической, так и политической, против буржуазии своей страны, буржуазии, наживающей неслыханные прибыли на военных поставках и пользующейся поддержкой военных властей для затыкания рта рабочим и усилению гнета над ними.

3) решительное осуждение всякого вотирования военных кредитов.

4) выход из буржуазных министерств Бельгии и Франции и признание вступления в министерства и вотирования кредитов такой же изменой делу социализма, каким является все поведение германских и австрийских социал-демократов;

5) немедленно протянуть руку интернационалистским, отказывающимся вотировать военные кредиты, элементам немецкой социал-демократии и образование вместе с ними международного комитета для агитации за прекращение войны не в духе пацифистов, христиан и

* — гражданского мира. *Ред.*

мелкобуржуазных демократов, а в неразрывной связи с проповедью и организацией массовых революционных действий пролетариев каждой страны против правительств и буржуазии своей страны;

6) поддержка всех попыток сближения и братанья в войске и в траншеях между социалистами воюющих стран вопреки запрещениям военных властей Англии, Германии и т. д.

7) призыв женщин социалисток воюющих стран к усилению агитации в вышеуказанном направлении;

8) призыв к поддержке всем международным пролетариатом борьбы против царизма и тех социал-демократических депутатов России, которые не только отказались голосовать кредиты, но и не остановились перед опасностью преследований, ведя свою социалистическую работу в духе интернациональной революционной социал-демократии».

* * *

Что касается до некоторых социал-демократических литераторов России, выступавших с защитой официального социал-патриотизма (как, напр., Плеханов, Алексинский, Маслов и др.), то нижеподписавшиеся слагают с себя всякую ответственность за их выступления, решительно протестуют против них и заявляют, что социал-демократические рабочие России, по всем данным, не стоят на этой точке зрения.

Само собою понятно, что официальный представитель нашего ЦК в МСБ, т. Литвинов (адрес*). Мы посылаем ему Ваше письмо и копию нашего ответа Вам. Просим Вас по всем спешным делам обращаться к нему непосредственно) самостоятельно решает вопрос о тех или иных частных поправках, отдельных шагах в переговорах и т. д., — мы можем заявить лишь о нашей *полной* солидарности с этим товарищем во *всем* существенном.

Что касается до ОК и Бунда, кои имеют официальное представительство в МСБ, то мы имеем основания опасаться, что они стоят за «официальный социал-патриотизм» (в его франкофильской, германофильской или прими-

---

* Адрес М. М. Литвинова в рукописи не приведен. Ред.

ряющей эти обе тенденции форме). Во всяком случае мы будем очень рады, если Вы не откажете сообщить нам как Ваш ответ (Ваши поправки, Ваш контрпроект декларации и т. д.), так и ответ тех организаций (ОК, Бунд и т. д.), к которым Вы обратились и обратитесь.

С товарищеским приветом

Ленин

Адрес мой: *

*Впервые напечатано в 1931 г.
в Ленинском сборнике XVII*

Печатается по рукописи

---

* В рукописи адрес не приведен. Ред.

КАК ПОЛИЦИЯ И РЕАКЦИОНЕРЫ ОХРАНЯЮТ ЕДИНСТВО ГЕРМАНСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

Немецкая социал-демократическая газета в Готе, «Готский Народный Листок» в № от 9 января поместила статью под заглавием: «Политика социал-демократической парламентской фракции под защитой полиции».

«Два первые дня практики предварительной цензуры, — пишет газета, поставленная под эту приятную опеку военного начальства, — показывают с полной ясностью, что центральные власти в особенности заботятся о том, чтобы заткнуть рот неудобным критикам политики социал-демократической фракции внутри наших рядов. Целью стремлений цензуры является сохранение «партийного мира» в социал-демократической партии, или, другими словами, сохранение «единой», «сплоченной» и могучей немецкой социал-демократии. Социал-демократия, опекаемая правительством, — вот самое важное событие во внутренней политике нашего «великого» времени, эпохи возрождения немецкой народности.

Вот уж несколько недель, как политики, заседающие в нашей социал-демократической фракции, развернули энергичную агитацию за свои взгляды. В нескольких очень крупных партийных центрах они встретили сильную оппозицию. Их пропаганда вызвала у рабочих настроение не за голосующих военные кредиты, а как раз против них. И поэтому военные власти постарались помочь им, пуская в ход то цензурные запрещения, то отмену свободы собраний. У нас в Готе помогает социал-демократической фракции — военная цензура, в Гамбурге — известное запрещение собраний».

Приводя эти слова, швейцарская социал-демократическая газета в Берне отмечает факт подчинения предварительной цензуре целого ряда социал-демократических газет в Германии и добавляет с своей стороны: «Итак, единодушию немецкой прессы скоро уже ничто не будет мешать. Если где-нибудь попробуют нарушить его, — военная диктатура быстро и твердо положит этому конец, по прямому или косвенному доносу «социал-демократов» — сторонников партийного мира».

Оппортунистические социал-демократические газеты, действительно, прямо и косвенно доносят на радикальные!

Факты доказывают, следовательно, что мы были вполне правы, когда писали в № 36 «Социал-Демократа»: «оппортунисты, это — буржуазные враги пролетарской революции... в эпохи кризиса они *сразу* оказываются открытыми союзниками *всей* объединенной буржуазии»*. Единство, как лозунг социал-демократической партии в наши дни, означает единство с оппортунистами и подчинение им (или их блоку с буржуазией). Это — лозунг, *на деле* помогающий полиции и реакционерам, губительный для рабочего движения.

Кстати. Отметим выход прекрасной брошюры Борхардта (на немецком языке): «До и после 4-го августа 1914 г.» с подзаголовком: «Отреклась ли от себя немецкая социал-демократия?». Да, отреклась, отвечает автор, показывая вопиющее противоречие партийных заявлений *до* 4 августа с политикой «четвертого августа». Мы не остановимся ни перед какими жертвами в войне с войной — говорили социал-демократы Германии (и других стран) до 4 августа 1914 г. А 28 сентября 1914 г. член Центрального Комитета Отто Браун ссылался на 20 млн. капитала в легальных газетах и на 11 000 служащих. Десятки тысяч развращенных легализмом вожаков, чиновников и привилегированных рабочих дезорганизовали миллионную армию социал-демократического пролетариата.

Урок отсюда яснее ясного: решительный разрыв с шовинизмом и оппортунизмом. А пустенькие с.р. болтуны (Ю. Гарденин⁶⁵ и К⁰) в пустенькой парижской «Мысли» отрекаются от марксизма в пользу мелкобуржуазных идей!

* См. настоящий том, стр. 92. Ред.

Забыта азбука политической экономии и мировое развитие капитализма, порождающее только один революционный класс — пролетариат. Забыты чартизм, июнь 1848 г., Парижская Коммуна, октябрь и декабрь 1905 г. Рабочие идут к своей всемирной революции не иначе, как через ряд поражений и ошибок, неудач и слабостей, но они идут к ней. Надо быть слепым, чтобы не видеть буржуазного и мелкобуржуазного влияния на пролетариат, как основной и главной, коренной причины позора и краха Интернационала в 1914 году. А краснобаи Гарденины и К^о хотят лечить социализм полным отречением от его единственной общественно-исторической основы, классовой борьбы пролетариата, и окончательным разбавлением марксизма филистерской, интеллигентски-народнической водичей. Не упорная работа в направлении полного разрыва пролетарского революционного движения с оппортунизмом, а соединение этого движения с оппортунистами типа Ропшиных⁶⁶ и Черновых, которые позавчера были либералами с бомбой, вчера ренегатствовали, как либералы, сегодня продолжают упиваться сладенькими буржуазными фразами о «трудовом» начале!! Гарденины не лучше Зюдекумов, социалисты-революционеры не лучше ликвидаторов: недаром те и другие так любовно обнялись в журнале «Современник»⁶⁷, проводящем специально программу слияния социал-демократов и социалистов-революционеров.

«Социал-Демократ» № 39,
3 марта 1915 г.

Печатается по тексту газеты
«Социал-Демократ»

О ЛОНДОНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Приводим, в сокращении, письмо представителя РСДРП: «Лондон, 14 февраля 1915 года. Вчера ночью получил от секретаря Британской секции Интернационала адрес конференции в ответ на мое письмо, где я сообщал свой адрес, не напрашиваясь на приглашение. Я решил пойти, чтобы попытаться прочесть декларацию. Застал от с.-р. Рубановича (от социал-шовинистов), Чернова и Боброва от «Мысли»; от ОК Майского, делегированного вместе с Мартовым, — последний не явился, не получив пропуска. Делегатов было 11 от Англии (Кейр-Гарди председатель, Макдональд и другие), 16 от Франции (Самба, Вальян и др.), 3 от Бельгии (Вандервельде и др.).

Председатель открыл конференцию сообщением, что цель ее — обмен мнений, а не принятие резолюций. Один из французов предлагает поправку — отчего не закрепить мнения *большинства* резолюцией? Молчаливо принято.

В порядке дня: 1) права наций — Бельгия, Польша; 2) колонии; 3) гарантии мира. Выбирается мандатная комиссия (Рубанович и др.). Решено, чтобы по одному представителю от каждой страны сделали краткие сообщения об отношении к войне. Я беру слово и заявляю протест против неприглашения официального представителя нашей партии в Международном социалистическом бюро (тов. Максимович⁶⁸ уже давно, больше года, член МСБюро от нашей партии, живущий постоянно в Лондоне). Председатель перебивает, ссылаясь на приглашение всех, «чьи имена известны». Я протестую вторично против

неизвещения действительных представителей. Затем ссылаюсь на наш Манифест (см. «Социал-Демократ» № 33: «Война и российская социал-демократия»*), дающий общее отношение к войне и посланный в МСбюро. Прежде чем говорить об условиях мира, надо выяснить, какими средствами будем добиваться его, а для этого необходимо установить, есть ли общая революционная социал-демократическая база, совещаемся ли мы, как шовинисты, пацифисты или социал-демократы. Читаю нашу декларацию, но председатель не дает мне кончить, заявляя, что мое положение, как делегата, еще не выяснено (!!) и что они собрались «не для критики разных партий» (!!!). Я заявляю, что продолжу свою речь после доклада мандатной комиссии». (Текст декларации, который не дали прочесть нам, печатается в следующем номере.)

«Краткие заявления об общей позиции делают Вальян, Вандервельде, Макдональд, Рубанович. Затем по докладу мандатной комиссии Майскому предлагается самому решить, может ли он единолично представлять ОК, а мне «разрешается» участвовать. Я благодарю конференцию за «любезность» и хочу продолжать декларацию для выяснения того, могу ли я остаться. Председатель перебивает, не разрешая ставить «условия» конференции. Тогда я прошу разрешения сообщить, по каким мотивам я не буду участвовать в конференции. Отклонено. Тогда позвольте заявить, что РСДРП в конференции не участвует, а о причинах оставляю письменную декларацию у председателя. Собираю бумаги и ухожу...

Председателю было передано заявление председателя ЦК Латышской социал-демократии (Берзина), что он всецело присоединяется к нашей декларации».

Делегатам конференции запрещено сообщать что-либо печати, но к уходу тов. Максимовича это, разумеется, не относится, и орган, в котором участвует Кейр-Гарди, «Labour Leader»⁶⁹, отметил уход Максимовича и его точку зрения в общих чертах.

К Лондонской конференции и ее резолюциям мы, по недостатку места, вынуждены вернуться в следующем номере. Отметим пока полную непригодность ее резолюций, лишь прикрывающих социал-шовинизм.

* См. настоящий том, стр. 9—18. *Ред.*

Картина русского представительства: ЦК и латышские социал-демократы решительно и ясно против социал-шовинизма. ОК ликвидаторов обретається в нетях или путается в ногах. У с.-р. «партия» (Рубанович) за социал-шовинизм, «Мысль» (Бобров и Чернов) в оппозиции, которую мы оценим, когда узнаем, каково их заявление.

«Социал-Демократ» № 39,
3 марта 1915 г.

Печатается по тексту газеты
«Социал-Демократ»

ПОД ЧУЖИМ ФЛАГОМ ⁷⁰

Написано не ранее февраля 1915 г.

*Впервые напечатано в 1917 г.
в I «Сборнике» книгоиздательства
«Прилив». Москва*

Подпись: Н. Константинов

Печатается по тексту «Сборника»

В № 1 «Нашего Дела» (Петроград, январь 1915)⁷¹ была напечатана чрезвычайно характерная программная статья г. А. Потресова: «На рубеже двух эпох». Как и предыдущая статья того же автора, помещенная в одном из журналов несколько ранее, данная статья излагает основные идеи целого буржуазного течения общественной мысли в России, именно, — течения ликвидаторского — по важным и злободневным вопросам современности. Собственно говоря, перед нами не статьи, а манифест известного направления, и всякий, кто внимательно прочтет их и вдумается в их содержание, тот увидит, что только случайные, т. е. посторонние чисто литературным интересам, соображения помешали мыслям автора (и его друзей, ибо автор не одиночка) быть выраженными в более подходящей форме декларации или «кредо» (исповедания веры).

Главная мысль А. Потресова состоит в том, что современная демократия находится на рубеже двух эпох, причем коренное отличие старой эпохи от новой состоит в переходе от национальной ограниченности к международной. Под современной демократией А. Потресов имеет в виду ту, которая характерна для самого конца XIX и начала XX века, в отличие от старой, буржуазной демократии, характерной для конца XVIII и первых двух третей XIX века.

На первый взгляд может показаться, что мысль автора безусловно правильна, что перед нами противник господствующего ныне в современной демократии

национально-либерального направления, что автор — «международник», а не национал-либерал.

В самом деле, защита международности, отнесение национальной ограниченности и национальной исключительности к чертам старой, миновавшей эпохи — разве это не решительный разрыв с поветрием национал-либерализма, этой язвой современной демократии или, вернее, официальных представителей ее?

На первый взгляд не только может, но почти неизбежно должно показаться так. А между тем это коренная ошибка. Автор везет свой груз под чужим флагом. Он употребил — сознательно или бессознательно, это все равно в данном случае — маленькую военную хитрость, выкинул флаг «международности» с той целью, чтобы безопаснее провезти под этим флагом контрабандный груз национал-либерализма. Ибо А. Потресов несомненный национал-либерал. Вся суть его статьи (и его программы, его платформы, его «кредо») состоит именно в применении этой маленькой, если хотите, невинной военной хитрости, в провозе оппортунизма под флагом международности. На разъяснении этой сути необходимо остановиться со всей подробностью, ибо вопрос — громадной, первостепеннейшей важности. А употребление чужого флага А. Потресовым тем опаснее, что он прикрывается не только принципом «международности», но и званием сторонника «марксовой методологии». Другими словами, А. Потресов хочет быть истинным последователем и выразителем марксизма, а на деле он подменяет марксизм национал-либерализмом. А. Потресов хочет «поправить» Каутского, обвиняя его в «адвокатстве», т. е. в защите либерализма цвета то одной, то другой нации, цвета разных наций. А. Потресов хочет национал-либерализму (ибо это совершенно несомненно и неоспоримо, что Каутский стал ныне национал-либералом) противопоставить международность и марксизм. А на деле А. Потресов противопоставляет национал-либерализму *пестрому* национал-либерализм *одноцветный*. Марксизм же враждебен — и для данной конкретной исторической ситуации, во всех отношениях враждебен — всякому национал-либерализму.

Что это действительно так и почему это так — об этом и пойдет теперь речь.

I

Гвоздь злоключений А. Потресова, приведших к тому, что он оказался плывущим под национал-либеральным флагом, может быть легче всего понят, если читатель внимет в следующее место статьи:

....«Со всем свойственным им (Марксу и его товарищам) темпераментом они бросались на преодоление проблемы, как бы сложна она ни была, они ставили диагноз конфликту, они пытались определить, *успех какой стороны* открывает больше простора желательным с их точки зрения возможностям, и устанавливали таким образом известную базу для постройки своей тактики» (с. 73, курсив в цитатах наш).

«Успех какой стороны желательнее» — вот что надо определить, и притом не с национальной, а с международной точки зрения; вот в чем суть марксовой методологии; вот чего не дает Каутский, превращаясь таким образом из «судьи» (из марксиста) в «адвоката» (национал-либерала). Такова мысль А. Потресова. Сам А. Потресов глубочайше убежден, что он вовсе не «адвокатствует», отстаивая желательность успеха одной из сторон (а именно своей стороны), а руководствуется истинно-международными соображениями о «сверхсметных» грехах другой стороны.....

И Потресов, и Маслов, и Плеханов и т. д. руководствуются истинно-международными соображениями, приходя к тем же выводам, что и первый из них..... Это наивно до..... Впрочем, не будем забегать вперед, а закончим сначала разбор чисто теоретического вопроса.

«Успех какой стороны желательнее»⁷², определял Маркс, например, в итальянской войне 1859 года. А. Потресов останавливается именно на этом примере, «имеющем для нас, ввиду некоторых его особенностей, специальный интерес». Мы, с своей стороны, тоже согласны взять пример, выбранный А. Потресовым.

Якобы ради освобождения Италии, а на деле в своих династических целях, Наполеон III объявил в 1859 году войну Австрии.

«Из-за спины Наполеона III, — пишет А. Потресов, — вырисовывалась фигура Горчакова, только что перед тем заключившего скретное соглашение с императором

французов». Получается клубок противоречий: на одной стороне реакционнейшая европейская монархия, угнетавшая Италию, на другой — представители освобождающейся и революционной Италии, вплоть до Гарибальди, рука об руку с архиреакционером Наполеоном III и т. д. «Не проще ли было, — пишет А. Потресов, — отойти от греха, сказав: «оба хуже»? Однако ни Энгельс, ни Маркс, ни Лассаль не соблазнились «простотой» такого решения, а принялись за изыскание вопроса» (А. Потресов хочет сказать: за изучение и исследование вопроса), «какой исход столкновения может представить наибольшие шансы тому делу, которое дорого всем им».

Маркс и Энгельс находили, вопреки Лассалю, что Пруссия должна вмешаться. В числе их соображений, — по признанию самого А. Потресова, — были соображения «и о возможном, в результате столкновения с враждебной коалицией, национальном движении в Германии, которое разовьется через головы ее многочисленных властителей, и о том, какая держава в европейском концерте представляет центральное зло: реакционная придунайская монархия или другие выдающиеся представители этого концерта».

Нам не важно, — заключает А. Потресов, — был ли прав Маркс или Лассаль; важно то, что все сходятся в необходимости определить с международной точки зрения, успех какой стороны желательнее.

Таков пример, взятый А. Потресовым; таково рассуждение нашего автора. Если Маркс тогда умел «расценивать международные конфликты» (выражение А. Потресова), несмотря на крайнюю реакционность правительств *обеих* воюющих сторон, то и теперь марксисты обязаны дать *подобную* расценку, — умозаключает А. Потресов.

Это умозаключение наивно-детское или грубо-софистическое, ибо оно сводится к следующему: так как Маркс в 1859 г. решал вопрос о том, успех какой *буржуазии* желательнее, поэтому и мы, более полувека спустя, должны решать такой же именно вопрос.

А. Потресов *не заметил*, что у Маркса в 1859 г. (и в целом ряде случаев более поздних) вопрос о том, «успех какой стороны желательнее», равняется вопросу о том, «успех какой *буржуазии* желательнее». А. Потресов *не заметил*, что Маркс решал известный нам вопрос тогда,

когда были налицо — и не только были налицо, а стояли на первом плане исторического процесса в важнейших государствах Европы — безусловно *прогрессивные буржуазные* движения. В наши дни, по отношению, напр., к таким, безусловно центральным и важнейшим фигурам европейского «концерта», как Англия и Германия, смешно было бы и думать о прогрессивной буржуазии, о прогрессивном буржуазном движении. Старая буржуазная «демократия» этих центральных и важнейших государственных величин стала реакционной. А г. А. Потресов «забыл» об этом и подменил вопрос о точке зрения *современной* (не буржуазной) демократии точкой зрения *старой* (буржуазной) якобы демократии. Этот переход на точку зрения иного, и притом старого, отжившего класса есть чистейший оппортунизм. Об оправдании такого перехода анализом объективного содержания исторического процесса в старую и в новую эпоху не может быть и речи.

Именно буржуазия — напр., в Германии, да и в Англии тоже — старается совершить такой подмен, какой совершен А. Потресовым, подмен империалистической эпохи эпохой буржуазно-прогрессивных, национально-освободительных и демократически-освободительных движений. А. Потресов не критически плетется за буржуазией. И это тем более непростительно, что сам А. Потресов в им же самим взятом примере должен был признать и указать, какого рода соображениями руководились Маркс, Энгельс и Лассаль в эпоху давно миновавшую*.

Во-1-х, это были соображения о национальном движении (Германии и Италии), о том, чтобы оно развилось через головы «представителей средневековья»; во-2-х, соображения о «центральном зле» реакционных монархий (австрийской, наполеоновской и т. д.) в европейском концерте.

* Между прочим, А. Потресов отказывается решать, Маркс или Лассаль был прав в оценке условий войны 1859 г. Мы думаем, что прав был (вопреки Мерингу) Маркс, а Лассаль был и тогда, как и в своих загрызаниях с Бисмарком, оппортунистом. Лассаль приспособлялся к победе Пруссии и Бисмарка, к отсутствию достаточной силы у демократических национальных движений Италии и Германии. Тем самым Лассаль шатался в сторону национально-либеральной рабочей политики. Маркс же поощрял, развивая самостоятельную, последовательно-демократическую, врандсбную национально-либеральной грустости политику (вмешательство Пруссии против Наполеона в 1859 г. подтолкнуло бы народное движение в Германии). Лассаль поглядывал больше не вниз, а вверх, заглядывался на Бисмарка. «Успех» Бисмарка несколько не оправдывает оппортуниста Лассали.

Это соображения совершенно ясные и бесспорные. Марксисты никогда не отрицали прогрессивности буржуазно-национальных освободительных движений против феодально-абсолютистских сил. А. Потресов не может не знать, что *ничего подобного* в центральных, т. е. главнейших, важнейших конфликтных государствах нашей эпохи нет и быть не могло. Тогда были и в Италии, и в Германии *десятилетиями* тянувшиеся народные движения национально-освободительного типа. Тогда не западная буржуазия поддерживала своими финансами известные остальные государственные величины, а, наоборот, эти величины были *действительно* «центральным злом». А. Потресов не может не знать, — он сам это в той же статье признает, что в нашу эпоху «центральным злом» *ни единая* из остальных государственных величин не является и быть не может.

Буржуазия (напр., германская, хотя вовсе не одна только она) из корыстных целей подогревает идеологию национальных движений, стараясь перенести ее в эпоху империализма, т. е. совсем в иную эпоху. За буржуазией плетутся, как и всегда, оппортунисты, *покидая* точку зрения *современной* демократии, переходя на точку зрения *старой* (буржуазной) демократии. Именно в этом основной грех всех статей и всей позиции, всей линии А. Потресова и его ликвидаторских единомышленников. Маркс и Энгельс в эпоху *старой* (буржуазной) демократии решали вопрос о том, успех какой буржуазии желательнее, заботясь о развитии либерально-скромного движения в демократически-бурное. А. Потресов в эпоху *современной* (не буржуазной) демократии проповедует буржуазный национал-либерализм, когда ни в Англии, ни в Германии, ни во Франции о буржуазно-прогрессивных движениях, ни либерально-скромных, ни демократически-бурных, не может быть и речи. Маркс и Энгельс от *своей* эпохи, от эпохи буржуазно-национальных прогрессивных движений, шли *вперед*, толкая *эти* движения дальше, заботясь, чтобы они развивались «через головы» представителей средневековья.

А. Потресов, как и все социал-шовинисты, от *своей* эпохи современной демократии пятится назад, перескакивая на давно отжившую, мертвую и потому внутренне-живую точку зрения *старой* (буржуазной) демократии.

Поэтому величайшей путаницей и величайшим реакционным призывом является следующий призыв А. Потресова к демократии.

.....«Иди не назад, а вперед. Не к индивидуализму, а к международному сознанию во всей его целостности и во всей его силе. Вперед, т. е. в известном смысле и назад: назад к Энгельсу, Марксу, Лассалю, к их методу оценки международных конфликтов; к их включению и международного действия государств в общий круг демократического использования».

А. Потресов не в «известном смысле», а во всех смыслах тащит современную демократию *назад*, к лозунгам и идеологии старой буржуазной демократии, к зависимости масс от буржуазии..... Метод Маркса состоит прежде всего в том, чтобы учесть *объективное* содержание исторического процесса в данный конкретный момент, в данной конкретной обстановке, чтобы прежде всего понять, движение *какого* класса является главной пружиной возможного прогресса в этой конкретной обстановке. Тогда, в 1859 году, объективным содержанием исторического процесса в континентальной Европе был не империализм, а были национально-буржуазные освободительные движения. Главной пружиной было движение буржуазии против феодально-абсолютистских сил. А премудрый А. Потресов, 55 лет спустя, когда место реакционных феодалов заняли уподобившиеся им магнаты финансового капитала одряхлевшей буржуазии, хочет оценивать международные конфликты с точки зрения *буржуазии, а не нового класса* *.

А. Потресов не вдумался в значение той истины, которую он произнес в этих словах. Положим, две страны воюют между собой в эпоху буржуазных, национальных и освободительных движений. Какой стране желать успеха с точки зрения современной демократии? Ясно, что той, успех которой сильнее подтолкнет и более бурно разовьет освободительное движение буржуазии, сильнее подорвет феодализм. Положим, далее, что *определяющий* момент объективной исторической обстановки изменился, и на

* «На самом деле, — пишет А. Потресов, — как раз за этот период будто бы встал внутри каждой страны протекли огромные молекулярные процессы, да и международная обстановка исподволь перерождалась, ибо в ней *определяющим* моментом все явственное становилась подпитка колониальных приобретений, воществующего империализма».

место национально-освобождающегося капитала встал интернациональный реакционный, финансовый, империалистский капитал. Первая владет, положим, $\frac{3}{4}$ Африки, а вторая $\frac{1}{4}$. Объективное содержание их войны — передел Африки. Какой стороне желать успеха? Вопрос, в прежней его постановке, нелепый, ибо у нас нет прежних критериев оценки: нет ни многолетнего развития буржуазного освободительного движения, ни многолетнего процесса краха феодализма. Не дело современной демократии ни помогать первой закрепить свое «право» на $\frac{3}{4}$ Африки, ни помогать второй (хотя бы она развивалась экономически быстрее первой) отнять себе эти $\frac{3}{4}$.

Современная демократия останется верна себе лишь в том случае, если не присоединится ни к одной империалистской буржуазии, если скажет, что «обе хуже», если в каждой стране будет желать неуспеха империалистской буржуазии. Всякое иное решение будет на деле национально-либеральным, не имеющим ничего общего с истинной международной.

Пусть только читатель не дает себя обмануть вычурной терминологией А. Потресова, которой он прикрывает свой переход на точку зрения буржуазии. Когда А. Потресов восклицает: «не к индивидуализму, а к международному сознанию во всей его целостности и во всей его силе», то он имеет в виду противопоставлять точке зрения Каутского свою точку зрения. Взгляд Каутского (и подобных ему) он называет «индивидуализмом», имея в виду, что Каутский отказывается учесть, «успех какой стороны желательнее», и оправдывает национал-либерализм рабочих каждой «индивидуальной» страны. А вот, дескать, мы, А. Потресов, Череванин, Маслов, Плеханов и пр., мы апеллируем к «международному сознанию во всей его целостности и силе», ибо мы стоим за национал-либерализм одного определенного цвета вовсе не с индивидуально-государственной (или индивидуально-национальной) точки зрения, а с истинно-международной... Это рассуждение было бы смешно, когда бы не было так... позорно.

И А. Потресов с К⁰ и Каутский плетутся за буржуазией, изменив точке зрения того класса, который они силятся представлять.

II

А. Потресов озаглавил свою статью: «На рубеже двух эпох». Бесспорно, мы живем на рубеже двух эпох, и происходящие перед нами величайшей важности исторические события могут быть поняты лишь при анализе, в первую голову, объективных условий перехода от одной эпохи к другой. Речь идет о больших исторических эпохах; в каждой эпохе бывают и будут отдельные, частичные движения то вперед, то назад, бывают и будут различные отклонения от среднего типа и от среднего темпа движений. Мы не можем знать, с какой быстротой и с каким успехом разовьются отдельные исторические движения данной эпохи. Но мы можем знать и мы знаем, какой класс стоит в центре той или иной эпохи, определяя главное ее содержание, главное направление ее развития, главные особенности исторической обстановки данной эпохи и т. д. Только на этой базе, т. е. учитывая в первую голову основные черты различия разных «эпох» (а не отдельных эпизодов истории отдельных стран), можем мы правильно построить свою тактику; и только знание основных черт данной эпохи может послужить базой для учета более детальных особенностей той или иной страны.

Вот именно в этой области и лежит коренной софизм А. Потресова и Каутского (его статья напечатана в том же номере «Нашего Дела») или коренная историческая ошибка их обоих, приводящая того и другого к национал-либеральным, а не к марксистским выводам.

Дело в том, что пример, взятый А. Потресовым и представивший для него «специальный интерес», пример итальянской кампании 1859 г. и целый ряд *аналогичных* исторических примеров, взятых Каутским, — относятся *именно не к тем* историческим эпохам, «на рубеже» которых мы живем. Назовем ту эпоху, в которую мы вступаем (или вступили, но которая находится в своей начальной стадии), современной (или третьей) эпохой. Назовем ту, из которой мы только что вышли, вчерашней (или второй) эпохой. Тогда придется назвать эпоху, из которой берут свои примеры А. Потресов и Каутский, позавчерашней (или первой) эпохой. Возмутительный софизм, непременная ложь рассуждений и А. Потресова и Каутского состоят как раз в том, что они подменяют условия

современной (третьей) эпохи условиями позавчерашней (первой) эпохи.

Объяснимся.

Обычное деление исторических эпох, много раз приводившееся в марксистской литературе, неоднократно повторявшееся Каутским и принимаемое А. Потресовым в его статье, таково: 1) 1789—1871; 2) 1871—1914; 3) 1914 — ? Разумеется, грани здесь, как и все вообще грани в природе и в обществе, условны и подвижны, относительноны, а не абсолютны. И мы лишь примерно берем особенно выдающиеся и бросающиеся в глаза исторические события, как вехи больших исторических движений. Первая эпоха, с великой французской революции до франко-прусской войны, есть эпоха подъема буржуазии, ее полной победы. Это — восходящая линия буржуазии, эпоха буржуазно-демократических движений вообще, буржуазно-национальных в частности, эпоха быстрой ломки переживших себя феодально-абсолютистских учреждений. Вторая эпоха полного господства и упадка буржуазии, эпоха перехода от прогрессивной буржуазии к реакционному и реакционнейшему финансовому капиталу. Это — эпоха подготовки и медленного собирания сил новым классом, современной демократией. Третья эпоха, только начинающаяся, ставит буржуазию в такое «положение», в каком были феодалы в течение первой эпохи. Это — эпоха империализма и империалистских, а также вытекающих из империализма, потрясений.

Не кто иной, как сам же Каутский в целом ряде статей и в своей брошюре «Путь к власти» (вышла в 1909 году) с полнейшей определенностью обрисовал основные черты наступающей третьей эпохи, отметил коренное отличие этой эпохи от второй (вчерашней), признал изменение непосредственных задач, а также условий и форм борьбы современной демократии, — изменение, вытекающее из перемены объективных исторических условий. Ныне Каутский сжигает то, чему поклонялся, меняет фронт самым невероятным, самым неприличным, самым бесстыдным образом. В названной брошюре он прямо говорит о признаках приближения войны и притом именно такой войны, которая в 1914 г. стала фактом. Достаточно было бы простого сопоставления ряда мест из этой брошюры с теперешними писаниями Каутского, чтобы с полной наглядностью показать его измену своим собственным убежде-

нием и торжественнейшим заявлениям. И Каутский является в этом отношении не единичным случаем (вовсе притом не только немецким), а типичным представителем целого верхнего слоя современной демократии, перекинувшегося в момент кризиса на сторону буржуазии.

Все исторические примеры, которые взяты А. Потресовым и Каутским, относятся к первой эпохе. Основным объективным содержанием исторических явлений во время войн не только 1855, 1859, 1864, 1866, 1870, но и 1877 года (русско-турецкая) и 1896—1897 годов (войны Турции с Грецией и армянские волнения) были буржуазно-национальные движения или «судороги» освобождающегося от разных видов феодализма буржуазного общества. Ни о каком, действительно самостоятельном и соответствующем эпохе перезрелости и упадка буржуазии, действии современной демократии в целом ряде передовых стран не могло быть тогда и речи. Главным классом, который тогда, во время этих войн и участвуя в этих войнах, шел по поднимающейся вверх линии и который один только мог выступать с подавляющей силой против феодально-абсолютистских учреждений, была буржуазия. В разных странах, представляемая различными слоями *имущих* товаропроизводителей, эта буржуазия была в различной степени прогрессивна, а иногда (напр., часть итальянской в 1859 году) даже революционна, но общей чертой эпохи была именно прогрессивность буржуазии, *то есть* нерешенность, незаконченность ее борьбы с феодализмом. Совершенно естественно, что элементы современной демократии, — и Маркс, как представитель их, — руководствуясь бесспорным принципом поддержки прогрессивной буржуазии (способной на борьбу буржуазии) против феодализма, решали тогда вопрос о том, «успех какой стороны», т. е. *какой* буржуазии, желательнее. Народное движение в главных, затрагиваемых войной, странах было тогда общедемократическим, т. е. буржуазно-демократическим по своему экономическому и классовому содержанию. Совершенно естественно, что *инного* вопроса тогда нельзя было и ставить, кроме вопроса о том, успех *какой* буржуазии, при какой комбинации, при неудаче какой из реакционных (феодально-абсолютистских, задерживающих подъем буржуазии) сил обещает больше «простора» для современной демократии.

И притом Маркс, как это вынужден признать даже А. Потресов, руководился, при «расценке» международных конфликтов на почве буржуазных национальных и освободительных движений, соображениями о том, успех какой стороны больше способен помочь «развитию» (стр. 74 статьи А. Потресова) национальных и вообще народных общедемократических движений. Это значит, что при военных конфликтах на почве подъема буржуазии к власти в отдельных национальностях Маркс заботился больше всего, как и в 1848 году, о расширении и обострении буржуазно-демократических движений путем участия более широких и более «плебейских» масс, мелкой буржуазии вообще, крестьянства в частности, наконец, неимущих классов. Именно это соображение Маркса о расширении социальной базы движения, о развитии его и отличало коренным образом последовательно-демократическую тактику Маркса от непоследовательной, склоняющейся к союзу с национал-либералами, тактики Лассалля.

Международные конфликты и в третью эпоху остались по *форме* своей такими же международными конфликтами, как в первую эпоху, но социальное и классовое *содержание* их коренным образом изменилось. Объективная историческая обстановка стала совсем иной.

На место борьбы поднимающегося вверх национально-освобождающегося капитала против феодализма стала борьба реакционнейшего, отжившего и пережившего себя, финансового капитала, идущего вниз, к упадку, — против новых сил. Буржуазно-национальные рамки государств, бывшие в первую эпоху опорой *развитию* производительных сил человечества, освобождающегося от феодализма, стали теперь, в третью эпоху, *помехой* дальнейшему развитию производительных сил. Буржуазия из поднимающегося передового класса стала опускающимся, упадочным, внутренне-мертвым, реакционным. Поднимающимся — в широком историческом масштабе — стал совсем иной класс.

А. Потресов и Каутский покинули точку зрения этого класса и пошли назад, повторяя буржуазный обман, покоящийся на том, что будто объективным содержанием исторического процесса является и *теперь* прогрессивное движение буржуазии против феодализма. На самом же деле теперь не может быть речи о том, чтобы *современная* демо-

кратия плелась в хвосте за *реакционной*, империалистской буржуазией — все равно, какого «цвета» эта буржуазия ни была бы.

В первую эпоху, объективно, исторической задачей было: как следует прогрессивной буржуазии «использовать», в своей борьбе с *главными* представителями отмирающего феодализма, международные конфликты для максимального выигрыша всей, всемирной буржуазной демократии вообще. Тогда, в первую эпоху, более полувека тому назад, естественно и неизбежно было, что поработенная феодализмом буржуазия желала неуспеха «своему» феодальному угнетателю, причем число этих главных, центральных, имевших общеевропейский вес, феодальных твердынь было совсем невелико. И Маркс «расценивал»: в какой стране, при данной конкретной обстановке (ситуации) успех буржуазно-освободительного движения *существеннее* для подрыва *общеевропейской* феодальной твердыни.

Теперь, в третью эпоху, феодальных твердынь общеевропейского значения не осталось вовсе. «Использование», конечно, является задачей современной демократии, но именно *международное* использование — вопреки А. Потресову и Каутскому — должно направляться не против отдельных национальных финансовых капиталов, а против интернационального финансового капитала. И использовать должен не тот класс, который был поднимающимся 50—100 лет тому назад. Тогда речь шла о «международном действии» (выражение А. Потресова) самой передовой буржуазной демократии; теперь исторически выросла и поставлена объективным положением вещей задача подобного рода совсем перед другим классом.

III

Вторую эпоху или «сорокапятилетнюю полосу» (1870—1914), по выражению А. Потресова, этот последний характеризует очень неполно. Такой же неполнотой страдает характеристика этой эпохи в немецком сочинении Троцкого, хотя последний не соглашается в практических выводах с А. Потресовым (что должно быть отнесено к преимуществу первого над вторым) — причем обоим названным писателям едва ли не остается неясной причина известной близости их друг к другу.

А. Потресов пишет про эпоху, которую мы назвали второй или вчерашней:

«Детализованная ограниченность работы и борьбы и всепроникающая постепенность, эти знаменья эпохи, возведенные одними в принцип, для других стали привычным фактом их бытия и, как таковой, вошли элементом в их психику, оттенком в их идеологию» (71). «Ее (этой эпохи) талант планомерно-выдержанной и осторожной продвижки вперед имел своей оборотной стороной ярко выраженную неприиспособленность к моментам нарушения постепенности и к катастрофическим явлениям всякого рода, во-первых, и, во-вторых, исключительную замкнутость в круге национального действия — национальной среды» (72) . . . . «Ни революции, ни войны» (70) . . . . «Демократия тем успешнее национализировалась, чем больше затягивался период ее «позиционной борьбы», чем дольше не уходила со сцены та полоса европейской истории, которая . . . . была полосой, не знавшей в сердце Европы международных конфликтов, а, стало быть, и не переживавшей волнений, выходящих за пределы национально-государственных территорий, не ощутившей остро интересов общеевропейского или мирового масштаба» (75—76).

Основной недостаток этой характеристики, как и соответствующей характеристики той же эпохи у Троцкого, состоит в нежелании видеть и признать глубокие внутренние противоречия в современной демократии, развивавшейся на описываемой почве. Выходит так, как будто современная демократия данной эпохи оставалась единым целым, которое, вообще говоря, проникалось постепенностью, национализировалось, отвыкало от нарушений постепенности и катастроф, мельчало, покрывалось плесенью.

На самом деле так быть не могло, ибо наряду с указанными тенденциями действовали, неоспоримо, иные, противоположные тенденции, «бытие» рабочих масс интернационализировалось, — тяга в города и нивелировка (выравнивание) условий жизни в больших городах всего мира, интернационализирование капитала, перемешивание на крупнейших фабриках населения городского и сельского, туземного и инационального и т. д., — классовые противоречия обострялись, союзы предпринимателей тяжелее давили на союзы рабочих, возникали более острые

и тяжелые формы борьбы в виде, напр., массовых стачек, росла дороговизна жизни, невыносим становился гнет финансового капитала и пр. и пр.

На самом деле так *не было*, — это мы знали достоверно. Ни одна, буквально ни единая из крупных капиталистических стран Европы в течение этой эпохи не была пощажена борьбой между двумя противоречивыми течениями внутри современной демократии. Эта борьба в каждой из крупных стран принимала иногда, несмотря на общий «мирный», «застойный», сонный характер эпохи, самые бурные формы, вплоть до расколов. Эти противоречивые течения сказались на всех без исключения многообразных областях жизни и вопросах современной демократии: отношение к буржуазии, союзы с либералами, голосование за кредиты, отношение к колониальной политике, к реформам, к характеру экономической борьбы, к нейтральности профессиональных союзов и проч.

«Всепроникающая постепеновщина» вовсе не была безраздельно господствующим настроением всей современной демократии, как выходит у Потресова и у Троцкого. Нет, эта постепеновщина скристаллизовалась в определенное направление, нередко создававшее в Европе этого периода отдельные фракции, иногда даже отдельные партии современной демократии. Это направление имело своих вождей, свои органы печати, свою политику, свое особое — и особо организованное — воздействие на массы населения. Мало того. Это направление все более и более опиралось — и, наконец, окончательно, если можно так выразиться, «оперлось» — на интересы известного общественного слоя *внутри* современной демократии.

«Всепроникающая постепеновщина», естественно, привлекла в ряды современной демократии целый ряд мелкобуржуазных попутчиков; затем, мелкобуржуазные особенности существования — а, следовательно, и политической «ориентации» (направления, устремления) — создались у известного слоя парламентариев, журналистов, чиновников союзных организаций; выделялись, с большей или меньшей степенью резкости и отграниченности, своего рода бюрократия и аристократия рабочего класса.

Возьмите, напр., обладание колониями, расширение колониальных владений. Несомненно, это была одна из отличительных черт описываемой эпохи и большинства

крупных государств. А что означало это экономически? Сумма известных сверхприбылей и особых привилегий для буржуазии, а затем, несомненно, возможность получать крохи от этих «кусков пирога» и для небольшого меньшинства мелких буржуа; затем наилучше поставленных служащих, чиновников рабочего движения и т. п. Что такое «пользование» крохами выгод от колоний, от привилегий, ничтожным меньшинством рабочего класса, напр., в Англии имело место, — это бесспорный факт, признанный и указанный еще Марксом и Энгельсом. Но то, что было в свое время исключительно английскими явлениями, стало явлениями общими для всех крупных капиталистических стран Европы по мере того, как все эти страны переходили к владению колониями в больших размерах, и вообще по мере того, как развивался и рос империалистский период капитализма.

Одним словом, «всепроницающая постепенщина» второй (или вчерашней) эпохи создала не только известную «неприспособленность к нарушениям постепенности», как думает А. Потресов, не только известные «поссибилистские» склонности, как полагает Троцкий: она создала целое оппортунистическое *направление*, опирающееся на определенный социальный слой внутри современной демократии, связанный с буржуазией своего национального «цвета» многочисленными нитями общих экономических, социальных и политических интересов, — направление, прямо, открыто, вполне сознательно и систематически враждебное всякой идее о «нарушениях постепенности».

Корень целого ряда тактических и организационных ошибок у Троцкого (не говоря уже об А. Потресове) состоит именно в его боязни, или нежелании, или неспособности признать этот факт полной «зрелости» оппортунистического направления, а равно теснейшей, неразрывной связи его с национал-либералами (или социал-национализмом) наших дней. На практике отрицание этого факта «зрелости» и этой неразрывной связи ведет, по меньшей мере, к совершенной растерянности и беспомощности по отношению к царящему социал-националистическому (или национал-либеральному) злу.

Связь оппортунизма и социал-национализма отрицают, вообще говоря, и А. Потресов, и Мартов, и Аксельрод, и Вл. Косовский (договорившийся до защиты немецкого

национал-либерального голосования демократов за военные кредиты), и Троцкий.

Главный «довод» их состоит в том, что нет полного совпадения между вчерашним делением демократии «по оппортунизму» и сегодняшним делением ее «по социал-национализму». Этот довод, во-1-х, фактически неверен, как мы сейчас покажем, а, во-2-х, он совершенно односторонен, не полон, марксистски принципиально несостоятелен. Лица и группы могут переходить с одной стороны на другую — это не только возможно, это даже неизбежно при всякой крупной общественной «встряске»; характер известного *течения* от этого несколько не меняется; не меняется и идейная связь определенных течений, не меняется их *классовое* значение. Казалось бы, все эти соображения настолько общеизвестны и бесспорны, что как-то даже неловко очень уже напирать на них. А между тем именно эти соображения и забыли названные писатели. Основное классовое значение — или, если хотите, социально-экономическое содержание — оппортунизма состоит в том, что известные элементы современной демократии перешли (на деле, т. е. хотя бы они и не сознавали этого) на сторону буржуазии по целому ряду отдельных вопросов. Оппортунизм есть либеральная рабочая политика. Кто боится «фракционной» видимости этих выражений, тому мы посоветуем взять на себя труд изучить отзвывы Маркса, Энгельса и Каутского («авторитет», особенно удобный для противников «фракционности», не правда ли?) хотя бы об английском оппортунизме. Не может подлежать ни малейшему сомнению, что результатом такого изучения будет признание коренного и существенного совпадения между оппортунизмом и либеральной рабочей политикой. Основное классовое значение социал-национализма наших дней совершенно то же самое. Основная *идея* оппортунизма есть союз или сближение (иногда соглашение, блок и т. д.) буржуазии и ее антипода. Основная идея социал-национализма совершенно та же самая. Идеино-политическое родство, связь, даже тождество оппортунизма и социал-национализма не подлежит никакому сомнению. А, разумеется, мы должны брать за основу не лица и не группы, а именно анализ *классового* содержания общественных *течений* и идейно-политическое исследование их главных, существенных принципов.

Подходя с несколько иной стороны к той же теме, мы поставим вопрос: *откуда* взялся социал-национализм? Как он рос и вырос? *Что* дало ему значение и силу? Кто не дал себе ответа на эти вопросы, тот совершенно не понял социал-национализма и, разумеется, тот совершенно неспособен «идейно размежеваться» с ним, хотя бы он клялся и божился, что он готов на «идейное размежевание» с социал-национализмом.

А ответ на этот вопрос может быть только один: социал-национализм вырос из оппортунизма, и именно этот последний дал ему силу. Как мог «сразу» родиться социал-национализм? Совершенно так же, как «сразу» рождается ребенок, если протекли девять месяцев после зачатия. Каждое из многочисленных проявлений оппортунизма в течение всей второй (или вчерашней) эпохи во всех европейских странах были ручейками, которые все вместе «сразу» слились теперь в большую, хотя и очень мелководную — (а в скобках добавить: мутную и грязную) — социал-националистическую реку. Спустя девять месяцев после зачатия, плод должен отделиться от матери; спустя много десятилетий после зачатия оппортунизма, его зрелый плод, социал-национализм, должен будет — в более или менее короткий (по сравнению с десятилетиями) срок отделиться от современной демократии. Как бы разные хорошие люди ни кричали, ни сердились, ни бесновались по поводу мыслей и речей об этом, это неизбежно, ибо это вытекает из всего социального развития современной демократии и из объективной обстановки третьей эпохи.

Но если нет полного соответствия между делением «по оппортунизму» и делением «по социал-национализму», то не доказывает ли это, что между данными явлениями нет существенной связи? Во-первых, не доказывает, как переход отдельных лиц из буржуазии конца XVIII века то на сторону феодалов, то на сторону народа не доказывает, что «нет связи» между ростом буржуазии и французской великой революцией 1789-го года. Во-вторых, в общем и целом — а речь идет именно об общем и целом — такое соответствие *есть*. Возьмите не одну страну, а ряд стран, напр., десять европейских стран: Германию, Англию, Францию, Бельгию, Россию, Италию, Швецию, Швейцарию, Голландию и Болгарию. Некоторым исключением покажутся лишь три подчеркнутые страны; в остальных *тече-*

ния решительных противников оппортунизма породили именно течения, враждебные социал-национализму. Сопоставьте известный «Ежемесячник» и его противников в Германии, «Наше Дело» и его противников в России, партию Биссолати и ее противников в Италии; сторонников Грейлиха и Гримма в Швейцарии, Брантинга и Хеглунда в Швеции, Трульстры и Паннекука с Гортером в Голландии; наконец, «общедельцев» и «тесняков» в Болгарии⁷³. Общее соответствие старого и нового деления есть факт, а полного соответствия не бывает даже в простейших явлениях природы, как нет полного соответствия между Волгой после впадения Камы и Волгой до ее впадения, или как нет полного сходства между ребенком и родителями. Англия есть кажущееся исключение; на деле в ней были два главных течения до войны, вокруг двух *ежедневных* газет — вернейший объективный признак массовидности течения: именно, газеты «Ежедневный Гражданин»⁷⁴ у оппортунистов и «Ежедневный Вестник»⁷⁵ у противников оппортунизма. Обе газеты захлестнула волна национализма; но оппозицию проявили менее $\frac{1}{10}$ сторонников первой и около $\frac{3}{7}$ сторонников второй. Обычный прием сравнения, когда сопоставляют только «Британскую социалистическую партию» с «Независимой рабочей партией», неправилен, ибо забывают о *фактическом* блоке этой последней и с фабриантами⁷⁶, и с «Рабочей партией»⁷⁷. Исключением, значит, остаются только две страны из 10; но и здесь нет полного исключения, ибо направления не переменялись местами, а только волна захлестнула (по причинам настолько понятным, что на них нечего и останавливаться) почти всех противников оппортунизма. Это доказывает силу волны, бесспорно; но это несколько не опровергает общеевропейского соответствия старого и нового деления.

Нам говорят: деление «по оппортунизму» устарело; имеет смысл только деление на сторонников международной и сторонников национальной ограниченности. Это в корне неверное мнение. Понятие «сторонник международной» лишено всякого содержания и всякого смысла, если вы не разовьете его *конкретно*, и всякий шаг такого конкретного развития будет перечислением признаков враждебности оппортунизму. На практике это будет еще более верно. Сторонник международной, не являющийся

самым последовательным и решительным противником оппортунизма, есть мираж, не более того. Может быть, отдельные лица такого типа могут искренне считать себя «международниками», но о людях судят не по тому, что они о себе думают, а по их политическому поведению: политическое поведение таких «международников», которые не являются последовательными и решительными противниками оппортунизма, всегда будет помощью или поддержкой течения националистов. С другой стороны, националисты тоже называют себя «международниками» (Каутский, Ленч, Гениш, Вандервельде, Гайндман и др.) и не только называют себя так, но вполне признают международное сближение, соглашение, слияние людей, их образа мыслей. Оппортунисты *не против* «международности», они только за международное одобрение и международное соглашение оппортунистов.

.....
.....
.....
.....

КОНФЕРЕНЦИЯ ЗАГРАНИЧНЫХ СЕКЦИЙ РСДРП ⁷⁸

На-днях окончила свои работы конференция заграничных секций РСДРП, состоявшаяся в Швейцарии. Помимо обсуждения чисто заграничных дел, о которых мы постараемся сказать хотя бы вкратце в следующих №№ ЦО, конференция выработала резолюции по важному и злободневному вопросу о войне. Печатаем эти резолюции немедленно, надеясь, что они будут полезны для всех с.-д., серьезно ищущих выхода к живому делу из современного хаоса мнений, который сводится в сущности к словесному признанию интернационализма и стремлению на деле во что бы то ни стало, так или иначе, помириться с социал-шовинизмом. Добавим, что по вопросу о лозунге «Соединенных Штатов Европы» дискуссия приняла односторонне политический характер, и вопрос решено было отложить до обсуждения в печати *экономической* стороны дела.

РЕЗОЛЮЦИИ КОНФЕРЕНЦИИ

Стоя на почве манифеста ЦК, напечатанного в № 33*, конференция для большей плановости пропаганды устанавливает следующие положения:

О ХАРАКТЕРЕ ВОЙНЫ

Современная война имеет империалистический характер. Эта война создана условиями эпохи, когда капитализм достиг высшей стадии развития; когда наиболее существенное значение имеет уже не только вывоз товаров,

* См. настоящий том, стр. 9—18. Ред.

по и вывоз капитала; когда картелирование производства и интернационализация хозяйственной жизни достигли значительных размеров; когда колониальная политика привела к разделу почти всего земного шара; — когда производительные силы мирового капитализма переросли ограниченные рамки национально-государственных делений; — когда вполне созрели объективные условия осуществления социализма.

О ЛОЗУНГЕ «ЗАЩИТЫ ОТЕЧЕСТВА»

Действительная сущность современной войны заключается в борьбе между Англией, Францией и Германией за раздел колоний и за ограбление конкурирующих стран и в стремлении царизма и правящих классов России к захвату Персии, Монголии, Азиатской Турции, Константинополя, Галиции и т. д. Национальный элемент в австро-сербской войне имеет совершенно подчиненное значение, не меняя общего империалистического характера войны.

Вся экономическая и дипломатическая история последних десятилетий показывает, что обе группы воюющих наций систематически готовили именно такого рода войну. Вопрос о том, какая группа нанесла первый военный удар или первая объявила войну, не имеет никакого значения при определении тактики социалистов. Фразы о защите отечества, об отпоре вражескому нашествию, об оборонительной войне и т. п. с обеих сторон являются сплошным обманом народа.

В основе действительно-национальных войн, какие имели место особенно в эпоху 1789—1871 годов, лежал длительный процесс массовых национальных движений, борьбы с абсолютизмом и феодализмом, свержения национального гнета и создания государств на национальной основе, как предпосылки капиталистического развития.

Созданная этой эпохой национальная идеология оставила глубокие следы в массе мелкой буржуазии и части пролетариата. Этим пользуются теперь, в совершенно иную, империалистическую эпоху, софисты буржуазии и плетущиеся за ними изменники социализму для раскалывания рабочих и отвлечения их от их классовых задач и от революционной борьбы с буржуазией.

Больше, чем когда бы то ни было, верны теперь слова «Коммунистического Манифеста», что «рабочие не имеют

отечества». Только интернациональная борьба пролетариата против буржуазии может охранить его завоевания и открыть угнетенным массам путь к лучшему будущему.

ЛОЗУНГИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

«Превращение современной империалистской войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный Базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистской войны между высоко развитыми буржуазными странами»*.

Гражданская война, к которой революционная социал-демократия зовет в настоящую эпоху, есть борьба пролетариата с оружием в руках против буржуазии за экспроприацию класса капиталистов в передовых капиталистических странах, за демократическую революцию в России (демократическая республика, 8-часовой рабочий день, конфискация помещичьих земель), — за республику в отсталых монархических странах вообще и т. д.

Крайние бедствия для масс, создаваемые войной, не могут не породить революционных настроений и движений, для обобщения и направления которых должен служить лозунг гражданской войны.

В настоящий момент организация рабочего класса сильно разбита. Но революционный кризис тем не менее назревает. После войны господствующие классы во всех странах еще больше напрягут свои усилия к тому, чтобы отбросить назад на долгие десятилетия освободительное движение пролетариата. Задача революционной социал-демократии, как в случае быстрого темпа революционного развития, так и в случае затяжного характера кризиса, будет — не отказываться от длительной, повседневной работы, не пренебрегать ни одним из прежних методов классовой борьбы. Ее задачей будет и парламентаризм и экономическую борьбу направлять против оппортунизма, в духе революционной борьбы масс.

Как первые шаги по пути превращения современной империалистской войны в гражданскую войну, надо указать: 1) безусловный отказ от вотирования военных кредитов и выход из буржуазных министерств; 2) полный

* См. настоящий том, стр. 17—18. Ред.

разрыв с политикой «национального мира» (bloc national, Burgfrieden); 3) создание нелегальной организации повсюду, где правительства и буржуазия, вводя военное положение, отменяют конституционные свободы; 4) поддержка братанья солдат воюющих наций в траншеях и на театрах войны вообще; 5) поддержка всякого рода революционных массовых выступлений пролетариата вообще.

ОПОРТУНИЗМ И КРАХ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Крах второго Интернационала есть крах социалистического оппортунизма. Последний вырос, как продукт предыдущей «мирной» эпохи развития рабочего движения. Эта эпоха научила рабочий класс таким важным средствам борьбы, как использование парламентаризма и всех легальных возможностей, создание массовых экономических и политических организаций, широкой рабочей прессы и т. д. С другой стороны, эта эпоха породила тенденцию к отрицанию классовой борьбы и к проповеди социального мира, к отрицанию социалистической революции, к принципиальному отрицанию нелегальных организаций, к признанию буржуазного патриотизма и т. д. Известные слои рабочего класса (бюрократия в рабочем движении и рабочая аристократия, которой перепадала частичка доходов от эксплуатации колоний и от привилегированного положения их «отечества» на мировом рынке), а также мелкобуржуазные попутчики внутри социалистических партий явились главной социальной опорой этих тенденций и проводниками буржуазного влияния на пролетариат.

Губительное влияние оппортунизма особенно ярко проявилось в политике большинства официальных с.-д. партий II Интернационала во время войны. Голосование кредитов, вхождение в министерства, политика «гражданского мира», отказ от нелегальной организации в то время, когда легальность отнята, означает срыв важнейших решений Интернационала и прямую измену социализму.

III ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Созданный войной кризис обнаружил действительную сущность оппортунизма, показав его в роли прямого пособника буржуазии против пролетариата. Так называемый с.-д. «центр», с Каутским во главе, на деле вполне ска-

тился к оппортунизму, прикрывая его особо вредными лицемерными фразами и фальсифицированием марксизма под империализм. Опыт показывает, что, напр., в Германии только решительное нарушение воли большинства верхов партии дало возможность выступить с защитой социалистической точки зрения. Было бы вредной иллюзией надеяться на восстановление действительно социалистического Интернационала без полного организационного размежевания с оппортунистами.

РСДРП должна поддерживать всяческие интернациональные и революционно-массовые выступления пролетариата, стремясь к сближению всех антишовинистских элементов Интернационала.

ПАЦИФИЗМ И ЛОЗУНГ МИРА

Одной из форм одурачения рабочего класса является пацифизм и абстрактная проповедь мира. При капитализме, и особенно в его империалистской стадии, войны неизбежны. А с другой стороны, с.-д. не могут отрицать позитивного значения революционных войн, т. е. не империалистских войн, а таких, которые велись, напр., от 1789 г. до 1871 г. ради свержения национального гнета и создания из феодально раздробленных — национальных капиталистических государств, или которые возможны для охраны завоеваний побеждающего в борьбе с буржуазией пролетариата.

Пропаганда мира в настоящее время, не сопровождающаяся призывом к революционным действиям масс, способна лишь сеять иллюзии, развращать пролетариат внушением доверия к гуманности буржуазии и делать его игрушкой в руках тайной дипломатии воюющих стран. В частности, глубоко ошибочна мысль о возможности так называемого демократического мира без ряда революций.

ПОРАЖЕНИЕ ЦАРСКОЙ МОНАРХИИ

В каждой стране борьба со своим правительством, ведущим империалистическую войну, не должна останавливаться перед возможностью в результате революционной агитации поражения этой страны. Поражение правительственной армии ослабляет данное правительство, способствует освобождению поработанных им народностей и облегчает гражданскую войну против правящих классов.

В применении к России это положение особенно верно. Победа России влечет за собой усиление мировой реакции, усиление реакции внутри страны и сопровождается полным поработением народов в уже захваченных областях. В силу этого поражение России при всех условиях представляется наименьшим злом.

ОТНОШЕНИЕ К ДРУГИМ ПАРТИЯМ И ГРУППАМ

Война, вызвав разгул шовинизма, обнаружила подчинение ему и демократической (народнической) интеллигенции и партии с.-р., при полной неустойчивости их оппозиционного течения в «Мысли», — и основного ядра ликвидаторов («Наша Заря»), поддержанного Плехановым. Фактически на стороне шовинизма стоят и ОК, начиная от замаскированной поддержки его Лариным и Мартовым до принципиальной защиты идей патриотизма Аксельродом, — и Бунд, у которого преобладает шовинизм германофильский. Брюссельский (3 июля 1914 г.) блок совершенно распался. А элементы, группирующиеся вокруг «Нашего Слова», колеблются между платоническим сочувствием интернационализму и стремлением единства во что бы то ни стало с «Нашей Зарей» и ОК. Так же колеблется с.-д. фракция Чхеидзе, с одной стороны, исключившая плехановца, т. е. шовиниста, Манькова, с другой стороны, желающая во что бы то ни стало прикрыть шовинизм Плеханова, «Нашей Зари», Аксельрода, Бунда и т. д.

Задачей с.-д. рабочей партии в России является дальнейшее укрепление пролетарского единства, созданного в 1912—1914 гг. всего более «Правдой»⁷⁹, восстановление партийных с.-д. организаций рабочего класса на базе решительного организационного размежевания с социалшовинистами. Временные соглашения допустимы только с теми с.-д., которые стоят за решительный организационный разрыв с ОК, «Нашей Зарей» и Бундом.

*Написано не позднее 19 февраля
(4 марта) 1915 г.*

*Напечатано 29 марта 1915 г.
в газете «Социал-Демократ» № 40*

Печатается по тексту газеты

**ПИСЬМО ЦК РСДРП —
РЕДАКЦИИ «НАШЕГО СЛОВА»⁸³**

Уважаемые товарищи! совершенно с Вами согласны, что сплочение всех действительных с.-д. интернационалистов есть одно из самых насущных дел в настоящий момент... Прежде, чем дать ответ на Ваше практическое предложение, мы считаем необходимым откровенно выяснить некоторые предварительные вопросы, дабы знать, существует ли между нами подлинная солидарность в основном. Вы совершенно справедливо негодуете по поводу того, что Алексинский, Плеханов и т. п. выступают в иностранной печати, выдавая свой голос за «голос русского пролетариата или его влиятельных групп». С этим *надо* бороться. Но чтобы бороться, надо обратиться к корню зла. Не подлежит никакому сомнению, что не было и нет большего разврата, как так называемая система представительства пресловутых заграничных «течений». И тут мы едва ли вправе пенять на иностранцев. Вспомним недавнее прошлое. Разве на том же Брюссельском совещании (3 июля 1914 г.) Алексинскому и Плеханову (да и им ли одним) не было предоставлено изображать собой «течения»? Можно ли после этого удивляться, что за представителей «течений» их принимают иностранцы и теперь? Против этого зла ничего не подслаешь посредством той или иной декларации. Здесь необходима длительная борьба. Чтобы она была успешна — надо себе сказать раз навсегда, что мы признаем только *организации*, годами связанные с рабочими массами, уполномоченные солидными комитетами и т. п., и что мы клеймим, как обман рабочих, ту систему, при которой $\frac{1}{2}$ дюжины интеллигентов, выпустив

2—3 номера газеты или журнала, объявляет себя «течением» и претендует на «равноправие» с партией.

Есть ли у нас тут согласие, уважаемые товарищи?

Затем — об интернационалистах. В одной из недавних передовых статей Вашей газеты Вы перечисляете организации, которые по Вашему мнению стоят на точке зрения интернационализма. В числе их на одном из первых мест значится... Бунд. Мы хотели бы знать, какие собственно у Вас основания причислять Бунд к интернационалистам? Резолюция его ЦК не содержит ни одного определенного слова по большим вопросам социализма. От нее веет безидейнейшим эклектизмом. Орган Бунда («Информационный Листок»⁸¹) несомненно стоит на точке зрения германофильского шовинизма, или — дает «синтез» французского и немецкого шовинизмов. Недаром же статья Косовского украсила собой страницы «Neue Zeit», журнала, который (надеемся, в этом Вы согласны с нами) принадлежит теперь к числу самых неприличных из так называемых «социалистических» органов печати.

Мы всей душой стоим за объединение интернационалистов. Мы очень хотели бы, чтобы их было побольше. Но нельзя же обманывать самих себя, нельзя к интернационалистам причислять людей и организации, которые по части интернационализма являются заведомо «мертвыми душами».

Что понимать под интернационализмом? Можно ли, например, причислять к интернационалистам сторонников восстановления Интернационала на принципе взаимной «амнистии»? Самым видным представителем теории «амнистии», как Вам известно, является Каутский. В этом же духе выступил Виктор Адлер. Мы считаем, что защитники амнистии являются самыми опасными противниками интернационализма. Интернационал, восстановленный на началах «амнистии», сделал бы социализм ниже на целую голову. Никакие уступки, никакие соглашения с Каутским и К^о абсолютно недопустимы. Самая решительная борьба против теории «амнистии» есть *conditio sine qua non**

* — обязательное условие. *Ред.*

интернационализма. Все же говорить об интернационализме, если нет желания и готовности идти до конца на разрыв с защитниками «амнистии». И вот спрашивается — есть ли между нами согласие по этому коренному вопросу? В Вашей газете как-то раз промелькнуло как будто отрицательное отношение к политике «амнистии». Но согласитесь, что раньше, чем предпринимать какие-нибудь практические шаги, мы вправе просить Вас высказать нам подробно Ваш взгляд на этот вопрос.

И в связи с этим стоит вопрос об отношении к ОК. Мы в первом же письме к Вам* сочли нужным откровенно сказать Вам, что есть серьезные основания сомневаться в интернационализме этого учреждения. Вы не попытались рассеять это мнение. Мы вновь спрашиваем Вас — какие данные у Вас считать ОК стоящим на точке зрения интернационализма? Ведь нельзя же серьезно отрицать, что позиция П. Б. Аксельрода, вложенная в нескольких его печатных выступлениях, есть явно шовинистская (почти-плекхановская) позиция. А ведь Аксельрод несомненно самый видный представитель ОК. Возьмите далее официальные выступления ОК. Его отчет Копенгагенской конференции⁸² написан в таких тонах, что был перепечатан самыми крайними немецкими шовинистами. Выступления «Заграничного секретариата» ОК таковы же. В лучшем случае они ничего определенного не говорят. А с другой стороны, Ларин — официально от имени ОК, а не от имени какого-то заграничного секретариата — делал заявления, направленные к защите шовинизма. Где же тут интернационализм? И не ясно ли, что ОК целиком стоит на точке зрения взаимной «амнистии».

Далее — какие гарантии существуют насчет того, что ОК представляет какую-нибудь силу в России? Теперь, после выступления «Нашей Зари», этот вопрос особенно законен. Группа «Нашей Зари» годами проводила свою линию, она создала ежедневную газету, она вела массовую агитацию в своем духе. А ОК?

Все мы признаем, что дело решится не соотношением сил в заграничных группах, в Цюрихе, Париже и т. п., а дело решится влиянием среди питерских рабочих и

* См. настоящий том, стр. 105—108. *Ред.*

среди рабочих всей России. Это надо иметь в виду при всех наших шагах.

Таковы наши соображения, которые мы хотели Вам высказать. Мы будем очень рады получить от Вас на все эти вопросы подробный и ясный ответ. Тогда можно будет подумать о дальнейшем.

Написано 10 (23) марта 1915 г.

*Впервые напечатано в 1931 г.
в Ленинском сборнике XVII*

*Печатается по копии, переписанной
Н. К. Крупской*

ЧТО ДОКАЗАЛ СУД НАД РСДР ФРАКЦИЕЙ⁸³?

Царский суд над пятью членами РСДР Фракции и шестью другими социал-демократами, захваченными на конференции под Питером 4-го ноября 1914 г., окончился. Все приговорены к ссылке на поселение. Легальные газеты поместили судебные отчеты, из которых цензура вырезала места, неприятные царизму и патриотам. Расправа с «внутренними врагами» проведена быстро, и на поверхности общественной жизни опять не видно и не слышно ничего, кроме бешеного воя тьмы буржуазных шовинистов да подпевания ему горсток социал-шовинистов.

Что же доказал суд над РСДР Фракцией?

Во-первых, он показал недостаточную твердость на суде данного передового отряда революционной социал-демократии России. Подсудимые преследовали цель затруднить прокурору раскрытие того, кто был членом ЦК в России и представителем партии в известных сношениях ее с рабочими организациями. Эта цель достигнута. Для достижения ее и впредь должен быть применяем на суде давно и официально рекомендованный партией прием — отказ от показаний. Но стараться доказать свою солидарность с социал-патриотом г. Иорданским, как делал Розенфельд или свое несогласие с ЦК, есть прием неправильный и с точки зрения революционного социал-демократа недопустимый.

Заметим, что по отчету «Дня» (№ 40)⁸⁴ — официального и полного отчета о суде не имеется — тов. Петровский заявил: «В тот же период времени (в ноябре) я получил резолюцию Центрального Комитета... и, кроме того, мне были представлены резолюции рабочих из семи пунктов

об отношении рабочих к войне, *совпадающие с отношением Центрального Комитета».*

Это заявление делает честь Петровскому. Шовинизм кругом был очень силен. Недаром в дневнике Петровского имеется фраза о том, что *даже* радикально-настроенный Чхеидзе с воодушевлением говорит об «освободительной» войне. Этому шовинизму депутаты РСДРФ давали отпор, когда они были на воле, но отгородиться от него было их задачей и на суде.

Кадетская «Речь»⁸⁵ холопски «благодарит» царский суд за то, что он «рассеял легенду» о том, что социал-демократические депутаты желали поражения царским войскам. Пользуясь тем, что социал-демократы в России связаны по рукам и ногам, кадеты делают вид, будто принимают всерьез мнимый «конфликт» между партией и фракцией, уверяя, что подсудимые давали свои показания совсем не страха ради судейска. Какие невинные младенцы! Они будто бы не знают, что в первой стадии дела депутатам угрожали военным судом и смертной казнью.

Товарищам надо было отказаться от показаний по вопросу о нелегальной организации и, поняв всемирно-исторический момент, воспользоваться открытыми дверями суда для прямого изложения социал-демократических взглядов, враждебных не только царизму вообще, но и социал-шовинизму всех и всяческих оттенков.

Пусть бешено набрасывается на РСДР Фракцию правительственная и буржуазная печать, пусть злорадно «святят» проявления слабости или мнимого «несогласия с Центральным Комитетом» социал-революционеры, ликвидаторы и социал-шовинисты (надо же им бороться с нами хоть как-нибудь, если они не могут бороться принципиально!). Партия революционного пролетариата достаточно сильна, чтобы открыто критиковать самое себя, чтобы назвать без обиняков ошибку и слабость ошибкой и слабостью. Сознательные рабочие России создали такую партию и выдвинули такой передовой отряд, которые во время всемирной войны и всемирного провала международного оппортунизма проявили больше всех способности исполнить свой долг интернациональных революционных социал-демократов. Путь, по которому мы шли, испытан величайшим кризисом и оказался — еще и еще раз — единственно верным путем: пойдём по нему еще решитель-

нее, еще тверже, выдвинем новые передовые отряды, добьемся не только выполнения ими той же работы, но и более правильного доведения ее до конца.

Во-вторых, суд развернул невиданную еще в международном социализме картину использования парламентаризма *революционной* социал-демократией. Пример такого использования лучше всяких речей будет апеллировать к уму и сердцу пролетарских масс, убедительнее всяких доводов будет опровергать оппортунистов-легалистов и фразеров анархизма. Отчет о нелегальной работе Муранова и записки Петровского останутся надолго образцом *той* работы депутатов, которую мы должны были усердно скрывать и в значение которой будут теперь внимательнее и внимательнее вдумываться все сознательные рабочие России. В такое время, когда почти все «социалистические» (извините за поругание этого слова!) депутаты Европы оказались шовинистами и слугами шовинистов, когда пресловутый «европеизм», прельщавший наших либералов и ликвидаторов, оказался тупой привычкой к рабской легальности, в России нашлась одна рабочая партия, депутаты которой блистали не красноречием, не «вхожестью» в буржуазные, интеллигентские салоны, не деловой ловкостью «европейского» адвоката и парламентария, а связями с рабочими массами, самоотверженной работой в этих массах, выполнением скромных, невидных, тяжелых, неблагодарных, особенно опасных функций нелегального пропагандиста и организатора. Подняться выше — к званию влиятельного в «обществе» депутата или министра — таков *на деле* был смысл «европейского» (читай: лакейского) «социалистического» парламентаризма. Спуститься ниже — помочь просветить и объединить эксплуатируемых и угнетенных — вот какой лозунг выдвинут образцами Муранова и Петровского.

И этот лозунг получит всемирно-историческое значение. Ни один мыслящий рабочий ни для одной страны мира не согласится на старое удовлетворение легальностью парламентаризма буржуазии — после того, как эта легальность во всех передовых странах была сразу отменена почерком пера и повела лишь к теснейшему фактическому союзу оппортунистов и буржуазии. Кто мечтает о «единстве» революционных социал-демократических рабочих с «европейскими» легалистами с.-д. вчерашнего —

и сегодняшнего — типа, тот ничему не научился и все позабыл, тот на деле союзник буржуазии и враг пролетариата. Кто не понял до сих пор, почему и зачем РСДР Фракция отделилась от социал-демократической фракции, мирившейся с легализмом и оппортунизмом, тот пусть учится теперь на отчете судебного процесса о работе Муранова и Петровского. Эту работу вели не только эти двое депутатов, и лишь безнадежно-наивные люди могут мечтать о соединимости подобной работы с «дружелюбным, терпимым отношением» к «Нашей Заре» или к «Северной Рабочей Газете»⁸⁶, к «Современнику», к ОК или к Бунду.

Правительство надеется запугать рабочих отправкой в Сибирь членов РСДР Фракции? Оно ошибется. Рабочие не испугаются, а лучше поймут свои задачи, задачи рабочей партии, в отличие от ликвидаторов и социал-шовинистов. Рабочие научатся выбирать в Думу только таких людей, как члены РСДР Фракции, для такой же и еще более широкой, а вместе с тем еще более *неоткрытой* деятельности среди масс. Правительство думает убить «нелегальный парламентаризм» в России? Оно только закрепит связь пролетариата *исключительно* с подобным парламентаризмом.

В-третьих, — и это самое главное, — суд над РСДР Фракцией впервые дал открытый, в миллионном числе экземпляров распространенный по России, объективный материал по важнейшему, основному, существеннейшему вопросу об отношении к войне *разных классов* российского общества. Не довольно ли уже смертельно надоевшей интеллигентской болтовни о соединимости «защиты отечества» с «принципиальным» (читай: словесным или лицемерным) интернационализмом? Не пора ли взглянуть на *факты*, относящиеся к *классам*, т. е. к миллионам людей жизни, а не к десяткам героев фразы?

Прошло более полугодя со времени начала войны. Высказалась легальная и нелегальная печать всех направлений, определились все думские партийные группы — очень недостаточный, но единственный объективный показатель наших классовых группировок. Суд над РСДР Фракцией и отклики печати подвели итог всему этому материалу. Суд доказал, что передовые представители пролетариата в России не только враждебны шовинизму

вообще, но в частности разделяют именно позицию нашего ЦО. Депутаты арестованы 4 ноября 1914 г. Более двух месяцев, следовательно, вели они свою работу. С кем и как они вели ее? Какие течения в рабочем классе они отражали и выражали? Ответ на это дает тот факт, что материалом для конференции являлись «тезисы» и «Социал-Демократ», что Питерский комитет нашей партии выступал неоднократно с листками того же содержания. Других материалов на конференции не было. О других течениях в рабочем классе депутаты не собирались докладывать конференции, ибо других течений не было.

Может быть, члены РСДР Фракция выражали лишь мнение меньшинства рабочих? Мы не вправе сделать такого предположения, ибо за 2¹/₂ года, с весны 1912 г. по осень 1914 г., около «Правды», в полной идейной солидарности с которой работали эти депутаты, сплотилось ⁴/₅ сознательных рабочих России. Это факт. Будь сколько-нибудь значительный протест среди рабочих против позиции ЦК, — этот протест не мог бы не найти выражения в проекте или проектах резолюции. Ничего подобного не обнаружил суд, хотя он «обнаружил», можно сказать, многое из работы РСДР Фракция. Поправки рукой Петровского никакого даже оттенка не показывают.

Факты говорят, что первые же месяцы после войны сознательный авангард рабочих России *на деле* сплотился вокруг ЦК и ЦО. Как бы ни был неприятен тем или иным «фракциям» этот факт, — он неопровержим. Цитируемые в обвинительном акте слова: «Необходимо направить оружие не против своих братьев, наемных рабов других стран, а против реакционных и буржуазных правительств и партий всех стран» — эти слова, благодаря суду, разнесут и разнесли уже по России призыв к пролетарскому интернационализму, к пролетарской революции. Классовый лозунг авангарда рабочих России дошел теперь до самых широких масс благодаря суду.

Повальный шовинизм буржуазии и одной части мелкой буржуазии, колебания другой части и такой призыв рабочего класса — вот фактическая, объективная картина наших политических делений. С этой фактической картиной, а не с благопожеланиями интеллигентов и основателей группок надо сочетать свои «виды», надежды, лозунги.

Правдистские газеты и работа «мурановского типа» создали единство $\frac{4}{5}$ сознательных рабочих России. Около 40 000 рабочих покупали «Правду»; много больше читало ее. Пусть даже вдесятеро и вдесятеро разобьет их война, тюрьма, Сибирь, каторга. Уничтожить этого слоя *нельзя*. Он жив. Он проникнут революционностью и антишовинизмом. Он *один* стоит среди народных масс и в самой глубине их, как проповедник интернационализма трудящихся, эксплуатируемых, угнетенных. Он *один* устоял в общем развале. Он один ведет полупролетарские слои *от* социал-шовинизма кадетов, трудовиков, Плеханова, «Нашей Зари» к социализму. Его существование, его идеи, его работу, его обращение к «братству наемных рабов других стран» показал всей России суд над РСДР Фракцией.

С этим слоем надо работать, его единство против социал-шовинистов надо отстаивать, по этому единственному пути может развиваться рабочее движение России в направлении к социальной революции, а не к национально-либеральному «европейскому» типу.

«Социал-Демократ» № 40,
29 марта 1915 г.

Печатается по тексту газеты
«Социал-Демократ»

ПО ПОВОДУ ЛОНДОНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Печатаемая нами декларация тов. Максимовича, представителя Центрального Комитета РСДРП, дает полное выражение взглядов партии на эту конференцию. Буржуазная французская печать превосходно вскрыла ее значение, как орудия или маневра со стороны англо-французской буржуазии. Роли были распределены так: «Le Temps» и «L'Écho de Paris»⁸⁷ напали на французских социалистов за слишком большие будто бы уступки их интернационализму. Эти нападки были только маневром с целью подготовить почву для известного выступления в парламенте премьер-министра Вивиани в патриотически-завоевательном духе. С другой же стороны, «Journal des Débats»⁸⁸ прямо раскрыл карты, заявив: суть дела была в том, чтобы английские социалисты, с Кейр-Гарди во главе, бывшие до сих пор против войны и против вербовки, подали голос за войну вплоть до победы над Германией. Это достигнуто. Это важно. Это политический результат привлечения и английских, и французских социалистов на сторону англо-французской буржуазии. А фразы об интернационализме, социализме, референдуме и пр. — все это *только* фразы, пустые слова, никакого значения не имеющие!

Несомненно, умные реакционеры французской буржуазии выболтали сущую правду. Войну с целью разорения и ограбления Германии, Австрии, Турции ведет англо-французская плюс русская буржуазия. Ей нужны вербовщики, ей нужно согласие социалистов воевать до победы над Германией, а остальное — пустое и недостойное фразерство, протитуирование великих слов: социализм, интернационализм и пр. На деле — идти за буржуазией

и помогать ей грабить чужие страны, а на словах — угощать массы лицемерным признанием «социализма и Интернационала» — в этом как раз и состоит основной грех оппортунизма, основная причина краха II Интернационала.

Поэтому задача противников социал-шовинистов на Лондонской конференции была ясна: уйти с этой конференции во имя ясных антишовинистских принципов, *не впадая* в германофильство. Ибо германофилы как раз *по шовинистским*, а не по другим, мотивам являются решительными врагами Лондонской конференции! Товарищ Максимович выполнил задачу, сказав определенно об *измене* немецких социалистов.

Бундисты и сторонники ОК никак не могут понять этой простой и ясной вещи. Первые — германофилы вроде Косовского, который *прямо оправдывает* голосование немецких социал-демократов за военные кредиты (см. «Информационный Листок» Бунда № 7, январь 1915 года, стр. 7, § V в начале). Редакция этого листка ни звуком не оговорила несогласия с Косовским (оговорив специально несогласие с защитником русского патриотизма Борисовым). В манифесте ЦК Бунда (там же, стр. 3) ни единого ясного словечка против социал-шовинизма не имеется!

Сторонники ОК стоят за примирение германофильского шовинизма с франкофильским. Это видно из заявлений Аксельрода (№№ 86 и 87 «Голоса» и из № 1 «Известий» загр. секр. ОК⁸⁹ 22 февраля 1915). Когда редакция «Нашего Слова» предложила нам совместное выступление против «официального социал-шовинизма», мы *прямо* ответили ей, прилагая наш проект декларации и ссылаясь на решающий голос т. Максимовича, что ОК и Бунд сами на стороне официального социал-патриотизма.

Зачем «Наше Слово» обманывает себя и других, *умалчивая* об этом в передовице № 32? Зачем умалчивает оно, что в нашем проекте декларации тоже стояли слова об *измене* немецких социал-демократов? Декларация «Нашего Слова» этот важнейший «основной» пункт *выпустила*; ни мы, ни тов. Максимович этой декларации не принимали и не могли принять. Единства действий поэтому у нас с ОК *не* получилось. Зачем же «Наше Слово» обманывает себя и других, уверяя, что есть база для единства действий??

«Официальный социал-патриотизм» — самое главное зло современного социализма. Для борьбы с этим злом (а не для примирения с ним, не для взаимной интернациональной «амнистии» по этому пункту) должны быть подготовляемы и собираемы все силы. Каутский и другие дали вполне определенную программу «амнистии» и мира с социал-шовинизмом. Мы постарались дать определенную программу борьбы с ним — см. особенно № 33 «Социал-Демократа» и печатаемые резолюции. Остается выразить пожелание, чтобы от колебаний между «платоническим сочувствием интернационализму» и миром с социал-шовинизмом «Наше Слово» перешло к чему-либо более определенному.

«Социал-Демократ» № 40,
29 марта 1915 г.

Печатается по тексту газеты
«Социал-Демократ»

К ИЛЛЮСТРАЦИИ ЛОЗУНГА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Из Берлина от 8 января нового стиля сообщали в швейцарские газеты: «В последнее время газеты неоднократно печатали известия о мирных попытках сближения между траншеями немцев и французов. Как сообщает «Tägliche Rundschau»⁹⁰ приказ по армии от 29 декабря запрещает братанье и вообще всякое сближение с неприятелем в траншеях; нарушение этого приказа будет карасмо как государственная измена».

Итак, братанье и попытки сближения есть факт. Военное начальство Германии обеспокоено им: следовательно, оно придает ему серьезное значение. В английской рабочей газете «Labour Leader»* от 7 января 1915 года сообщается *целый ряд* цитат из буржуазных английских газет, свидетельствующих о случаях братанья английских и немецких солдат, устраивавших «перемирие на 48 часов» (на Рождество), дружелюбно встречавшихся на полпути между траншеями и т. д. Английское военное начальство *запретило* братанье *особым приказом*. А социалистические оппортунисты и их защитники (или слуги?) уверяли печатно рабочих (подобно Каутскому) с видом необычайно самодовольным и со спокойным сознанием, что военная цензура охранит их от опровержений, — уверяли, будто соглашения между социалистами воюющих стран о действиях против войны *невозможны* (буквальное выражение Каутского в «Neue Zeit»**)!!

Представьте себе, что Гайндман, Гед, Вандервельде, Плеханов, Каутский и т. д. вместо того пособничества буржуа-

* — «Рабочий Воздъ». Ред.

** — «Новое Время». Ред.

зии, которым они сейчас заняты, составили бы международный комитет для агитации за «братанье и попытки сближения» между социалистами воюющих стран, как «в траншеях», так и в войске вообще. Каковы были бы результаты через несколько месяцев, если теперь, через 6 месяцев после начала войны, *против* всех, предавших социализм, главарей, вождей и звезд первой величины, растет повсюду оппозиция против голосовавших за кредиты и против министералистов, и военное начальство грозит смертью за «братанье»!

«Практический вопрос один: победа или поражение собственной страны», писал слуга оппортунистов Каутский, в унисон с Гедом, Плехановым и К^о. Да, если забыть о социализме и классовой борьбе, это будет верно. Но если не забывать о социализме, это не верно: есть другой *практический* вопрос. Погибать ли в войне между рабовладельцами, оставаясь слепым и беспомощным рабом, или погибать за «попытки братанья» между рабами в целях свержения рабства?

Вот каков *на деле* «практический» вопрос.

«Социал-Демократ» № 40,
29 марта 1916 г.

Печатается по тексту газеты
«Социал-Демократ»

СОФИЗМЫ СОЦИАЛ-ШОВИНИСТОВ

«Наше Дело» (1915 г., № 1), издаваемое в Петрограде ликвидаторами, печатает перевод брошюры Каутского: «Международность и война». Г-н А. Потресов заявляет при этом о своем несогласии с Каутским, выступающим, по его мнению, то как «адвокат» (т. е. защитник немецкого социал-шовинизма, не признающий правоты франко-русской разновидности этого направления), то как «судья» (т. е. марксист, старающийся без пристрастия применить метод Маркса).

На самом деле и г. А. Потресов и Каутский в основном изменяют марксизму, явными софизмами защищая национал-либеральную рабочую политику. Г-н А. Потресов отвлекает внимание читателей от основного, споря с Каутским о частностях. По мнению г. А. Потресова, «решение» вопроса об отношении к войне англо-французской «демократией» (автор имеет в виду рабочую демократию) есть «хорошее в общем решение» (стр. 69); «они (эти демократии) действовали правильно», — хотя их решение не столько сознательно, сколько «в силу счастливой случайности... совпадает с национальным решением».

Смысл этих слов ясен: г. А. Потресов защищает, под прикрытием англо-французов, русский шовинизм, оправдывая патриотическую тактику социалистов тройственного согласия. С Каутским г. А. Потресов спорит не как марксист с шовинистом, а как русский шовинист с немецким шовинистом. Это — избитый до пошлости прием, и отметить надо лишь, что г. А. Потресов всячески прикрывает и запутывает простой и ясный смысл своих речей.

Суть дела в том, в чем *согласны* и г. А. Потресов и Каутский. Они согласны, например, в том, что «интернационализм современного пролетариата совместим с защитой отечества» (К. Каутский, 34 стр. нем. изд. брош. Каутского). Г-н А. Потресов пишет об особом положении государства, «которое подвергли разгрому». Каутский пишет: «Народ ничего так не боится, как вражеского нашествия... Если население видит причину войны не в собственном правительстве, а в злокозненности соседнего государства, — а какое правительство при помощи прессы и т. д. не попытается внушить массе населения такой взгляд! — тогда... во всем населении вспыхнет единодушное стремление защищать границы от врага... Разъяренная толпа сама убила бы тех, кто попытался бы помешать отправке войска на границы» (К. Каутский, стр. 33, из статьи 1911 года).

Вот якобы марксистская защита основной идеи всех социал-шовинистов.

Каутский сам прекрасно видел еще в 1911 г., что правительство (и буржуазия) будет *обманывать* «народ, население, толпу», сваливая вину на «злокозненность» другой страны. Вопрос в том, совместима ли с международностью и с социализмом поддержка такого обмана — все равно, вотированием ли кредитов, речами, статьями и т. п. — или эта поддержка равняется национал-либеральной рабочей политике. Каутский поступает, как бесстыднейший «адвокат», как последний софист, подменяя этот вопрос вопросом о том, разумно ли «одиночкам» «мешать отправлять войска» вопреки воле большинства населения, обманутого своим правительством. Не об этом спор. Не в этом суть. Обманутых мелких буржуа надо разубеждать, разъяснять им обман; иногда надо, пойдя с ними на войну, уметь выжидать обработки их голов опытом войны. Не об этом речь, а о том, позволительно ли социалистам участвовать в обмане «народа» буржуазией. Каутский и А. Потресов оправдывают такой обман. Ибо они знают прекрасно, что в империалистской войне 1914 года одинаково виновата «злокозненность» правительств и буржуазии всех «великих» держав, и Англии, и Франции, и Германии, и России. Об этом ясно говорит, напр., Базельская революция 1912 года.

Что «народ», т. е. масса мелких буржуа и часть одураченных рабочих, верит в буржуазную сказку о

«злокозненности» неприятеля, это несомненно. Но задача с.-д. бороться с обманом, а не поддерживать его. Все социал-демократы во всех странах задолго до войны говорили и в Базеле подтвердили, что *каждая* из великих держав на деле стремится к укреплению и расширению господства над колониями, к угнетению маленьких наций и т. д. Война идет из-за дележа колоний и грабежа чужих земель; воры дерутся — и ссылаются на то, что в данную минуту терпит поражение такой-то вор, для изображения интереса воров интересом народа или отечества, есть бессовестная буржуазная ложь. «Народу», страдающему от войны, мы должны говорить *правду*, которая состоит в том, что защита от бедствий войны невозможна без свержения правительств и буржуазии каждой воюющей страны. Защищать Бельгию *посредством* удушения Галиции или Венгрии не есть «защита отечества».

Но сам Маркс, осуждая войны, напр., 1854—1876, становился на сторону одной из воюющих держав, когда война, вопреки воле социалистов, оказывалась фактом. Таково главное содержание и главный «козырь» брошюры Каутского. Такова же позиция г. А. Потресова, который под «международностью» понимает определение того, *чей успех* в войне наиболее желателен или наименее вреден, с точки зрения интересов не национального, а *всего мирового* пролетариата. Войну ведут правительства и буржуазия; пролетариат должен определить, победа *какого* правительства для рабочих всего мира наименее опасна.

Софизм этих рассуждений состоит в том, что совершают подмен, ставя прежнюю, давно минувшую, историческую эпоху на место настоящей. Основная черта прежних войн, на которые ссылается Каутский, была следующая: 1) прежние войны решали вопросы буржуазно-демократических преобразований и свержения абсолютизма или чуженационального гнета; 2) тогда не назрели еще объективные условия социалистической революции, и ни один социалист не мог говорить, *до войны*, об использовании ее «для ускорения краха капитализма», как говорит Штутгартская (1907) и Базельская (1912) резолюция; 3) тогда не было сколько-нибудь сильных, массовых, испытанных в ряде битв, социалистических партий в государствах *обеих* воюющих сторон.

Говоря короче: удивительно ли, что Маркс и марксисты ограничивались определением того, победа *какой* буржуазии безвреднее (или полезнее) для всемирного пролетариата, когда не могло еще быть и речи об общем пролетарском движении против правительств и буржуазии во всех воюющих странах?

Первый раз в мировой истории социалисты всех воюющих стран, задолго до войны, собираются вместе и заявляют: мы используем войну «для ускорения краха капитализма» (1907 г., резолюция в Штутгарте). Значит, они признают созревшими объективные условия для такого «ускорения краха», т. е. для социалистической революции. Значит, они грозят правительствам революцией. В Базеле (1912) это сказали еще яснее, ссылаясь на Коммуну и на октябрь-декабрь 1905 г., т. е. на гражданскую войну.

Когда война разразилась, социалисты, грозившие правительствам революцией и звавшие пролетариат на революцию, начинают ссылаться на то, что было полвека назад, и оправдывают поддержку социалистами правительств и буржуазии! Тысячу раз прав марксист Гортер, когда в своей голландской брошюре: «Империализм, всемирная война и социал-демократия» (стр. 84) сравнивает «радикалов» типа Каутского с либералами 1848 г., храбрыми на словах и изменниками на деле.

Десятилетиями росло противоречие между революционно-социал-демократическими и оппортунистическими элементами внутри европейского социализма. Кризис назрел. Война вскрыла нарыв. Большинство официальных партий побеждено национал-либеральными рабочими политиками, защищающими привилегии «своей», «отечественной» буржуазии, ее предпочтительное право обладать колониями, подавлять маленькие нации и пр. И Каутский и А. Потресов прикрывают, защищают и оправдывают национал-либеральную рабочую политику вместо того, чтобы разоблачать ее перед пролетариатом. Вот в чем суть софизмов социал-шовинизма.

Г-н А. Потресов неосторожно проговорился при этом, признав «принципиальную несостоятельность штутгартской формулы» (стр. 79). Что ж! Открытые ренегаты полезнее для пролетариата, чем прикрытые. Продолжайте, г. А. Потресов, отрекайтесь честнее от Штутгарта и Базеля!

Дипломат Каутский ловчее г. А. Потресова: он не отрекается от Штутгарта и Базеля, он только... «только»!.. цитирует Базельский манифест, *опуская* все указания на революцию!! Цензура, должно быть, мешала и Потресову, и Каутскому. А. Потресов и Каутский согласны, должно быть, говорить о революции, когда это разрешит цензура...

Будем надеяться, что А. Потресов, Каутский или их сторонники предложат заменить Штутгартскую и Базельскую резолюцию примерно такой: «если война, вопреки усилиям нашим, все же вспыхнет, то мы должны определить, с точки зрения всемирного пролетариата, что для него выгоднее: чтобы Индию грабила Англия или Германия, чтобы негров в Африке спаивали и обирали французы или немцы, чтобы Турцию давили австро-германцы или англо-франко-русские, чтобы немцы душили Бельгию или русские Галицию, чтобы Китай делили японцы или американцы» и т. д.

«Социал-Демократ» № 41,
1 мая 1915 г.

Печатается по тексту газеты
«Социал-Демократ»

ВОПРОС ОБ ОБЪЕДИНЕНИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ

Война вызвала глубокий кризис всего международного социализма. Как и всякий кризис, — настоящий кризис социализма глубже и яснее вскрыл его внутренние противоречия, сорвал много фальшивых и условных покровов, показал в самой резкой и яркой форме, что сгнило и отжило в социализме и в чем залог дальнейшего развития и движения к победе.

Едва ли не все социал-демократы России чувствуют, что старые деления и группировки — мы бы не сказали: устарели, а — видоизменяются. На первый план выдвигается группировка по основному вопросу, поставленному войной, именно: деление на «интернационалистов» и «социал-патриотов». Эти термины мы берем из передовицы № 42 «Нашего Слова», не останавливаясь сейчас на вопросе, не следовало ли бы дополнить их противопоставлением революционных социал-демократов национал-либеральным рабочим политикам.

Дело, конечно, не в названии. Сущность основной современной группировки «Наше Слово» наметило правильно. Интернационалисты — пишет оно — «солидарны в отрицательном отношении к социал-патриотизму, представленному Плехановым»... И редакция призывает «ныне раздробленные группы» «столкнуться и объединиться хотя бы только для одного акта — для выражения своего отношения российской социал-демократии к нынешней войне и к русскому социал-патриотизму».

Не ограничиваясь литературным выступлением, редакция «Нашего Слова» обратилась с письмом к нам и к ОК, предлагая совещание по этому вопросу — при своем участии.

Мы ответили указанием на необходимость «выяснить некоторые предварительные вопросы, дабы знать, существует ли между нами солидарность в основном». Главным образом мы остановились на двух предварительных вопросах: 1) для разоблачения «фальсифицирующих волю передового пролетариата России» (выражение редакции «Нашего Слова») «социал-патриотов» (редакция назвала Плеханова, Алексинского и известную группу петербургских ликвидаторов-литераторов, сторонников журнала Х. У. З.⁹¹) не поможет никакая декларация. Необходима длительная борьба. 2) Где основания причислять к «интернационалистам» ОК?

С другой стороны, заграничный секретариат ОК переслал нам копию своего ответа «Нашему Слову». Ответ этот сводился к тому, что «предварительный» отбор одних групп и «исключение других» недопустимы и что «на совещание должны быть приглашены заграничные представительства всех тех партийных центров и групп, которые были... на конференции при Международном социалистическом бюро в Брюсселе перед войной» (письмо от 25 марта 1915 г.).

Итак, ОК принципиально отказывается от совещания *интернационалистов*, желая совещаться и с социал-патриотами (известно, что течения Плеханова и Алексинского были представлены в Брюсселе). Совершенно в таком же духе высказалась резолюция социал-демократов в Нерви (№ 53 «Нашего Слова»), принятая после доклада Ионова (и явно выражающая взгляды этого представителя наиболее левых или интернационалистских элементов Бунда).

В этой резолюции, которая вообще в высшей степени характерна и ценна для обрисовки подыскиваемой многими за границей «средней линии», — выражается сочувствие «принципам» «Нашего Слова», но вместе с тем заявляется о несогласии с позицией «Нашего Слова», «закрывающейся в организационном межевании, в исключительном объединении социалистов-интернационалистов и в защите необходимости расколов в исторически-сложившихся социалистических, пролетарских партиях». «Одностороннее», дескать, «трактование» (этих вопросов) «газетой «Наше Слово» собрание считает «крайне вредящим выяснению задач, связанных с восстановлением Интернационала».

Мы уже указывали, что взгляды Аксельрода, официального представителя ОК, социал-шовинистские. «Наше Слово» ни в печати, ни в переписке не ответило на это. Мы указывали, что позиция Бунда такова же, с оттенком преобладания шовинизма гермаофильского. Резолюция из Нерви дала хотя и косвенное, но крайне важное фактическое подтверждение: объединение *только* интернационалистов объявлено вредным и раскольническим; вопрос поставлен с ясностью, заслуживающей всяческого признания.

Еще яснее ответ ОК, выражающий не косвенное, а самое прямое и формальное отношение к делу: совещаться надо не *без* социал-патриотов, а *с ними*.

Мы должны поблагодарить ОК за то, что он перед «Нашим Словом» подтвердил правильность наших взглядов на ОК.

Значит ли это, что *вся идея* «Нашего Слова» об объединении интернационалистов потерпела крушение? Нет. Никакие неудачи никаких совещаний не остановят объединения интернационалистов, поскольку есть идейная солидарность и искреннее желание бороться с социал-патриотизмом. Редакция «Нашего Слова» располагает большим орудием ежедневной газеты. Она может сделать нечто неизмеримо более деловое и серьезное, чем совещания и декларации: именно, пригласить *все* группы и приняться немедленно самой 1) за выработку полных, точных, недвусмысленных, вполне ясных ответов на вопросы о содержании интернационализма (а то ведь и Вандервельде, и Каутский, и Плеханов, и Ленч, и Гениш называют себя интернационалистами!), об оппортунизме, о крахе II Интернационала, о задачах и средствах борьбы с социал-патриотизмом и т. д.; 2) за собирание сил для серьезной борьбы за такие-то принципы не только за границей, а в главным образом в России.

В самом деле, решится ли кто-нибудь отрицать, что *инного* пути для победы интернационализма над социал-патриотизмом нет и быть не может? Не показала ли полувекковая история эмигрантщины в России (и 30-тилетняя история *социал-демократической* эмиграции), что бессильны, несерьезны, фиктивны все декларации, совещания и т. п. за границей, *если* они не поддержаны *длительным* движением того или иного общественного слоя

в России? Не учит ли нас и теперешняя война тому, что все незрелое или подгнившее, условное или дипломатическое, рассыплется прахом от первого толчка?

За восемь месяцев войны *все* социал-демократические центры, группы, течения, оттенки мнений уже посовещались, с кем могли и хотели, уже «декларировали», т. е. заявили во всеуслышание свое мнение. Теперь задача уже иная, *ближе к делу*. Побольше недоверия к *парадным* декларациям и совещаниям. Побольше энергии на выработку таких точных ответов и советов литераторам, пропагандистам, агитаторам, всем мыслящим рабочим, чтобы этих советов *нельзя было не* понять. Побольше ясности и определенности при собирании сил для длительной работы проведения этих советов в жизнь.

Повторяем, редакции «Нашего Слова» много дапо — ежедневная газета! — и с нее много спросится, если она не выполнит даже этой «программы-минимум».

Добавим одно замечание: ровно 5 лет тому назад, в мае 1910 г., мы указали в заграничной печати на крупнейший политический факт, более «сильный», чем совещания и декларации многих из *очень* «сильных» социал-демократических центров, именно: на сплочение в России группы легалистов-литераторов *того самого* журнала X. Y. Z. Что показали *факты* за 5 лет, довольно богатых событиями в истории рабочего движения России и всего мира? Не показали ли факты, что мы имеем перед собой известное *социальное* ядро для сплочения элементов *национал-либеральной* («европейского» типа!) *рабочей партии* в России? К каким выводам обязывает всех социал-демократов то обстоятельство, что в России мы видим теперь, за исключением «Вопросов Страхования»⁹², *открытое* выступление *только* этого направления, «Нашего Дела», «Страхования Рабочих», «Северного Голоса»⁹³, Маслова и Плеханова?

Еще раз: побольше недоверия к парадным выступлениям, побольше мужества глядеть прямо в лицо серьезным политическим реальностям!

БУРЖУАЗНЫЕ ФИЛАНТРОПЫ И РЕВОЛЮЦИОННАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ

Журнал английских миллионеров «Экономист» («The Economist») ⁹⁴ ведет очень поучительную линию по отношению к войне. Представители передового капитала самой старой и самой богатой капиталистической страны горько оплакивают войну и неустанно выражают пожелание мира. Те социал-демократы, которые вслед за оппортунистами и за Каутским думают, что социалистическая программа состоит в проповеди мира, могут, читая английский «Экономист», наглядно убедиться в своей ошибке. Их программа не социалистическая, а буржуазно-пацифистская. Мечтания о мире без проповеди революционных действий выражают страх перед войной, не имея ничего общего с социализмом.

Мало того. Английский «Экономист» стоит за мир именно потому, что боится революции. Например, в № от 13 февраля 1915 г. читаем:

«Филантропы выражают надежду, что мир принесет международное ограничение вооружений... Но те, кто знают, какие силы фактически направляют европейскую дипломатию, не увлекаются никакими утопиями. Перспектива, открываемая войной, есть перспектива кровавых революций, ожесточенных войн труда с капиталом, или народных масс с господствующими классами континентальной Европы».

А в № от 27 марта 1915 г. опять читаем пожелания мира, который обеспечил бы обещаемую Эдуардом Греем свободу национальностей и пр. Если эта надежда не осуществится, то... «война приведет к революционному хаосу. Никто не может сказать, где начнется этот хаос и чем он окончится»...

Английские миллионеры-пацифисты гораздо вернее понимают современную политику, чем оппортунисты, сторонники Каутского и тому подобные социалистические воздыхатели о мире. Гг. буржуа, во-первых, знают, что фразы о демократическом мире — пустая, глупенькая утопия, пока прежние «силы фактически направляют дипломатию», т. е. пока не экспроприрован класс капиталистов. Во-вторых, гг. буржуа трезво оценивают перспективу: «кровавые революции», «революционный хаос». Социалистический переворот всегда представляется буржуазии в виде «революционного хаоса».

Три вида сочувствия миру видим мы в реальной политике капиталистических стран.

1) Сознательные миллионеры хотят ускорить мир, боясь революций. «Демократический» мир (без аннексий, с ограничением вооружений и т. д.) они трезво и правдиво объявляют утопией при капитализме.

Эту мещанскую утопию проповедуют оппортунисты, сторонники Каутского и т. п.

2) Несознательные народные массы (мелкие буржуа, полупролетарии, часть рабочих и т. п.) пожеланием мира в самой неопределенной форме выражают нарастающий протест против войны, нарастающее смутное революционное настроение.

3) Сознательные передовики пролетариата, революционные социал-демократы, внимательно присматриваются к настроению масс, используют нарастающее стремление их к миру не для поддержки пошлых утопий «демократического» мира при капитализме, не для поощрения надежд на филантропов, на начальство, на буржуазию, а для того, чтобы революционное настроение из смутного сделать ясным; — чтобы систематически, упорно, неуклонно, опираясь на опыт масс и на их настроение, просвещая их тысячами фактов политики до войны, —

— доказывать необходимость массовых революционных действий против буржуазии и правительств своей страны, как *единственного* пути к демократии и к социализму.

КРАХ ПЛАТОНИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА

Мы уже говорили (см. № 41 «Социал-Демократа»)*, что «Наше Слово» должно по крайней мере выступить с точным изложением своей платформы, если оно хочет, чтобы можно было взять всерьез его интернационализм. В № 85 «Нашего Слова» (9/V), как бы в ответ нам, напечатана резолюция, принятая собранием редакции и коллегии парижских сотрудников «Нашего Слова», причем «2 члена редакции, соглашаясь с общим содержанием резолюции, заявили о подаче ими особого мнения об организационных методах внутрипартийной политики в России». Резолюция эта представляет замечательнейший документ политической растерянности и беспомощности.

Много, много раз повторяется слово интернационализм, провозглашается «полное идейное размежевание со всеми разновидностями социалистического национализма», цитируются Штутгартская и Базельская резолюции. Намерения благие, слов нет. Только... только пахнет фразой, ибо действительно «полного» размежевания действительно со «всеми» разновидностями социал-национализма дать нельзя и не нужно, как нельзя и не нужно полностью перечислить все разновидности капиталистической эксплуатации, чтобы стать врагом капитализма. Но можно и должно недвусмысленно размежеваться с главными разновидностями, напр.: плехановской, потресовской («Наше Дело»), бундовской, аксельродовской, каутскианской. Резолюция слишком много сулит, но ничего не дает; она грозитя полностью размежеваться со всеми разновидностями, но боится даже назвать хотя бы главнейшие из них.

* См. настоящий том, стр. 165—168. *Ред.*

... В английском парламенте назвать по имени считается невежливым, принято говорить только о «благородных лордах» и о «высокопочтенных депутатах от такого-то округа». Какие превосходные англومان, какие изысканно-тонкие дипломаты эти «нашесловцы»! Они так изящно обходят суть дела, так вежливо кормят читателей формулами, служащими для сокрытия своих мыслей. Они провозглашают «дружественные отношения» (Гизо да и только! — как говорит один герой у Тургенева⁹⁵) со всеми организациями, «поскольку они проводят... принципы революционного интернационализма»... и они сохраняют «дружественные отношения» именно с теми, кто этих принципов не проводит.

«Идейное размежевание», которое нашесловцы тем торжественнее провозглашают, чем меньше они хотят и могут его дать, состоит в выяснении того, *откуда* взялся социал-национализм, *что* дало ему силу, *как* с ним бороться. Социал-националисты сами себя не называют и не признают социал-националистами. Они направляют и они вынуждены направлять все свои усилия на то, чтобы спрятаться за псевдоним, чтобы засорить глаза рабочим массам, чтобы замести следы своих связей с оппортунизмом, чтобы прикрыть свою измену, т. е. свой фактический переход на сторону буржуазии, свой союз с правительствами и с генеральными штабами. Опираясь на этот союз и имея все позиции в руках, социал-националисты больше всех кричат теперь о «единстве» социал-демократических партий и обвиняют в раскольничестве врагов оппортунизма — смотри последний официальный циркуляр правления («форшганда») немецкой с.-д. партии против *действительно* интернационалистских журналов: «Lichtstrahlen» («Лучи Света»)⁹⁶ и «Die Internationale» («Интернационал»)⁹⁷. Этим журналам не надо было провозглашать ни «дружественных отношений» с революционерами, ни «полного идейного размежевания со всеми разновидностями социал-национализма»; они прямо начали размежевание и начали так, что поистине *«все разновидности»* оппортунистов подняли бешеный вой, показав этим, как хорошо стрелы попали в цель.

А «Наше Слово»?

Оно поднимает против социал-национализма восстание на коленях, ибо опаснейших защитников этого буржуаз-

ного течения (вроде Каутского) «Наше Слово» не разоблачает, войны оппортунизму не объявляет, а напротив, молчит о нем, никаких реальных шагов к освобождению социализма от позорного патриотического пленения не предпринимает и не указывает. Говоря: не обязательно единство, но не обязателен и раскол с теми, кто перешел на сторону буржуазии, «Наше Слово» фактически сдается на милость оппортунистов, делая при этом, однако, такой красивый жест, который можно понять в том смысле, что оно грозит оппортунистам своим грозным гневом, но можно понять и так, что оно делает им ручкой. Вероятнее всего, действительно ловкие оппортунисты, которые умеют ценить соединение левых фраз с умеренной практикой, ответили бы на резолюцию «Нашего Слова» (если бы их заставили отвечать на нее) примерно так же, как ответили два члена редакции: с «общим содержанием» мы согласны (ибо мы вовсе не социал-националисты, ничего подобного!), а насчет «организационных методов внутрипартийной политики» подадим, в свое время, «особое мнение». И волки сыты, и овцы целы.

Тонкая дипломатия «Нашего Слова» разлетелась прахом, когда пришлось говорить о России.

«Партийное объединение в условиях предыдущей эпохи оказалось в России невозможным», — заявляет резолюция. Читай: объединение рабочей партии с группой легалистов-ликвидаторов оказалось невозможным. Это — косвенное признание краха брюссельского блока для спасения ликвидаторов. Почему «Наше Слово» боится признать этот крах прямо? Почему оно боится выяснить открыто перед рабочими причины этого краха? Не потому ли, что крах этого блока доказал фактически фальшь политики всех участников этого блока? Не потому ли, что «Наше Слово» хочет сохранить «дружественные отношения» с двумя (не менее как с двумя) «разновидностями» социал-национализма, именно: с бундовцами и с ОК (Аксельродом), которые в печати выступили с заявлениями, свидетельствующими об их видах и надеждах на воскрешение брюссельского блока?

«Новые условия... подрывают почву под ногами старых фракций»...

Не наоборот ли? Новые условия несколько не устранили ликвидаторства, не поколебали даже, несмотря на все

личные колебания и переметывания, его основного ядра («Нашей Зари»), углубили и обострили расхождение с ним, ибо оно кроме ликвидаторского стало социал-националистическим! «Наше Слово» отмахивается от неприятного для него вопроса о ликвидаторстве, ибо старое-де подорвано новым, и умалчивает о *новой*, социал-националистической, почве под ногами старого... ликвидаторства! Забавная увертливость. О «Нашей Заре» мы молчим, потому, что ее уже нет, а о «Нашем Деле», вероятно, потому, что Потресов, Череванпи, Маслов и К^о могут быть рассматриваемы, как политические новорожденные...

Но не только Потресова и К^о, а и самих себя редакторы «Нашего Слова» хотели бы рассматривать, как новорожденных. Слушайте:

«Стоя перед лицом того факта, что созданные в прошлую эпоху фракционные и междуфракционные группировки служат еще и в настоящий переходный момент единственными» (это заметьте!) «пунктами хотя бы и крайне несовершенного организованного сплочения передовых рабочих, — «Наше Слово» считает, что интересы его основной деятельности по объединению интернационалистов равно исключают как организационное подчинение газеты, прямое или косвенное, одной из старых партийных группировок, так и искусственное сплочение своих единомышленников в особую фракцию, политически противостоящую старым группировкам».

Что это? Как это? *Так как* новые условия подрывают старые группировки, *поэтому* мы признаем последние *единственно* реальными! *Так как* новые условия требуют новой группировки, не по ликвидаторству, а по интернационализму, *поэтому* мы отказываемся от сплочения интернационалистов, как «искусственного»! Настоящий апофеоз политической импотентности.

После 200 дней проповеди интернационализма «Наше Слово» расписалось в своем полнейшем политическом крахе: старым группировкам не «подчиняться» (почему такое испуганное слово? почему не «примыкать», не «поддерживать», не «солидаризироваться?»), новых не создавать. Жить будем по-старому, в группировках по ликвидаторству, будем «подчиняться» им, а «Наше Слово» пусть остается чем-то проде крикливой вывески или праздничной прогулки по садам интернациона-

листской словесности. Писатели «Нашего Слова» будут пописывать, читатели «Нашего Слова» будут почитать.

200 дней мы говорили о сплочении интернационалистов и пришли к выводу, что ровно никого, даже самих себя, редакторов и сотрудников «Нашего Слова», мы сплотить не можем и объявляем такое сплочение «искусственным». Какое торжество для Потресова, для бундовцев, для Аксельрода! И какой ловкий обман рабочих: лицевая сторона — эффектные интернационалистские фразы истинно-нефракционного, освободившегося от переживших себя старых группировок, «Нашего Слова»; изнанка — «единственные» пункты сплочения, старые группировки...

Идейно-политический крах, в котором расписалось теперь «Наше Слово», не случайность, а неизбежный результат потуг словесно отмахнуться от реальных отношений силы. Эти отношения в рабочем движении России сводятся к борьбе течения ликвидаторов и социал-патриотов («Наше Дело») с той марксистской социал-демократической рабочей партией, которая восстановлена Январской конференцией 1912 г., упрочена выборами в IV Государственную думу по рабочей курии, закреплена правдистскими газетами 1912—1914 гг., представлена Российской социал-демократической рабочей фракцией. Эта партия *продолжила* свою борьбу с буржуазным течением ликвидаторства борьбой с не менее буржуазным течением социал-патриотизма. Правильность линии этой партии, нашей партии, подтверждена великим, всемирно-историческим опытом европейской войны и крошечным, миниатюрным опытом новой, тысяча первой, объединительно-нефракционной попытки «Нашего Слова»: эта попытка потерпела фиаско, подтвердив резолюцию Бернского совещания (№ 40 «Социал-Демократа») о «платонических» интернационалистах*.

Действительные интернационалисты не захотят ни сплестись (скрывая это от рабочих) в старых, ликвидаторских, группировках, ни оставаться вне всяких группировок. Они придут к нашей партии.

«Социал-Демократ» № 42,
21 мая 1915 г.

Печатается по тексту газеты
«Социал-Демократ»

* См. настоящий том, стр. 142. Ред.

О БОРЬБЕ С СОЦИАЛ-ШОВИНИЗМОМ

Наиболее интересный и наиболее новый материал по этому злободневному вопросу доставлен закончившейся недавно международной женской социалистической конференцией в Берне⁹⁸. Читатели найдут ниже описание ее и тексты резолюций — принятой и отвергнутой. В настоящей статье мы намерены остановиться лишь на одной стороне дела.

Представительницы женских организаций при ОК, голландки из партии Трульстра, швейцарки из организаций, резко воюющих с «*Berner Tagwacht*»* за чрезмерную будто бы левизну этой газеты, французская представительница, не желающая ни в чем, сколько-нибудь важном, разойтись с официальной партией, стоящей, как известно, на социал-шовинистской точке зрения, англичанки, враждебные мысли о ясном отделении пацифизма от революционной пролетарской тактики, — все они сошлись с «левыми» немецкими социал-демократками на одной резолюции. Представительницы женских организаций при Центральном Комитете нашей партии разошлись с ними, предпочитая остаться на время в одиночестве, чем участвовать в *таком* блоке.

В чем была суть разногласия? Каково принципиальное и общеполитическое значение этого расхождения?

На первый взгляд, «средняя» резолюция, объединившая оппортунистов и часть левых, кажется очень благовидной и принципиально-правильной. Война признана империа-

* — «Бернский Часовой». Ред.

листической, идея «защиты отечества» осуждена, рабочие призваны к массовым демонстрациям и т. д., и т. д. Казалося бы, отличие нашей резолюции *только* в нескольких более резких *выражениях*, вроде «измена», «оппортунизм», «выход из буржуазных министерств» и т. п.

Несомненно, именно с этой точки зрения и будут критиковать отделение делегатов женских организаций при Центральном Комитете нашей партии.

Достаточно отнестись к делу повнимательнее и не ограничиваться «формальным» признанием той или другой истины, чтобы увидеть полную несостоятельность такой критики.

На конференции столкнулись два мирозозерцания, две оценки войны и задач Интернационала, две тактики пролетарских партий. Один взгляд: не произошло краха Интернационала, нет глубоких и серьезных препятствий к возврату от шовинизма к социализму, нет сильного «внутреннего врага» в виде оппортунизма, нет прямой, несомненной, очевидной измены его социализму. Отсюда вывод: не будем никого осуждать, дадим «амнистию» нарушителям Штутгартской и Базельской резолюций, ограничимся советом взять курс полее, призвать массы к демонстрациям.

Другой взгляд по всем перечисленным здесь пунктам — совершенно противоположный. Нет ничего вреднее и губительнее для пролетарского дела, чем продолжение внутрипартийной *дипломатии* с оппортунистами и социал-шовинистами. Резолюция большинства потому и оказалась приемлемой для оппортунисток и сторонниц теперешних официальных партий, что она насквозь пропитана духом дипломатии. Рабочим массам, которыми *теперь* руководят именно официальные социал-патриоты, засоряют глаза подобной дипломатией. Рабочим массам внушают безусловно ошибочную и вредную мысль, будто теперешние социал-демократические партии с их теперешними правлениями *способны* переменить курс и вместо неправильного взять правильный.

Это не так. Это глубочайшее и гибельнейшее заблуждение. Теперешние социал-демократические партии и их правления *не способны* серьезно изменить курс. *На деле* все останется по-старому, и высказанные в резолюции большинства «левые» пожелания останутся несвинными

пожеланиями — это учли верным политическим инстинктом сторонницы партии Трульстра или теперешнего правления французской партии, голосуя за такую резолюцию. Призыв масс к демонстрациям только при самой активной поддержке теперешних правлений социал-демократических партий может получить практически, на деле, серьезное значение.

Можно ли ждать такой поддержки? Ясно, что нет. Известно, что ожесточенное (и большей частью *прикрытое*) противодействие, а вовсе не поддержку, встретит такой призыв со стороны правлений.

Если бы это было сказано прямо рабочим, тогда рабочие знали бы *правду*. Они знали бы, что для проведения в жизнь «левых» пожеланий нужна коренная перемена курса социал-демократических партий, нужна упорнейшая борьба с оппортунистами и их «центровыми» друзьями. А теперь рабочих *убаюкали* левыми пожеланиями, *отказавшись* назвать громко и ясно то зло, без борьбы с которым эти пожелания неосуществимы.

Дипломаты-главари, проводники шовинистской политики в теперешних социал-демократических партиях превосходно используют слабость, нерешительность, недостаточную определенность резолюции большинства. Они, как ловкие парламентарии, поделят между собой роли; одни скажут: не оценены, не разобраны «серьезные» доводы Каутского и К^о, давайте обсуждать в более широком составе; другие скажут: смотрите, не правы ли мы были, говоря, что нет глубоких разногласий, если сторонницы партии Трульстра и партии Геда-Самба сошлись с левыми немками?

Конференция женщин должна была не помогать Шейдеману, Гаазе, Каутскому, Вандервельде, Гайндману, Геду и Самба, Плеханову и т. д. усыплять рабочие массы, а, наоборот, должна была будить их, провозгласить решительную войну с оппортунизмом. Только тогда практический результат был бы не надежда на «исправление» названных «вождей», а собрание сил для трудной и серьезной борьбы.

Возьмите вопрос о нарушении оппортунистами и «центровиками» резолюций Штутгартской и Базельской: ведь в этом *звездь!* Представьте себе прямо и ясно, без дипломатии, как было дело.

Предвидя войну, Интернационал собирается и единогласно решает, в случае наступления войны, работать над *«ускорением краха капитализма»*, работать в духе *Коммуны, октября и декабря 1905 года* (точные слова Базельской резолюции!!!), работать в духе признания за *«преступление»* стрельбы «рабочих одной страны в рабочих другой».

Линия работы в духе интернациональном, пролетарском, революционном, указана здесь вполне ясно — так ясно, что яснее сказать, соблюдая легальность, нельзя было.

Наступает война — именно такая, именно по той линии, как предвидели в Базеле. Официальные партии действуют прямо в противоположном духе: не как интернационалисты, а как националисты; по-буржуазному, а не по-пролетарски; не революционно, а архипортунистически. Если мы говорим рабочим: совершена прямая *измена* делу социализма, то этими словами мы сразу отмечаем все отговорки и увертки, все софизмы à la * Каутский и Аксельрод, мы ясно указываем глубину и силу зла, ясно зовем к борьбе, а не к примирению с ним.

А резолюция большинства? Ни звука осуждения изменникам, ни словечка об оппортунизме, простое *повторение* идей Базельской резолюции!!! Точно ничего серьезного не случилось, — была случайная ошибочка, достаточно *повторить* старое решение, — возникло непринципиальное неглубокое расхождение, достаточно *заклеить* его!!!

Да ведь это же прямая *издевка* над решениями Интернационала, издевка над рабочими. Социал-шовинисты ничего иного, по сути дела, и не добиваются, как простого *повторения* старых решений, лишь бы ничего не изменять на деле. Это и есть, в сущности, молчаливая и лицемерно-прикрытая *амнистия* социал-шовинистским сторонникам большинства теперешних партий. Мы знаем, что есть «тьма охотников» пойти именно этим путем, ограничиться несколькими левыми фразами. Нам с такими людьми не по дороге. Мы шли и пойдём *другим* путем, мы хотим помогать рабочему движению и строительству рабочей партии *на деле* в духе непримиримом по отношению к оппортунизму и социал-шовинизму.

* — вроде. Ред.

Часть немецких делегатов, повидимому, боялась вполне определенной резолюции по соображениям, исключительно относящимся к *темпу* развития борьбы с шовинизмом внутри одной только, именно их собственной, партии. Но такие соображения были явно неуместны и ошибочны, ибо международная резолюция вообще не касалась и не могла касаться ни темпа, ни конкретных условий борьбы с социал-шовинизмом в *отдельных* странах; в этой области автономия отдельных партий непререкаема. Надо было с интернациональной трибуны провозгласить бесповоротный разрыв с социал-шовинизмом во всем направлении, во всем характере социал-демократической работы; а вместо этого резолюция большинства еще раз повторила старую ошибку, ошибку II Интернационала, дипломатически прикрывавшего оппортунизм и расхождение слова с делом. Повторяем: по *этому* пути мы не пойдём.

Приложение к № 42 газеты «Социал-Демократ», 1 июня 1915 г.

Печатается по тексту Приложения

КРАХ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА

*Написано во второй половине
мая — первой половине июня 1915 г.*

*Напечатано в 1915 г. в журнале
«Коммунист» № 1—2
Подпись: И. Д е н и н*

Печатается по тексту журнала

Под крахом Интернационала иногда разумеют просто формальную сторону дела, перерыв интернациональной связи между социалистическими партиями воюющих стран, невозможность собрать ни международной конференции, ни Международного социалистического бюро и т. п. На этой точке зрения стоят некоторые социалисты нейтральных, маленьких стран, вероятно, даже большинство официальных партий в них, затем оппортунисты и их защитники. В русской печати, с заслуживающе глубокой признательности откровенностью, выступил на защиту этой позиции г. Вл. Косовский в № 8 «Информационного Листка» Бунда, причем редакция «Листка» ни единым словом не оговорила своего несогласия с автором. Можно надеяться, что защита национализма г. Косовским, который договорился до оправдания немецких социал-демократов, голосовавших за военные кредиты, поможет многим рабочим окончательно убедиться в буржуазно-националистическом характере Бунда.

Для сознательных рабочих социализм — серьезное убеждение, а не удобное прикрытие мещански-примирительных и националистически-оппозиционных стремлений. Под крахом Интернационала они разумеют вопиющую измену большинства официальных социал-демократических партий своим убеждениям, торжественнейшим заявлениям в речах на Штутгартском и Базельском международных конгрессах, в резолюциях этих конгрессов и т. д. Не видеть этой измены могут только те, кто *не хочет* видеть ее, кому это невыгодно. Формулируя дело научным образом, т. е. с точки зрения отношения между классами

современного общества, мы должны сказать, что большинство социал-демократических партий и во главе их, в первую очередь, самая большая и самая влиятельная партия II Интернационала, германская, встали на сторону своего генерального штаба, своего правительства, своей буржуазии против пролетариата. Это — событие всемирно-исторической важности, и на возможно более всестороннем анализе его нельзя не остановиться. Давно признано, что войны, при всех ужасах и бедствиях, которые они влекут за собой, приносят более или менее крупную пользу, беспощадно вскрывая, разоблачая и разрушая многое гнилое, отжившее, омертвевшее в человеческих учреждениях. Несомненную пользу начала тоже приносить человечеству и европейская война 1914—1915 года, показав передовому классу цивилизованных стран, что в его партиях назрел какой-то отвратительный гнойный нарыв, и несетя откуда-то нестерпимый трупный запах.

I

Есть ли налицо измена главных социалистических партий Европы всем своим убеждениям и задачам? Об этом не любят говорить, разумеется, ни сами изменники, ни те, кто твердо знает — или смутно догадывается — что ему придется дружить и мириться с ними. Но, как бы ни было это неприятно разным «авторитетам» II Интернационала или их фракционным друзьям среди российских социал-демократов, мы должны прямо взглянуть на вещи, назвать их своими именами, сказать рабочим правду.

Есть ли фактические данные по вопросу о том, как перед настоящей войной и в предвидении ее смотрели социалистические партии на свои задачи и на свою тактику? Бесспорно, есть. Это — резолюция Базельского международного социалистического конгресса в 1912 году, которую мы перепечатаем, вместе с резолюцией Хемницкого германского социал-демократического съезда того же года, как напоминание о «забытых словах» социализма. Подводя итог громадной пропагандистской и агитационной литературе всех стран против войны, эта резолюция представляет собой самое точное и полное, самое торжественное и формальное изложение социалистических взглядов на войну и тактики по отношению к войне. Нельзя

назвать иначе, как изменой, уже тот факт, что ни один из авторитетов вчерашнего Интернационала и сегодняшнего социал-шовинизма, ни Гайндман, ни Гед, ни Каутский, ни Плеханов, не решаются напомнить своим читателям эту резолюцию, а либо совершенно молчат о ней, либо цитируют (подобно Каутскому) второстепенные места ее, обходя все существенное. Самые «левые», архиревOLUTIONные резолюции — и самое бесстыдное забвение их или отречение от них, вот одно из самых наглядных проявлений краха Интернационала, — а вместе с тем и одно из самых наглядных доказательств того, что верить в «исправление» социализма, в «выпрямление его линии» путем одних резолюций могут теперь лишь люди, у которых беспримерная наивность граничит с хитрым желанием увековечить прежнее лицемерие.

Гайндмана еще вчера, можно сказать, когда он повернул перед войной к защите империализма, все «порядочные» социалисты считали свихнувшимся чудачком, и никто не говорил о нем иначе, как в тоне пренебрежения. А теперь к позиции Гайндмана целиком скатились, — отличаясь между собой только в оттенках и в темпераменте, — виднейшие социал-демократические вожди всех стран. И мы никак не в состоянии оценить и охарактеризовать сколько-нибудь парламентским выражением гражданского мужества таких людей, как, напр., писатели «Нашего Слова», когда они пишут о «господине» Гайндмане в тоне презрения, а о «товарище» Каутском говорят — или молчат — с видом почтения (или подобострастия?). Разве можно примирить такое отношение с уважением к социализму и к своим убеждениям вообще? Если вы убеждены в лживости и гибельности шовинизма Гайндмана, то не следует ли направить критику и нападки на *более влиятельного* и более опасного защитника подобных взглядов, Каутского?

Взгляды Гедда в последнее время выразил едва ли не всего подробнее гедист Шарль Дюма в своей брошюре: «Какого мира мы желаем». Этот «начальник кабинета Жюль Гедда», подписавшийся так на заглавном листе брошюры, разумеется, «цитирует» прежние заявления социалистов в патриотическом духе (как цитирует подобные же заявления и немецкий социал-шовинист Давид в своей последней брошюре о защите отечества), но Базельского

манifestа он не цитирует! Об этом манифесте молчит и Плеханов, преподнося с необыкновенно самодовольным видом шовинистские пошлости. Каутский подобен Плеханову: цитируя Базельский манифест, он *опускает* все революционные места в нем (то есть все его существенное содержание!) — вероятно, под предлогом цензурного запрещения... Полиция и военные власти, своими цензурными запретами говорить о классовой борьбе и о революции, пришли «кстати» на помощь изменникам социализма!

Но, может быть, Базельский манифест представляет из себя какое-нибудь бессодержательное воззвание, в котором нет никакого точного содержания, ни исторического, ни тактического, относящегося безусловно к данной конкретной войне?

Как раз наоборот. В Базельской резолюции меньше, чем в других, пустого декламаторства, больше конкретного содержания. Базельская резолюция говорит *именно* о той самой войне, которая и наступила, именно о тех самых *империалистических* конфликтах, которые разразились в 1914—1915 гг. Конфликты Австрии и Сербии из-за Балкан, Австрии и Италии из-за Албании и т. д., Англии и Германии из-за рынков и колоний вообще, России с Турцией и пр. из-за Армении и Константинополя — вот о чем говорит Базельская резолюция, предвидя именно теперешнюю войну. Как раз про теперешнюю войну между «великими державами Европы» говорит Базельская резолюция, что *эта война не может быть оправдана ни самою малейшим предлогом какого бы то ни было народного интереса!*

И если теперь Плеханов и Каутский — берем двоих самых типичных и самых близких для нас, пишущего по-русски или переводимого ликвидаторами на русский, авторитетных социалистов — подыскивают (при помощи Аксельрода) разные «народные (или, вернее, простонародные, взятые из уличной буржуазной прессы) оправдания» войне, если они с ученым видом и с запасом фальшивых цитат из Маркса ссылаются на «примеры», на войны 1813 и 1870 гг. (Плеханов) или 1854—1871, 1876—1877, 1897 годов (Каутский), — то, поистине, только люди без тени социалистических убеждений, без капельки социалистической совести могут брать «всерьез» подобные доводы, могут *не* назвать их неслышанным иезуитизмом,

лицемерием и проституированием социализма! Пусть немецкое правление партии («форштанд») предаст проклятию новый журнал Меринга и Розы Люксембург («Интернационал») за правдивую оценку Каутского, пусть Вандервельде, Плеханов, Гайндман и К^о, при помощи полиции «тройственного согласия», так же третируют своих противников, — мы будем отвечать простой перепечаткой Базельского манифеста, изобличающего такой поворот вещей, для которого нет другого слова, кроме измены.

Базельская резолюция говорит не о национальной, не о народной войне, примеры которых в Европе бывали, которые даже типичны для эпохи 1789—1871 гг., не о революционной войне, от которых социал-демократы никогда не зарекались, а о *теперешней* войне, на почве «капиталистического империализма» и «династических интересов», на почве «завоевательной политики» *обеих* групп воюющих держав, и австро-германской и англо-франко-русской. Плеханов, Каутский и К^о прямо-таки обманывают рабочих, повторяя корыстную ложь буржуазии всех стран, стремящейся из всех сил эту империалистскую, колониальную, грабительскую войну изобразить народной, оборонительной (для кого бы то ни было) войной, и подыскивая оправдания для нее из области исторических примеров неимпериалистских войн.

Вопрос об империалистском, грабительском, противопролетарском характере данной войны давно вышел из стадии чисто-теоретического вопроса. Не только теоретически оценен уже, во всех своих главных чертах, империализм, как борьба гибнущей, одряхлевшей, сгнившей буржуазии за дележ мира и за порабощение «мелких» наций; не только повторялись тысячи раз эти выводы во всей необъятной газетной литературе социалистов *всех* стран; не только, напр., представитель «союзной» по отношению к нам нации, француз Дэлэзи, в брошюре о «Грядущей войне» (1911 года!) популярно разъяснял грабительский характер настоящей войны и со стороны французской буржуазии. Этого мало. Представители пролетарских партий всех стран единогласно и формально выразили в Базеле свое непреклонное убеждение в том, что грядет война именно империалистского характера, сделав из этого *тактические* выводы. Поэтому, между прочим, должны быть отвергнуты сразу, как софизмы, все

ссылки на то, что отличие национальной и интернациональной тактики недостаточно обсуждено (сравни последнее интервью Аксельрода в №№ 87 и 90 «Нашего Слова»), и т. д. и т. п. Это — софизм, ибо одно дело всестороннее научное исследование империализма; такое исследование только начинается, и оно, по сути своей, бесконечно, как бесконечна наука вообще. Другое дело — основы социалистической тактики против капиталистического империализма, изложенные в миллионах экземпляров социал-демократических газет и в решении Интернационала. Социалистические партии — не дискуссионные клубы, а организации борющегося пролетариата, и когда ряд батальонов перешел на сторону неприятеля, их надо назвать и ослабить изменниками, не давая себя «поймать» лицемерными речами о том, что «не все одинаково» понимают империализм, что вот шовинист Каутский и шовинист Кунов способны написать об этом томы, что вопрос «недостаточно обсужден» и проч. и т. п. Капитализм во всех проявлениях своего грабительства и во всех мельчайших разветвлениях его исторического развития и его национальных особенностей *никогда* не будет изучен *до конца*; о частностях ученые (и педанты особенно) никогда не перестанут спорить. «На этом основании» отказываться от социалистической борьбы с капитализмом, от противопоставления себя тем, кто изменил этой борьбе, было бы смешно, — а что же другое предлагают нам Каутский, Кунов, Аксельрод и т. п.?

Никто даже и не попытался ведь разобрать теперь, после войны, Базельскую резолюцию и показать ее неправильность!

II

Но, может быть, искренние социалисты стояли за Базельскую резолюцию в предвидении того, что война создаст революционную ситуацию, а события опровергли их, и революция оказалась невозможной?

Именно таким софизмом пытается оправдать свой переход в лагерь буржуазии Кунов (в брошюре «Крах партии?» и в ряде статей), а в виде намеков мы встречаем подобные «доводы» почти у всех социал-шовинистов с Каутским во главе. Надежды на революцию оказались иллюзией, а отстаивать иллюзии не дело марксиста, рассуждает

Кунов, причем сей струвист ни единым словом не говорит об «иллюзии» всех подписавших Базельский манифест, а, как отменно-благородный человек, старается свалить дело на крайних левых, вроде Паннекука и Радека!

Рассмотрим, по существу, тот довод, что авторы Базельского манифеста искренно предполагали наступление революции, но события опровергли их. Базельский манифест говорит — 1) что война создаст экономический и политический кризис; 2) что рабочие будут считать свое участие в войне преступлением, преступной «стрельбой друг в друга ради прибылей капиталистов, ради честолюбия династий, ради выполнения тайных дипломатических договоров», что война вызывает среди рабочих «негодование и возмущение»; 3) что указанный кризис и указанное душевное состояние рабочих социалисты обязаны использовать для «возбуждения народа и для ускорения краха капитализма»; 4) что «правительства» — все без исключения — не могут начать войны «без опасности для себя»; 5) что правительства «боятся пролетарской революции»; 6) что правительствам «следует вспомнить» о Парижской Коммуне (т. е. о гражданской войне), о революции 1905 г. в России и т. д. Все это — совершенно ясные мысли; в них нет *ручательства*, что революция будет; в них положено ударение на точную характеристику *фактов и тенденций*. Кто по поводу таких мыслей и рассуждений говорит, что ожидавшееся наступление революции оказалось иллюзией, тот обнаруживает не марксистское, а струвистское и полицейски-ренегатское отношение к революции.

Для марксиста не подлежит сомнению, что революция невозможна без революционной ситуации, причем не всякая революционная ситуация приводит к революции. Каковы, вообще говоря, признаки революционной ситуации? Мы наверно не ошибемся, если укажем следующие три главных признака: 1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому. 2) Обострение, выше обычного, пужды и

бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, *так и самими «верхами»*, к самостоятельному историческому выступлению.

Без этих объективных изменений, независимых от воли не только отдельных групп и партий, но и отдельных классов, революция — по общему правилу — невозможна. Совокупность этих объективных перемен и называется революционной ситуацией. Такая ситуация была в 1905 году в России и во все эпохи революций на Западе; но она была также и в 60-х годах прошлого века в Германии, в 1859—1861, в 1879—1880 годах в России, хотя революций в этих случаях не было. Почему? Потому, что не из всякой революционной ситуации возникает революция, а лишь из такой ситуации, когда к перечисленным выше объективным переменам присоединяется субъективная, именно: присоединяется способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно *сильные*, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не «упадет», если его не «уронят».

Таковы марксистские взгляды на революцию, которые много, много раз развивались и признавались за бесспорные всеми марксистами и которые для нас, русских, особенно наглядно подтверждены опытом 1905-го года. Спрашивается, что предполагалось в этом отношении Базельским манифестом в 1912 году и что наступило в 1914—1915 году?

Предполагалась революционная ситуация, кратко описанная выражением «экономический и политический кризис». Наступила ли она? Несомненно, да. Социал-шовинист Ленч (который прямее, откровеннее, честнее выступает с защитой шовинизма, чем лицемеры Кунов, Каутский, Плеханов и К^о) выразился даже так, что «мы переживаем своеобразную *революцию*» (стр. 6 его брошюры «Германская социал-демократия и война», Берлин, 1915). Политический кризис налицо: ни одно из правительств не уверено в завтрашнем дне, ни одно не свободно от опасности финансового краха, отнятия территории, изгнания из своей страны (как изгнали правительство из Бельгии). Все

правительства живут на вулкане, все апеллируют *сами* к самодеятельности и героизму масс. Политический режим Европы весь потрясен, и никто, наверное, не станет отрицать, что мы вошли (и входим все глубже — я пишу это в день объявления войны Италией) в эпоху величайших политических потрясений. Если Каутский, через два месяца после объявления войны, писал (2 октября 1914 в «Neue Zeit»*), что «никогда правительство не бывает так сильно, никогда партии не бывают так слабы, как при начале войны», то это один из образчиков подделки исторической науки Каутским в угоду Зюдекумам и прочим оппортунистам. Никогда правительство не нуждается так в согласии всех партий господствующих классов и в «мирном» подчинении этому господству классов угнетенных, как во время войны. Это — во-1-х; а во-2-х, если «при начале войны», особенно в стране, ожидающей быстрой победы, правительство *кажется* всемогущим, то никто никогда и нигде в мире не связывал ожиданий революционной ситуации исключительно с моментом «начала» войны, а тем более не отождествлял «кажущегося» с *действительным*.

Что европейская война будет тяжелой не в пример другим, это все знали, видели и признавали. Опыт войны все более подтверждает это. Война ширится. Политические устои Европы шатаются все больше. Бедствия масс ужасны, и усилия правительств, буржуазии и оппортунистов замолчать эти бедствия терпят все чаще крушение. Прибыли известных групп капиталистов от войны неслыханно, скандально велики. Обострение противоречий громадное. Глухое возмущение масс, смутное пожелание забитыми и темными слоями добренького («демократического») мира, начинающийся ропот в «низах» — все это налицо. А чем дальше затягивается и обостряется война, тем сильнее сами правительства развывают и должны развивать активность масс, призывая их к сверхнормальному напряжению сил и самопожертвованию. Опыт войны, как и опыт всякого кризиса в истории, всякого великого бедствия и всякого перелома в жизни человека, отупляет и надламывает одних, *но зато просвещает и закаляет других*, причем в общем и целом, в истории всего мира, число и сила этих

* — «Новое Время». Год.

последних оказывались, за исключением отдельных случаев упадка и гибели того или иного государства, больше, чем первых.

Заключение мира не только не может «сразу» прекратить всех этих бедствий и всего этого обострения противоречий, а, напротив, во многих отношениях сделает эти бедствия еще более ощутимыми и особенно наглядными для самых отсталых масс населения.

Одним словом, революционная ситуация в большинстве передовых стран и великих держав Европы — налицо. В этом отношении предвидение Базельского манифеста оправдалось *вполне*. Отрицать эту истину прямо или косвенно или замалчивать ее, как делают Кунов, Плеханов, Каутский и К^о, значит говорить величайшую неправду, обманывать рабочий класс и услуживать буржуазии. В «Социал-Демократе» (№№ 34, 40 и 41)* мы приводили данные, показывающие, что люди, боящиеся революции, христианские попы-мещане, генеральные штабы, газеты миллионеров вынуждены констатировать признаки революционной ситуации в Европе.

Долго ли продержится и насколько еще обострится эта ситуация? Приведет ли она к революции? Этого мы не знаем, и никто не может знать этого. Это покажет только *опыт* развития революционных настроений и перехода к революционным действиям передового класса, пролетариата. Тут не может быть и речи ни вообще о каких-либо «плюзиях», ни об их опровержении, ибо ни один социалист нигде и никогда не брал на себя ручательства за то, что революцию породит именно данная (а не следующая) война, именно теперешняя (а не завтрашняя) революционная ситуация. Тут идет речь о самой бесспорной и самой основной обязанности всех социалистов: обязанности вскрывать перед массами наличность революционной ситуации, разъяснять ее ширину и глубину, будить революционное сознание и революционную решимость пролетариата, помогать ему переходить к революционным действиям и создавать соответствующие революционной ситуации организации для работы в этом направлении.

Никогда ни один влиятельный и ответственный социалист не смел усомниться в том, что такова именно обязанность

* См. настоящий том, стр. 75—76, 158—159 и 169—170. *Ред.*

социалистических партий, и Базельский манифест, не распространяя и не питая ни малейших «иллюзий», именно об этой обязанности социалистов говорит: возбуждать, «встряивать» народ (а не усыплять его шовинизмом, как делают Плеханов, Аксельрод, Каутский), «использовать» кризис для «ускорения» краха капитализма, руководствоваться *примерами* Коммуны и октября-декабря 1905 года. Неисполнение современными партиями этой своей обязанности и есть их измена, их политическая смерть, их отречение от своей роли, их переход на сторону буржуазии.

III

Но как *могло* быть, что виднейшие представители и вожди II Интернационала изменили социализму? На этом вопросе мы остановимся подробно ниже, рассмотрев сначала попытки «теоретически» оправдать эту измену. Попробуем охарактеризовать главные теории социал-шовинизма, представителями которых можно считать Плеханова (он повторяет преимущественно доводы англо-французских шовинистов, Гайндмана и его новых сторонников) и Каутского (он выдвигает доводы гораздо более «тонкие», имеющие вид несравненно большей теоретической солидности).

Едва ли не всех примитивнее теория «зачинщика». На нас напали, мы защищаемся; интересы пролетариата требуют отпора нарушителям европейского мира. Это — перепев заявлений всех правительств и декламаций всей буржуазной и желтой печати всего мира. Плеханов даже и столь избитую пошлость прикрашивает обязательной у этого писателя иезуитской ссылкой на «диалектику»: во имя учета конкретной ситуации надо-де прежде всего найти зачинщика и расправиться с ним, откладывая до другой ситуации все остальные вопросы (см. брошюру Плеханова «О войне», Париж, 1914, и повторение ее рассуждений у Аксельрода в «Голосе» №№ 86 и 87). В благородном деле подмена диалектики софистикой Плеханов побил рекорд. Софист выхватывает один из «доводов», и еще Гегель говорил справедливо, что «доводы» можно подыскать решительно для всего на свете. Диалектика требует всестороннего исследования данного общественного явления в его развитии и сведения внешнего,

кажущегося к коренным движущим силам, к развитию производительных сил и к классовой борьбе. Плеханов выхватывает цитату из немецкой социал-демократической печати: сами немцы до войны признавали-де зачинщиком Австрию и Германию, — и баста. О том, что русские социалисты много раз разоблачали завоевательные планы царизма насчет Галиции, Армении и т. д., Плеханов молчит. У него нет и тени попытки прикоснуться к экономической и дипломатической истории хотя бы трех последних десятилетий, а эта история неопровержимо доказывает, что именно захват колоний, грабеж чужих земель, вытеснение и разорение более успешного конкурента были главной осью политики *обеих* воюющих ныне групп держав*.

В применении к войнам, основное положение диалектики, так бесстыдно извращаемой Плехановым в угоду буржуазии, состоит в том, что *«война есть просто продолжение политики другими»* (именно насильственными)

* Крайне поучительная книга английского пацифиста Брайлефорда, который не прочь даже норчить из себя социалиста: «Война стали и волюта» (Лондон, 1914; книга помечена мартом 1914 г.). Автор совершенно ясно сознает, что вопросы национальные, в общем, стоят повади, уже решены (35), что дело теперь не в этом, что «типичный вопрос современной дипломатии» (36) — Багдадская дорога, поставка рельс для нее, рудники в Марокко и т. п. Одним из «поучительнейших инцидентов в новейшей истории европейской дипломатии» автор справедливо считает борьбу французских патриотов и английских империалистов против попыток Кайо (в 1911 и 1913 гг.) помириться с Германией на основе соглашения о разделе колониальных сфер влияния и о допущении германских бумаг на парижскую биржу. *Английская и французская буржуазия сорвала* такое соглашение (38—40). Цель империализма — вынос капитала в более слабые страны (74). Прибыль от такого капитала в Англии была 90—100 млн. ф. ст. в 1899 г. (Дизфен), 140 млн. в 1909 г. (Пэйш), а Ллойд-Джорджи в недавней речи считал ее, добавив от себя, в 200 млн. ф. ст., почти 2 миллиарда рублей. — Грязные проделки и подкупы турецкой знати, местечки для сынов в Индии и Египте — вот в чем суть (85—87). Ничтожное меньшинство выигрывает от вооружений и войн, но за него общество и финансисты, а за сторонами мира раздробленное население (93). Пацифист, ныне толкующий о мире и разоружении, завтра оказывается членом партии, вполне зависимой от военных подрядчиков (161). Окажется сильнее тройственное соглашение, оно возьмет Марокко и разделит Персию, — тройственный союз возьмет Триполи, укрепитя в Боснии, подчинит себе Турцию (167). Лондон и Париж дали миллиарды России в марте 1906 г., помогая кризису задавить освободительное движение (225—228); Англия помогает теперь России душить Персию (229). Россия разожгла балканскую войну (230). — Все это не ново, не правда ли? Все это общеизвестно и 1 000 раз повторялось в социал-демократических газетах всего мира? Накашуне войны англичанин-буржуа явнее ясного видит это. Но каким переприличным водором, каким неслесенным лицемерием, какой сладкой ложью оказываются перед лицом этих простых и общеизвестных фактов теории Плеханова и Потресова о виновности Германии или Каутского о «перспективах» разоружения и длительного мира при капитализме!

«средствами». Такова формулировка Клаузевица*, одного из великих писателей по вопросам военной истории, идеи которого были оплодотворены Гегелем. И именно такова была всегда точка зрения Маркса и Энгельса, каждую войну рассматривавших как *продолжение* политики данных, заинтересованных держав — и *разных классов* внутри них — в данное время.

Грубый шовинизм Плеханова стоит совершенно на той же самой теоретической позиции, как более тонкий, примирительно-слащавый шовинизм Каутского, когда сей последний освящает переход социалистов всех стран на сторону «своих» капиталистов следующим рассуждением:

Все вправе и обязаны защищать свое отечество; истинный интернационализм состоит в признании этого права за социалистами всех наций, в том числе воюющих с моей нацией... (см. «Neue Zeit», 2 октября 1914, и другие сочинения того же автора).

Это бесподобное рассуждение есть такое безгранично-пошлое издевательство над социализмом, что лучшим ответом на него было бы заказать медаль с фигурами Вильгельма II и Николая II на одной стороне, Плеханова и Каутского на другой. Истинный интернационализм, видите ли, состоит в оправдании того, чтобы французские рабочие стреляли в немецких, а немецкие в французских во имя «защиты отечества»!

Но, если присмотреться к теоретическим предпосылкам рассуждений Каутского, мы получим именно тот взгляд, который высмеян Клаузевицем около 80 лет тому назад: с началом войны прекращаются исторически подготовленные политические отношения между народами и классами, наступает совершенно иное положение! «просто» нападающие и защищающиеся, «просто» отражение «врагов отечества»! Угнетение целого ряда наций, составляющих больше половины населения земного шара, великодержавными империалистскими народами, конкуренция между буржуазией этих стран ради делажка

* Karl von Clausewitz: «Vom Kriege», Werke, I Bd., S. 28. Ср. т. III, стр. 139—140: «Все знают, что войны вытекают лишь политическими отношениями между правительствами и между народами; но обыкновенно представляют себе дело таким образом, как будто с началом войны эти отношения прекращаются и наступает совершенно иное положение, подчиненное только своим особым законам. Мы утверждаем наоборот: война есть не что иное, как продолжение политических отношений при вмешательстве иных средств.

добычи, стремление капитала расколоть и подавить рабочее движение — это все сразу исчезло из поля зрения Плеханова и Каутского, хотя именно такую «политику» обрисовывали они сами в течение десятилетий перед войной.

Обычные ссылки на Маркса и Энгельса составляют при этом «козырный» довод обоих главарей социал-шовинизма: Плеханов вспоминает национальную войну Пруссии в 1813 г. в Германии в 1870 г., Каутский с ученым видом доказывает, что Маркс решал вопрос о том, успех какой стороны (т. е. какой буржуазии) желательнее в войнах 1854—1855, 1859, 1870—1871, а марксисты также в войнах 1876—1877 и 1897 годов. Прием всех софистов во все времена: брать примеры, заведомо относящиеся к принципиально непохожим случаям. Прежние войны, на которые нам указывают, были «продолжением политики» многолетних национальных движений буржуазии, движений против чужого, инационального, гнета и против абсолютизма (турецкого и русского). Никакого иного вопроса, кроме вопроса о предпочтительности успеха той или другой буржуазии, тогда и быть не могло; к войнам подобного типа марксисты могли *заранее звать* народы, *разжигая* национальную ненависть, как звал Маркс в 1848 г. и позже к войне с Россией, как разжигал Энгельс в 1859 году национальную ненависть немцев к их угнетателям, Наполеону III и к русскому царизму*.

Сравнивать «продолжение политики» борьбы с феодализмом и абсолютизмом, политики освобождающейся буржуазии, с «продолжением политики» одряхлевшей, *то есть* империалистской, *то есть* ограбившей весь мир и реакционной, в союзе с феодалами давящей пролетариат буржуазии — значит сравнивать аршины с пудами. Это похоже на сравнение «представителей буржуазии» Ро-

* Кстати, г. Гарденин в «Жизни»⁹⁹ называет «революционным шовинизмом», но все же шовинизмом со стороны Маркса, что он стоял в 1848 г. за революционную войну против показавших себя на деле контрреволюционными народы Европы, именно: «славян и русских особенно». Такой упрек Марксу донаывает только лишний раз оппортунизм (или — а вернее и — полную несерьезность) сего «левого» социал-революционера. Мы, марксисты, всегда стояли и стоим за революционную войну против контрреволюционных народов. Например, если социализм победит в Америке или в Европе в 1920 году, а Япония с Китаем, допустим, двинут тогда против нас — сначала хотя бы дипломатически — своих Висмарков, мы будем за наступательную, революционную войну с ними. Вам это странно, г. Гарденин? Революционер-то вы вроде Рощина!

беспьера, Гарибальди, Желябова с «представителями буржуазии» Мильераном, Саландрой, Гучковым. Нельзя быть марксистом, не питая глубочайшего уважения к великим буржуазным революционерам, которые имели всемирно-историческое право говорить от имени буржуазных «отечеств», поднимавших десятки миллионов новых наций к цивилизованной жизни в борьбе с феодализмом. И нельзя быть марксистом, не питая презрения к софистике Плеханова и Каутского, говорящих о «защите отечества» по поводу удушения немецкими империалистами Бельгии или по поводу сделки империалистов Англии, Франции, России и Италии о грабеже Австрии и Турции.

Еще одна «марксистская» теория социал-шовинизма: социализм базируется на быстром развитии капитализма; победа моей страны ускорит в ней развитие капитализма, а значит, и наступление социализма; поражение моей страны задержит ее экономическое развитие, а значит, и наступление социализма. Такую, струвистскую, теорию развивает у нас Плеханов, у немцев Ленч и другие. Каутский спорит против этой грубой теории, против прямо защищающего ее Ленча, против прикрито отстаивающего ее Кунова, но спорит только для того, чтобы добиться примирения социал-шовинистов всех стран на основе более тонкой, более иезуитской шовинистской теории.

Нам не приходится долго останавливаться на разборе этой грубой теории. «Критические заметки» Струве вышли в 1894 году, и за 20 лет русские социал-демократы познакомились досконально с этой «манерой» образованных русских буржуа проводить свои взгляды и пожелания под прикрытием «марксизма», — *очищенного* от революционности. Струвизм есть не только русское, а, как показывают особенно наглядно последние события, международное стремление теоретиков буржуазии убить марксизм «посредством мягкости», удушить посредством объятий, путем якобы-признания «всех» «истинно-научных» сторон и элементов марксизма, *кроме* «агитаторской», «демагогической», «бланкистски-утопической» стороны его. Другими словами: взять из марксизма все, что приемлемо для либеральной буржуазии, вплоть до борьбы за реформы, вплоть до классовой борьбы (без диктатуры пролетариата), вплоть до «общего» признания «социалистических идеалов» и смены капитализма «новым строем», и отбросить

«только» живую душу марксизма, «только» его революционность.

Марксизм есть теория освободительного движения пролетариата. Понятно поэтому, что сознательные рабочие должны уделять громадное внимание процессу подмены марксизма струвизмом. Двигательные силы этого процесса многочисленны и разнообразны. Мы отметим только главные три. 1) Развитие науки дает все больше материала, доказывающего правоту Маркса. Приходится бороться с ним лицемерно, не идя открыто против основ марксизма, а якобы признавая его, выхолащивая софизмами его содержание, превращая марксизм в безвредную для буржуазии, святую «икону». 2) Развитие оппортунизма среди социал-демократических партий поддерживает такую «перedelку» марксизма, подгоняя его под оправдание всяческих уступок оппортунизму. 3) Период империализма есть раздел мира между «великими», привилегированными нациями, угнетающими все остальные. Крохи добычи от этих привилегий и этого угнетения перепадает, несомненно, известным слоям мелкой буржуазии и аристократии, а также бюрократии рабочего класса. Такие слои, будучи ничтожным меньшинством пролетариата и трудящихся масс, тяготеют к «струвизму», ибо он дает им оправдание их союза со «своей» национальной буржуазией против угнетенных масс *всех* наций. Об этом нам придется еще говорить ниже в связи с вопросом о причинах краха Интернационала.

IV

Самой тонкой, наиболее искусно подделанной под научность и под международность, теорией социал-шовинизма является выдвинутая Каутским теория «ультраимпериализма». Вот самое ясное, самое точное и самое новое изложение ее самим автором:

«Ослабление протекционистского движения в Англии, понижение пошлин в Америке, стремление к разоружению, быстрое уменьшение, за последние годы перед войной, вывоза капитала из Франции и из Германии, наконец, усиливающееся международное переплетение различных влиев финансового капитала — все это побудило меня ~~завести~~, не может ли теперешняя империалистская политика быть вытеснена новой, ультраимпериалистскою, которая поставит на место борьбы национальных финансовых капиталов между собою общую эксплуатацию мира интернационально-объединенным финан-

совым капиталом. Подобная новая фаза капитализма во всяком случае мыслима. Осуществима ли она, для решения этого нет еще достаточных предпосылок» («Neue Zeit» № 5, 30. IV. 1915, стр. 144).

...«Решающим в этом отношении может оказаться ход и исход гегершней войны. Она может совершенно раздавить слабые зачатки ультраимпериализма, разжигая до высшей степени национальную ненависть также и между финансовыми капиталистами, усиливая вооружения и стремление обогнать в этом друг друга, делая неизбежной вторую всемирную войну. Тогда то предвидение, которое я формулировал в своей брошюре: «Путь к власти», осуществится в ужасных размерах, увеличится обострение классовых противоречий, а вместе с тем и моральное отмирание (буквально: «отхозяйничание, Abwirtschaltung», крах капитализма)... (Надо заметить, что под этим вычурным словечком Каутский разумеет просто-напросто «вражду» к капитализму со стороны «промежуточных слоев между пролетариатом и финансовым капиталом», именно: «интеллигенции, мелких буржуа, даже мелких капиталистов»)». «Но война может кончиться иначе. Она может привести к: усилению слабых зачатков ультраимпериализма. Ее уроки (это заметьте!) «могут ускорить такое развитие, которого долго пришлось бы ждать во время мира. Если дело дойдет до этого, до соглашения наций, до разоружения, до длительного мира, тогда худшие из причин, ведших до войны все сильнее к моральному отмиранию капитализма, могут исчезнуть». Новая фаза, разумеется, принесет с собой «новые бедствия» для пролетариата, «может быть еще более худшие», но «на время» «ультраимпериализм» «мог бы создать эру новых надежд и ожиданий в пределах капитализма» (стр. 145).

Каким образом выводится из этой «теории» оправдание социал-шовинизма?

Довольно странным — для «теоретика» — именно следующим образом:

Левые социал-демократы в Германии говорят, что империализм и порождаемые им войны не случайность, а необходимый продукт капитализма, приведшего к господству финансового капитала. Поэтому необходим переход к революционной борьбе масс, ибо эпоха сравнительно мирного развития изжита. «Правые» социал-демократы грубо заявляют: раз империализм «необходим», надо быть империалистами и нам. Каутский, в роли «центра», примиряет:

«Крайние левые», — пишет он в своей брошюре: «Национальное государство, империалистическое государство и союз государств» (Нюрнберг, 1915), — хотят «противопоставить» неизбежному империализму социализм, т. е. «не только пропаганду его, которую мы в течение полувекла противопоставляем всем формам капиталистического господства, а немедленное осуществление социализма. Это кажется очень радикальным, но способно лишь оттолкнуть всякого, кто не осрив в немедленное практическое осуществление социализма, в лагерь империализма» (стр. 17, курсив наш).

Говоря о немедленном осуществлении социализма, Каутский «осуществляет» передержку, пользуясь тем, что в Германии, при военной цензуре особенно, нельзя говорить о революционных действиях. Каутский прекрасно знает, что левые требуют от партии *немедленной* пропаганды и подготовки революционных действий, а вовсе не «немедленного практического осуществления социализма».

Из необходимости империализма левые выводят необходимость революционных действий. «Теория ультраимпериализма» служит Каутскому *для оправдания оппортунистов*, для изображения дела в таком свете, что они вовсе не перешли на сторону буржуазии, а просто «не верят» в немедленный социализм, ожидая, что перед нами «может быть» новая «эра» разоружения и длительного мира. «Теория» сводится к тому и *только* к тому, что *надеждой* на *новую* мирную эру капитализма Каутский оправдывает присоединение оппортунистов и официальных социал-демократических партий к буржуазии и их отказ от революционной (то есть пролетарской) тактики во время *настоящей бурной эры*, вопреки торжественным заявлениям Базельской резолюции!

Заметьте, что Каутский при этом не только не заявляет: новая фаза вытекает и должна получиться из таких-то обстоятельств и условий, — а, напротив, заявляет прямо: даже вопроса об «*осуществимости*» новой фазы я еще не могу решить. Да и в самом деле, взгляните на те «тенденции» к новой эре, которые Каутский указал. Поразительно, что к числу экономических фактов автор относит «стремления к разоружению»! Это значит: от несомненных фактов, которые совсем не мирятся с теорией притупления противоречий, прятаться под сень невинных мещанских разговоров и мечтаний. «Ультраимпериализм» Каутского, — это слово, кстати сказать, совсем не выражает того, что автор хочет сказать, — означает громадное *притупление* противоречий капитализма. «Ослабление протекционизма в Англии и Америке» — говорят нам. Где же тут хотя бы малейшая тенденция к новой эре? Доведенный до крайности протекционизм Америки ослаблен, но протекционизм остался, как остались и привилегии, предпочтительные тарифы английских колоний в пользу Англии. Вспомним, на чем основана смена предыдущей, «мирной», эпохи капитализма современной, империалистической: на том,

что свободная конкуренция уступила место монополистическим союзам капиталистов, и на том, что весь земной шар поделен. Ясно, что оба эти факта (и фактора) имеют действительно мировое значение: свободная торговля и мирная конкуренция были возможны и необходимы, пока капитал мог беспрепятственно увеличивать колонии и захватывать в Африке и т. п. незанятые земли, причем концентрация капитала была еще слаба, монополистических предприятий, т. е. столь громадных, что они господствуют во *всей* данной отрасли промышленности, еще не было. Возникновение и рост таких монополистических предприятий (вероятно, этот процесс ни в Англии, ни в Америке не приостановился? едва ли даже Каутский решится отрицать, что война ускорила и обострила его) делает *невозможной* прежнюю свободную конкуренцию, вырывает почву из-под ног у нее, а раздел земного шара *заставляет* от мирного расширения перейти к вооруженной борьбе за *передел* колоний и сфер влияния. Смешно и думать, что *ослабление* протекционизма в двух странах может изменить тут что-либо.

Далее, уменьшение вывоза капитала в *двух* странах за несколько лет. Эти две страны, Франция и Германия, по статистике, напр., Хармса в 1912 году, имели капиталов за границей приблизительно на 35 миллиардов марок (около 17 миллиардов рублей) каждая, а Англия одна вдвое больше*. Рост вывоза капитала никогда не был и не мог быть при капитализме равномерным. О том, чтобы накопление капитала ослабело, или чтобы емкость внутреннего рынка серьезно изменилась, напр., крупным улучшением в положении масс, Каутский не может и заикнуться. При таких условиях из уменьшения вывоза капитала за несколько лет в двух странах выводить наступление новой эры никак не приходится.

«Усиливающееся международное переплетение клики финансового капитала». Это — единственная действительно всеобщая и несомненная тенденция не нескольких

* См. Bernhard Harms, «Probleme der Weltwirtschaft». Jena, 1912 (Бернард Хармс, «Проблемы мирового хозяйства». Иена, 1912. *Ред.*). George Paish, «Great Britains Capital Investments in Colonies etc.» в «Journal of the Royal Statist. Soc.», vol. LXXIV, 1910/11, p. 167 (Георг Пэйш, «Вложения английского капитала в колониях» в «Журнале Королевского Статистического Общества», том LXXIV, 1910/11, стр. 167. *Ред.*). Ллойд-Джордж в речи в начале 1915 г. считал английские капиталы за границей в 4 млрд. ф. ст., т. е. около 80 млрд. марок.

лет, не двух стран, а всего мира, всего капитализма. Но почему из нее должно вытекать стремление к разоружению, а не к вооружениям, как до сих пор? Возьмем любую из всемирных «пушечных» (и вообще производящих предметы военного снаряжения) фирм, напр., Армстронга. Недавно английский «Экономист» (от 1 мая 1915) сообщал, что *прибыли* этой фирмы с 606 тысяч фунтов стерлингов (около 6 миллионов рублей) в 1905/6 г. поднялись до 856 в 1913 г. и до 940 (*9 миллионов рублей*) в 1914 году. Переплетенность финансового капитала здесь очень велика и все возрастает; немецкие капиталисты «участвуют» в делах английской фирмы; английские фирмы строят подводные лодки для Австрии и т. д. Международно-переплетенный капитал делает великолепные дела на вооружениях и войнах. Из соединения и переплетения разных национальных капиталов в единое интернациональное целое выводить экономическую тенденцию к разоружению — значит подставлять добренькие мещанские пожелания о притуплении классовых противоречий на место действительного обострения их.

V

Каутский говорит об «уроках» войны в совершенно филистерском духе, представляя эти уроки в смысле какого-то морального ужаса перед бедствиями войны. Вот, напр., его рассуждение в брошюре «Национальное государство» и проч.:

«Не подлежит сомнению и не требует доказательств, что есть слои, заинтересованные самым настоятельным образом в всемирном мире и разоружении. Мелкие буржуа и мелкие крестьяне, даже многие капиталисты и интеллигенты не привязаны к империализму такими интересами, которые бы были сильнее вреда, испытываемого этими слоями от войны и вооружений» (стр. 21).

Это написано в феврале 1915 года! Факты говорят о повальном присоединении к империалистам всех имущих классов вплоть до мелких буржуа и «интеллигенции», а Каутский, точно человек в футляре, с необыкновенно самодовольным видом отмахивается от фактов посредством слащавых слов. Он судит об интересах мелкой буржуазии не по ее поведению, а по словам некоторых мелких буржуа, хотя эти слова на каждом шагу опровергаются их делами. Это совершенно то же самое, как если бы об «ин-

тересах» буржуазии вообще мы судили не по ее делам, а по любвеобильным речам буржуазных попов, которые кланутся и божатся, что современный строй пропитан идеалами христианства. Каутский применяет марксизм таким образом, что всякое содержание из него выветривается, и остается лишь словечко «интерес» в каком-то сверхъестественном, спиритуалистическом значении, ибо имеется в виду не реальная экономика, а невинные пожелания об общем благе.

Марксизм судит об «интересах» на основании классовых противоречий и классовой борьбы, проявляющихся в миллионах фактов повседневной жизни. Мелкая буржуазия мечтает и болтает о притуплении противоречий, выставляя «доводы», что обострение их влечет «вредные последствия». Империализм есть подчинение всех слоев имущих классов финансовому капиталу и раздел мира между 5—6 «великими» державами, из которых большинство участвует теперь в войне. Раздел мира великими державами означает то, что все имущие слои их *заинтересованы* в обладании колониями, сферами влияния, в угнетении чужих наций, в более или менее доходных местечках и привилегиях, связанных с принадлежностью к «великой» державе и к угнетающей нации*.

Нельзя жить по-старому в сравнительно спокойной культурной, мирной обстановке плавно эволюционирующего и расширяющегося постепенно на новые страны капитализма, ибо наступила другая эпоха. Финансовый капитал *вытесняет* и вытеснит данную страну из ряда великих держав, отнимет ее колонии и ее сферы влияния (как грозит сделать Германия, пошедшая войной на Англию), отнимет у мелкой буржуазии ее «великодержавные»

* Э. Шульце сообщает, что в 1915 году считали сумму ценных бумаг во всем мире в 732 миллиарда франков, считая и государственные и коммунальные займы, и вкладные, и акции торгово-промышленных обществ и т. д. Из этой суммы на Англию падало 130 млрд. фр., на Соединенные Штаты Америки — 115, на Францию — 100 и на Германию — 75, — следовательно, на все эти четыре великие державы 420 млрд. фр., т. е. больше половины всей суммы. Можно судить по этому, как велики выгоды и привилегии передовых, великодержавных наций, обогнавших другие народы, угнетающих и грабящих их (Dr. Ernst Schultze, «Das französische Kapital in Russland» в «Finanz-Archiv», Berlin, 1915, Jahrg. 32, S. 127) (Д-р Эрнст Шульце, «Французский капитал в России» в «Финансовом Архиве», Берлин, 1915, 32 год издания, стр. 127. Ред.). «Защита отечества» великодержавных наций есть защита права на добычу от грабежа чужих наций. В России, как известно, слабее капиталистический, но зато сильнее военно-феодальный империализм.

привилегии и побочные доходы. Это факт, доказываемый войной. К этому *привело* на деле то обострение противоречий, которое всеми давно признано и в том числе тем же Каутским в брошюре «Путь к власти».

И вот, когда вооруженная борьба за великодержавные привилегии стала фактом, Каутский начинает *уговаривать* капиталистов и мелкую буржуазию, что война вещь ужасная, а разоружение вещь хорошая, совершенно так же и с совершенно такими же результатами, как христианский поп с кафедры уговаривает капиталистов, что человеколюбие есть завет бога и влечение души и моральный закон цивилизации. То, что Каутский называет экономическими тенденциями к «ультраимпериализму», на самом деле есть именно мелкобуржуазное *уговаривание* финансистов не делать зла.

Вывоз капитала? *Но* капитала вывозится больше в самостоятельные страны, напр., в Соединенные Штаты Америки, чем в колонии. Захват колоний? *Но* они уже все захвачены и почти все стремятся к освобождению: «Индия может перестать быть английским владением, но она никогда не достанется, как цельная империя, другому чужому господству» (стр. 49 цитированной брошюры). «Всякое стремление какого-либо промышленного капиталистического государства приобрести себе колониальную империю, достаточную для того, чтобы быть независимым от заграницы в получении сырья, должно было бы объединить против него все другие капиталистические государства, запутать его в бесконечные, истощающие войны, не приводя его ближе к своей цели. Эта политика была бы вернейшим путем к банкротству всей хозяйственной жизни государства» (стр. 72—73).

Разве это не филистерское уговаривание финансистов отказать от империализма? Пугать капиталистов банкротством это все равно, что советовать биржевикам не играть на бирже, ибо «многие теряют так все свое состояние». От банкротства конкурирующего капиталиста и конкурирующей нации капитал *выигрывает*, концентрируясь еще сильнее; поэтому, чем обостреннее и «теснее» экономическая конкуренция, т. е. экономическое подталкивание к банкротству, тем сильнее стремление капиталистов добавить к этому *военное* подталкивание соперника к банкротству. Чем меньше осталось стран, в которые можно

вывозить капитал так выгодно, как в колонии и в зависимые государства, вроде Турции, — ибо в *этих* случаях финансист берет тройную прибыль по сравнению с вывозом капитала в свободную, самостоятельную и цивилизованную страну, как Соединенные Штаты Америки, — тем *ожесточеннее* борьба за подчинение и за раздел Турции, Китая и проч. Так говорит экономическая теория об эпохе финансового капитала и империализма. Так говорят факты. А Каутский превращает все в пошлую мещанскую «мораль»: не стоит-де особенно горячиться, а тем более воевать за раздел Турции или за захват Индии, ибо «все равно не надолго», да и лучше бы развивать капитализм по-мирному... Разумеется, еще лучше было бы развивать капитализм и расширять рынок путем увеличения заработной платы: это вполне «мыслимо», и усовещивать финансистов в этом духе — самая подходящая тема для проповеди попа... Добрый Каутский почти совсем убедил и уговорил немецких финансистов, что не стоит воевать с Англией из-за колоний, ибо эти колонии все равно очень скоро освободятся!..

Вывоз и ввоз Англии из Египта рос с 1872 по 1912 г. слабее, чем общий вывоз и ввоз Англии. Мораль «марксиста» Каутского: «мы не имеем никаких оснований полагать, что без военного занятия Египта торговля с ним выросла бы меньше под влиянием простого веса экономических факторов» (72). «Стремления капитала к расширению» *лучше всего* могут быть достигнуты не насильственными методами империализма, а *мирной демократией*» (70).

Какой замечательно серьезный, научный, «марксистский» анализ! Каутский великолепно «поправил» эту неразумную историю, «доказал», что англичанам вовсе не надо было отнимать у французов Египта, а немецким финансистам решительно не стоило начинать войны и организовывать турецкий поход, вместе с другими мероприятиями, для того, чтобы выгнать англичан из Египта! Все это недоразумение, не более того, — не смекнули еще англичане, что «лучше всего» отказаться от насилия над Египтом и перейти (в интересах расширения вывоза капитала *по Каутскому!*) к «мирной демократии»...

«Разумеется, это была иллюзия буржуазных фритредеров, если они думали, что свобода торговли совсем устраняет порождаемые капитализмом экономические противоречия. Ни свободная торговля,

ни демократия устранить их не могут. Но мы во всех отношениях заинтересованы в том, чтобы эти противоречия изживались борьбой в таких формах, которые налагают на трудящиеся массы меньше всего страданий и жертв» (73)...

Поддай, господи! Господи, помилуй! Что такое филистер? — спрашивал Лассаль — и отвечал известным изречением поэта: «Филистер есть пустая кишка, полная страха и надежды, что бог сжалятся»¹⁰⁰.

Каутский довел марксизм до неслыханного prostituiрования и превратился в настоящего попа. Поп *уговаривает* капиталистов перейти к мирной демократии — и называет это диалектикой: если вначале была свободная торговля, а потом монополии и империализм, то отчего бы не быть «ультраимпериализму» и опять свободной торговле? Поп *утешает* угнетенные массы, рисуя им блага этого «ультраимпериализма», хотя этот поп не берется даже сказать, «осуществим» ли таковой! Справедливо указывал Фейербах защищавшим религию тем доводом, что она утешает человека, на реакционное значение утешений: кто утешает раба, вместо того, чтобы поднимать его на восстание против рабства, тот помогает рабовладельцам.

Все и всякие угнетающие классы нуждаются для охраны своего господства в двух социальных функциях: в функции палача и в функции попа. Палач должен подавлять протест и возмущение угнетенных. Поп должен утешать угнетенных, рисовать им перспективы (это особенно удобно делать без ручательства за «осуществимость» таких перспектив...) смятения бедствий и жертв при сохранении классового господства, а тем самым примирять их с этим господством, отваживать их от революционных действий, подрывать их революционное настроение, разрушать их революционную решимость. Каутский превратил марксизм в самую отвратительную и тупоумную контрреволюционную теорию, в самую грязную поповщину.

В 1909 году, в брошюре «Путь к власти» он признает — никем не опровергнутое и неопровержимое — обострение противоречий капитализма, приближение эпохи войн и революций, нового «революционного периода». Не может быть, — заявляет он, — «преждевременной» революции и объявляет «прямой изменой нашему делу» отказ считаться с возможностью победы при восстании, хотя перед борьбой нельзя отрицать и возможного поражения.

Пришла война. *Еще более* обострились противоречия. Бедствия масс достигли гигантских размеров. Война затягивается и поле ее все расширяется. Каутский пишет брошюру за брошюрой, покорно следует велениям цензора, не приводит данных о грабеже земель и ужасах войны, о скаandalных прибылях военных поставщиков, о дороговизне, о «военном рабстве» мобилизованных рабочих, но зато утешает и утешает пролетариат — утешает примерами тех войн, когда буржуазия была революционна или прогрессивна, когда «сам Маркс» желал победы той или другой буржуазии, утешает рядами и столбцами цифр, доказывающих «возможность» капитализма без колоний и без грабежа, без войн и вооружений, доказывающих предпочтительность «мирной демократии». Не смея отрицать обострения бедствий масс и наступления на деле, перед нашими глазами, революционной ситуации (говорить об этом нельзя! цензура не разрешает...), Каутский лакействует перед буржуазией и перед оппортунистами, рисуя «перспективу» (за «осуществимость» ее он *не ручается*) таких форм борьбы в новой фазе, когда будет «меньше жертв и страданий»... Вполне правы Фр. Меринг и Роза Люксембург, называющие Каутского за это проституткой (Mädchen für alle).

* * *

В августе 1905 г. в России была налицо революционная ситуация. Царь обещал Булыгинскую Думу, чтобы «утешить» волнующиеся массы. Булыгинский законосовещательный режим можно бы назвать «ультрасамодержавием», если можно называть «ультраимпериализмом» отказ финансистов от вооружений и соглашение между ними о «длительном мире». Допустим на минуту, что завтра сотня крупнейших финансистов мира, «переплетенных» в сотнях колоссальных предприятий, *обещают* народам стоять за разоружение после войны (мы делаем на минуту такое допущение, чтобы проследить политические выводы из глупенькой теории Каутского). Даже тогда было бы прямой изменой пролетариату отсоветовать ему революционные действия, без которых все посулы, все добрые перспективы один мираж.

Война принесла классу капиталистов не только гигантские прибыли и великолепные перспективы новых

грабежей (Турция, Китай и проч.), новых миллиардных заказов, новых займов на условии повышения процентов. Мало того. Она принесла классу капиталистов еще большие политические выгоды, расколов и развратив пролетариат. Каутский помогает этому развращению, освящает этот интернациональный *раскол* борющихся пролетариев *во имя единства* с оппортунистами «своей» нации, Эудекумам! И находятся люди, которые не понимают, что лозунг единства старых партий означает «единство» национального пролетариата с своей национальной буржуазией и *раскол* пролетариата разных наций...

VI

Предыдущие строки были уже написаны, когда вышел в свет № «Neue Zeit» от 28 мая (№ 9) с заключительным рассуждением Каутского о «крахе социал-демократии» (§ 7 его возражения Кунову). Все старые и один новый софизм в защиту социал-шовинизма Каутский свел и подытожил сам следующим образом:

«Это просто не правда, будто война чисто империалистская, будто альтернатива при наступлении войны стояла так: империализм или социализм, будто социалистические партии и пролетарские массы Германии, Франции, во многих отношениях также Англии без размышления, по одному только призыву горстки парламентариев бросались в объятия империализма, предали социализм и вызвали таким образом беспримернейший во всей истории крах».

Новый софизм и новый обман рабочих: война, изволите видеть, не «чисто» империалистская!

По вопросу о характере и значении современной войны Каутский колеблется поразительно, причем все время точные и формальные заявления Базельского и Хемницкого съездов обходятся сим партийным вождем так же осторожно, как вор обходит место своей последней кражи. В брошюре о «Национальном государстве и т. д.», писанной в феврале 1915 г., Каутский утверждал, что война «все же в последнем счете империалистская» (стр. 64). Теперь вносится новая оговорочка: не *чисто* империалистская — а какая же еще?

Оказывается, еще — национальная! Каутский договорился до этой вопиющей вещи посредством вот какой «шлехановской» тоже-диалектики:

«Теперешняя война — детище не только империализма, но и русской революции». Он, Каутский, еще в 1904 году предвидел, что русская революция возродит панславизм в новой форме, что «демократическая Россия неизбежно должна сильно разжечь стремление австрийских и турецких славян к достижению национальной независимости... Тогда и польский вопрос станет острым... Австрия тогда развалится, ибо с крахом царизма распадется тот железный обруч, который связывает ныне стремящиеся прочь друг от друга элементы» (последняя цитата приводится теперь самим Каутским из его статьи 1904 года)... «Русская революция... дала новый могучий толчок национальным стремлениям Востока, прибавила к европейским проблемам азиатские. *Все эти проблемы во время теперешней войны бурно заявляют о себе и приобретают сугубо решающее значение для настроения народных масс, в том числе и пролетарских, тогда как в господствующих классах преобладают империалистские тенденции*» (стр. 273; курсив наш).

Вот вам еще образчик проституирования марксизма! Так как «демократическая Россия» разожгла бы стремление наций на востоке Европы к свободе (это неоспоримо), *поэтому* теперешняя война, которая ни одной нации не освобождает, а при всяком исходе многие нации поработывает, не есть «чисто» империалистская война. Так как «крах царизма» означал бы распад Австрии в силу недемократичности ее национального строения, *поэтому* временно окрепший контрреволюционный царизм, грабя Австрию и неся еще большее угнетение нациям Австрии, придал «теперешней войне» не чисто империалистский, а в известной мере национальный характер. Так как «господствующие классы» надувают тупых мещан и забитых крестьян сказками о национальных целях империалистской войны, *поэтому* человек науки, авторитет «марксизма», представитель II Интернационала вправе примирять массы с этим надувательством посредством «формулы»: у господствующих классов империалистские тенденции, а у «народа» и у пролетарских масс «национальные» стремления.

Диалектика превращается в самую подлую, самую неизменную софистику!

Национальный элемент в теперешней войне представлен *только* войной Сербии против Австрии (что отмечено, между прочим, резолюцией Бернского совещания нашей партии)*. Только в Сербии и среди сербов мы имеем многолетнее и миллионы «народных масс» охватывающее национально-освободительное движение, «продолжением» которого

* См. настоящий том, стр. 138. Ред.

является война Сербии против Австрии. Будь эта война изолирована, т. е. не связана с общеевропейской войной, с корыстными и грабительскими целями Англии, России и проч., тогда все социалисты *обязаны* были бы желать успеха сербской *буржуазии* — это единственно правильный и абсолютно необходимый вывод из национального момента в теперешней войне. Но софист Каутский, находящийся ныне в услужении у австрийских буржуа, клерикалов и генералов, этого вывода как раз не делает!

Далее. Диалектика Маркса, будучи последним словом научно-эволюционного метода, запрещает именно изолированное, то есть одностороннее и уродливо искаженное, рассмотрение предмета. Национальный момент сербско-австрийской войны *никакого* серьезного значения в общеевропейской войне не имеет и не может иметь. Если победит Германия, она задушит Бельгию, еще часть Польши, может быть часть Франции и пр. Если победит Россия, она задушит Галицию, еще часть Польши, Армению и т. д. Если будет «ничья», останется старое национальное угнетение. Для Сербии, то есть какой-нибудь сотой доли участников теперешней войны, война является «продолжением политики» буржуазно-освободительного движения. Для $\frac{99}{100}$ война есть продолжение политики империалистской, т. е. одряхлевшей буржуазии, способной на растление, но не на освобождение наций. Тройственное согласие, «освобождая» Сербию, *продает* интересы сербской свободы итальянскому империализму за помощь в грабеже Австрии.

Все это общеизвестно, и все это бессовестно извращено Каутским ради оправдания оппортунистов. «Чистых» явлений ни в природе, ни в обществе *нет* и быть не может — об этом учит именно диалектика Маркса, показывающая вам, что самое понятие чистоты есть некоторая узость, односторонность человеческого познания, не охватывающего предмет до конца во всей его сложности. На свете нет и быть не может «чистого» капитализма, а всегда есть *примеси* то феодализма, то мещанства, то еще чего-нибудь. Поэтому вспоминать о том, что война не «чисто» империалистическая, когда речь идет о вопиющем обмане «народных масс» империалистами, заведомо прикрывающими цели голого грабежа «национальной» фразеологией, — значит быть бесконечно тупым педантом или крючкотвором и об-

манщиком. Вся суть дела именно в том, что Каутский *поддерживает* обман народа империалистами, когда говорит, что «для народных масс, и пролетарских в том числе, решающее значение имели» национальные проблемы, а для господствующих классов «империалистические тенденции» (стр. 273), и когда «подкрепляет» это якобы-диалектической ссылкой на «бесконечно разнообразную действительность» (стр. 274). Несомненно, действительность бесконечно разнообразна, это — святая истина! Но так же несомненно, что в этом бесконечном разнообразии две главные и коренные струи: объективное содержание войны есть «продолжение политики» империализма, то есть грабежа одряхлевшею буржуазией «великих держав» (и их правительствами) чужих наций, «субъективная» же преобладающая идеология есть «национальные» фразы, распространяемые для одурачения масс.

Старый софизм Каутского, повторяемый им снова и снова, будто «левые» изображали дело так, что альтернатива стояла «при наступлении войны»: империализм или социализм, мы уже разбирали. Это бесстыдная передержка, ибо Каутский прекрасно знает, что левые ставили *иную* альтернативу: присоединение партии к империалистскому грабежу и обману или проповедь и подготовка революционных действий. Каутский знает также, что *только* цензура защищает его от разоблачения «левыми» в Германии вздорной сказки, распространяемой им из лакейства перед Зюдекумами.

Что же касается до отношения между «пролетарскими массами» и «горсткой парламентариев», то здесь Каутский выдвигает одно из самых избитых возражений:

«Оставим в стороне немцев, чтобы не защищать самих себя; но кто захотел бы серьезно утверждать, что такие люди, как Вальян и Гед, Гайдман и Плехаков, в один день сделались империалистами и предали социализм? Оставим в стороне парламентариев и «инстанции»... (Каутский намекает явно на журнал Розы Люксембург и Фр. Меринга «Интернационал», где осылают заслуженным презрением политику инстанций, т. е. официальных верхов германской социал-демократической партии, ее ЦК — «форшганда», ее парламентской фракции и т. д.) — ...«но кто решится утверждать, что для 4-х миллионов сознательных немецких пролетариев достаточно одного приказа горстки парламентариев, чтобы в 24 часа повернуть направо кругом, прямо против своих прежних целей? Если бы это было верно, тогда это свидетельствовало бы, конечно, об ужасном крахе, но не только нашей партии, а и массы (курсив Каутского).

Если бы масса была таким бесхарактерным стадом овец, тогда мы могли бы дать себя похоронить» (стр. 274).

Политически и научно авторитетнейший Карл Каутский уже похоронил себя своим поведением и подбором жалких уверток. Кто не понимает или, по крайней мере, не чувствует этого, тот безнадежен в отношении социализма, и именно поэтому единственно правильный тон взяли в «Интернационале» Меринг, Роза Люксембург и их сторонники, третируя Каутского и К^о, как самых презренных субъектов.

Подумайте только: об отношении к войне *могли* высказаться сколько-нибудь свободно (т. е. не будучи прямо схвачены и отведены в казарму, не стоя пред непосредственной угрозой расстрела) *исключительно* «горстка парламентариев» (они голосовали свободно, по праву, они вполне могли голосовать против — за это даже в России не били, не громили, даже не арестовывали), горстка чиновников, журналистов и т. д. Теперь Каутский благородно сваливает на *массы* измену и бесхарактерность этого общественного *слоя*, о *связи* которого с тактикой и идеологией оппортунизма тот же самый Каутский писал десятки раз в течение ряда лет! Самое первое и основное правило научного исследования вообще, марксовой диалектики в особенности, требует от писателя рассмотрения *связи* теперешней борьбы *направлений* в социализме — того направления, которое говорит и кричит об измене, бьет в набат по поводу нее, и того, которое измены не видит, — с той борьбой, которая шла перед этим *целые десятилетия*. Каутский и не заикается об этом, не хочет даже поставить вопроса о направлениях и *течениях*. До сих пор были течения, теперь их более нет! Теперь есть только громкие имена «авторитетов», которыми всегда и козыряют лакейские души. Особенно удобно при этом ссылаться друг на друга и приятельски покрывать свои «грешки» по правилу: рука руку моет. Ну, какой же это оппортунизм, — восклицал Л. Мартов на реферате в Берне (см. № 36 «Социал-Демократа»), когда... Гед, Плеханов, Каутский! Надо быть поосторожнее с обвинением в оппортунизме таких людей, как Гед, — писал Аксельрод («Голос» № 86 и 87). Не буду защищать себя, — вторит в Берлине Каутский, — но... Вальян и Гед, Гайндман и Плеханов! Кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку.

В пылу лакейского усердия Каутский дописался до того, что даже у Гайндмана поцеловал ручку, изобразив его только день тому назад ставшим на сторону империализма. А в том же «*Neue Zeit*» и в десятках социал-демократических газет всего мира об империализме Гайндмана писали уже *много лет!* Если бы Каутский интересовался добросовестно политической биографией названных им *лиц*, он должен бы припомнить, не было ли в этой биографии таких черточек и событий, которые не «в один день», а в десяток лет подготавливали переход к империализму, не бывали ли Вальян в плену у жоресистов, а Плеханов у меньшевиков и ликвидаторов? не умирало ли у всех на глазах *направление* Геда в образцово безжизненном, бездарном, не способном занять самостоятельную позицию ни по одному важному вопросу гедистском журнале «Социализм»¹⁰¹? не проявлял ли Каутский (добавим для тех, кто и его ставит — вполне справедливо — рядом с Гайндманом и Плехановым) бесхарактерности в вопросе о милитаризме, в начале борьбы с бернштейниадой и т. д.?

Но ни малейшей даже тени интереса к научному исследованию биографии данных вождей мы не видим. Нет и попытки рассмотреть, *своими* ли доводами защищают теперь себя эти вожди или повторением доводов оппортунистов и буржуа? Приобрели ли серьезное политическое значение поступки этих вождей вследствие их особой влияния или вследствие того, что они присоединились к чужому, действительно «влиятельному» и поддержанному военной организацией течению, именно буржуазному? У Каутского нет даже приступа к исследованию вопроса; он заботится только о том, чтобы пустить пыль в глаза массам, оглушить их звоном авторитетных имен, помешать им ясно поставить спорный вопрос и всесторонне разобрать его*.

* Ссылка Каутского на Вальяна и Геда, Гайндмана и Плеханова характерна еще в одном отношении. Откровенные империалисты, вроде Ленча и Гениша (не говоря уже об оппортунистах), ссылаются именно на Гайндмана и Плеханова в оправдание своей политики. И они вправе сослаться на них, они говорят правду в том отношении, что это действительно одна и та же политика. Каутский же с пренебрежением говорит о Ленче и Генише, этих радикалах, повернувших к империализму. Каутский благодарит бога, что он не похож на этих мытарей, что он не согласен с ними, что он остался революционером — не шутит! А на деле позиция Каутского такая же. Лицемерный шовинист Каутский, с славзвными фравами, гораздо омерзительнее простоватых шовинистов Давида и Гейне, Ленча и Гениша.

...«4-х миллионная масса по приказу горстки парламентариев повернула направо кругом»...

Тут что ни слово, то неправда. В партийной организации у немцев было не 4, а 1 миллион, причем единую волю этой организации масс (как и всякой организации) выражал *только* ее единый политический центр, «горстка», которая предала социализм. Эту горстку спрашивали, призывали голосовать, она могла голосовать, могла писать статьи и т. д. Массы же не были опрошены. Им не только не позволяли голосовать, их разъединяли и гнали «по приказу» вовсе не горстки парламентариев, а по приказу военных властей. Военная организация была налицо, в ней измены вождей не было, она призывала «массу» *подоиночке*, ставя ультиматум: иди в войско (по совету твоих вождей) или расстрел. Масса не могла поступить организованно, ибо организация ее, созданная заранее, организация, воплощенная в «горстке» Легишов, Каутских, Шейдеманов, предала массу, а для создания *новой* организации нужно время, нужна решимость выбросить вон старую, гнилую, отжившую организацию.

Каутский старается побить своих противников, левых, приписывая им бессмыслицу: будто бы они ставят вопрос так, что «в ответ» на войну «массы» должны были «в 24 часа» сделать революцию, ввести «социализм» против империализма, иначе «массы» проявили бы «бесхарактерность и измену». Ведь это же просто вздор, которым до сих пор «побивали» революционеров составители безграмотных буржуазных и полицейских книжонок и которым теперь щеголяет Каутский. Левые противники Каутского отлично знают, что революцию нельзя «сделать», что революции *вырастают* из объективно (независимо от воли партий и классов) назревших кризисов и переломов истории, что массы без организации лишены единой воли, что борьба с сильной, террористической, военной организацией централизованных государств — трудное и длительное дело. Массы *не могли* при измене их вождей в критическую минуту сделать ничего; а «горстки» этих вождей *вполне могли* и должны были голосовать против кредитов, выступать против «гражданского мира» и оправдания войны, высказываться за поражение *своих* правительств, налаживать международный аппарат для пропаганды братанья в траншеях, организовывать нелегальную литс-

ратуру*, проповедующую необходимость перехода к революционным действиям, и т. д.

Каутский превосходно знает, что «левые» в Германии имеют в виду именно такие или вернее *подобные* действия и что *прямо*, открыто говорить о них они при военной цензуре не в состоянии. Желание во что бы то ни стало защитить оппортунистов доводит Каутского до беспримерной подлости, когда, прячась за спину военных цензоров, он приписывает левым явный вздор в уверенности, что цензоры защитят его от разоблачения.

VII

Серьезный научный и политический вопрос, который Каутский сознательно, путем всяческих уловок, обходил, доставляя этим громадное удовольствие оппортунистам, состоит в том, как *могли* виднейшие представители II Интернационала изменить социализму?

Вопрос этот мы должны ставить, разумеется, не в смысле личной биографии таких-то авторитетов. Будущие их биографы должны будут разобрать дело и с этой стороны, но социалистическое движение заинтересовано сейчас вовсе не в этом, а в изучении исторического происхождения, условий, значения и силы социал-шовинистского *течения*. 1) Откуда взялся социал-шовинизм? 2) что дало ему силу? 3) как с ним бороться? Только такая постановка вопроса серьезна, а перенесение дела на «личности» означает на практике простую увертку, уловку софиста.

Для ответа на первый вопрос надо рассмотреть, во-1-х, не стоит ли идейно-политическое содержание социал-шовинизма *в связи* с каким-либо прежним течением в социализме? во-2-х, в каком отношении находится, с точки

---

* Между прочим. Для этого вовсе не обязательно было закрыть *все* социал-демократические газеты в ответ на запрещение писать о классовой ненависти и классовой борьбе. Согласиться на условие не писать об этом, как сделал «Vorwärts», было подлостью и трусостью. «Vorwärts» политически умер, сделал это. Л. Мартов был прав, когда заявил это. Но можно бы сохранить легальные газеты, заявив, что они не партийные и не социал-демократические, а просто обслуживающие технические нужды части рабочих, т. е. не *политические* газеты. Легальная социал-демократическая литература с оценкой войны и легальная рабочая без такой оценки, не говорящая неправды, но молчащая о правде, — почему бы это было невозможно?

зрения фактических политических делений, теперешнее деление социалистов на противников и защитников социал-шовинизма к прежним, исторически предшествующим, делениям?

Под социал-шовинизмом мы разумеем признание идеи защиты отечества в теперешней империалистской войне, оправдание союза социалистов с буржуазией и правительствами «своих» стран в этой войне, отказ от проповеди и поддержки пролетарски-революционных действий против «своей» буржуазии и т. д. Совершенно очевидно, что основное идейно-политическое содержание социал-шовинизма вполне совпадает с основами оппортунизма. Это — *одно и то же* течение. Оппортунизм в обстановке войны 1914—1915 года и дает социал-шовинизм. Главное в оппортунизме есть идея сотрудничества классов. Война доводит до конца эту идею, присоединяя притом к обычным факторам и стимулам ее целый ряд экстраординарных, принуждая обывательскую и раздробленную массу к сотрудничеству с буржуазией особыми угрозами и насилием: это обстоятельство, естественно, увеличивает круг сторонников оппортунизма, вполне объясняя переметывание многих вчерашних радикалов в этот лагерь.

Оппортунизм есть принесение в жертву временным интересам ничтожного меньшинства рабочих коренных интересов массы или, иначе, союз части рабочих с буржуазией против массы пролетариата. Война делает такой союз особенно наглядным и принудительным. Оппортунизм порожден в течение десятилетий особенностями такой эпохи развития капитализма, когда сравнительно мирное и культурное существование слоя привилегированных рабочих «обуржуазивало» их, давало им крохи от прибылей своего, национального капитала, отрывало их от бедствий, страданий и революционных настроений разоряемой и нищей массы. Империалистская война есть прямое продолжение и завершение такого положения вещей, ибо это есть война за *привилегии* великодержавных наций, за передел колоний между ними, за господство их над другими нациями. Отстоять и упрочить свое привилегированное положение «высшего слоя» мецан или аристократии (и бюрократии) рабочего класса — вот естественное продолжение мелкобуржуазно-оппортунистических надежд и соответственной тактики во время войны, вот экономическая основа социал-

империализма наших дней*. И, разумеется, сила привычки, рутина сравнительно «мирной» эволюции, национальные предрассудки, боязнь резких переломов и неверие в них — все это играло роль добавочных обстоятельств, усиливающих и оппортунизм и лицемерное и трусливое примирение с ним, якобы только на время, якобы только по особым причинам и поводам. Война видоизменила десятилетиями выращенный оппортунизм, подняла его на высшую ступень, увеличила число и разнообразие его оттенков, умножила ряды его сторонников, обогатила их доводы кучей новых софизмов, слила, так сказать, с основным потоком оппортунизма много новых ручейков и струй, но основной поток не исчез. Напротив.

Социал-шовинизм есть оппортунизм, созревший до такой степени, что существование этого буржуазного нарыва *попрежнему* внутри социалистических партий стало невозможным.

Люди, не хотящие видеть самой тесной и неразрывной связи социал-шовинизма с оппортунизмом, ловят отдельные случаи и «казусы» — такой-то-де оппортунист стал

* Несколько примеров того, как империалисты и буржуа высоко ценят значение «великодержавных» и национальных привилегий для раскалывания рабочих и отвлечения их от социализма. Английский империалист Люмас в сочинении: «Великий Рим и Великая Британия» (Оксфорд, 1912) признает исправление краснокожих в современной Британской империи (стр. 96—97) и замечает: «в нашей Империи, когда белые рабочие работают рядом с краснокожими, они работают не как товарищи, а белый рабочий является скорее надсмотрщиком краснокожего» (98). — Эрвин Бельгер, бывший секретарь имперского союза против социал-демократов, в брошюре: «Социал-демократия после войны» (1915) хвалит поведение социал-демократов, заявляя, что они должны стать «чисто рабочей партией» (43), «национальной», «немецкой рабочей партией» (45), без «интернациональных, утопических», «революционных» идей (44). — Немецкий империалист Сартorius фон Вальтерсхаузен в сочинении о помещении капитала за границей (1907) порицает немецких социал-демократов за игнорирование «национального блага» (438) — состоящего в захвате ключей — и хвалит английских рабочих за их «реализм», напр., за их борьбу против иммиграции. — Немецкий дипломат Рюдорфер в книге об основах мировой политики подчеркивает общеизвестный факт, что интернационализация капитала несколько не устраняет обостренной борьбы национальных капиталов за власть, влияние, за «большинство акций» (161), и отмечает, что эта обостренная борьба втягивает рабочих (175). Книга помечена октябрём 1913 г., и автор с полной ясностью говорит об «интересах капитала» (157), как причине современных войн, о том, что вопрос о «национальной тенденции» становится «гвоздем» социализма (176), что правительствам нечего бояться интернационалистских манифестаций социал-демократов (177), которые на деле становятся все национальнее (103, 110, 176). Международный социализм победит, если вырвет рабочих из-под влияния национальности, ибо одним касанием ничего не сделаешь, но он потерпит поражение, если национальное чувство возьмет верх (173—174).

интернационалистом, а такой-то радикал — шовинистом. Но это — прямо-таки не серьезный довод в вопросе о развитии *течений*. Во-1-х, экономическая основа шовинизма и оппортунизма в рабочем движении одна и та же: союз немногочисленных верхних слоев пролетариата и мещанства, пользующихся крохами от привилегий «своего» национального капитала, против массы пролетариев, массы трудящихся и угнетенных вообще. Во-2-х, идейно-политическое содержание обоих течений одно и то же. В-3-х, в общем и целом старое, свойственное эпохе II Интернационала (1889—1914), деление социалистов на течение оппортунистическое и революционное *соответствует* новому делению на шовинистов и интернационалистов.

Чтобы убедиться в верности этого последнего положения, надо помнить правило, что в общественной науке (как и в науке вообще) дело идет о *массовых* явлениях, а не об единичных случаях. Возьмите 10 европейских стран: Германию, Англию, Россию, Италию, Голландию, Швецию, Болгарию, Швейцарию, Францию, Бельгию. В 8 первых странах новое деление социалистов (по интернационализму) соответствует старому (по оппортунизму): в Германии крепость оппортунизма, журнал «Социалистический Ежемесячник» («Sozialistische Monatshefte») стал крепостью шовинизма. Идеи интернационализма поддержаны крайними левыми. В Англии в Британской социалистической партии около $\frac{3}{7}$ интернационалистов (66 голосов за интернациональную резолюцию против 84, по последним подсчетам), а в блоке оппортунистов (Рабочая партия + Фабианцы + Независимая рабочая партия) *менее* $\frac{1}{7}$ интернационалистов*. В России основное ядро оппортунистов, ликвидаторская «Наша Заря», стало основным ядром шовинистов. Плеханов с Алексинским более шумят, но мы знаем хотя бы по опыту пятилетия 1910—1914, что они неспособны вести систематическую пропаганду в массах в России. Основное ядро интернационалистов в России — «правдизм» и Российская социал-демократическая рабочая

* Обычно сравнивают *одну* «Независимую рабочую партию» с «Британской социалистической партией». Это неправильно. Надо брать не организационные формы, а суть дела. Возьмите ежедневные газеты: их было *две* — одна («Daily Herald» («Ежедневный Вестник. Ред.)) у Британской социалистической партии, другая («Daily Citizen» («Ежедневный Гражданин. Ред.)) у блока оппортунистов. Ежедневные газеты выражают фактическую работу пропаганды, агитации, организации.

фракция, как представитель передовых рабочих, воссоздавших партию в январе 1912 года.

В Италии партия Биссолати и К^о, чисто оппортунистическая, стала шовинистской. Интернационализм представлен *рабочей* партией. *Массы* рабочих за эту партию; оппортунисты, парламентарии, мелкие буржуа за шовинизм. В Италии можно было в течение ряда месяцев свободно делать выбор, и выбор сделан был не случайно, а сообразно с различием классового положения массовика-пролетария и мелкобуржуазных слоев.

В Голландии оппортунистическая партия Трульстры мирится с шовинизмом вообще (не надо давать себя в обман тем, что в Голландии мелкие буржуа, как и крупные, особенно ненавидят Германию, способную скорее всего «проглотить» их). Последовательных, искренних, горячих, убежденных интернационалистов дала марксистская партия с Гортером и Паннекуком во главе. В Швеции оппортунистский вождь Брантинг возмущается обвинением немецких социалистов в измене, а вождь левых Хёглунд заявляет, что среди его сторонников есть люди, которые именно так смотрят (см. «Социал-Демократ» № 36). В Болгарии противники оппортунизма, «тесняки», печатно обвиняют германских социал-демократов в своем органе («Новом Времени»¹⁰²) в «сотворении пакости». В Швейцарии сторонники оппортуниста Грейлиха склонны оправдывать немецких социал-демократов (см. их орган, цюрихское «Народное Право»), а сторонники гораздо более радикального Р. Гримма создали из бернской газеты («*Berner Tagwacht*»*) орган немецких левых. Исключением являются только две страны из 10, Франция и Бельгия, причем и здесь мы наблюдаем, собственно, не отсутствие интернационалистов, а чрезмерную (отчасти по причинам вполне понятным) слабость и придавленность их; не забудем, что сам Вальян признавался в «*L'Humanité*»** в получении им от своих читателей писем интернационалистского направления, из коих он *ни одного* не напечатал полностью!

В общем и целом, если брать течения и направления, нельзя не признать, что именно оппортунистское крыло

* — «Бернский Часовой». *Ред.*

** — «Человечество». *Ред.*

европейского социализма предало социализм и ушло к шовинизму. Откуда взялась его сила, его кажущееся всеисилие в официальных партиях? Каутский, который очень хорошо умеет ставить исторические вопросы, особенно когда речь идет о древнем Риме и тому подобных, не слишком близких к живой жизни материях, — теперь, когда дело коснулось его самого, лицемерно прикидывается, будто не понимает этого. Но дело яснее ясного. Гигантскую силу оппортунистам и повиннистам дал *их союз* с буржуазией, правительствами и генеральными штабами. У нас в России очень часто забывают об этом и смотрят на дело так, что оппортунисты — *часть* социалистических партий, что всегда были и будут два крайние крыла в этих партиях, что все дело в избегании «крайностей» и т. д. и т. п., как пишут во всех филистерских прописях.

В действительности формальная принадлежность оппортунистов к рабочим партиям несколько не устраняет того, что они являются — объективно — политическим отрядом буржуазии, проводниками ее влияния, агентами ее в рабочем движении. Когда геростратовски знаменитый оппортунист Зюдекум наглядно продемонстрировал эту социальную, классовую истину, многие добрые люди ахнули. Французские социалисты и Плеханов стали показывать пальцами на Зюдекума, — хотя стоило бы Вандервельде, Самба и Плеханову взглянуть в зеркало, чтобы увидеть именно Зюдекума, с чуточку иным национальным обликом. Немецкие цекисты («форштаннд»), которые хвалят Каутского и которых хвалит Каутский, поспешили осторожно, скромно и вежливо заявить (не называя Зюдекума), что они «несогласны» с линией Зюдекума.

Это смешно, ибо на деле в практической политике германской социал-демократической партии один Зюдекум оказался в решающий момент сильнее сотни Гаазе и Каутских (как одна «Наша Заря» сильнее всех течений брюссельского блока, боящихся раскола с нею).

Почему? Да именно потому, что за спиной Зюдекума стоит буржуазия, правительство и генеральный штаб великой державы. Политику Зюдекума они поддерживают тысячами способов, а политику его противников пресекают всеми средствами вплоть до тюрьмы и расстрела. Голос Зюдекума разносится буржуазной печатью в миллионах экземпляров газет (как и голос Вандервельде, Самба,

Плеханова), а голоса его противников *нельзя* услышать в легальной печати, ибо на свете есть военная цензура!

Все соглашаются, что оппортунизм — не случайность, не грех, не оплошность, не измена отдельных лиц, а социальный продукт целой исторической эпохи. Но не все вдумываются в значение этой истины. Оппортунизм выращен легализмом. Рабочие партии эпохи 1889—1914 годов должны были использовать буржуазную легальность. Когда наступил кризис, надо было перейти к нелегальной работе (а такой переход невозможно сделать иначе, как с величайшей энергией и решительностью, соединенными с целым рядом военных хитростей). Чтобы помешать этому переходу, достаточно *одного* Зюдекума, ибо за него весь «старый мир», говоря историко-философски, — ибо он, Зюдекум, всегда выдавал и всегда выдаст буржуазии все военные планы ее классового врага, говоря практически-политически.

Это — факт, что вся немецкая социал-демократическая партия (и то же относится к французам и т. д.) делает *только* то, что приятно Зюдекуму, или что может быть терпимо Зюдекумом. Ничего иного *нельзя* делать легально. Все, что делается *честного*, действительно социалистического, в германской социал-демократической партии, делается *против* ее центров, *в обход* ее ЦК и ее ЦО, делается *с нарушением* организационной дисциплины, делается *фракционно* от имени анонимных новых центров новой партии, как анонимно, напр., воззвание немецких «левых», напечатанное в «*Veber Tagwacht*» от 31 мая т. г.¹⁰³. Фактически растет, крепнет, организуется *новая* партия, действительно рабочая, действительно революционно-социал-демократическая, а не старая, гнилая, национал-либеральная партия Легина-Зюдекума-Каутского-Гаазе-Шейдемана и К^о*

* Крайне характерно то, что произошло перед историческим голосованием 4-го августа. Официальная партия пэбросила на это покрывало казенного лицемерия: большинство решило и все голосовали, как один человек, за. Но Штребель в журнале «*Die Internationale*» разоблачил лицемерие и рассказал правду. В социал-демократической фракции было *две* группы, пришедшие с готовым *ультиматумом*, т. е. с фракционным, т. е. с раскольничьим решением. Одна группа, оппортунистов, около 30 человек, решила — *во всяком случае* голосовать за; другая, левая, около 15 человек, решила — *менее твердо* — голосовать против. Когда не имеющий никакой твердой позиции «центр» или «болото» голосовал с оппортунистами, левые оказались разбитыми наголову и... подчинились! «Единство» германской социал-демократии есть сплошное лицемерие, прикрывающее фактически неизбежное подчинение ультиматумам оппортунистов.

Поэтому такую глубокую историческую правду выболтал нечаянно оппортунист Monitor в консервативном «Прусском Ежегоднике»¹⁰⁴, когда заявил, что оппортунистам (*читай: буржуазии*) вредно было бы, если бы теперешняя социал-демократия *поправила*, — ибо тогда рабочие ушли бы от нее. Оппортунистам (и буржуазии) нужна именно теперешняя партия, *соединяющая* правое и левое крыло, официально представляемая Каутским, который все на свете сумеет примирить гладкими и «совсем-марксистскими» фразами. На словах социализм и революционность — для народа, для массы, для рабочих; на деле — зюдекумовщина, т. е. присоединение к буржуазии в момент всякого серьезного кризиса. Мы говорим: *всякого* кризиса, ибо не только по случаю войны, но и по случаю всякой серьезной политической стачки и «феодалная» Германия, и «свободно-парламентарная» Англия или Франция *немедленно* введут, под тем или иным названием, военные положения. В этом не может сомневаться ни один человек, находящийся в здравом уме и твердой памяти.

Отсюда вытекает ответ на поставленный выше вопрос: как бороться с социал-шовинизмом? Социал-шовинизм есть оппортунизм, настолько созревший, настолько окрепнувший и обнаглевший за длинную эпоху сравнительно «мирного» капитализма, настолько определившийся идейно-политически, настолько тесно сблизившийся с буржуазией и правительствами, что *нельзя* мириться с нахождением *такого течения внутри* социал-демократических рабочих партий. Если можно еще мириться с тонкими и слабыми подошвами, когда ходить приходится по культурным тротуарам маленького провинциального города, то нельзя обойтись без толстых и подбитых гвоздями подошв, идя в горы. Социализм в Европе вышел из стадии сравнительно мирной и ограниченной тесными национальными пределами. Он вошел с войной 1914—1915 гг. в стадию революционных действий, и полный разрыв с оппортунизмом, изгнание его из рабочих партий назрели безусловно.

Разумеется, из этого определения задач, которые ставит перед социализмом новая эпоха его мирового развития, не вытекает еще непосредственно, с какой именно быстротой и в каких именно формах пойдет в отдельных странах

процесс отделения рабочих революционно-социал-демократических партий от мелкобуржуазно-оппортунистических. Но отсюда вытекает необходимость ясно сознать, что такое отделение неизбежно, и именно под этим углом зрения направлять всю политику рабочих партий. Война 1914—1915 гг. есть такой великий перелом истории, что отношение к оппортунизму *не может* остаться старым. Нельзя сделать небывшим того, что было, нельзя вычеркнуть ни из сознания рабочих, ни из опыта буржуазии, ни из политических приобретений нашей эпохи вообще, того факта, что оппортунисты в момент кризиса оказались ядром тех элементов внутри рабочих партий, которые перешли на сторону буржуазии. Оппортунизм — если говорить в общеевропейском масштабе — был, так сказать, в юношеском состоянии до войны. С войной он окончательно возмужал, и его нельзя сделать опять «невинным» и юным. Созрел целый общественный слой парламентариев, журналистов, чиновников рабочего движения, привилегированных служащих и некоторых прослоек пролетариата, который *сросся* со своей национальной буржуазией и которого вполне сумела оценить и «приспособить» эта буржуазия. Ни повернуть назад, ни остановить колеса истории нельзя — можно и должно безбоязненно идти вперед, от приготовительных, легальных, плененных оппортунизмом, организаций рабочего класса к революционным, умевшим *не* ограничиваться легальностью, способным обезопасить себя от оппортунистской измены, организациям пролетариата, вступающего в «борьбу за власть», в борьбу за свержение буржуазии.

Отсюда видно, между прочим, как неправильно смотрят на дело те, кто ослепляет свое сознание и сознание рабочих вопросом, как быть с такими-то виднейшими авторитетами II Интернационала, с Гедом, Плехановым, Каутским и т. д. В действительности тут нет никакого вопроса: если эти лица не поймут новых задач, им придется остаться в стороне, или пребывать в плену у оппортунистов, в каком они находятся в данное время. Если эти лица освободятся из «плена», едва ли встретятся *политические* препятствия к их возвращению в лагерь революционеров. Во всяком случае нелепо заменять вопрос о борьбе течений и смене эпох рабочего движения вопросом о роли отдельных лиц.

VIII

Легальные массовые организации рабочего класса являются едва ли не важнейшим отличительным признаком социалистических партий эпохи II Интернационала. В германской партии они были всего сильнее, и здесь война 1914—1915 г. создала перелом всего более острый, поставила вопрос всего более ребром. Ясно, что переход к революционным действиям означал роспуск легальных организаций полицией, и старая партия, от Легина до Каутского включительно, принесла в жертву революционные цели пролетариата сохранению теперешних легальных организаций. Сколько бы ни отрицали этого, факт налицо. За чечевичную похлебку теперешним полицейским законом разрешенных организаций продали право пролетариата на революцию.

Возьмите брошюру Карла Легина, вождя социал-демократических профессиональных союзов Германии: «Почему чиновники профессиональных союзов должны принимать больше участия во внутренней жизни партии?» (Берлин, 1915). Это — доклад, прочтенный автором 27 января 1915 г. перед собранием чиновников профессионального движения. Легин прочитал в своем докладе и перепечатал в брошюре один интереснейший документ, который иначе никогда не пропустила бы военная цензура. Этот документ — так называемый «материал для референтов округа Нидербарним» (предместья Берлина) — есть изложение взглядов левых немецких социал-демократов, их протест против партии. Революционные социал-демократы — говорится в этом документе — не предвидели и не могли предвидеть одного фактора, именно:

«Что вся организованная сила германской социал-демократической партии и профессиональных союзов встала на сторону ведущего войну правительства, вся эта сила была употреблена в целях подавления революционной энергии масс» (стр. 34 брошюры Легина).

Это — безусловная правда. Правда и следующее утверждение того же документа:

«Голосование социал-демократической фракции 4-го августа означало, что другой взгляд, даже если бы он глубоко коренился в массах, мог бы проложить себе дорогу только не под руководством испытанной партии, а лишь против воли партийных инстанций, лишь под условием преодоления сопротивления партии и профессиональных союзов» (там же).

Это — безусловная истина.

«Если бы социал-демократическая фракция 4-го августа выполнила свой долг, тогда, вероятно, внешняя форма организации была бы уничтожена, но дух остался бы, тот дух, который одушевлял партию во время исключительного закона и помог ей преодолеть все трудности» (там же).

В брошюре Легина отмечается, что та компания «вождей», которую он собрал слушать свой доклад и которая называется руководителями, чиновниками профессиональных союзов, *хохотала*, слушая это. Им *смешна* мысль о том, что можно и должно создать нелегальные (как при исключительном законе) революционные организации в момент кризиса. А Легин, как вернейший сторожевой пес буржуазии, бил себя в грудь и восклицал:

«Это — явно анархическая мысль: взорвать организации, чтобы вызвать решение вопроса массами. Для меня нет никакого сомнения, что эта идея анархическая».

«Верно!» кричали хором (там же, стр. 37) лакеи буржуазии, именующие себя вождями социал-демократических организаций рабочего класса.

Поучительная картина. Люди развращены и оуплены буржуазной легальностью до того, что не могут даже *понять* мысли о необходимости *других* организаций, *нелегальных*, для руководства революционной борьбой. Люди дошли до того, что вообразили себе, будто легальные союзы, по полицейским разрешениям существующие; есть предел, его же не преjdeши, — будто мыслимо вообще *сохранение* таких союзов в эпоху кризиса, как *руководящих* союзов! Вот вам живая диалектика оппортунизма: простой рост легальных союзов, простая привычка туповатых, но добросовестных филистеров ограничиваться ведением конторских книг, привели к тому, что в момент кризиса эти добросовестные мещане оказались предателями, изменниками, *душителами* революционной энергии масс. И это не случайность. Перейти к революционной организации необходимо, этого требует изменившаяся историческая ситуация, этого требует эпоха революционных действий пролетариата, — но переход этот возможен только *через головы* старых вождей, душителей революционной энергии, *через голову* старой партии, путем *разрушения* ее.

А контрреволюционные мещане, разумеется, вопят: «анархизм!» — как оппортунист Эд. Давид вопил об

«анархизме», разнося Карла Либкнехта. Честными социалистами остались, видимо, в Германии лишь те вожди, которых оппортунисты бранят за анархизм...

Возьмем современное войско. Вот — один из хороших образчиков организации. И хороша эта организация только потому, что она — *гибка*, умея вместе с тем миллионам людей давать *единую волю*. Сегодня эти миллионы сидят у себя по домам, в разных концах страны. Завтра приказ о мобилизации — и они собрались в назначенные пункты. Сегодня они лежат в траншеях, лежат иногда месяцами. Завтра они в другом порядке идут на штурм. Сегодня они проявляют чудеса, прячась от пуль и от шрапнели. Завтра они проявляют чудеса в открытом бою. Сегодня их передовые отряды кладут мины под землей, завтра они передвигаются на десятки верст по указаниям летчиков над землей. Вот это называется организацией, когда во имя одной цели, одушевленные одной волей, миллионы людей меняют форму своего общения и своего действия, меняют место и приемы деятельности, меняют орудия и оружия сообразно изменяющимся обстоятельствам и запросам борьбы.

То же самое относится к борьбе рабочего класса против буржуазии. Сегодня нет налицо революционной ситуации, нет условий для брожения в массах, для повышения их активности, сегодня тебе дают в руки избирательный бюллетень — бери его, умей организовать для того, чтобы бить им своих врагов, а не для того, чтобы проводить в парламент на теплые местечки людей, цепляющихся за кресло из боязни тюрьмы. Завтра у тебя отняли избирательный бюллетень, тебе дали в руки ружье и великолепную, по последнему слову машинной техники оборудованную скорострельную пушку, — бери эти орудия смерти и разрушения, не слушай сентиментальных нытиков, боящихся войны; на свете еще слишком много осталось такого, что *должно* быть уничтожено огнем и железом для освобождения рабочего класса, и, если в массах нарастает злоба и отчаяние, если налицо революционная ситуация, готовься создать новые организации и *пустить в ход* столь полезные орудия смерти и разрушения *против своего* правительства и *своей* буржуазии.

Это не легко, слов нет. Это потребует трудных подготовительных действий. Это потребует тяжелых жертв. Это —

новый вид организации и борьбы, которому тоже *надо научиться*, а наука не дается без ошибок и поражений. Этот вид классовой борьбы относится к участию в выборах, как штурм относится к маневрам, маршам или к лежанию в траншеях. Этот вид борьбы становится в истории на очередь дня *очень не часто*, — зато его значение и его последствия простираются на десятилетия. Те дни, когда можно и должно поставить в порядок борьбы *такие* приемы ее, равняются 20-летию других исторических эпох.

...Сопоставьте с К. Легином К. Каутского:

«Пока партия была мала, — пишет он, — всякий протест против войны действовал в пропагандистском отношении, как мужественный поступок... поведение русских и сербских товарищей в последнее время встретило всеобщее признание. Чем сильнее становится партия, тем больше переплетаются в мотивах ее решений пропагандистские соображения с учетом практических последствий, тем труднее становится отдать должное в равной мере мотивам обоого рода, а между тем нельзя пренебрегать ни теми ни другими. Поэтому, чем сильнее мы становимся, тем легче возникают равногласия между нами при всякой новой, сложной ситуации» («Интернациональность и война», стр. 30).

От легиновских рассуждений эти рассуждения Каутского отличаются только лицемерием и трусостью. Каутский, по сути дела, поддерживает и оправдывает подлое отречение Легинов от революционной деятельности, но делает это исподтишка, не высказываясь определенно, отделяясь намеками, ограничиваясь поклонами и в сторону Легина и в сторону революционного поведения русских. Такое отношение к революционерам мы, русские, привыкли встречать только у либералов: либералы всегда готовы признать «мужество» революционеров, но вместе с тем ни за что не откажутся они от своей архипортунистической тактики. Революционеры, уважающие себя, не примут «выражения признательности» от Каутского, а отвергнут с негодованием подобную постановку вопроса. Если налицо не было революционной ситуации, если не обязательно было проповедывать революционные действия, тогда поведение русских и сербов *неверно*, тогда их тактика *неправильна*. Пусть же такие рыцари, как Легин и Каутский, имеют хоть мужество своего мнения, пусть скажут это прямо.

Если же заслуживает «признания» тактика русских и сербских социалистов, тогда непозволительно, преступно

оправдывать *противоположную* тактику «сильных» партий, немецкой и французской и т. д. Посредством намеренно неясного выражения: «практические последствия», Каутский *прикрыл* ту простую истину, что большие и сильные партии *испугались* роспуска их организаций, захвата их касс, ареста их вождей правительством. Это значит, что Каутский оправдывает измену социализму соображением о неприятных «практических последствиях» революционной тактики. Разве это не протитуирование марксизма?

Нас арестовали бы — заявил, говорят, на рабочем собрании в Берлине один из голосовавших 4-го августа за кредиты социал-демократических депутатов. А рабочие кричали ему в ответ: «ну, что же тут было бы дурного?».

Если нет другого *сигнала* для передачи рабочим массам в Германии и Франции революционного настроения и мысли о необходимости готовить революционные действия, то арест депутата за смелую речь сыграл бы полезную роль, как призывный клич для *объединения* в революционной работе пролетариев разных стран. Такое объединение *нелегко*: тем обязательнее было именно стоящим наверху, видящим всю политику, депутатам *взять на себя почин*.

Не только при войне, но, безусловно, при всяком обострении политического положения, не говоря уже о каких-либо революционных действиях масс, правительство *самой свободной* буржуазной страны всегда будет грозить распушением легальных организаций, захватом касс, арестом вождей и прочими такого же рода «практическими последствиями». Как же быть? Оправдывать ли на этом основании оппортунистов, как делает Каутский? Но это значит освящать превращение социал-демократических партий в национал-либеральные рабочие партии.

Для социалиста вывод может быть только один: чистый легализм, только-легализм «европейских» партий изжил себя и превратился, в силу развития капитализма доимпериалистической стадии, в основу буржуазной рабочей политики. Необходимо дополнить его созданием нелегальной базы, нелегальной организации, нелегальной социал-демократической работы, не сдавая при этом ни единой легальной позиции. *Как* именно это сделать, — покажет опыт, была бы охота вступить на этот путь, было бы созна-

ние необходимости его. Революционные социал-демократы России в 1912—1914 гг. показали, что эта задача разрешима. Рабочий депутат Муранов, лучше других державшийся на суде и отправленный царизмом в Сибирь, показал наглядно, что кроме парламентаризма *министриабельного* (от Гендерсона, Самба, Вандервельде до Зюдекума и Шейдемана, которые тоже «министриабельны» вполне и вполне, их только дальше передней не пускают!) есть еще парламентаризм *нелегальный и революционный*. Пусть Косовские и Потресовы восхищаются «европейским» парламентаризмом лакеев или мирятся с ним, — мы не устанем твердить рабочим, что *такой* легализм, *такая* социал-демократия Легинов, Каутских, Шейдеманов заслуживает лишь презрения.

IX

Подведем итоги.

Крах II Интернационала выразился всего рельефнее в вопиющей измене большинства официальных социал-демократических партий Европы своим убеждениям и своим торжественным резолюциям в Штутгарте и Базеле. Но этот крах, означающий полную победу оппортунизма, превращение социал-демократических партий в национал-либеральные рабочие партии, есть лишь результат всей исторической эпохи II Интернационала, конца XIX и начала XX века. Объективные условия этой эпохи — переходной от завершения в Западной Европе буржуазных и национальных революций к началу социалистических революций — порождали и питали оппортунизм. В одних странах Европы мы наблюдаем за это время раскол в рабочем и социалистическом движении, идущий — в общем и целом — именно по линии оппортунизма (Англия, Италия, Голландия, Болгария, Россия), в других длительную и упорную борьбу течений по той же линии (Германия, Франция, Бельгия, Швеция, Швейцария). Кризис, созданный великой войной, сорвал покровы, отмел условности, вскрыл нарыв, давно уже назревший, и показал оппортунизм в его истинной роли, как союзника буржуазии. Полное, организационное, отделение от рабочих партий этого элемента стало необходимым. Империалистская эпоха не мирится с сосуществованием в одной партии передовиков революционного пролетариата и полумещанской аристократии

рабочего класса, пользующейся крохами от привилегий «великодержавного» положения «своей» нации. Старая теория об оппортунизме, как «законном оттенке» единой, чуждой «крайностей», партии превратилась теперь в величайший обман рабочих и величайшую помеху рабочему движению. Не так страшен и вреден открытый оппортунизм, отталкивающий от себя сразу рабочую массу, как эта теория золотой середины, оправдывающая марксистскими словечками оппортунистическую практику, доказывающая рядом софизмов несвоевременность революционных действий и проч. Виднейший представитель этой теории и вместе с тем виднейший авторитет II Интернационала, Каутский, проявил себя первоклассным лицемером и виртуозом в деле проституирования марксизма. В миллионной немецкой партии не осталось сколько-нибудь честных и сознательных и революционных социал-демократов, которые бы не отворачивались с негодованием от такого «авторитета», пылко защищаемого Зюдекумами и Шейдеманами.

Пролетарские массы, от которых, вероятно, около $\frac{9}{10}$ старого руководительского слоя отошло к буржуазии, оказались раздробленными и беспомощными перед разгулом шовинизма, перед гнетом военных положений и военной цензуры. Но объективная революционная ситуация, созданная войной и все расширяющаяся, все углубляющаяся, неизбежно порождает революционные настроения, закаляет и просвещает всех лучших и наиболее сознательных пролетариев. В настроении масс не только возможна, но становится все более и более вероятной быстрая перемена, подобная той, которая связана была в России начала 1905 года с «гапонадой», когда из отсталых пролетарских слоев в несколько месяцев, а иногда и недель, выросла миллионная армия, идущая за революционным авангардом пролетариата. Нельзя знать, разовьется ли могучее революционное движение вскоре после этой войны, во время нее и т. п., но во всяком случае только работа в этом направлении заслуживает названия социалистической работы. Лозунгом, обобщающим и направляющим эту работу, помогающим объединению и сплочению тех, кто хочет помогать революционной борьбе пролетариата против своего правительства и своей буржуазии, является лозунг гражданской войны.

В России полное отделение революционно-социал-демократических пролетарских элементов от мелкобуржуазно-оппортунистических подготовлено всей историей рабочего движения. Самую плохую услугу ему оказывают те, кто отмахивается от этой истории и, декламируя против «фракционности», лишает себя возможности понять действительный процесс образования пролетарской партии в России, складывающейся в многолетней борьбе с различными видами оппортунизма. Из всех «великих» держав, участвующих в теперешней войне, Россия одна только в последнее время пережила революцию: ее буржуазное содержание, при решающей роли пролетариата, не могло не породить раскола буржуазных и пролетарских течений в рабочем движении. В течение всего, приблизительно двадцатилетнего (1894—1914) периода, который российская социал-демократия просуществовала, как организация, связанная с массовым рабочим движением (а не только в виде идейного течения 1883—1894 гг.), шла борьба пролетарски-революционных и мелкобуржуазно-оппортунистических течений. «Экономизм» эпохи 1894—1902 годов был, несомненно, течением последнего рода. Целый ряд аргументов и черт его идеологии — «струвистское» извращение марксизма, ссылки на «массу» в оправдание оппортунизма и т. д. — поразительно напоминают теперешний, опошленный, марксизм Каутского, Кунова, Плеханова и проч. Было бы очень благодарной задачей напомнить теперешнему поколению социал-демократии старую «Рабочую Мысль»¹⁰⁵ и «Рабочее Дело»¹⁰⁶ в параллель с теперешним Каутским.

«Меньшевизм» следующего (1903—1908) периода был непосредственным, не только идейным, но и организационным, преемником «экономизма». Во время русской революции он проводил тактику, объективно означавшую зависимость пролетариата от либеральной буржуазии и выражавшую мелкобуржуазные оппортунистические тенденции. Когда в следующий за тем период (1908—1914) главный поток меньшевистского течения породил ликвидаторство, — это классовое значение данного течения стало настолько очевидным, что лучшие представители меньшевизма все время протестовали против политики группы «Нашей Зари». А эта группа, — единственная, которая вела *против* революционно-марксистской партии рабочего

класса систематическую работу в массах за последние 5—6 лет, — оказалась в войне 1914—1915 гг. *социал-шовинистскою!* И это в стране, где живо самодержавие, где не завершена далеко еще буржуазная революция, где 43% населения угнетают большинство «инородческих» наций. «Европейский» тип развития, когда известные слои мелкой буржуазии, особенно интеллигенция, и ничтожная доля рабочих аристократии могут «попользоваться» привилегиями «великодержавного» положения «своей» нации, не мог не сказаться и в России.

К «интернационалистской», т. е. действительно революционной и последовательно революционной, тактике рабочий класс и рабочая социал-демократическая партия России подготовлены всей своей историей.

P. S. * Эта статья была уже набрана, когда в газетах появился «манифест» Каутского и Гаазе, вкупе с Берштейном, которые увидели, что массы левеют, и готовы теперь «помириться» с левыми — конечно, ценой сохранения «мира» с Зюдекумами. Поистине, Mädchen für alle!

---

* — Postscriptum — приписка. Ред.

АНГЛИЙСКИЙ ПАЦИФИЗМ И АНГЛИЙСКАЯ НЕЛЮБОВЬ К ТЕОРИИ

В Англии политическая свобода до сих пор была несравненно шире, чем в других странах Европы. Буржуазия здесь всех более привыкла управлять и умеет управлять. Отношения между классами развитее и во многих отношениях яснее, чем в других государствах. Отсутствие обязательной военной повинности делает народ свободнее в вопросе об отношении к войне *в том смысле*, что каждый волен отказаться вступить в войско, и поэтому правительство (в Англии правительство есть чистейшего вида комитет по заведыванию делами буржуазии) вынуждено напрягать все усилия, чтобы развить «народный» энтузиазм к войне, причем достигнуть этой цели было бы абсолютно невозможно без коренной ломки законов, если бы пролетарская масса не была совершенно дезорганизована и деморализована переходом меньшинства наилучше поставленных, квалифицированных, сплоченных в союзы рабочих на сторону либеральной, т. е. буржуазной, политики. Английские тред-юнионы включают около $\frac{1}{5}$ части наемных рабочих. Вожаки этих тред-юнионов большей частью либералы, и Маркс давным-давно звал их агентами буржуазии.

Все эти особенности Англии помогают нам тем легче понять сущность современного социал-шовинизма, с одной стороны, — ибо эта сущность *одинакова* в странах самодержавных и демократических, милитаристских и не знающих военной повинности, — а, с другой стороны, они помогают нам оценить, на основании фактов, значение того примиренчества с социал-шовинизмом, которое выражается, напр., в восхвалении лозунга мира и т. п.

Самос законченное выражение оппортунизма и либеральной рабочей политики мы имеем, несомненно, в «Фабианском Обществе». Пусть читатель заглянет в переписку Маркса и Энгельса с Зорге (есть русский перевод в двух изданиях)¹⁰⁷. Он найдет там блестящую характеристику этого общества Энгельсом, который третирует гг. Сиднея Вебба и К^о, как шайку буржуазных проходимцев, желающих развратить рабочих, желающих влиять на них в контрреволюционном смысле. Можно ручаться, что ни один сколько-нибудь ответственный и влиятельный вожак Второго Интернационала не пытался никогда не только опровергнуть этой оценки Энгельса, но даже усомниться в ее правильности.

Сравните же теперь *факты*, оставляя на минуту в стороне *теории*. Вы увидите, что *поведение* во время войны фабианцев (см., напр., их еженедельник «The new Statesman»¹⁰⁸) и немецкой с.-д. партии, включая Каутского, *совершенно одинаково*. Та же, и прямая и косвенная, защита социал-шовинизма; то же соединение такой защиты с готовностью говорить какие угодно добренькие, гуманные и почти-левые фразы о мире, разоружении и т. п. и т. д.

Факт налицо, и вывод из него, как он ни неприятен для разных лиц, неизбежно и неоспоримо следующий: на деле руководители современной немецкой с.-д. партии, включая Каутского, совершенно такие же агенты буржуазии, какими назвал Энгельс давно уже фабианцев. Непризнание марксизма фабианцами и «признание» его Каутским и К^о ровно ничего не меняет в сути дела, в фактической политике, доказывая лишь превращение марксизма в струвизм у некоторых писателей, политиков и пр. Их лицемерие *не* есть их личный порок, они могут быть в отдельных случаях добродетельнейшими отцами семейства, — их лицемерие есть результат объективной фальши в их социальном положении, когда они якобы представляют революционный пролетариат, а на деле суть агенты по проведению в пролетариат буржуазных, шовинистских идей.

Фабианцы искреннее и честнее Каутского и К^о, ибо они не обещали стоять за революцию, но политически они — *едино* суть.

«Исконность» политической свободы в Англии и развитость ее политической жизни вообще, ее буржуазии в осо-

бенности, сделали то, что различные *оттенки* буржуазных мнений быстро, легко, свободно нашли себе в этой стране новое выражение в новых политических организациях. Одной из таких организаций является «Союз демократического контроля» (Union of Democratic Control). Секретарем и казначеем этой организации состоит Морель (E. D. Morel), который ныне является постоянным сотрудником и центрального органа «Независимой рабочей партии», газеты «Labour Leader»*. Этот субъект был несколько лет кандидатом от либеральной партии в округе Беркенхед (Birkenhead). Когда Морель вскоре после войны высказался *против* нее, комитет Беркенхедской либеральной ассоциации известил его письмом от 2 октября 1914 г., что кандидатура его впредь для либералов неприемлема, т. е., попросту, исключил его из партии. Морель ответил письмом от 14 октября, которое переиздал потом отдельной брошюрой под названием «The outbreak of the war» (Как вспыхнула война). В этой брошюре, как и в ряде других статей, Морель разоблачает *свое* правительство, доказывая лживость ссылок на то, будто причина войны нарушение нейтралитета Бельгии, будто цель войны разрушение *прусского* империализма и т. д. и т. п. Морель защищает программу «Союза демократического контроля», состоящую в мире, разоружении, предоставлении всем областям по плебисциту решать вопрос о своей судьбе и в демократическом контроле над внешней политикой.

Из всего этого видно, что Морель, как личность, заслуживает, несомненно, признательности за искреннее сочувствие демократизму, за поворот от буржуазии шовинистской к буржуазии пацифистской. Когда Морель доказывает фактами, что *его* правительство надувало народ, заявляя об отсутствии тайных договоров, хотя таковые на деле были; — что английская буржуазия еще в 1887 году вполне ясно сознавала неизбежность нарушения нейтралитета Бельгии в случае германо-французской войны и решительно отвергала мысль о вмешательстве (тогда Германия не была еще опасным конкурентом!); — что французские милитаристы вроде полковника Бушо (Boucher) в целом ряде книг до войны совершенно открыто признавали свои планы *наступательной* войны Франции и России против

* — «Рабочий Вождь». Ред.

Германии; — что известный военный авторитет Англии, полковник Редингтон, в 1911 году печатно признавал рост вооружений в России после 1905 года, как угрозу Германии; — когда Морель доказывает все это, мы не можем не признать, что перед нами исключительно честный и смелый, не боящийся разрыва с своей партией, буржуа.

Но всякий сразу согласится, что это все же буржуа, фразы которого о мире и разоружении остаются пустыми фразами, ибо без революционных действий пролетариата ни о демократическом мире, ни о разоружении не может быть и речи. И Морель, разошедшийся теперь с либералами из-за вопроса о данной войне, остается либералом по всем остальным экономическим и политическим вопросам. Почему же, когда в Германии *те же буржуазные фразы* о мире и разоружении прикрывает марксистскими аллюрами Каутский, в этом видят не лицемерие Каутского, а заслугу его? Только неразвитость политических отношений и отсутствие политической свободы в Германии мешает тому, чтобы в ней так скоро и легко, как в Англии, образовалась буржуазная лига мира и разоружения с программой Каутского.

Признаем же правду, что Каутский стоит на позиции пацифистского буржуа, а не революционного с.-д.

Мы переживаем события достаточно великие, чтобы, «невзирая на лица», иметь мужество признавать правду.

Питая нелюбовь к абстрактным теориям, гордясь своим практицизмом, англичане нередко *прямо* ставят политические вопросы, помогая таким образом социалистам иных стран находить реальное содержание *под* оболочкой всякой (в том числе «марксистской») словесности. В этом отношении поучительна вышедшая до войны в издании шовинистской газеты «Clarion» брошюра «Социализм и война»*. Брошюрка содержит «манифест» против войны американского социалиста Уптона Синклера (Upton Sinclair) и ответ ему шовиниста Роберта Блэчфорда (Blatchford), давно стоящего на империалистской точке зрения Гайндмана.

Синклер — социалист чувства, без теоретического образования. Он ставит вопрос «попросту», возмущаясь надвигающейся войной и ища спасения от нее в социализме.

* Socialism and war. The Clarion Press, 44. Warship Street, London E. C.

«Нам говорят, — пишет Синклер, — что социалистическое движение еще слишком слабо, что мы должны ждать эволюции. Но эволюция происходит в сердцах людей; мы — орудия эволюции, и если мы не будем бороться, то не будет никакой эволюции. Нам говорят, что наше движение» (против войны) «будет раздавлено; но я заявляю свое глубокое убеждение, что подавление какого угодно возмущения, имеющего целью, по мотивам высшей гуманности, помешать войне, было бы величайшей победой, когда-либо одержанной социализмом, — что оно потрясло бы совесть цивилизации и встряхнуло бы рабочих всего мира, как ничто в истории не встряхивало еще их. Не будем слишком боязливы насчет нашего движения, не будем придавать слишком большого значения числу и внешним видимостям силы. Тысяча людей, с пылкой верой и решимостью, сильнее, чем миллион, ставший осторожным и почтенным (респектабельным). И нет для социалистического движения опасности большей, как опасность сделаться установившимся учреждением».

Как видите, это — наивное, теоретически непродуманное, но глубоко верное предостережение насчет опошления социализма и призыв к революционной борьбе.

Что же отвечает Синклеру Блэчфорд?

Что войну вызывают капиталистические и милитаристские интересы, все это верно, — говорит он. И я не меньше любого другого социалиста стремлюсь к миру и к преодолению капитализма социализмом. Но «риторическими и красивыми фразами» Синклер не убедит меня, не устранил фактов. «Факты, друг Синклер, — упрямая вещь, а германская опасность есть факт». Ни мы, ни немецкие социалисты не в силах помешать войне. Синклер преувеличивает безмерно наши силы. Мы не объединены, у нас нет ни денег, ни оружия, «ни дисциплины». Нам остается только *помогать* британскому правительству увеличивать свой флот, ибо иной гарантии мира нет и быть не может.

В континентальной Европе шовинисты ни до войны, ни после нее не выступали так откровенно. В Германии вместо откровенности царит лицемерие Каутского и игра в софизмы, у Плеханова тоже. Именно поэтому поучительно взглянуть на отношения в более развитой стране. Здесь никого не проведешь софистикой и карикатурой

на марксизм. Вопросы поставлены прямее и правдивее. Будем учиться у «передовых» англичан.

Синклер наивен с своим призывом, хотя этот призыв глубоко верен в основе, — наивен, ибо игнорирует полувековое развитие массового социализма, борьбу течений в нем, игнорирует условия роста революционных действий при наличии объективно-революционной ситуации и революционной организации. «Чувством» этого не заменишь. Суровой и беспощадной борьбой могучих течений в социализме, оппортунистического и революционного, риторикой не обойдешь.

Блэчфорд режет напрямки и выдает сокровенный довод каутскианцев и К^о, боящихся говорить правду. Мы еще слабы — вот и все, — говорит Блэчфорд. Но прямою он сразу разоблачает и оголяет свой оппортунизм, свой шовинизм. Что он служит буржуазии и оппортунистам, — это сразу видно. Признавая «слабость» социализма, он сам ослабляет его проповедью антисоциалистической, буржуазной, политики.

Подобно Синклеру, но в обратную сторону, как трус, а не как борец, как изменник, а не как «безумно-смелый», он тоже игнорирует условия создания революционной ситуации:

Но по своим практическим выводам, по своей политике (отказ от революционных действий, от пропаганды и подготовки их) Блэчфорд, вульгарный шовинист, сходится *сполне* с Плехановым и Каутским.

Марксистские слова стали в наши дни прикрытием полного отречения от марксизма; чтобы быть марксистом, надо разоблачить «марксистское лицемерие» вождей Второго Интернационала, надо взглянуть безбоязненно на борьбу двух течений в социализме, додумать до конца вопросы этой борьбы. Вот вывод из английских отношений, которые показывают нам *марксистскую* сущность дела *без* марксистских слов.

Написано в июне 1915 г.

Впервые напечатано 27 июля 1924 г.
в газете «Правда» № 169

Печатается по рукописи

КАК СОЕДИНЯЮТ ПРИСЛУЖНИЧЕСТВО РЕАКЦИИ С ИГРОЙ В ДЕМОКРАТИЮ?

Кадетский сборник: «Чего ждет Россия от войны» (Петроград, 1915) представляет из себя очень полезное издание для ознакомления с политикой либеральной интеллигенции. Достаточно известно, какими шовинистами стали наши кадеты и либералы; в настоящей книжке нашего журнала этому вопросу посвящена особая статья. Но сводка в указанном сборнике произведений различных кадетов на различные, связанные с войной, темы особенно наглядно показывает роль не только к.-д. партии, но и либеральной интеллигенции вообще в современной империалистской политике.

Специфическая функция такой интеллигенции и данной партии — прикрывать реакцию и империализм всяческими демократическими фразами, заверениями, софизмами, увертками. Главная статья сборника: «Территориальные приобретения России» принадлежит вождю к.-д. г. Милюкову. Здесь нельзя было не изложить *сути* теперешней войны со стороны России: стремление захватить Галицию, отнять у Австрии и Германии части Польши, у Турции Константинополь, проливы, Армению. Для демократического прикрытия выступают фразы о «славянстве», об интересах «малых народностей», об «угрозе европейскому миру» со стороны Германии. Только совсем мимоходом, почти нечаянно, в одной фразе г. Милюков выбалтывает правду:

«К воссоединению Восточной Галиции давно уже стремилась одна из русских политических партий, находившая себе поддержку в одной из политических партий Галиции, так наз. «москвофилах» (49). Вот именно! «Одна из русских партий» есть самая реакционная партия, Пуршкевичи

и К°, партия крепостников, возглавляемая царизмом. Эта «партия» — царизм, Пуришкевичи и т. д. — интриговала давно и в Галиции и в Армении и пр., не жалея миллионов на подкупы «москвофилов», не останавливаясь ни перед каким преступлением ради высокой цели «воссоединения». Война есть «продолжение политики» этой партии. Война принесла ту пользу, что отбросила все условности, сорвала все покровы, показала народу воочию полную правду: сохранение царской монархии означает необходимость отдавать миллионы жизней (и миллиарды народных денег) на порабощение чужих народов. На деле партия к.-д. именно эту политику поддерживала, именно ей служила.

Эта правда — неприятна для либерального интеллигента, который считает себя гуманным, свободолюбивым, демократическим и который глубочайше возмущается «клеветой», будто он слуга Пуришкевичей. Но война показала, что эта «клевета» есть самая очевидная истина.

Загляните в другие статьи сборника:

...«Будущее наше может быть счастливым и светлым лишь тогда, когда международная политика будет покоиться на началах справедливости. Вера в жизнь, в ее ценность будет в то же время торжеством мира» (215)... «Русская женщина, а с нею и все мыслящее человечество»... надеется, что «при заключении мира все воюющие государства... подпишут тут же и договор, по которому впредь все международные недоразумения»... (вот самое настоящее слово! это были только «недоразумения» между государствами, не более того!)... «должны быть разрешаемы третейским разбирательством» (216)...

«Русская женщина — народная представительница — понесет в народ идеи христианской любви и братства народов» (216)... (здесь цензура еще выкинула целых полторы строчки, вероятно, особенно экстра-«гуманные», что-нибудь вроде свободы, равенства, братства...)... «Кому известно, что пишущего эти строки менее всего можно заподозрить в национализме, того нет надобности убеждать в полной неприкосновенности развиваемых здесь мыслей к какой бы то ни было национальной исключительности» (83)... «Только теперь мы осознали, почувствовали реально, что при современных войнах нам может грозить не потеря колоний, хотя бы и ценных, или неудача в освобождении других народов, но распад самого государства»... (147).

Читайте и вникайте, как это делается! Учитесь, как ведет политику, т. е. ведет за собой массы, якобы демократическая партия!

Чтобы служить классу Пуришкевичей, надо в решительные моменты истории (в моменты военного осуществления целей этого класса) помогать ему, или «не противодействовать войне». А в то же время «народ», «массу», «демократию» надо утешать хорошими словами: справедливость, мир, национальное освобождение, третейское разбирательство международных конфликтов, братство народов, свобода, реформы, демократия, всеобщее избирательное право и пр. И при этом обязательно бить себя в грудь, божиться и клясться, что «нас» «всего менее можно заподозрить в национализме», что «ваши» идеи отличаются «полной неприкосновенностью к какой бы то ни было национальной исключительности», что мы только боремся против «распада государства»!

Вот как «это делается».

Вот как ведут политику либеральные интеллигенты...

Совершенно так же по сути дела, только в иной среде и в чуточку измененной форме, ведут себя либеральные рабочие политики, начиная от «Нашей Зари», которая учит народ и пролетариат «не противодействовать войне», продолжая «Нашим Делом», которое солидаризируется с взглядами гг. Потресова и К^о (№ 2, стр. 19) и Плеханова (№ 2, стр. 103), без единой оговорки перепечатывает однородные мысли Аксельрода (№ 2, стр. 107—110), продолжая, далее, Семковским, воюющим против «распада» в «Нашем Слове» и в «Известиях ОК», кончая фракцией Чхеидзе и ОК с Бундом, которые горой стоят против «раскола» (с группой «Нашего Дела»). И все они за братство рабочих, за мир, за интернационализм, за что угодно, они подпишут все, что хотите, отрекутся миллионы раз от «национализма», — на одном «маленьком» условии: не нарушать «единства» с единственно реальной (из всей этой компании) русской политической группой, которая в журнале и газете учила и учит рабочих оппортунизму, национализму, непротодействию войне.

Вот как «это делается».

Написано в июне 1915 г.

Впервые напечатано в январе 1925 г. в специальном номере журнала «Спутник Коммуниста» «На Ленинском пути»

Подпись: Н. Ленин

Печатается по рукописи

ГЛАВНЫЙ ТРУД НЕМЕЦКОГО ОПОРТУНИЗМА О ВОЙНЕ

Книга Эдуарда Давида: «Социал-демократия в всемирной войне» (Берлин, изд. «Vorwärts»*, 1915) дает хорошую сводку фактов и доводов, относящихся к тактике официальной германской с.-д. партии в теперешней войне. Нового в книге нет ничего для людей, следивших за оппортунистической и вообще немецкой с.-д. литературой. Но, тем не менее, книга очень полезна и не только как справочник. Кто хочет серьезно вдуматься во всемирно-исторический крах немецкой социал-демократии, кто хочет действительно понять, как и почему из передовой партии социал-демократии «вдруг» (якобы вдруг) получилась партия лакеев немецкой буржуазии и юнкеров, кто хочет внимательно вникнуть в значение ходячих софизмов, служащих для оправдания и прикрытия этого краха, — тому скучная книга Э. Давида не покажется скучной. В сущности, у Давида есть известная цельность взглядов и убежденность либерального рабочего политика, чего нет, напр., ни капли у лицемерного и держащего «нос по ветру» Каутского.

Давид — оппортунист насквозь, давний сотрудник немецкого «Нашего Дела» — «Социалистического Ежемесячника», автор толстой книги по аграрному вопросу, в которой нет ни грана социализма и марксизма. Что подобный субъект, вся жизнь которого посвящена буржуазному развращению рабочего движения, мог стать одним из многих, столь же оппортунистических, *воздей* партии, депутатом и даже членом правления («форштанда») немец-

* — «Вперед». Ред.

кой с.-д. парламентской фракции, это уже одно наводит на серьезные мысли о том, как давно, глубоко и сильно шел процесс гниения в германской социал-демократии.

Научного значения книга Давида не имеет никакого, ибо даже поставить вопроса автор не может или не хочет, — именно: вопроса о том, как главные классы современного общества подготавливали, выращивали, создавали в течение десятилетий свое теперешнее отношение к войне *такой-то* политикой, коренящейся в *таких-то* классовых интересах. Давиду совершенно чужда даже мысль о том, что без такого исследования нечего и толковать о марксистском отношении к войне, и что только такое исследование может служить базой для изучения *идеологии* разных классов в отношении к войне. Давид — *адвокат* либеральной рабочей политики, приспособляющий все свое изложение и все свои аргументы к тому, чтобы повлиять на *рабочую* аудиторию, чтобы скрыть от нее слабые пункты своей позиции, чтобы сделать либеральную тактику приемлемой для рабочих, чтобы придушить пролетарски-революционные инстинкты возможно бóльшим количеством авторитетных примеров «тактики социалистов в западных государствах» (заглавие VII главы книги Давида) и т. д., и т. п.

Поэтому весь идейный интерес, представляемый книгой Давида, сводится к тому, чтобы проанализировать, как *должна* буржуазия разговаривать с рабочими, *дабы влиять на них*. Суть идейной позиции Э. Давида с этой (единственно правильной) точки зрения сводится к его положению: «значение нашего голосования» (за военные кредиты) = *«не за войну, а против поражения»* (стр. 3, оглавление и много отдельных мест книги). Это — лейтмотив всей книги Давида. К этому «подогнаны» и примеры того, как Маркс, Энгельс, Лассаль относились к национальным войнам Германии (гл. II), и данные о «гигантской завоевательной политике держав тройственного соглашения» (гл. IV), и дипломатическая история войны (гл. V), сведенная к обелению Германии на основании смехотворно ничтожного и столь же смехотворно несерьезного официального обмена телеграмм накануне войны, и т. д. В особой главе (VI), «Размеры опасности», приводятся соображения и данные о перевесе сил у тройственного согласия, о реакционности царизма и пр. Давид, разумеется, вполне за

мир. Предисловие к своей книге, помеченное 1 мая 1915 г., автор кончает лозунгом «Мир на земле!». Давид, разумеется, интернационалист: немецкая социал-демократия, видите ли, «не изменила духу Интернационала» (8), она «боролась с ядовитым посевом ненависти между народами» (8), «с первого же дня войны она заявляла о принципиальной готовности к миру по достижении безопасности своей страны» (8).

Книга Давида показывает особенно наглядно, что либеральные буржуа (и их агенты в рабочем движении, т. е. оппортунисты) готовы, чтобы влиять на рабочих и на массы вообще, расписаться сколько угодно раз в своем интернационализме, в принятии лозунга мира, в отречении от завоевательных целей войны, в осуждении шовинизма и пр. и т. п. Все, что угодно, — *кроме* революционных действий против своего правительства; все, что угодно, — лишь бы «быть против поражения». И в самом деле, эта идеология, говоря языком математики, как раз *необходима и достаточна* для одурачения рабочих: меньшего невозможно им предложить, ибо нельзя повести за собой массы, не обещая им справедливого мира, не пугая их опасностью нашествия, не клянясь в верности интернационализму; *большого не надо* предлагать, ибо большее — т. е. захват колоний, аннексия чужих земель, грабеж побежденных стран, достижение выгодных торговых договоров и т. п. — будет проводить *не* либеральная буржуазия непосредственно, а империалистски-милитаристская, военно-правительственная клика *после* войны.

Роли распределены правильно: правительство и военная клика, опираясь на миллиардеров, на всю «деловую» буржуазию, ведет войну, — а либералы утешают и одурачивают массы национально-оборонительной идеологией войны, посулами демократического мира и т. д. Идеология либеральных, гуманных, пацифистских буржуа и есть идеология Э. Давида, как и русских оппортунистов из ОК, борющихся против желательности поражения, против распада России, за лозунг мира и т. п.

Принципиальная, иная, не либеральная тактика начинается только там, где начинается решительный разрыв со *всеми* видами оправдания участия в войне, где *на деле* ведется политика пропаганды и подготовки революционных действий, во время войны и используя затруднения

войны, против своего правительства. Давид *подходит* к этой грани, настоящей грани между буржуазной и пролетарской политикой, но подходит только для того, чтобы замаять неприятную тему. Он вспоминает несколько раз Базельский манифест, но заботливо обходит все революционные места его, он вспоминает, как Вальян в Базеле звал «к военной стачке и к социальной революции» (стр. 119), но только для того, чтобы *защитить* самого себя примером шовиниста Вальяна, а не для того, чтобы процитировать и разобрать революционные указания самой резолюции Базельского конгресса.

Давид перепечатывает довольно большую часть манифеста нашего ЦК, в том числе его главный лозунг, превращение империалистской войны в гражданскую, но только для того, чтобы объявить эту, «русскую», тактику «безумием» и «грубым искажением решений Интернационала» (169, 172). Это, видите ли, эрвеизм (стр. 176): в книге Эрве «содержится вся теория Ленина, Люксембург, Радека, Паннекука и т. д.». Нет ли «эрвеизма», любезнейший Давид, в революционных местах Базельской резолюции и «Коммунистического Манифеста»? Воспоминание об этом последнем так же неприятно для Давида, как для Семковского напоминающее о нем название нашего журнала. Что «рабочие не имеют отечества», это положение Коммунистического Манифеста, по убеждению Давида, «давно опровергнуто» (стр. 176 и др.). По вопросу о национальности Давид в целой, заключительной, главе преподносит самый пошлый буржуазный вздор о «биологическом законе дифференцирования» (!!) и т. п.

Интернациональное не значит антинациональное, мы за право наций на самоутверждение, мы против насилия над слабыми нациями — уверяет Давид, не понимая (или, вернее, прикидываясь, будто он не понимает) того, что именно оправдывать участие в империалистской войне, именно ставить в этой войне лозунг «против поражения», значит быть не только антисоциалистическим, но и антинациональным политиком. Ибо современная империалистская война есть война великодержавных (= угнетающих целый ряд других наций) народов ради угнетения новых наций. Нельзя быть «национальным» в империалистской войне иначе, как будучи социалистическим политиком, т. е. иначе, как признавая право угнетенных наций

на освобождение, на отделение от угнетающих их великих держав. В эпоху империализма не может быть иного *спасения* для *большинства* наций мира, как революционное действие пролетариата великодержавных наций, выходящее за рамки национальности, ломающее эти рамки, свергающее интернациональную буржуазию. Без такого свержения останутся великодержавные нации, *то есть* останется угнетение девяти десятых наций всего мира. А такое свержение ускорит в громадных размерах падение всех и всяких национальных *перегородок*, не уменьшая этим, а в миллионы раз увеличивая «дифференцирование» человечества в смысле богатства и разнообразия духовной жизни и идейных течений, стремлений, оттенков.

Написано в июне — июле 1915 г.

*Впервые напечатано 27 июля 1924 г.
в газете «Правда» № 169*

Печатается по рукописи

О ПОРАЖЕНИИ СВОЕГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ИМПЕРИАЛИСТСКОЙ ВОЙНЕ

Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству.

Это — аксиома. И оспаривают ее только сознательные сторонники или беспомощные прислужники социал-шовинистов. К числу первых принадлежит, напр., Семковский из ОК (№ 2 его «Известий»). К числу вторых Троцкий и Буквоед¹⁰⁹, а в Германии Каутский. Желание поражения России, — пишет Троцкий, — есть «ничем не вызываемая и ничем не оправдываемая уступка политической методологии социал-патриотизма, который революционную борьбу против войны и условий, ее породивших, подменяет крайне произвольной в данных условиях ориентацией по линии наименьшего зла» (№ 105 «Нашего Слова»).

Вот — образец надутых фраз, какими Троцкий всегда оправдывает оппортунизм. «Революционная борьба против войны» есть пустое и бессодержательное восклицание, на которое такие мастера герои II Интернационала, *если* под ней не разумеют революционные действия против *своего правительства* и во время войны. Достаточно чуточку подумать, чтобы понять это. А революционные действия во время войны против своего правительства, несомненно, неоспоримо, означают не только желание поражения ему, но на деле и содействие такому поражению. (Для «проницательного читателя»: это вовсе не значит, что надо «взрывать мосты», устраивать неудачные военные стачки и вообще помогать правительству нанести поражение революционерам.)

Отделяваясь фразами, Троцкий запутался в трех соснах. Ему кажется, что желать поражения России *значит* желать

победы Германии (Буквоед и Семковский прямее выражают эту общую им с Троцким «мысль», вернее: недомыслие). И в этом Троцкий видит «методологию социал-патриотизма»! Чтобы помочь людям, не умеющим думать, Бернская резолюция (№ 40 «Социал-Демократа») * пояснила: во *всех* империалистских странах пролетариат должен теперь желать поражения своему правительству. Буквоед и Троцкий предпочли обойти эту истину, а Семковский (оппортунист, всех больше приносящий пользы рабочему классу откровенно-наивным повторением буржуазной премудрости), Семковский «мило лягнули»: это бессмыслица, ибо победить может либо Германия, либо Россия (№ 2 «Известий»).

Возьмите пример Коммуны. Победила Германия Францию, и Бисмарк с Тьером победил рабочих!! Если бы Буквоед и Троцкий подумали, то увидали бы, что *они* стоят на точке зрения войны *правительства и буржуазии*, т. е. они раболепствуют перед «политической методологией социал-патриотизма», говоря вычурным языком Троцкого.

Революция во время войны есть гражданская война, а *превращение* войны правительств в войну гражданскую, с одной стороны, облегчается военными неудачами («поражением») правительств, а с другой стороны, — *невозможно* на деле стремиться к такому превращению, не содействуя тем самым поражению.

От «лозунга» поражения потому и открещиваются повинисты (с ОК, с фракцией Чхеидзе), что этот лозунг *одни только* означает последовательный призыв к революционным действиям против своего правительства во время войны. А без таких действий миллионы рреволюционнейших фраз о войне против «войны и условий и т. д.» не стоят ломаного гроша.

Кто серьезно хотел бы опровергнуть «лозунг» поражения своего правительства в империалистской войне, тот должен был бы доказать одну из трех вещей: или 1) что война 1914—1915 г. не реакционна; или 2) что революция в связи с ней невозможна; или 3) что невозможно соответствие и содействие друг другу революционных движений во *всех* воюющих странах. Последнее соображение особенно важно для России, ибо это — самая отсталая страна, в которой

* См. настоящий том, стр. 141. Ред.

социалистическая революция непосредственно невозможна. Именно поэтому русские социал-демократы должны были первыми выступить с «теорией и практикой» «лозунга» поражения. И царское правительство было вполне право, что агитация РСДР Фракции — *единственный* образец в Интернационале не одной парламентской оппозиции, а действительно революционной агитации в массах против своего правительства — что эта агитация ослабляла «военную мощь» России, содействовала ее поражению. Это факт. Неумно прятаться от него.

Противники лозунга поражения просто боятся самих себя, не желая прямо взглянуть на очевиднейший факт неразрывной связи между революционной агитацией против правительства с содействием его поражению.

Возможно ли соответствие и содействие революционного в буржуазно-демократическом смысле движения в России и социалистического на Западе? В этом не сомневался за последнее 10-тилетие ни один высказывавшийся публично социалист, и движение в австрийском пролетариате после 17 октября 1905 г. *фактически* доказало эту возможность.

Спросите любого именующего себя интернационалистом социал-демократа: сочувствует ли он соглашению социал-демократов разных воюющих стран о совместных революционных действиях против всех воюющих правительств? Многие ответят, что оно невозможно, как ответил Каутский («Neue Zeit», 2 октября 1914), *этим вполне доказав* свой социал-шовинизм. Ибо, с одной стороны, это — заведомая, вопиющая неправда, бьющая в лицо общеизвестным фактам и Базельскому манифесту. А, с другой стороны, если бы это была правда, *тогда оппортунисты были бы во многом правы!*

Многие ответят, что сочувствуют. И тогда мы скажем: если это сочувствие не лицемерно, то смешно думать, что на войне и для войны требуется соглашение «по форме»: выбор представителей, свидание, подписание договора, назначение дня и часа! Думать так в состоянии лишь Семковские. Соглашение о революционных действиях даже в *одной* стране, не говоря о ряде стран, осуществимо *только* силой *примера* серьезных революционных действий, *приступа* к ним, *развития* их. А такой приступ опять-таки невозможен без желания поражения и без содействия

поражению. Превращение империалистской войны в гражданскую не может быть «сделано», как нельзя «сделать» революции, — оно *вырастает* из целого ряда многообразных явлений, сторон, черточек, свойств, последствий империалистской войны. И такое вырастание *невозможно* без ряда военных неудач и поражений тех правительств, которым наносят удары *их* собственные угнетенные классы.

Отказываться от лозунга поражения значит превращать свою революционность в пустую фразу или одно лицемерие.

И чем же предлагают нам заменить «лозунг» поражения? Лозунгом «ни побед, ни поражений» (Семковский в № 2 «Известий». То же *весь* ОК в № 1). Но ведь это не что иное, как перефразировка лозунга «защиты отечества!» Это — именно перенесение вопроса в плоскость войны правительств (которые, по содержанию лозунга, должны *остаться* в старом положении, «сохранить свои позиции»), а не *борьбы* угнетенных классов против своего правительства! Это есть оправдание шовинизма *всех* империалистских наций, буржуазии которых всегда готовы сказать, — *и говорят народу*, — что они «только» борются «против поражения». «Смысл нашего голосования 4-го августа: не за войну, а *против поражения*», пишет вождь оппортунистов Э. Давид в своей книге. «Оксисты», вместе с Буквоедом и Троцким, *вполне* становятся на почву Давида, защищая лозунг: ни победы, ни поражения!

Этот лозунг, если вдуматься в него, означает «гражданский мир», отказ от классовой борьбы угнетенного класса во всех воюющих странах, ибо классовая борьба невозможна без нанесения ударов «своей» буржуазии и «своему» правительству, а нанесение во время войны удара своему правительству *есть* государственная измена (к сведению Буквоеда!), *есть* содействие поражению своей страны. Кто признает лозунг «ни побед, ни поражений», тот лишь лицемерно может стоять за классовую борьбу, за «разрыв гражданского мира», тот *на деле* отрекается от самостоятельной, пролетарской политики, подчиняя пролетариат всех воюющих стран задаче *вполне буржуазной*: охранять от поражений данные империалистские правительства. Единственной политикой действительного, не словесного, разрыва «гражданского мира», признания классовой борьбы, является политика *использования* пролетариатом

затруднений своего правительства и своей буржуазии *для их низвержения*. А этого нельзя достигнуть, к этому *нельзя стремиться*, не желая поражения своему правительству, не содействуя такому поражению.

Когда итальянские социал-демократы перед войной поставили вопрос о массовой стачке, буржуазия ответила им — безусловно правильно с *ее* точки зрения: это будет государственной изменой, и с вами поступят, как с изменниками. Это — правда, как правда и то, что братанье в траншеях есть государственная измена. Кто пишет против «государственной измены», как Буквоед, против «распада России», как Семковский, тот стоит на буржуазной, а не на пролетарской точке зрения. Пролетарий *не может* ни нанести классового удара своему правительству, ни протянуть (на деле) руку своему брату, пролетарию «чужой», воюющей с «нами» страны, *не совершая* «государственной измены», *не содействуя* поражению, не помогая распаду «своей» империалистской «великой» державы.

Кто стоит за лозунг «ни побед, ни поражений», тот сознательный или бессознательный шовинист, тот в лучшем случае примирительный мелкий буржуа, но во всяком случае *враг* пролетарской политики, сторонник теперешних правительств, теперешних господствующих классов.

Взглянем на вопрос еще с одной стороны. Война не может не вызывать в массах самых бурных чувств, нарушающих обычное состояние сонной психики. И без соответствия с этими новыми, бурными чувствами *невозможна* революционная тактика.

Каковы главные потоки этих бурных чувств? 1) Ужас и отчаяние. Отсюда — усиление религии. Церкви снова стали наполняться, — ликуют реакционеры. «Где страдания, там религия», говорит архиреакционер Баррес. И он прав. 2) Ненависть к «врагу» — чувство, разжигаемое специально буржуазией (не столько попами) и выгодное *только ей* экономически и политически. 3) Ненависть к *своему* правительству и к *своей* буржуазии — чувство всех сознательных рабочих, которые, с одной стороны, понимают, что война есть «продолжение политики» империализма, и отвечают на нее «продолжением» своей ненависти к своему классовому врагу, а с другой стороны, понимают, что «война войне» есть пошлая фраза без революции против *своего* правительства. Нельзя возбуждать

ненависть к своему правительству и к своей буржуазии, не желая им поражения, — и нельзя быть *нелицемерным* противником «гражданского (= классового) мира», не возбуждая ненависти к своему правительству и к своей буржуазии!!

Сторонники лозунга «ни побед, ни поражений» фактически стоят на стороне буржуазии и оппортунистов, «не веря» в возможность интернациональных революционных действий рабочего класса против своих правительств, *не желая* помогать развитию таких действий — задаче, бесспорно, не легкой, но единственно достойной пролетария, единственно социалистической задаче. Именно пролетариат самой отсталой из воюющих великих держав должен был, особенно перед лицом позорной измены немецких и французских социал-демократов, в лице своей партии выступить с революционной тактикой, которая абсолютно невозможна без «содействия поражению» своего правительства, но которая одна только ведет к европейской революции, к прочному миру социализма, к избавлению человечества от ужасов, бедствий, одичания, озверения, царящих ныне.

«Социал-Демократ» № 43,
26 июля 1915 г.

Печатается по тексту газеты
«Социал-Демократ»

О ПОЛОЖЕНИИ ДЕЛ В РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

Вторые номера «Известий» ОК и «Нашего Дела» разъясняют это положение с сугубой назидательностью и наглядностью. Оба издания, каждое по-своему, соответственно различию мест их выхода в свет и их политическому назначению, твердой поступью идут по пути упрочения социал-шовинизма.

«Наше Дело» не только не сообщает ни о каких разногласиях или оттенках внутри редакции, не только не берет ни малейшей нотки против «потресовщины», а напротив, в специальном заявлении «от редакции» (с. 19) солидаризируется с потресовщиной, объявляет, что «интернационализм» требует именно «ориентировки в международном положении» в смысле решения того, успех *какой* буржуазии в теперешней войне желательнее для пролетариата. Это значит, что в основном и существенном *вся* редакция социал-шовинистична. А в добавление к этому редакция, расходясь с Каутским только в оттенках социал-шовинизма, расхваливает, как «блестящую», «исчерпывающую», «теоретически ценную» брошюру Каутского, целиком посвященную его интернациональному оправданию. Кто не хочет закрывать глаза, тот не может не видеть, что редакция «Нашего Дела» таким образом, во-первых, освящает российский шовинизм, а во-вторых, выражает готовность к «амнистии» и примирению с интернациональным социал-шовинизмом.

В отделе «По России и за границей» излагаются взгляды Плеханова и Аксельрода, между которыми редакция (вполне правильно) не делает никакого различия. В специальном примечании опять-таки *от имени*

редакции (с. 103) заявляется, что взгляды Плеханова «во многих отношениях совпадают с взглядами» «Нашего Дела».

Картина яснее ясного. То «течение» легалистов, которое воплощено в «Нашем Деле» и которое, благодаря тысяче связей с либеральной буржуазией, одно из всего «брюссельского блока» было реальностью в России в 1910—1915 гг., вполне упрочило и завершило свое оппортунистическое развитие, благополучно дополнив ликвидаторство социал-шовинизмом. Действительная программа той группы, которая в январе 1912 г. исключена из нашей партии¹¹⁰, обогатилась еще одним, крайне важным, пунктом: проведение в рабочий класс идей, сводящихся к необходимости охранять и укреплять, хотя бы ценой войн, великодержавные преимущества и привилегии великорусских помещиков и буржуазии.

Прикрывать эту политическую реальность «левыми» фразами и якобы социал-демократической идеологией — таков настоящий политический смысл легальной деятельности фракции Чхеидзе и нелегальной — ОК. В идейном отношении лозунг: «ни побед, ни поражений», в практическом отношении борьба с «раскольничеством», проникающая собой решительно *все* статьи № 2 «Известий», особенно Мартова, Ионова и Машинадзе, — вот деловая и вполне правильная (с точки зрения оппортунистов) программа «мира» с «Нашим Делом» и Плехановым. Прочтите письмо «бывшего революционера» г. Алексинского в № 143 «Речи» (от 27 мая 1915 года) об «обороне страны», как «задаче демократии», — и вы увидите, что этот ретивый паж теперешнего шовиниста Плеханова вполне помирится с лозунгом «ни побед, ни поражений». Это — именно *общий* лозунг Плеханова, «Нашего Дела», Аксельрода и Косовского, Мартова и Семковского, между которыми, конечно (о, конечно!) останутся «законные оттенки» и «частные разногласия». Вся эта братия удовлетворяется идейно, в главном и основном, признавая общую почву «ни побед, ни поражений» (заметим в скобках: *чьих?* ясно: *теперешних правительств*, теперешних господствующих классов!). Практически-политически они удовлетворяются лозунгом «единства». Это означает *единство с «Нашим Делом»*, т. е. на деле полное примирение с тем, что в России «Наше Дело», при помощи фракции

Чхеидзе, будет попрежнему вести серьезную политику и серьезную (буржуазно-«серьезную») работу в массах, а за границей и в подполье ОК и К^о будут позволять себе делать «левые» оговорочки, говорить почти что революционные фразы и т. д., и т. п. Не будем делать себе иллюзий: брюссельский блок, который сразу распался и доказал тем, что в нем не было ничего кроме лицемерия, именно в силу этого очень пригоден для прикрытия политически гнилого положения. В июле 1914 года он служил для прикрытия «Нашей Зари» и «Северной Рабочей Газеты» посредством ни к чему не обязывающих почти-левых резолюций. В июле 1915 года нет еще «свидания друзей» и «протокола», но есть уже принципиальное согласие главных «актеров» на то, чтобы сообща прикрывать социалшовинизм «Нашего Дела», Плеханова и Аксельрода посредством тех или иных тоже почти-левых фраз. Прошел год — великий и тяжелый год в европейской истории. Обнаружилось, что нарыв национал-либеральной рабочей политики *задушил* большинство социал-демократических партий Европы, что он вполне созрел и в ликвидаторстве, — а «друзья», как музыканты в крыловском «Квартете», пресели с места на место и опять затянули хором фальшивыми голосами: единство, единство... (с «Нашим Делом»)!

Пример парижского «Нашего Слова» особенно поучителен для искренних сторонников «единства». № 2 «Известий» ОК нанес смертельный удар «Нашему Слову», и теперь его смерть (политическая или «физическая», это не важно) — вопрос только времени. «Известия» ОК № 2 «убили» «Наше Слово» простым заявлением, что Мартов (оказавшийся членом секретариата ОК, — видимо, его кооптировали «единогласно» Семковский и Аксельрод, должно быть, за согласие не повторять больше необдуманных фраз о «смерти» «Vorwärts'a») — Мартов и «добрая половина сотрудников «Нашего Слова», организационно примыкающих к ОК», *констатируют свою ошибку*, что они только по «наивности» (Мартов в роли *ingénu*** — это недурно) считали «Наше Слово» «общим органом русских интернационалистов», а на деле «Наше Слово» оказалось и «раскольническим», и «фракционным» (Семковский от себя добавляет: «анархо-синдикалистским»),

* — «Вперед». Ред.

** — наивного простака. Ред.

и «оправдывающимся перед ленинским «Социал-Демократом»».

Перед публикой выступили 3 части «Нашего Слова», безуспешно объединявшиеся 7 или 8 месяцев: 1) двое левых членов редакции (№ 107 «Нашего Слова»), искренно сочувствующих интернационализму и тяготеющих к «Социал-Демократу» (см. резолюцию приветствия им от Парижской секции нашей партии в № 122 «Нашего Слова»); 2) Мартов и «окисты» («добрая половина»); 3) Троцкий, который, как и всегда, ни в чем принципиально не согласен с социал-шовинистами, но *во всем практически* согласен с ними (благодаря, между прочим, «счастливному посредничеству» — кажется, это так называется на дипломатическом языке? — фракции Чхеидзе).

Перед искренними сторонниками единства встает вопрос: почему потерпело крах и расколосось «Наше Слово»? Обыкновенно расколы объясняются человеконенавистническим «раскольничеством» злых «ленинцев» (ст. Семковского в № 2 «Известий», Аксельрода в «Нашем Слове» и т. д., и т. п.). Но эти злые люди совсем не участвовали в «Нашем Слове» и по этой простой причине *не могли* расколиться или уйти оттуда.

В чем же дело? В случайности? Или в том, что невозможно и вредно единство социал-демократических рабочих с проводниками буржуазного влияния (фактически: агентами либеральной и шовинистской буржуазии) из «Нашего Дела»?

Пусть подумают об этом сторонники «единства».

В европейской социал-демократии за «единство» высказались теперь, несколько в иной обстановке и форме, Каутский и Гаазе, вкупе с самим Бернштейном. Почувяв, что массы влевет, эти «авторитеты» предлагают мир левым социал-демократам на молчаливом условии мира с Зиудекумами. Словесно отречься от «политики 4 августа», заклеить раскол национал-либеральной и социал-демократической рабочей политики какими-нибудь ни к чему не обязывающими (и в некоторых отношениях даже для Гинденбурга и Жоффра небезвыгодными) фразами о «мире» (лозунг мира как раз для этого подходит), платоническим осуждением аннексий и т. п. Такова, приблизительно, программа Каутского с Бернштейном, к которой не прочь склониться и французские социал-шовинисты, как видно

из некоторых ноток в «L'Humanité»*. Англичане из «Независимой рабочей партии», конечно, горой будут стоять за такую амнистию социал-шовинизму, прикрытую рядом поклонов влево. Разумеется, «окистам» и Троцкому сам бог велел уцепиться теперь за фалды Каутского и Бернштейна.

Мы считаем этот поворот влево вождя оппортунистов и вождя лицемерных шовинистов «радикального» лагеря — комедией, значение которой состоит в том, чтобы *спасти гнилое* в социал-демократии посредством поклона влево, чтобы укрепить фактически национал-либеральную рабочую политику ценой ничтожных словесных уступок «левым».

Объективное положение в Европе таково, что в массах растет разочарование, недовольство, протест, возмущение, революционное настроение, способное на известной ступени его развития невероятно быстро превратиться в действие. Вопрос стоит теперь на деле так и только так: помогать росту и развитию революционных действий против *своей* буржуазии и своего правительства или тормозить, тушить, успокаивать революционное настроение. Ради достижения второй цели либеральные буржуа и оппортунисты пойдут (и с точки зрения *их* интересов *должны* пойти) на какие угодно левые слова, на бездну обещаний разоружения, мира, отказа от аннексий, всяческих реформ, всего чего угодно, лишь бы помешать разрыву масс с *их* оппортунистическими вождями и переходу к все более и более серьезным революционным действиям.

Не верьте никаким велеречивым программам, — скажем мы массам, — полагайтесь на свои, массовые, революционные действия против своего правительства и своей буржуазии, старайтесь развить такие действия; вне гражданской войны за социализм нет спасения от одичания, нет возможности прогресса в Европе.

P. S. Настоящая статья была уже набрана, когда мы получили сборник г. Плеханова, «бывшего революционера» Г. Алексинского и К^о: «Война». Вот коллекция софизмов и лжи социал-шовинистов, выдающих грабительскую и реакционнейшую войну царизма за «справедливую», «оборонительную» и т. п.! Рекомендуем этот позорный

* — «Человечество». Ред.

букет лакейства перед царизмом вниманию всех, кто хочет серьезно разобраться в причинах краха II Интернационала. Между прочим интересно, что эти откровенные социал-шовинисты *вполне* довольны и Чхеидзе и всей его фракцией. Этой фракцией довольны и ОК, и Троцкий, и Плеханов с Алексинским и К^о, — естественная вещь, ибо фракция Чхеидзе доказала годами свое умение прикрывать оппортунистов и служить им.

Про РСДР Фракцию, ушедшую в Сибирь, гг. Плеханов и Алексинский лгут бесстыдно. Теперь уже недалеко, вероятно, время, когда можно будет документально опровергнуть лгунов.

«Социал-Демократ» № 43,
26 июля 1915 г.

Печатается по тексту газеты
«Социал-Демократ»

К ОЦЕНКЕ ЛОЗУНГА «МИР»

Венская «Рабочая Газета», центральный орган австрийских с.-д. от 27/VI 1915, приводит одно поучительное заявление правительственной газеты Германии («Norddeutsche Allgemeine Zeitung» *).

Речь идет о статье одного из виднейших (и подлейших) оппортунистов «с.-д.» партии Германии, Кварка, который, между прочим, сказал: «Мы, немецкие с.-д., и наши австрийские товарищи, заявляем непрерывно, что мы вполне готовы вступить в сношения (с английскими и французскими с.-д.) для начала переговоров о мире. *Немецкое императорское правительство знает об этом и не ставит нам ни малейших препятствий*».

По поводу этих слов одна национал-либеральная газета Германии (Nationalliberale Korrespondenz **) писала, что они допускают двойное толкование. Первое: что правительство не ставит препятствий «интернациональным политическим действиям» с.-д., поскольку они не выходят из рамок законности и «не опасны для государства». Это вполне понятно с точки зрения «политической свободы».

Второе: что правительство Германии «по меньшей мере молча одобряет с.-д. интернациональную пропаганду мира и что оно даже считает ее подходящим средством для создания первоначальной базы для обсуждения возможности мира».

Разумеется, национально-либеральная газета считает второе толкование невозможным, и правительственная

* — «Северо-Германская Всеобщая Газета». Ред.

** — Национал-Либеральная Корреспонденция. Ред.

газета официально присоединяется к ней, заявляя вдобавок, что «правительство не имеет ничего общего с интернациональной пропагандой мира и что оно не концессионрует для этой цели ни социал-демократических, ни иных каких посредников».

Поучительная комедия, не правда ли? Кто поверит, что правительство Германии, запретившее «Vorwärts'у»* писать о классовой борьбе, правительство, введшее военные строгости против народных собраний и настоящее «восное рабство» пролетариев, что это правительство из либерализма «не ставит препятствий» господам Кваркам и Зюдекумам? что оно не находится в постоянных сношениях с этими господами?

Не правдоподобнее ли в тысячу раз, что Кварк нечаянно сказал правду (т. е. что пропаганда мира начата немецкими с.-д. по прямому или косвенному уговору с их правительством) и что его «официально опровергли» именно для сокрытия правды?

Урок тем любителям фразы, которые, подобно Троцкому (см. № 105 «Нашего Слова»), защищают против нас лозунг мира, ссылаясь, между прочим, на то, что «все левые» объединялись будто бы «действительно» именно под этим лозунгом! Правительство юнкеров доказало теперь правильность нашей бернской революции (№ 40 «С.-Д.»), сказавшей, что пропаганда мира, «не сопровождающаяся призывом к революционным действиям масс», способна лишь «сеять иллюзии» и «делать пролетариат *игрушкой в руках тайной дипломатии воюющих стран***».

Это подтверждается буквально!

Дипломатическая история докажет через несколько лет, что прямой или косвенный уговор между оппортунистами и правительствами о болтовне в пользу мира был и не только в Германии! Такие вещи дипломатия скрывает, но шила в мешке не утаишь.

Когда левые начинали объединяться под лозунгом мир, это можно было поощрять, *если* в этом выражался *первый шаг* протеста против шовинистов, — как темный русский рабочий в гапонде выражал робкий протест против царя. Но поскольку левые ограничиваются и теперь этим *лозун-*

* — «Вперед». Ред.

** См. настоящий том, стр. 144. Ред.

гом (лозунги — дело *сознательных* политиков), постольку они самые плохенькие левые, постольку в их революциях *нет ни грама именно «действенности»*, постольку они — игрушка в руках Зюдекумов, Кварков, Самба, Гайндманов, Жоффра и Гинденбурга.

Кто не понимает этого даже теперь, когда лозунг мира («не сопровождающийся призывом к революционным действиям масс») протитуирован пенской конференцией¹¹¹, Бернштейном + Каутским с К^о и Шейдеманами (немецкий «форштанд» = ЦК), тот — просто бессознательный участник в социал-шовинистском надувательстве народа.

Написано в июле — августе 1915 г.

Впервые напечатано в 1924 г. в журнале «Пролетарская Революция» № 5 (28)

Печатается по рукописи

ВОПРОС О МИРЕ

Вопрос о мире, как злободневной программе социалистов, а в связи с ним и вопрос об условиях мира, интересует всех. Нельзя не выразить признательности газете «Berger Tagwacht»* по поводу того, что в ней мы встречаем попытки поставить этот вопрос не с обычной, мелкобуржуазно-национальной, а с действительно пролетарской, интернациональной, точки зрения. Превосходно было замечание редакции в № 73 («Friedenssehnsucht»**), что немецкие с.-д., желающие мира, должны порвать (sich lossagen) с политикой юнкерского правительства. Превосходно было выступление тов. А. П.¹¹² (№№ 73 и 75) против «важничанья бессильных краснобаев» (Wichtigtuerei machtloser Schönredner), тщетно пытающихся с мелкобуржуазной точки зрения решить вопрос о мире.

Посмотрим, как должны ставить этот вопрос социалисты.

Лозунг мира можно ставить или в связи с определенными условиями мира или без всяких условий, как борьбу не за определенный мир, а за мир вообще (Frieden ohne weiters). Ясно, что в последнем случае перед нами не только не социалистический лозунг, но и вообще совершенно бессодержательный, бессмысленный лозунг. За мир вообще стоят безусловно все вплоть до Китченера, Жоффра, Гинденбурга и Николая Кровавого, ибо *каждый* из них желает кончить войну: — вопрос именно в том, что каждый ставит империалистские (т. е. грабительские, угнетающие чужие народы) условия мира в пользу «своей» нации.

* — «Германский Часовой». Ред.

** — «Жанда мира». Ред.

Лозунги надо ставить для того, чтобы в пропаганде и агитации разъяснить массам непримиримое различие между социализмом и капитализмом (империализмом), а не для того, чтобы *примирять* два враждебных класса и две враждебные политики посредством такого словечка, которое «объединяет» самые различные вещи.

Далее. Возможно ли объединить социалистов разных стран на известных *условиях* мира? Если да, то в числе этих условий безусловно должно быть признание права на самоопределение за всеми нациями и отказ от всяких «аннексий», т. е. нарушений этого права. Но если признавать это право только за *некоторыми* нациями, то это значит защищать *привилегии* известных наций, т. е. быть националистом и империалистом, а не социалистом. Если же признавать это право за *всеми* нациями, то целься выделять, напр., одну Бельгию, а надо брать *все* угнетенные народы и в Европе (ирландцев в Англии, итальянцев в Ницце, датчан и т. д. в Германии, 57% населения России и пр.) и *вне Европы*, т. е. все колонии. Тов. А. П. весьма кстати напомнил о них. Англия, Франция и Германия вместе имеют около 150 млн. населения, а угнетают они в колониях свыше 400 млн. населения! Сущность империалистской войны, т. е. войны ради интересов капиталистов, состоит не только в том, что войну ведут ради угнетения новых наций, ради дележа колоний, но и в том, что войну ведут, главным образом, передовые нации, *угнетающие* ряд других народов, угнетающие *большую часть* населения земли.

Немецкие с.-д., которые оправдывают захват Бельгии или мирятся с ним, на деле не с.-д., а империалисты и националисты, ибо они защищают «право» немецкой буржуазии (а частью и немецких рабочих) угнетать бельгийцев, эльзасцев, датчан, поляков, негров в Африке и т. д. Это не социалисты, а *прислужники* немецкой буржуазии, помогающие ей грабить чужие нации. Но и бельгийские социалисты, выставляющие *только* одно требование: освободить и вознаградить Бельгию, защищают на деле требование бельгийской буржуазии, желающей попрежнему грабить 15 млн. населения в Конго и получать концессии и привилегии в других странах. Бельгийские буржуа вложили за границей около 3 миллиардов франков; охрана прибылей с этих миллиардов путем всяческих

обманов и пройдохств — вот каков *на деле* «национальный интерес» «героической Бельгии». То же самое относится — и еще в гораздо более сильной степени — к России, Англии, Франции, Японии.

Следовательно, если требование свободы наций не есть лживая фраза, прикрывающая империализм и национализм *некоторых отдельных стран*, то оно должно быть распространено на *все народы* и на *все колонии*. А такое требование явно бессодержательно *без ряда революций во всех передовых странах*. Мало того. Оно неосуществимо без успешной *социалистической революции*.

Значит ли это, что социалисты могут равнодушно относиться к требованию мира все более и более широкими массами? Отнюдь нет. Одно дело — лозунги сознательного авангарда рабочих, другое дело — стихийные требования масс. Стремление к миру есть один из важнейших *симптомов начинающегося разочарования* в буржуазной лжи насчет «освободительных» целей войны, насчет «защиты отечества» и прочих обманов черни классом капиталистов. К этому симптому социалисты должны относиться с величайшим вниманием. Все усилия надо направить на то, чтобы *использовать* настроение масс в пользу мира. Но *как* использовать? Признавать лозунг мира и повторять его было бы поощрением «важничанья бессильных (а чаще еще хуже: *лицемерных*) краснобаев». Это был бы *обман* народа иллюзией, будто теперешние правительства, теперешние командующие классы *способны*, без «обучения» (или, вернее, устранения) их рядом революций, на мир, сколько-нибудь удовлетворяющий демократию и рабочий класс. Нет ничего вреднее этого обмана. Нет ничего более засоряющего глаза рабочих, внушающего им обманчивую мысль о *неглубоком* противоречии капитализма и социализма, нет ничего более *прикрашивающего* капиталистическое рабство. Нет, мы должны использовать настроение в пользу мира для разъяснения массам, что те блага, коих они ждут от мира, невозможны без ряда революций.

Окончание войн, мир между народами, прекращение грабежей и насилий — именно наш идеал, но только буржуазные софисты могут обольщать им массы, отрывая этот идеал от немедленной, прямой проповеди революционных действий. Почва для такой проповеди есть;

чтобы вести ее, надо лишь порвать с союзниками буржуазии, оппортунистами, которые и прямо (вплоть даже до доносов) и косвенно мешают революционной работе.

Лозунг самоопределения наций равным образом должен быть ставим *в связи* с империалистской эпохой капитализма. Мы не за *status quo**, не за мещанскую утопию *отстранения* от великих войн. Мы за революционную борьбу против империализма, т. е. капитализма. Империализм состоит именно в стремлении наций, угнетающих ряд чужих наций, расширить и укрепить это угнетение, переделить колонии. Поэтому *воздь* вопроса о самоопределении наций состоит в нашу эпоху именно в поведении социалистов *угнетающих* наций. Тот социалист угнетающей нации (Англии, Франции, Германии, Японии, России, Соед. Штатов и пр.), который не признает и не отстаивает права угнетенных наций на самоопределение (т. е. на свободное отделение), на деле не социалист, а шовинист.

Только такая точка зрения приводит к *вельщмерной*, к *последовательной* борьбе с империализмом, — к пролетарской, а не мещанской постановке (в нашу эпоху) национального вопроса. Только такая точка зрения проводит последовательно принцип борьбы со всяким угнетением наций, устраняет недоверие между пролетариями угнетающих и угнетенных наций, ведет к солидарной, интернациональной борьбе за социалистическую революцию (т. е. за единственно осуществимый режим полного национального равноправия), а не за мещанскую утопию свободы всех мелких государств вообще при капитализме.

Именно на этой точке зрения стоит наша партия, т. е. примыкающие к ЦК с.-д-ты России. Именно на этой точке зрения стоял Маркс, учивший пролетариат тому, что «не может быть свободен народ, угнетающий другие народы». Маркс требовал отделения Ирландии от Англии именно с этой точки зрения, с точки зрения интересов освободительного движения *английских* (не только ирландских) рабочих.

Если социалисты Англии не признают и не отстаивают права на отделение Ирландии, французы — итальянской Ниццы, немцы — Эльзаса-Лотарингии, датского Шлезвига, Польши, русские — Польши, Финляндии, Украины и пр.,

* — прежнее положение. *Ред.*

поляки — Украины, если все социалисты «великих», т. е. совершающих великие грабежи, держав не отстаивают это же право по отношению к колониям, то это именно потому и только потому, что они на деле империалисты, а не социалисты. И смешно делать себе иллюзии, будто способны на социалистическую политику такие люди, которые не отстаивают «права на самоопределение» угнетенных наций, принадлежа сами к угнетающим нациям.

Вместо того, чтобы предоставлять лицемерным краснобаям обманывать народ фразами и посулами насчет возможности демократического мира, социалисты должны разъяснять массам невозможность сколько-нибудь демократического мира без ряда революций и без революционной борьбы в каждой стране со своим правительством. Вместо того, чтобы позволять буржуазным политикам обманывать народы фразами о свободе наций, — социалисты должны разъяснять массам *угнетающих* наций безнадежность их освобождения, если они будут помогать угнетению других наций, если не будут признавать и отстаивать права этих наций на самоопределение, т. е. на свободное отделение. Вот общая для всех стран социалистическая, а не империалистская политика в вопросе о мире и в национальном вопросе. Эта политика, правда, несовместима большей частью с законами о государственной измене, — но с этими законами несовместима и Базельская резолюция, которой так позорно изменили почти все социалисты угнетающих наций.

Надо выбирать: за социализм или за подчинение законам гг. Жоффра и Гинденбурга, — за революционную борьбу или за лакейство перед империализмом. Средин тут нет. И величайший вред приносят пролетариату лицемерные (или тупые) сочинители политики «средней линии».

Написано в июле — августе 1915 г.

Подпись: Ленин

Впервые напечатано в 1924 г. в журнале «Пролетарская Революция» № 5 (28) без подписи

Печатается по рукописи

СОЦИАЛИЗМ И ВОЙНА

(ОТНОШЕНИЕ РСДРП К ВОЙНЕ)¹¹³

Написано в июле — августе 1915 г.

*Напечатано осенью 1915 г.
отдельной брошюрой в изд. редакции
газеты «Социал-Демократ», Женевы*

Печатается по тексту брошюры

ПРЕДИСЛОВИЕ
К 1-му (ЗАГРАНИЧНОМУ) ИЗДАНИЮ

Война длится уже год. Наша партия определила свое отношение к ней в самом начале ее, в манифесте ЦК, составленном в сентябре 1914 г. и напечатанном (после посылки его членам ЦК и ответственным представителям нашей партии в России и получения от них согласия) 1-го ноября 1914 г. в № 33 Центрального Органа нашей партии «Социал-Демократа»*. Затем в № 40 (29 марта 1915 г.) были напечатаны резолюции Бернской конференции**, дающие более точное изложение наших принципов и нашей тактики.

В настоящее время в России явно растет революционное настроение в массах. В других странах замечаются повсюду признаки такого же явления, несмотря на придушение революционных стремлений пролетариата большинством официальных с.-д. партий, ставших на сторону своих правительств и своей буржуазии. Такое положение вещей делает особенно настоятельным издание брошюры, подводящей итоги с.-д. тактике в отношении к войне. Перепечатывая полностью вышеуказанные партийные документы, мы снабжаем их короткими пояснениями, стараясь учесть все главные доводы за буржуазную и пролетарскую тактику, высказанные в литературе и в партийных собраниях.

---

* См. настоящий том, стр. 9—18. *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 137—142. *Ред.*

ПРЕДИСЛОВИЕ К 2-МУ ИЗДАНИЮ

Настоящая брошюра написана летом 1915 года перед самой Циммервальдской конференцией. Она вышла также на немецком и французском языках и была полностью перепечатана на норвежском языке в органе норвежской с.-д. молодежи. Немецкое издание брошюры ввозилось нелегально в Германию — в Берлин, Лейпциг, Бремен и др. города, где нелегально распространялось сторонниками Циммервальдской левой и группой Карла Либкнехта. Французское издание было нелегально напечатано в Париже и распространялось там французскими циммервальдистами. Русское издание попало в Россию в очень ограниченном количестве, и в Москве переписывалось рабочими от руки.

Мы перепечатываем теперь эту брошюру полностью, как документ. Читатель все время должен помнить, что брошюра написана в августе 1915 года. В особенности это следует помнить в тех местах, где речь идет о России: Россия была еще тогда царской, Романовской Россией...

Напечатано в брошюре изд. 1918 г.

Печатается по тексту брошюры

ГЛАВА I

ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛИЗМА И ВОЙНА 1914—1915 г.

ОТНОШЕНИЕ СОЦИАЛИСТОВ К ВОЙНАМ

Социалисты всегда осуждали войны между народами, как варварское и зверское дело. Но наше отношение к войне принципиально иное, чем буржуазных пацифистов (сторонников и проповедников мира) и анархистов. От первых мы отличаемся тем, что понимаем неизбежную связь войн с борьбой классов внутри страны, понимаем невозможность уничтожить войны без уничтожения классов и создания социализма, а также тем, что мы вполне признаем законность, прогрессивность и необходимость гражданских войн, т. е. войн угнетенного класса против угнетающего, рабов против рабовладельцев, крепостных крестьян против помещиков, наемных рабочих против буржуазии. И от пацифистов, и от анархистов мы, марксисты, отличаемся тем, что признаем необходимость исторического (с точки зрения диалектического материализма Маркса) изучения каждой войны в отдельности. В истории неоднократно бывали войны, которые, несмотря на все ужасы, зверства, бедствия и мучения, неизбежно связанные со всякой войной, были прогрессивны, т. е. приносили пользу развитию человечества, помогая разрушать особенно вредные и реакционные учреждения (напр., самодержавие или крепостничество), самые варварские в Европе деспотии (турецкую и русскую). Поэтому надо рассмотреть исторические особенности именно теперешней войны.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПЫ ВОЙН НОВОГО ВРЕМЕНИ

Новую эпоху в истории человечества открыла великая французская революция. С этих пор и до Парижской Коммуны, с 1789 до 1871 г., одним из типов войн были войны

буржуазно-прогрессивного, национально-освободительного характера. Другими словами, главным содержанием и историческим значением этих войн было свержение абсолютизма и феодализма, подрыв их, свержение чуженационального гнета. Поэтому то были прогрессивные войны, и все честные, революционные демократы, а также все социалисты, при *таких* войнах, всегда сочувствовали успеху той страны (т. е. той буржуазии), которая содействовала свержению или подрыву самых опасных устоев феодализма, абсолютизма и угнетения чужих народов. Напр., в революционных войнах Франции был элемент грабежа и завоевания чужих земель французами, но это несколько не меняет основного исторического значения этих войн, которые разрушали и потрясали феодализм и абсолютизм всей старой, крепостнической Европы. Во франко-прусской войне Германия ограбила Францию, но это не меняет основного исторического значения этой войны, освободившей десятки миллионов немецкого народа от феодального раздробления и угнетения двумя деспотами, русским царем и Наполеоном III.

РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ И ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ВОЙНОЙ

Эпоха 1789—1871 гг. оставила глубокие следы и революционные воспоминания. До свержения феодализма, абсолютизма и чуженационального гнета не могло быть и речи о развитии пролетарской борьбы за социализм. Говоря о законности «оборонительной» войны по отношению к войнам *такой* эпохи, социалисты всегда имели в виду именно эти цели, сводящиеся к революции против средневековья и крепостничества. Социалисты всегда понимали под «оборонительной» войной «справедливую» в этом смысле войну (В. Либкнехт однажды так и выразился). Только в этом смысле социалисты признавали и признают сейчас законность, прогрессивность, справедливость «защиты отечества» или «оборонительной» войны. Например, если бы завтра Марокко объявило войну Франции, Индия — Англии, Персия или Китай — России и т. п., это были бы «справедливые», «оборонительные» войны; *независимо* от того, кто первый напал, и всякий социалист сочувствовал бы победе угнетаемых, зависимых, неполно-

правных государств против угнетательских, рабовладельческих, грабительских «великих» держав.

Но представьте себе, что рабовладелец, имеющий 100 рабов, воюет с рабовладельцем, имеющим 200 рабов, за более «справедливый» передел рабов. Ясно, что применение к подобному случаю понятия «оборонительной» войны или «защиты отечества» было бы исторической фальшью и практически просто обманом простонародья, мещанства, темного люда ловкими рабовладельцами. Именно так и обманывает народы посредством «национальной» идеологии и понятия защиты отечества теперешняя, империалистическая буржуазия в современной войне между рабовладельцами за укрепление и усиление рабства.

ТЕПЕРЕШНЯЯ ВОЙНА ЕСТЬ ИМПЕРИАЛИСТСКАЯ ВОЙНА

Почти все признают теперешнюю войну империалистской, но большей частью искажают это понятие, или применяют его к одной стороне, или подсовывают все же возможность того, чтобы эта война имела буржуазно-прогрессивное, национально-освободительное значение. Империализм есть высшая ступень развития капитализма, достигнутая лишь в XX веке. Капитализму стало тесно в старых национальных государствах, без образования которых он не мог свергнуть феодализма. Капитализм настолько развил концентрацию, что целые отрасли промышленности захвачены синдикатами, трестами, союзами капиталистов-миллиардеров, и почти весь земной шар поделен между этими «владыками капитала», в форме ли колоний или посредством запутывания чужих стран тысячами нитей финансовой эксплуатации. Свободную торговлю и конкуренцию сменили стремления к монополии, к захвату земель для приложения капитала, для вывоза сырья и т. д. Мы освободителя наций, каким капитализм был в борьбе с феодализмом, империалистский капитализм стал величайшим угнетателем наций. Капитализм из прогрессивного стал реакционным, он развил производительные силы настолько, что человечеству предстоит либо перейти к социализму, либо годами и даже десятилетиями переживать вооруженную борьбу «великих» держав за искусственное сохранение капитализма посредством колоний, монополий, привилегий и национальных угнетений всяческого рода.

ВОЙНА МЕЖДУ КРУПНЕЙШИМИ РАБОВЛАДЕЛЬЦАМИ
ЗА СОХРАНЕНИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ РАБСТВА

Чтобы пояснить значение империализма, приведем точные данные о разделе мира т. наз. «великими» (то есть имеющими успех в великом грабеже) державами:

Раздел мира «великими» рабовладельческими державами:

«Великие» державы	Колонии				Метрополии		Всего	
	1876		1914		1914		квадратн. километр.	жителей
	квадратн. километр.	жителей	квадратн. километр.	жителей	квадратн. километр.	жителей		
	миллионы	миллионы	миллионы	миллионы	миллионы	миллионы	миллионы	
Англия.....	22,5	251,9	33,5	393,5	0,3	46,5	33,8	440,0
Россия.....	17,0	15,9	17,4	33,2	5,4	136,2	22,8	169,4
Франция.....	0,9	6,0	10,6	55,5	0,5	39,6	11,1	95,1
Германия.....	—	—	2,9	12,3	0,5	64,9	3,4	77,2
Япония.....	—	—	0,3	19,2	0,4	53,0	0,7	72,2
С. Штаты С. Аме- рики.....	—	—	0,3	9,7	9,4	97,0	9,7	106,7
Шесть «великих» держав.....	40,4	273,8	65,0	523,4	16,5	437,2	81,5	960,6
Колонии, принад- лежащие не ве- ликим держа- вам (а Бельгии, Голландии и друг. государ- ствам).....			9,9	45,3			9,9	45,3
Три страны «полуколоний» (Турция, Китай и Персия)							14,5	361,2
							Итого.....	105,9 1367,1
Остальные государства и страны.....							28,0	289,9
Весь земной шар (без полярной области).....							133,9	1657,0

Отсюда видно, как народы, боровшиеся большей частью во главе других за свободу в 1789—1871 гг., превратились теперь, после 1876-го года, на почве высокоразвитого и «перезрелого» капитализма, в угнетателей и поработителей большинства народонаселения и наций всего земного

шара. С 1876 по 1914 г. шесть «великих» держав награбили 25 миллионов кв. километров, т. е. пространство в $2\frac{1}{2}$ раза больше всей Европы! Шесть держав поработают *своими полумиллиарда* (523 миллиона) населения в колониях. На каждые 4 жителя «великих» держав приходится по 5 жителей в «их» колониях. И всем известно, что колонии завоеваны огнем и мечом, что в колониях зверски обращаются с населением, что его эксплуатируют тысячами способов (посредством вывоза капитала, концессий и т. п., обмана при продаже товаров, подчинения властям «господствующей» нации и так далее и тому подобное). Англо-французская буржуазия обманывает народ, говоря, что ведет войну за свободу народов и Бельгии: на деле она ведет войну ради сохранения награбленных ею непомерно колоний. Германские империалисты сразу освободили бы Бельгию и пр., если бы англичане и французы «по-божески» поделили с ними свои колонии. Своеобразие положения заключается в том, что в этой войне судьбы колоний решаются войной на континенте. С точки зрения буржуазной справедливости и национальной свободы (или права наций на существование) Германия безусловно была бы права против Англии и Франции, ибо она «обделена» колониями, ее враги угнетают несравненно больше наций, чем она, а у ее союзника, Австрии, угнетенные славяне пользуются, несомненно, большей свободой, чем в царской России, этой настоящей «тюрьме народов». Но Германия сама воюет не за освобождение, а за угнетение наций. Не дело социалистов помогать более молодому и сильному разбойнику (Германии) грабить более старых и обожравшихся разбойников. Социалисты должны воспользоваться борьбой между разбойниками, чтобы свергнуть всех их. Для этого социалисты должны прежде всего говорить народу правду, именно, что эта война в тройном смысле есть война рабовладельцев за укрепление рабства. Это есть война, во-1-х, за укрепление рабства колоний посредством более «справедливого» раздела и дальнейшей более «дружной» эксплуатации их; во-2-х, за укрепление гнета над чужими нациями в самих «великих» державах, ибо и Австрия и Россия (Россия гораздо больше и гораздо хуже, чем Австрия) держатся только таким гнетом, усиливая его войной; в-3-х, за укрепление и продление насмного рабства, ибо пролетариат расколот и придавлен,

а капиталисты выигрывают, наживаясь на войне, растравляя национальные предрассудки и усиливая реакцию, которая подняла голову во всех, даже самых свободных и республиканских странах.

«ВОЙНА ЕСТЬ ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОЛИТИКИ ИНЫМИ»
(ИМЕННО: НАСИЛЬСТВЕННЫМИ) «СРЕДСТВАМИ»¹¹¹

Это знаменитое изречение принадлежит одному из самых глубоких писателей по военным вопросам, Клаузевицу. Марксисты справедливо считали всегда это положение теоретической основой взглядов на значение каждой данной войны. Маркс и Энгельс всегда именно с этой точки зрения смотрели на различные войны.

Примените этот взгляд к теперешней войне. Вы увидите, что в течение десятилетий, почти полувека, правительства и господствующие классы и Англии, и Франции, и Германии, и Италии, и Австрии, и России вели политику грабежа колоний, угнетения чужих наций, подавления рабочего движения. Именно такая политика, только такая, продолжается в теперешней войне. В частности, и в Австрии и в России политика как мирного, так и военного времени состоит в порабощении наций, а не в освобождении их. Наоборот, в Китае, Персии, Индии и других зависимых странах мы видим в течение последних десятилетий политику пробуждения к национальной жизни десятков и сотен миллионов людей, освобождения их от гнета реакционных «великих» держав. Война на такой исторической почве может быть и теперь буржуазно-прогрессивной, национально-освободительной.

Достаточно взглянуть на теперешнюю войну с точки зрения продолжения в ней политики «великих» держав и основных классов внутри них, чтобы сразу увидеть вопиющую антиисторичность, лживость и лицемерность того мнения, будто можно оправдывать идею «обороны отечества» в данной войне.

ПРИМЕР БЕЛЬГИИ

Социал-шовинисты тройственного (теперь четверного) соглашения (в России Плеханов и К^о) больше всего любят ссылаться на пример Бельгии. Но этот пример говорит против них. Германские империалисты бесстыдно нарушили нейтралитет Бельгии, как делали всегда и везде

воюющие государства, попиравшие в случае надобности все договоры и обязательства. Допустим, что все государства, заинтересованные в соблюдении международных договоров, объявили бы войну Германии с требованием освобождения и вознаграждения Бельгии. В этом случае сочувствие социалистов было бы, конечно, на стороне врагов Германии. Однако, дело как раз в том, что война ведется «тройственным (и четверным) согласием» не из-за Бельгии: это прекрасно известно, и лишь лицемеры скрывают это. Англия грабит колонии Германии и Турцию, Россия — Галицию и Турцию, Франция добывается Эльзаса-Лотарингии и даже левого берега Рейна; с Италией заключен договор о дележе добычи (Албании, Малой Азии); с Болгарией и Румынией идет торг тоже из-за дележа добычи. На почве теперешней войны теперешних правительств нельзя помочь Бельгии иначе как помогая душить Австрию или Турцию и т. д. При чем же тут «защита отечества»? В этом-то и состоит особенность империалистской войны, войны между реакционно-буржуазными, исторически пережившими себя, правительствами, ведомой ради угнетения иных наций. Кто оправдывает участие в данной войне, тот увековечивает империалистское угнетение наций. Кто проповедует использование теперешних затруднений правительств для борьбы за социальную революцию, тот отстаивает действительную свободу действительно всех наций, осуществимую лишь при социализме.

ЗА ЧТО ВОЮЕТ РОССИЯ?

В России капиталистический империализм новейшего типа вполне показал себя в политике царизма по отношению к Персии, Манчжурии, Монголии, но вообще в России преобладает военный и феодальный империализм. Нигде в мире нет такого угнетения большинства населения страны, как в России: великороссы составляют только 43% населения, т. е. менее половины, а все остальные бесправны, как инородцы. Из 170 миллионов населения России около 100 миллионов угнетены и бесправны. Царизм ведет войну для захвата Галиции и окончательного придушения свободы украинцев, для захвата Армении, Константинополя и т. д. Царизм видит в войне средство отвлечь внимание от роста недовольства внутри страны

и подавить растущее революционное движение. Теперь на двух великороссов в России приходится от двух до трех бесправных «инородцев»: посредством войны царизм стремится увеличить количество угнетаемых Россией наций, упрочить их угнетение и тем подорвать борьбу за свободу и самих великороссов. Возможность угнетать и грабить чужие народы укрепляет экономический застой, ибо вместо развития производительных сил источником доходов является нередко полуфеодалная эксплуатация «инородцев». Таким образом со стороны России война отличается сугубой реакционностью и противоосвободительным характером.

ЧТО ТАКОЕ СОЦИАЛ-ШОВИНИЗМ?

Социал-шовинизм есть защита идеи «обороны отечества» в данной войне. Из этой идеи вытекает, далее, отказ от классовой борьбы во время войны, вотиrowание военных кредитов и т. п. На деле социал-шовинисты проводят антипролетарскую, буржуазную политику, ибо на деле отстаивают они не «оборону отечества» в смысле борьбы с чуженациональным гнетом, а «право» тех или иных «великих» держав грабить колонии и угнетать чужие народы. Социал-шовинисты повторяют буржуазный обман народа, будто война ведется из-за защиты свободы и существования наций, и тем переходят на сторону буржуазии против пролетариата. К социал-шовинистам принадлежат как те, которые оправдывают и прикрашивают правительства и буржуазию *одной* из воюющих групп держав, так и те, кто, подобно Каутскому, признают одинаковое право социалистов во *всех* воюющих державах «защищать отечество». Социал-шовинизм, будучи на деле защитой привилегий, преимуществ, грабежей и насилий «своей» (или всякой вообще) империалистской буржуазии, представляет из себя полную измену всем социалистическим убеждениям и решению Международного социалистического конгресса в Базеле.

БАЗЕЛЬСКИЙ МАНИФЕСТ

Манифест о войне, принятый единогласно в 1912 г. в Базеле, имеет в виду как раз ту войну между Англией и Германией с их теперешними союзниками, которая и разразилась в 1914 г. Манифест прямо заявляет, что никакой

народный интерес не может оправдать такой войны, ведущейся «ради прибылей капиталистов и выгод династий» на почве империалистской, грабительской политики великих держав. Манифест прямо заявляет, что война опасна «для правительств» (всех без исключения), отмечает их боязнь «пролетарской революции», указывает с полнейшей определенностью на пример Коммуны 1871 г. и октября—декабря 1905 г., т. е. на пример революции и гражданской войны. Таким образом Базельский манифест как раз для данной войны устанавливает тактику революционной борьбы рабочих в интернациональном масштабе против своих правительств, тактику пролетарской революции. Базельский манифест повторяет слова Штутгартской резолюции, что, в случае наступления войны, социалисты должны использовать создаваемый ею «экономический и политический кризис» для «ускорения падения капитализма», т. е. использовать созданные войной затруднения правительств и возмущение масс для социалистической революции.

Политика социал-шовинистов, их оправдание войны с буржуазно освободительных точек зрения, их допущение «защиты отечества», голосование за кредиты, вступления в министерства и проч. и проч. есть прямая измена социализму, объясняемая лишь, как увидим ниже, победой оппортунизма и национал-либеральной рабочей политики внутри большинства европейских партий.

ЛОЖНЫЕ ССЫЛКИ НА МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА

Социал-шовинисты русские (с Плехановым во главе) ссылаются на тактику Маркса в войне 1870 г.; — немецкие (типа Ленча, Давида и К^о) на заявления Энгельса в 1891 г. об обязательности для немецких социалистов защищать отечество в случае войны с Россией и Францией вместе; — наконец, социал-шовинисты типа Каутского, желающие примирить и узаконить интернациональный шовинизм, ссылаются на то, что Маркс и Энгельс, осуждая войны, становились тем не менее постоянно, от 1854—1855 до 1870—1871 и 1876—1877 гг., на сторону того или иного воюющего государства, раз война все же разразилась.

Все эти ссылки представляют из себя возмутительное искажение взглядов Маркса и Энгельса в угоду буржуазии и оппортунистам, точно так же, как писания анархистов

Гильома и К^о искажают взгляды Маркса и Энгельса для оправдания анархизма. Война 1870—1871 года была исторически-прогрессивной со стороны Германии, пока не был побежден Наполеон III, ибо он, вместе с царем, долгие годы угнетал Германию, поддерживая в ней феодальное раздробление. И как только война перешла в грабеж Франции (аннексия Эльзаса и Лотарингии), Маркс и Энгельс решительно осудили немцев. Да и в начале этой войны Маркс и Энгельс одобряли отказ Бебеля и Либкнехта голосовать за кредиты и советовали с.-д. не сливаться с буржуазией, а отстаивать самостоятельные классовые интересы пролетариата. Перенесение оценки этой войны, буржуазно-прогрессивной и национально-освободительной, на современную империалистскую войну есть издевательство над истиной. То же относится с еще большей силой к войне 1854—1855 гг. и всем войнам XIX века, когда не было *ни* современного империализма, *ни* созревших объективных условий социализма, *ни* массовых социалистических партий во *всех* воюющих странах, т. е. не было именно тех условий, из которых Базельский манифест выводил тактику «пролетарской революции» в связи с войной между великими державами.

Кто ссылается теперь на отношение Маркса к войнам эпохи *прогрессивной* буржуазии и забывает о словах Маркса: «рабочие не имеют отечества» — словах, относящихся *именно* к эпохе реакционной, отжившей буржуазии, к эпохе социалистической революции, тот бесстыдно искажает Маркса и подменяет социалистическую точку зрения буржуазной.

КРАХ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Социалисты всего мира торжественно заявили в 1912 г. в Базеле, что они считают грядущую европейскую войну «преступным» и реакционнейшим делом *всех* правительств, которое должно ускорить крушение капитализма, неминуемо порождая революцию против него. Наступила война, наступил кризис. Вместо революционной тактики большинство с.-д. партий повело реакционную, становясь на сторону своих правительств и своей буржуазии. Эта измена социализму означает крах II (1889—1914) Интернационала, и мы должны дать себе отчет в том, чем вызван этот крах, чем порожден социал-шовинизм, что дало ему силу.

СОЦИАЛ-ШОВИНИЗМ ЕСТЬ ЗАКОНЧЕННЫЙ ОПОРТУНИЗМ

В течение всей эпохи II Интернационала повсюду шла борьба внутри с.-д. партий между революционным и оппортунистическим крылом. В ряде стран был раскол по этой линии (Англия, Италия, Голландия, Болгария). Ни один марксист не сомневался в том, что оппортунизм выражает буржуазную политику в рабочем движении, выражает интересы мелкой буржуазии и союза ничтожной части обуржуазившихся рабочих с «своей» буржуазией против интересов массы пролетариев, массы угнетенных.

Объективные условия конца XIX века особенно усиливали оппортунизм, превращая использование буржуазной легальности в раболепство перед ней, создавая маленький слой бюрократии и аристократии рабочего класса, привлекая в ряды с.-д. партий много мелкобуржуазных «попутчиков».

Война ускорила развитие, превратив оппортунизм в социал-шовинизм, превратив тайный союз оппортунистов с буржуазией в открытый. При этом военные власти повсюду ввели военные положения и намордник для рабочей массы, старые вожди которой почти поголовно перешли к буржуазии.

Экономическая основа оппортунизма и социал-шовинизма одна и та же: интересы ничтожного слоя привилегированных рабочих и мелкой буржуазии, отстаивающих свое привилегированное положение, свое «право» на крохи прибылей, полученных «их» национальной буржуазией от грабежа чужих наций, от выгод ее великодержавного положения и т. д.

Идейно-политическое содержание оппортунизма и социал-шовинизма одно и то же: сотрудничество классов вместо борьбы их, отказ от революционных средств борьбы, помощь «своему» правительству в затруднительном его положении вместо использования его затруднений для революции. Если взять все европейские страны в целом, если обратить внимание не на отдельных лиц (хотя бы и самых авторитетных), то окажется, что именно оппортунистическое течение стало главным оплотом социал-шовинизма, а из лагеря революционеров почти повсюду раздается более или менее последовательный протест против него. И если взять, например, группировку направленной на

Штутгартском международном социалистическом конгрессе 1907 г., то окажется, что международный марксизм был против империализма, а международный оппортунизм уже тогда был за него.

ЕДИНСТВО С ОППОРТУНИСТАМИ ЕСТЬ СОЮЗ РАБОЧИХ СО «СВОЕЙ» НАЦИОНАЛЬНОЙ БУРЖУАЗИЕЙ И РАСКОЛ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО РАБОЧЕГО КЛАССА

В прошлую эпоху, до войны, оппортунизм считался нередко хотя и «уклонением», «крайностью», но все же законной составной частью с.-д. партии. Война показала невозможность этого в будущем. Оппортунизм «дозрел», довел до конца свою роль эмиссара буржуазии в рабочем движении. Единство с оппортунистами стало сплошным лицемерием, пример которого мы видим в германской с.-д. партии. Оппортунисты во всех важных случаях (например, при голосовании 4 августа) являются со своим ультиматумом, проводя его в жизнь при помощи своих многочисленных связей с буржуазией, своего большинства в правлениях профессиональных союзов и т. д. *Единство* с оппортунистами означает теперь *на деле* подчинение рабочего класса «своей» национальной буржуазии, союз с ней для угнетения чужих наций и для борьбы за великодержавные привилегии, будучи *расколом* революционного пролетариата всех стран.

Как бы ни тяжела была в отдельных случаях борьба с господствующими во многих организациях оппортунистами, как бы своеобразен ни был в отдельных странах процесс очищения рабочих партий от оппортунистов, этот процесс неизбежен и плодотворен. Социализм реформистский умирает; социализм возрождающийся «будет революционным, непримиримым, повстанческим», по верному выражению французского социалиста Павла Голэя.

«КАУТСКИАНСТВО»

Каутский, наибольший авторитет II Интернационала, представляет из себя в высшей степени типичный и яркий пример того, как словесное признание марксизма привело на деле к превращению его в «струвизм» или в «брентанизм»¹¹⁵. Мы видим это и на примере Плеханова. Из марксизма явными софизмами выхолащивают его революционную живую душу, в марксизме признают *все, кроме*

революционных средств борьбы, проповеди и подготовки их, воспитания масс именно в этом направлении. Каутский безидейно «примиряет» основную мысль социал-шовинизма, признание защиты отечества в данной войне, с дипломатической, показной уступкой левым в виде воздержания при голосовании кредитов, словесного признания своей оппозиционности и т. п. Каутский, в 1909 году писавший целую книгу о приближении эпохи революций и о связи войны с революцией, Каутский, в 1912 году подписывавший Базельский манифест о революционном использовании грядущей войны, теперь на все лады оправдывает и прикрашивает социал-шовинизм и, подобно Плеханову, присоединяется к буржуазии для высмеивания всяких помыслов о революции, всяких шагов к непосредственно-революционной борьбе.

Рабочий класс не может осуществить своей всемирно-революционной роли, не ведя беспощадной войны с этим ренегатством, бесхарактерностью, прислужничеством оппортунизму и беспримерным теоретическим опошлением марксизма. Каутскианство не случайность, а социальный продукт противоречий II Интернационала, соединения верности марксизму на словах и подчинения оппортунизму на деле.

В разных странах эта основная фальшь «каутскианства» проявляется в разных формах. В Голландии Роланд-Гольст, отвергая идею защиты отечества, отстаивает единство с партией оппортунистов. В России Троцкий, также отвергая эту идею, равным образом отстаивает единство с оппортунистической и шовинистской группой «Нашей Зари». В Румынии Раковский, объявляя войну оппортунизму, как виновнику краха Интернационала, в то же время готов признать законность идеи защиты отечества. Все это — проявления того зла, которое голландские марксисты (Гортер, Паннекук) назвали «пассивным радикализмом» и которое сводится к замене революционного марксизма эклектизмом в теории и к раболепству или бессилию перед оппортунизмом на практике.

ЛОЗУНГ МАРКСИСТОВ —
ЛОЗУНГ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

Война, несомненно, породила самый резкий кризис и обострила бедствия масс невероятно. Реакционный характер этой войны, бесстыдная ложь буржуазии *всех* стран,

прикрывающей свои грабительские цели «национальной» идеологией, все это на почве объективно-революционной ситуации неминуемо создает революционные настроения в массах. Наш долг — помочь осознать эти настроения, углубить и оформить их. Эту задачу правильно выражает лишь лозунг превращения империалистской войны в войну гражданскую, и всякая последовательная классовая борьба во время войны, всякая серьезно проводимая тактика «массовых действий» неминуемо ведет к этому. Нельзя знать, в связи с 1-ой или 2-ой империалистской войной великих держав, во время нее или после нее возгорится сильное революционное движение, но во всяком случае наш безусловный долг систематически и неуклонно работать именно в этом направлении.

Базельский манифест прямо ссылается на пример Парижской Коммуны, т. е. превращения войны правительств в войну гражданскую. Полвека тому назад пролетариат был слишком слаб, объективные условия социализма еще не назрели, соответствия и содействия революционных движений во всех воюющих странах быть не могло, увлечение части парижских рабочих «национальной идеологией» (традицией 1792 года) было мелкобуржуазной слабостью их, своевременно отмеченной Марксом, и одной из причин краха Коммуны. Полвека спустя после нее отпали ослаблявшие тогдашнюю революцию условия, и в настоящее время социалисту непростительно мириться с отказом от деятельности именно в духе парижских коммунаров.

ПРИМЕР БРАТАНЬЯ В ТРАНШЕЯХ

Буржуазные газеты всех воюющих стран приводили примеры братанья солдат воюющих наций даже в траншеях. А издание военными властями (Германии, Англии) драконовских указов против такого братанья доказало, что правительства и буржуазия придавали ему серьезное значение. Если при полном господстве оппортунизма в верхах с.-д. партий Западной Европы и при поддержке социал-шовинизма всей с.-д. прессой, всеми авторитетами II Интернационала, были возможны случаи братанья, то это показывает нам, насколько возможно было бы сократить теперешнюю преступную, реакционную и рабоче-владельческую войну и организовать революционное

интернациональное движение при систематической работе в этом направлении хотя бы только левых социалистов всех воюющих стран.

ЗНАЧЕНИЕ НЕЛЕГАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Виднейшие анархисты всего мира не менее, чем оппортунисты, опозорили себя социал-шовинизмом (в духе Плеханова и Каутского) в этой войне. Одним из полезных результатов ее будет, несомненно, то, что война эта убьет и оппортунизм и анархизм.

Не отказываясь ни в каком случае и ни при каких обстоятельствах от использования самой малейшей легальной возможности для организации масс и проповеди социализма, с.-д. партии должны порвать с раболепством перед легальностью. «Стреляйте первыми, господа буржуа»¹¹⁸, писал Энгельс, намекая именно на гражданскую войну и на необходимость нарушения легальности нами *после* того, как ее нарушит буржуазия. Кризис показал, что буржуазия нарушает ее во всех, даже самых свободных странах, и что нельзя вести к революции массы, не создавая нелегальной организации для проповеди, обсуждения, оценки, подготовки революционных средств борьбы. В Германии, например, все, что делается *честного* социалистами, делается против подлого оппортунизма и лицемерного «каутскианства» и делается именно нелегально. В Англии посылают на каторгу за печатные призывы не идти в войско.

Считать совместимым с принадлежностью к с.-д. партии отрицание нелегальных приемов пропаганды и высмеивание их в легальной печати есть измена социализму.

О ПОРАЖЕНИИ «СВОЕГО» ПРАВИТЕЛЬСТВА В ИМПЕРИАЛИСТСКОЙ ВОЙНЕ

Защитники победы своего правительства в данной войне, как и защитники лозунга «ни победы, ни поражения», одинаково стоят на точке зрения социал-шовинизма. Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своего правительства, не может не видеть связи его военных неудач с облегчением низвержения его. Только буржуа, верящий, что война, начатая правительствами, непременно кончится, как война между правительствами, и желающий этого, находит «смешной» или

«нелепой» идею о том, чтобы социалисты *всех* воюющих стран выступили с пожеланием поражения *всем* «своим» правительствам. Напротив, именно такое выступление соответствовало бы затаенным мыслям всякого сознательного рабочего и лежало бы по линии нашей деятельности, направленной к превращению империалистской войны в гражданскую.

Несомненно, серьезная агитация против войны части английских, немецких, русских социалистов «ослабляла военную мощь» соответственных правительств, но такая агитация была заслугой социалистов. Социалисты должны разъяснять массам, что для них нет спасения вне революционного низвержения «своих» правительств и что затруднения этих правительств в теперешней войне надо использовать именно для этой цели.

О ПАЦИФИЗМЕ И ЛОЗУНГЕ МИРА

Настроение масс в пользу мира часто выражает начало протеста, возмущения и сознания реакционности войны. Использовать это настроение — долг всех с.-д. Они примут самое горячее участие во всяком движении и во всякой демонстрации на этой почве, но они не будут обманывать народ допущением мысли о том, что, при отсутствии революционного движения, возможен мир без аннексий, без угнетения наций, без грабежа, без зародыша новых войн между теперешними правительствами и господствующими классами. Такой обман народа был бы лишь на руку тайной дипломатии воюющих правительств и их контрреволюционным планам. Кто хочет прочного и демократического мира, тот должен быть за гражданскую войну против правительств и буржуазии.

О ПРАВЕ НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

Самым распространенным обманом народа буржуазией в данной войне является прикрытие ее грабительских целей «национально-освободительной» идеологией. Англичане сулят свободу Бельгии, немцы — Польше и т. д. На деле, как мы видели, это есть война угнетателей большинства наций мира за укрепление и расширение такого угнетения.

Социалисты не могут достигнуть своей великой цели, не борясь против всякого угнетения наций. Поэтому они

безусловно должны требовать, чтобы с.-д. партии *угнетающих* стран (т. наз. «великих» держав особенно) признавали и отстаивали право *угнетенных* наций на самоопределение, и именно в политическом смысле слова, т. е. право на политическое отделение. Социалист великодержавной или владеющей колониями нации, не отстаивающий этого права, есть шовинист.

Отстаивание этого права не только не поощряет образование мелких государств, а напротив, ведет к более свободному, безбоязненному и потому более широкому и повсеместному образованию более выгодных для массы и более соответствующих экономическому развитию крупнейших государств и союзов между государствами.

Социалисты *угнетенных* наций, в свою очередь, должны безусловно бороться за полное (в том числе организационное) единство *рабочих* угнетенных и угнетающих народностей. Идея правового отделения одной нации от другой (т. наз. «культурно-национальная автономия» Бауэра и Реннера) есть реакционная идея.

Империализм есть эпоха прогрессирующего угнетения наций всего мира горсткой «великих» держав, и потому борьба за социалистическую интернациональную революцию против империализма невозможна без признания права наций на самоопределение. «Не может быть свободен народ, угнетающий чужие народы» (Маркс и Энгельс). Не может быть социалистическим пролетариат, мирящийся с малейшим насильем «его» нации над другими нациями.

Г Л А В А II

КЛАССЫ И ПАРТИИ В РОССИИ

БУРЖУАЗИЯ И ВОЙНА

В одном отношении русское правительство не отстало от своих европейских собратьев: так же, как и они, оно сумело осуществить обман «своего» народа в грандиозном масштабе. Громадный, чудовищный аппарат лжи и хитросплетений был пущен в ход и в России, чтобы заразить массы шовинизмом, чтобы вызвать представление, будто царское правительство ведет «справедливую» войну, бескорыстно защищает «братьев-славян» и т. д.

Класс помещиков и верхи торгово-промышленной буржуазии горячо поддержали воинствующую политику царского правительства. Они справедливо ждут для себя громадных материальных выгод и привилегий от раздела турецкого и австрийского наследства. Целый ряд их съездов уже предвкушает те барыши, которые потекли бы в их карманы при победе царской армии. К тому же реакционеры очень хорошо понимают, что если что еще может отсрочить падение монархии Романовых и задержать новую революцию в России, так это только победоносная для царя внешняя война.

Широкие слои городской «средней» буржуазии, буржуазной интеллигенции, лиц свободных профессий и т. д. — по крайней мере, в начале войны — тоже заражены были шовинизмом. Партия российской либеральной буржуазии — кадеты — целиком и безоговорочно поддержала царское правительство. В области иностранной политики кадеты уже давно являются правительственной партией. Панславизм, при посредстве которого царская дипломатия не раз уже совершала свои грандиозные политические надувательства, стал официальной идеологией кадетов. Русский либерализм выродился в национал-либерализм. Он «состязается в патриотизме» с черной сотней, всегда с охотой вотирует за милитаризм, маринизм и т. п. В лагере русского либерализма наблюдается приблизительно то же явление, что в 70-х годах в Германии, когда «свободо-мыслящий» либерализм разложился и выделил из себя национал-либеральную партию. Русская либеральная буржуазия окончательно стала на путь контрреволюции. Точка зрения РСДРП в этом вопросе целиком подтвердилась. Разбит жизнью тот взгляд наших оппортунистов, будто русский либерализм является еще движущей силой революции в России.

Среди крестьянства правящей клике при помощи буржуазной печати, духовенства и т. д. тоже удалось вызвать шовинистское настроение. Но, по мере возвращения солдат с поля боя, настроение в деревне несомненно будет меняться не в пользу царской монархии. Буржуазно-демократические партии, соприкасающиеся с крестьянством, не устояли против шовинистской волны. Партия трудовиков отказалась в Государственной думе вотировать военные кредиты. Но устами своего вождя Керен-

ского она огласила «патриотическую» декларацию, пришедшуюся чрезвычайно наруку монархии. Вся легальная печать «народников» в общем потянулась за либералами. Даже левое крыло буржуазной демократии — т. наз. партия социалистов-революционеров, аффилированная к Международному социалистическому бюро — поплыла по этому же течению. Представитель этой партии в МСБ г-н Рубанович выступает открытым социал-шовинистом. Половина делегатов этой партии на Лондонской конференции социалистов «согласия» голосовала за шовинистскую резолюцию (при воздержании другой половины). В нелегальной печати социалистов-революционеров (газета «Новости»¹¹⁷ и проч.) преобладают шовинисты. Революционеры «из буржуазной среды», т. е. буржуазные революционеры, не связанные с рабочим классом, потерпели жесточайший крах в этой войне. Печальная судьба Кропоткина, Бурцева, Рубановича чрезвычайно знаменательна.

РАБОЧИЙ КЛАСС И ВОЙНА

Единственным классом в России, которому не удалось привить заразы шовинизма, является пролетариат. Отдельные эксцессы в начале войны коснулись лишь самых темных слоев рабочих. Участие рабочих в московских безобразиях против немцев сильно преувеличено. В общем и целом рабочий класс России оказался иммунизированным в отношении шовинизма.

Это объясняется революционным положением в стране и общими условиями жизни российского пролетариата.

1912—1914 годы обозначили собой начало нового грандиозного революционного подъема в России. Мы вновь стали свидетелями великого стачечного движения, какого не знает мир. Массовая революционная стачка вовлекла в 1913 году, по самым минимальным подсчетам, 1½ миллиона участников, а в 1914 перевалила за 2 миллиона и подходила к уровню 1905 года. Накануне войны в Петербурге дело дошло уже до первых баррикадных битв.

Нелегальная Российская социал-демократическая рабочая партия исполнила свой долг перед Интернационалом. Знамя интернационализма не дрогнуло в ее руках. Наша партия давно порвала организационно с оппортунистскими группами и элементами. Гирь оппортунизма и «легализма во что бы то ни стало» не было на ногах у нашей партии.

И это обстоятельство помогло ей исполнить революционный долг — как помог и итальянским товарищам раскол с оппортунистической партией Биссолати.

Общее положение в нашей стране враждебно процветанию «социалистического» оппортунизма в среде рабочих масс. Мы видим в России целый ряд оттенков оппортунизма и реформизма среди интеллигенции, мелкой буржуазии и т. д. Но он — в ничтожном меньшинстве среди политически активных слоев рабочих. Слой привилегированных рабочих и служащих у нас очень слаб. Фетишизма легальности у нас создаться не могло. Ликвидаторы (партия оппортунистов, руководимая Аксельродом, Потресовым, Череваниным, Масловым и др.) не имели до войны никакой серьезной опоры в рабочих массах. Выборы в IV Гос. думу дали *всех* 6 депутатов-рабочих противников ликвидаторства. Тираж и денежные сборы легальной рабочей печати в Петрограде и Москве показали неопровержимо, что $\frac{4}{5}$ сознательных рабочих идут против оппортунизма и ликвидаторства.

С началом войны царское правительство арестовало и сослало тысячи и тысячи передовых рабочих, членов нашей нелегальной РСДРП. Это обстоятельство, наряду с введением военного положения в стране, закрытием наших газет и пр., задержало движение. Но нелегальная революционная работа нашей партии все-таки продолжается. В Петрограде комитет нашей партии выпускает нелегальную газету «Пролетарский Голос»¹¹⁸.

Статьи из центрального органа «Социал-Демократ», издающегося за границей, перепечатываются в Петрограде и рассылаются по провинции. Выходят нелегальные прокламации, которые распространяются и в казармах. За городом, в различных укромных местах, происходят нелегальные собрания рабочих. В последнее время в Петрограде начались крупные стачки рабочих металлистов. В связи с этими стачками наш Петроградский Комитет выпустил несколько воззваний к рабочим.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ФРАКЦИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ И ВОЙНА

В 1913 году среди с.-д. депутатов Госуд. думы произошел раскол. На одной стороне оказалось 7 сторонников оппортунизма, под руководством Чхеидзе. Они были

выбраны от 7 непролетарских губерний, где рабочих насчитывалось 214 тысяч. На другой стороне — 6 депутатов, все от рабочей курии, выбранные от самых промышленных центров России, в которых насчитывалось 1008 тысяч рабочих.

Главный предмет расхождения был: тактика революционного марксизма или тактика оппортунистического реформизма. Практически расхождение сказывалось больше всего в области вне-парламентской работы в массах. Эта работа должна была вестись в России нелегально, если ведущие ее хотели оставаться на революционной почве. Фракция Чхеидзе оставалась вернейшей союзницей ликвидаторов, которые отвергли нелегальную работу, и защищала их на всех бесдах с рабочими, на всех собраниях. Отсюда — раскол. 6 депутатов образовали РСДР Фракцию. Год работы показал неопровержимо, что именно за ней стоит подавляющее большинство русских рабочих.

В начале войны расхождение сказалось с чрезвычайной наглядностью. Фракция Чхеидзе ограничилась парламентской почвой. Она не вотировала за кредиты, ибо иначе она вызвала бы против себя бурю возмущения со стороны рабочих. (Мы видели, что в России даже мелкобуржуазные трудовики не вотировали за кредиты.) Но она и не понесла протеста против социалшовинизма.

Иначе поступила РСДР Фракция, выражавшая политическую линию нашей партии. Она пошла с протестом против войны в самую гущу рабочего класса, она понесла проповедь против империализма в широкую массу русских пролетариев.

И она встретила очень сочувственный отклик со стороны рабочих, — что и напугало правительство и заставило его, с явным нарушением собственных законов, арестовать и осудить наших товарищей депутатов в пожизненную ссылку на поселение в Сибирь. В первом же официальном извещении об аресте наших товарищей царское правительство писало:

«Совершенно особое положение в этом отношении заняли некоторые члены соц.-демократических обществ, которые поставили целью своей деятельности поколебать военную мощь России путем агитации против войны, посредством подпольных воззваний и устной пропаганды».

На известный призыв Вандервельде «временно» прекратить борьбу против царизма — теперь из показаний царского посланника в Бельгии князя Кудашева стало известно, что Вандервельде выработывал этот призыв не один, а в сотрудничестве с названным царским посланником — *только* наша партия, в лице ее ЦК, дала отрицательный ответ. Руководящий центр ликвидаторов согласился с Вандервельде и официально заявил в печати, что он «в своей деятельности *не противодействует* войне».

Царское правительство прежде всего обвинило наших товарищей депутатов в том, что они пропагандировали среди рабочих этот отрицательный ответ Вандервельде.

Царский прокурор г. Ненарокомов на суде ставил нашим товарищам в образец немецких и французских социалистов. «Германские с.-д., — говорил он, — втировали военные кредиты и оказались друзьями правительства. Так поступали германские с.-д., но не так поступили печальные рыцари русской с.-д-ии... Социаллисты Бельгии и Франции дружно забыли свои раздоры с другими классами, забыли партийные распри и без колебания стали под знамена». А члены РСДРФ, подчиняясь директивам ЦК партии, поступали-де не так...

Суд развернул внушительную картину широкой нелегальной агитации нашей партии в массах пролетариата против войны. Царскому суду, разумеется, удалось «обнаружить» далеко-далеко не всю деятельность наших товарищей в этой области. Но и то, что было обнаружено, показало, как много было сделано за короткое время нескольких месяцев.

На суде были оглашены нелегальные воззвания наших групп и комитетов против войны и за интернациональную тактику. От сознательных рабочих всей России тянулись нити к членам РСДР Фракции, и она по мере сил старалась помочь им оценить войну с точки зрения марксизма.

Товарищ Муранов, депутат от рабочих Харьковской губернии, говорил на суде:

«Понимая, что я послан народом в Госуд. думу не для того, чтобы просиживать думское кресло, я ездил на места знакомиться с настроениями рабочего класса». Он же признал на суде, что брал на себя функции нелегального агитатора нашей партии, что на Урале он организовал рабочий комитет на Верхнеисетском заводе и в других

местах. Суд показал, что члены РСДРФ после начала войны объехали в целях пропаганды почти всю Россию, что Муранов, Петровский, Бадаев и др. устраивали многочисленные рабочие собрания, на которых выносились резолюции против войны и т. п.

Царское правительство угрожало подсудимым смертной казнью. В связи с этим на самом суде не все они выступали так мужественно, как тов. Муранов. Они старались затруднить царским прокурорам их осуждение. Этим недостойно пользуются теперь русские социал-шовинисты, чтобы затушевать суть вопроса: какой парламентаризм нужен рабочему классу?

Парламентаризм признают Зюдекум с Гейне, Самба с Вальяном, Биссолати с Муссолини, Чхеидзе с Плехановым. И парламентаризм признают наши товарищи из РСДР Фракции, признают болгарские, итальянские товарищи, порвавшие с шовинистами. Парламентаризм парламентаризму рознь. Одни используют парламентскую арену, чтобы подслужиться к своим правительствам, или, в лучшем случае, умыть руки, как фракция Чхеидзе. Другие используют парламентаризм, чтобы оставаться революционерами до конца, чтобы исполнить свой долг социалистов и интернационалистов и при самых трудных обстоятельствах. Парламентская деятельность одних приводит их на министерские кресла, парламентская деятельность других приводит их — в тюрьму, в ссылку, на каторгу. Одни служат буржуазии, другие — пролетариату. Одни — социал-империалисты. Другие — революционные марксисты.

ГЛАВА III

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Как восстановить Интернационал? Но — сначала несколько слов о том, как *не надо* восстанавливать Интернационал.

МЕТОД СОЦИАЛ-ШОВИНИСТОВ И «ЦЕНТРА»

О, социал-шовинисты всех стран — большие «интернационалисты»! Они с самого начала войны обременены заботой об Интернационале. С одной стороны, они уверяют, что толки о *крахе* Интернационала «преувеличены». На самом деле ничего особенного не случилось. Послушайте

Каутского: просто Интернационал есть «орудие мирного времени», естественно, что на время войны этот инструмент оказался несколько не на высоте. С другой стороны, социал-шовинисты всех стран нашли одно очень простое — и главное: интернациональное — средство, чтобы выйти из создавшегося положения. Средство несложное: надо только подождать конца войны, до окончания войны социалисты каждой страны должны защищать свое «отечество» и поддерживать «свои» правительства, а по окончании войны — друг друга «амнистировать», признать, что все были правы, что во время мира мы живем, как братья, а во время войны мы — на точном основании таких-то резолюций — зовем немецких рабочих истреблять своих французских братьев и наоборот.

На этом одинаково сходятся и Каутский, и Плеханов, и Виктор Адлер, и Гейне. Виктор Адлер пишет, что, «когда мы переживем это тяжелое время, нашей первой обязанностью будет не ставить друг другу каждое лыко в строку». Каутский утверждает, что «ни с какой стороны до сих пор не раздавалось голосов серьезных социалистов, которые заставили бы опасаться» за судьбу Интернационала. Плеханов говорит, что «неприятно пожимать руки (германских с.-д.), пахнувшие кровью невинно-убитых». Но тут же предлагает «амнистию»: «тут вполне уместно будет, — пишет он, — подчинение *сердца рассудку*. Ради своего великого дела Интернационал должен будет принять во внимание даже и запоздалые сожаления». Гейне называет в «Sozialistische Monatshefte» поведение Вандервельде «мужественным и гордым» и ставит его в пример немецким левым.

Словом, когда кончится война, назначьте комиссию из Каутского и Плеханова, Вандервельде и Адлера, и мигом будет составлена «единогласная» резолюция в духе взаимной амнистии. Спор будет благополучно затушеван. Вместо того, чтобы помочь рабочим разобраться в происшедшем, их обманут показным бумажным «единством». Объединение социал-шовинистов и лицемеров всех стран названо будет восстановлением Интернационала.

Нечего скрывать от себя: опасность такого «восстановления» очень велика. Социал-шовинисты всех стран одинаково в нем заинтересованы. Все они одинаково не хотят, чтобы сами рабочие массы их страны разобрались

в вопросе: социализм или национализм. Все они одинаково заинтересованы в том, чтобы прикрыть грехи друг друга. Все они ничего другого не могут предложить, кроме того, что предлагает виртуоз «интернационального» лицемерия Каутский.

А между тем в этой опасности отдают себе мало отчета. За год войны мы видели ряд попыток восстановления интернациональных связей. Мы не будем говорить о конференциях в Лондоне и Вене, где собирались определенные шовинисты, чтобы помочь генеральным штабам и буржуазии своих «отечеств». Мы имеем в виду конференции в Лугано, в Копенгагене, интернациональную женскую конференцию и интернациональную конференцию юношества¹¹⁹. Эти собрания были одушевлены лучшими пожеланиями. Но они совершенно не видели указанной опасности. Они не наметили боевой линии интернационалистов. Они не указали пролетариату на ту опасность, которая грозит ему от социал-шовинистского способа «восстановления» Интернационала. Они в лучшем случае ограничились повторением старых резолюций, не указав рабочим, что без борьбы против социал-шовинистов дело социализма безнадежно. Они в лучшем случае были *шагом на месте*.

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ СРЕДИ ОППОЗИЦИИ

Нет никакого сомнения в том, что наибольший интерес для всех интернационалистов представляет собой положение дел среди германской с.-д. оппозиции. Официальная германская социал-демократия, которая была наиболее сильной и руководящей партией во II Интернационале, нанесла самый чувствительный удар международной организации рабочих. Но в германской социал-демократии вместе с тем оказалась наиболее сильная оппозиция. Из числа больших европейских партий в ней первой подняли громкий голос протеста товарищи, оставшиеся верными знамени социализма. С радостью читали мы журналы: «Lichtstrahlen»* и «Die Internationale». Еще с большей радостью мы узнавали о распространении в Германии нелегальных революционных воззваний, как, например, воззвания: «Главный враг в собственной стране».

* — «Лучи Света». Ред.

Это говорило о том, что среди германских рабочих жив дух социализма, что в Германии есть еще люди, способные отстаивать революционный марксизм.

В недрах германской социал-демократии с наибольшей наглядностью обрисовался раскол в современном социализме. Мы видим здесь со всей отчетливостью 3 течения: оппортунисты-шовинисты, которые нигде не дошли до такой степени падения и ренегатства, как в Германии; каутскианский «центр», который показал себя здесь вполне беспомощным выполнять какую-либо другую роль, кроме прислужника оппортунистов; и — левую, представляющую собою единственных социал-демократов в Германии.

Больше всего нас, естественно, интересует положение дел в среде немецкой левой. Мы видим в ней наших товарищей, надежду всех интернационалистских элементов.

Каково же это положение?

Журнал «Die Internationale» был совершенно прав, когда сказал, что в немецкой левой все еще находится в процессе брожения, что предстоят еще большие перегруппировки, что в лоне ее есть более решительные и менее решительные элементы.

Мы, русские интернационалисты, ни в малой степени, разумеется, не претендуем на то, чтобы вмешиваться во внутренние дела наших товарищей немецких левых. Мы понимаем, что только они сами вполне компетентны определить свои способы борьбы против оппортунистов, считаясь с условиями времени и места. Мы считаем только своим правом и своим долгом высказать откровенно свое мнение о положении дел.

Мы убеждены, что глубоко прав был автор передовой статьи в журнале «Die Internationale», когда он утверждал, что каутскианский «центр» приносит больше вреда делу марксизма, чем открытый социал-шовинизм. Кто заглушает теперь разногласия, кто под видом марксизма проповедует теперь рабочим то, что проповедует каутскианство, тот усыпляет рабочих, тот вреднее, чем Зюдекумы и Гейне, которые ставят вопрос ребром и заставляют рабочих разбираться.

Фронта против «инстанций», которую в последнее время позволяют себе Каутский и Гаазе, никого не должна вводить в заблуждение. Разногласия между ними и Шейде-

манами не принципиальные разногласия. Одни считают, что Гинденбург и Макензен *уже* победили и что теперь можно уже себе позволить роскошь протеста против аннексий. Другие считают, что Гинденбург и Макензен *еще* не победили и что поэтому надо «продержаться до конца».

Каутскианство ведет против «инстанций» лишь показную борьбу, — именно для того, чтобы после войны затушевать перед рабочими принципиальный спор и замазывать дело 1001-ой пухлой резолюцией в неопределенно-«левом» духе, на который такие мастера дипломаты II Интернационала.

Вполне понятно, что в своей трудной борьбе против «инстанций» немецкая оппозиция должна использовать и эту непринципиальную фронду каутскианства. Но пробным камнем для всякого интернационалиста должно остаться отрицательное отношение к неокаутскианству. *Лишь тот действительно интернационалист, кто борется против каутскианства, кто понимает, что «центр» и после мнимого поворота его вождей остается в принципиальном отношении союзником шовинистов и оппортунистов.*

Громадную важность имеет наше отношение к колеблющимся элементам в Интернационале вообще. Эти элементы — преимущественно социалисты *пацифистского* оттенка — существуют и в нейтральных странах, и в некоторых воюющих странах (в Англии, например, Независимая рабочая партия). Эти элементы могут быть нашими попутчиками. Сближение с ними против социал-шовинистов необходимо. Но надо помнить, что это — *только* попутчики, что в главном и основном при восстановлении Интернационала эти элементы пойдут не с нами, а против нас, пойдут с Каутским, Шейдеманом, Вандервельде, Самба. На международных совещаниях нельзя ограничивать своей программы тем, что приемлемо для этих элементов. Иначе мы сами попадем в плен к колеблющимся пацифистам. Так было, например, на женской международной конференции в Берне. Немецкая делегация, придерживавшаяся точки зрения т. Клары Цеткин, фактически сыграла на этой конференции роль «центра». Женская конференция сказала только то, что было приемлемо для делегатов из оппортунистической голландской партии Трульстры и для делегатов из I.L.P. (Независимая раб. партия),

которая — не забудем этого — на Лондонской конференции шовинистов «согласия» голосовала за резолюцию Вандервельде. Мы выражаем свое величайшее уважение I. L. P. за мужественную борьбу против английского правительства во время войны. Но мы знаем, что эта партия не стояла и не стоит на почве марксизма. А мы считаем, что главной задачей с.-д. оппозиции в настоящий момент является — поднять знамя революционного марксизма, сказать рабочим твердо и определенно, как мы смотрим на империалистские войны, выдвинуть пароль массовых революционных действий, т. е. превращения эпохи империалистских войн в начало эпохи войн гражданских.

Революционно социал-демократические элементы, несмотря ни на что, существуют во многих странах. Они существуют и в Германии, и в России, и в Скандинавии (влиятельное направление, представителем которого является тов. Хёглунд), и на Балканах (партия болгарских «тесняков»), и в Италии, и в Англии (часть Британской соц. партии), и во Франции (сам Вальян признал в «L'Humanité»*, что он получал протестующие письма интернационалистов, но он ни одного из них не напечатал полностью), и в Голландии (трибунисты¹²⁰), и т. д. Сплотить эти марксистские элементы — как бы немногочисленны ни были они вначале — от их имени напомнить забытые теперь слова подлинного социализма, призвать рабочих всех стран порвать с шовинистами и стать под старое знамя марксизма — вот задача дня.

Совещания с так называемыми программами «действия» сводились до сих пор только к тому, что на них с большей или меньшей полнотой провозглашалась программа простого пацифизма. Марксизм не пацифизм. Бороться за скорейшее прекращение войны необходимо. Но только при призыве к *революционной* борьбе требование «мира» получает пролетарский смысл. Без ряда революций так называемый демократический мир есть мещанская утопия. Действительной программой действия была бы только *марксистская* программа, дающая массам полный и ясный ответ на то, что случилось, разъясняющая, что такое империализм и как с ним бороться, заявляющая открыто, что к краху II Интернационала привел оппортунизм, призы-

* — «Человечество». Ред.

вающая открыто строить марксистский Интернационал без и *против* оппортунистов. Только такая программа, которая показала бы, что мы верим в себя, верим в марксизм, объявляем оппортунизму борьбу не на живот, а на смерть, обеспечила бы нам раньше или позже сочувствие подлинных пролетарских масс.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ
И III ИНТЕРНАЦИОНАЛ

РСДРП Партия давно раскололась со своими оппортунистами. Русские оппортунисты теперь стали еще и шовинистами. Это только укрепляет нас во мнении, что раскол с ними в интересах социализма необходим. Мы убеждены, что у социал-демократов нынешние расхождения с социал-шовинистами несколько не меньше, чем они были у социалистов с анархистами, когда с.-д. раскалывались с этими последними. Оппортунист Monitor в «Preussische Jahrbücher»* правильно сказал, что для оппортунистов и буржуазии выгодно нынешнее единство, ибо оно заставляет левых подчиняться шовинистам и мешает рабочим разобратся в спорах и создать свою действительно рабочую, действительно социалистическую партию. Мы глубочайше убеждены, что при нынешнем положении дел раскол с оппортунистами и шовинистами является первым долгом революционера — так же как раскол с желтыми, с антисемитами, с либеральными рабочими союзами и т. д. необходим был именно в интересах скорейшего просвещения отсталых рабочих и привлечения их в ряды с.-д. партии.

Третий Интернационал по нашему мнению должен был бы создаваться именно на такой революционной базе. Для нашей партии не существует вопроса о целесообразности разрыва с социал-шовинистами. Он для нее решен бесповоротно. Для нее существует только вопрос осуществимости этого в ближайшее время в интернациональном масштабе.

Совершенно понятно, что для осуществления *международной* марксистской организации надо, чтобы существовала готовность создания самостоятельных марксистских партий в *разных* странах. Германия, как страна

* — «Прусском Ежегоднике». *Ред.*

наиболее старого и сильного рабочего движения, имеет решающее значение. Ближайшее будущее покажет, надели ли уже условия для создания нового марксистского Интернационала. Если да, наша партия с радостью вступит в такой, очищенный от оппортунизма и шовинизма, III Интернационал. Если нет, это покажет, что для этой очистки требуется еще более или менее длинная эволюция. И тогда наша партия будет крайней оппозицией внутри прежнего Интернационала — пока в различных странах не создастся база для международного товарищества рабочих, стоящего на почве революционного марксизма.

Мы не знаем и не можем знать, как пойдет развитие в ближайшие годы на международной арене. Но что мы знаем наверное, в чем мы убеждены непоколебимо, это — в том, что наша партия в нашей стране среди нашего пролетариата будет неутомимо работать в указанном направлении и всей своей повседневной деятельностью будет создавать российскую секцию марксистского Интернационала.

У нас в России тоже нет недостатка в откровенных социал-шовинистах и в группах «центра». Эти люди будут бороться против создания марксистского Интернационала. Мы знаем, что Плеханов стоит на одной принципиальной почве с Зюдекумом и уже сейчас протягивает ему руку. Мы знаем, что так называемый «Организационный комитет», руководимый Аксельродом, проповедует каутскианство на русской почве. Под видом единства рабочего класса эти люди проповедуют единство с оппортунистами и через них — с буржуазией. Но все то, что мы знаем о настоящем рабочем движении в России, дает нам полную уверенность в том, что сознательный пролетариат России попрежнему останется с нашей партией.

ГЛАВА IV

ИСТОРИЯ РАСКОЛА И ТЕПЕРЕШНЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ

Изложенная выше тактика РСДРП в отношении к войне представляет из себя неизбежный результат тридцатилетнего развития социал-демократии в России. Нельзя правильно понять этой тактики, как и теперешнего поло-

жения социал-демократии в нашей стране, не вдумываясь в историю нашей партии. Вот почему мы должны и здесь напомнить читателю основные факты из этой истории.

Как идейное течение, социал-демократия возникла в 1883 году, когда впервые были систематически изложены за границей группой «Освобождение труда» социал-демократические взгляды в применении к России. До начала 90-х годов социал-демократия оставалась идейным течением, без связи с массовым рабочим движением в России. В начале 90-х годов общественный подъем, брожение и стачечное движение среди рабочих сделали социал-демократию активной политической силой, неразрывно связанной с борьбой (как экономической, так и политической) рабочего класса. И с этого же времени начинается раскол социал-демократии на «экономистов» и «искровцев».

«ЭКОНОМИСТЫ» И СТАРАЯ «ИСКРА» (1894—1903)

«Экономизм» был оппортунистическим течением в русской социал-демократии. Его политическая сущность сводилась к программе: «рабочим — экономическая, либералам — политическая борьба». Его главной теоретической опорой был т. наз. «легальный марксизм» или «струвизм», который «признавал» «марксизм», совершенно очищенный от всякой революционности и приспособленный к потребностям либеральной буржуазии. Ссылаясь на неразвитость массы рабочих в России, желая «идти с массой», «экономисты» ограничивали задачи и размах рабочего движения экономической борьбой и политической поддержкой либерализма, не ставя себе самостоятельных политических и никаких революционных задач.

Старая «Искра» (1900—1903) победоносно провела борьбу с «экономизмом» во имя принципов революционной социал-демократии. Весь цвет сознательного пролетариата стал на сторону «Искры». За несколько лет до революции социал-демократия выступила с самой последовательной и непримиримой программой. И борьба классов, выступление масс во время революции 1905 года подтвердили эту программу. «Экономисты» приспособлялись к отсталости масс. «Искра» воспитывала авангард рабочих, способный вести вперед массы. Нынешние доводы

социал-шовинистов (о необходимости считаться с массой, о прогрессивности империализма, об «иллюзиях» революционеров и т. п.) все были уже выдвинуты экономистами. С оппортунистической переделкой марксизма под «струвизм» социал-демократическая Россия познакомилась 20 лет тому назад.

МЕНЬШЕВИЗМ И БОЛЬШЕВИЗМ (1903—1908)

Эпоха буржуазно-демократической революции породила новую борьбу течений среди социал-демократии, которая была прямым продолжением предыдущей. «Экономизм» видоизменился в «меньшевизм». Отстаивание революционной тактики старой «Искры» создало «большевизм».

В бурные 1905—1907 годы меньшевизм был оппортунистическим течением, которое поддерживали либеральные буржуа и которое проводило либерально-буржуазные тенденции в рабочем движении. Приспособление борьбы рабочего класса к либерализму — в этом была его суть. Напротив, большевизм ставил задачей социал-демократических рабочих поднимать на революционную борьбу демократическое крестьянство вопреки шатаниям и изменам либерализма. И рабочие массы, как это признавали неоднократно сами меньшевики, шли во время революции с большевиками при всех крупнейших выступлениях.

Революция 1905-го года проверила, укрепила, углубила и закалила непримиримо-революционную социал-демократическую тактику в России. Открытое выступление классов и партий неоднократно обнаруживало связь социал-демократического оппортунизма («меньшевизма») с либерализмом.

МАРКСИЗМ И ЛИКВИДАТОРСТВО (1908—1914)

Контрреволюционная эпоха в совершенно новой форме опять поставила на очередь дня вопрос об оппортунистической и революционной тактике социал-демократии. Главное русло меньшевизма, вопреки протестам многих лучших его представителей, породило течение ликвидаторства, отречение от борьбы за новую революцию в России, от нелегальной организации и работы, презритель-

ные насмешки над «подпольем», лозунгом республики и т. д. В лице группы легальных литераторов журнала «Нашей Зари» (гг. Потресов, Череванин и т. д.) сплотилось независимое от старой социал-демократической партии ядро, которое тысячами способов поддерживала, рекламировала и холила либеральная буржуазия России, желавшая отучить рабочих от революционной борьбы.

Эту группу оппортунистов исключила из партии Январская конференция РСДРП 1912 года, которая восстала вопреки бешеному сопротивлению целого ряда заграничных групп и группок. В течение более чем двух лет (начало 1912 года — половина 1914) шла упорная борьба двух с.-д. партий: ЦК, избранного в январе 1912 г., и «Организационного комитета», который не признавал Январской конференции и хотел иначе восстановить партию, сохраняя единство с группой «Нашей Зари». Упорная борьба шла между двумя ежедневными рабочими газетами («Правдой» и «Лучом»¹²¹ с их преемниками) и между двумя с.-д. фракциями IV Госуд. думы («РСДРФр.» правдивистов или марксистов и «с.-д. фракцией» ликвидаторов с Чхеидзе во главе).

Отстаивая верность революционным заветам партии, поддерживая начавшийся подъем рабочего движения (после весны 1912 года особенно), соединяя легальную и нелегальную организацию, печать и агитацию, «правдивисты» сплотили вокруг себя подавляющее большинство сознательного рабочего класса, тогда как ликвидаторы, — действуя, как политическая сила, исключительно в лице группы «Нашей Зари», — опирались на всестороннюю поддержку либерально-буржуазных элементов.

Открытые денежные взносы рабочих групп в газеты обеих партий, будучи в ту эпоху приспособленной к русским условиям (и единственной легально допустимой, свободно всеми контролируемой) формой *членских взносов* с.-д., наглядно подтвердили пролетарский источник силы и влияния у «правдивистов» (марксистов), буржуазно-либеральный у ликвидаторов (и их «ОК»). Вот краткие данные об этих взносах, напечатанные подробно в книге «Марксизм и ликвидаторство»¹²², а в сокращении в немецкой с.-д. газете «Лейпцигская Народная Газета»¹²³ от 21 июля 1914 года.

Число и сумма взносов в ежедневные петербургские газеты, марксистские (правдистские) и ликвидаторские, от 1 января по 13 мая 1914 г.:

	Правдисты		Ликвидаторы	
	Число взносов	Сумма руб.	Число взносов	Сумма руб.
От рабочих групп.....	2 873	18 934	671	5 296
Не от рабочих групп.....	713	2 650	453	6 760

Таким образом наша партия объединила к 1914 году $\frac{4}{5}$ сознательных рабочих России вокруг революционной с.-д. тактики. За весь 1913 год число взносов от рабочих групп было 2181 у правдистов и 661 у ликвидаторов. С 1 января 1913 г. по 13 мая 1914 г. получается сумма: 5 054 взноса от рабочих групп у «правдистов» (т. е. у нашей партии) и 1332, т. е. 20,8%, у ликвидаторов.

МАРКСИЗМ И СОЦИАЛ-ШОВИНИЗМ (1914—1915)

Великая европейская война 1914—1915 гг. дала всем европейским, а также русским с.-д. возможность проверить их тактику на кризисе всемирного размера. Реакционный, грабительский, рабовладельческий характер войны со стороны царизма еще несравненно нагляднее, чем со стороны других правительств. Тем не менее основная группа ликвидаторов (единственная, кроме нашей, имеющая серьезное влияние в России, благодаря ее либеральным связям) повернула к социал-шовинизму! Обладая довольно долгое время монополией легальности, эта группа «Нашей Зари» повела проповедь в массах в смысле «вспротиводействия войне», пожелания победы тройственного (теперь четверного) согласия, обвинения в «сверхсметных грехах» германского империализма и т. п. Плеханов, с 1903 года дававший многократно образцы своей крайней политической бесхарактерности и перехода к оппортунистам, занял еще резче ту же позицию, расхваливаемый всей буржуазной печатью России. Плеханов опустился до того, что объявлял войну справедливой со стороны царизма и в правительственных газетах Италии помещал интервью, втягивая ее в войну!!

Правильность нашей оценки ликвидаторства и исключения главной группы ликвидаторов из нашей партии была таким образом вполне подтверждена. Реальная программа

ликвидаторов и реальное значение их направления состоит теперь не только в оппортунизме вообще, но и в том, что они защищают великодержавные привилегии и преимущества великорусских помещиков и буржуазии. Это — направление *национал-либеральной* рабочей политики. Это — союз части радикальных мелких буржуа и ничтожной доли привилегированных рабочих со «своей» национальной буржуазией против массы пролетариата.

ТЕПЕРЕШНЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В С.-Д. РОССИИ

Как мы уже говорили, ни ликвидаторы, ни целый ряд заграничных групп (Плеханова, Алексинского, Троцкого и др.), ни так называемые «национальные» (т. е. невеликорусские) с.-д. не признали нашей Январской конференции 1912 года. Из бесчисленных ругательств, которыми нас осыпали, всего чаще повторялось обвинение в «узурпаторстве» и «раскольничестве». Наш ответ на это состоял в приведении точных и допускающих объективную проверку цифр, доказывающих, что наша партия объединила $\frac{4}{5}$ сознательных рабочих России. Это немало — при всех трудностях нелегальной работы в контрреволюционную эпоху.

Если бы «единство» было возможно в России на основе с.-д. тактики, без исключения группы «Нашей Зари», то отчего же не осуществил его *даже между собой* наши многочисленные противники? С января 1912 года прошло целых $3\frac{1}{2}$ года, и за все это время наши противники не смогли создать, при всем своем желании, с.-д. партию против нас. Этот факт есть лучшая защита нашей партии.

Вся история с.-д. групп, борющихся с нашей партией, есть история развала и распада. В марте 1912 года все без исключения «объединились» на брани против нас. Но уже в августе 1912 года, когда был создан так называемый «августовский блок» против нас, у них начался распад. Часть групп от них отпадает. Они не могут создать партии и ЦК. Они создают лишь ОК «для восстановления единства». Но на деле этот ОК оказался бессильным прикрытием ликвидаторской группы в России. За весь период громадного подъема рабочего движения в России и массовых стачек 1912—1914 годов, единственной группой из всего августовского блока, ведшей работу

в массах, остается группа «Нашей Зари», силу которой составляют ее либеральные связи. И в начале 1914 года из «августовского блока» формально выходят латышские с.-д. (польские с.-д. не были в нем), а Троцкий, один из вождей блока, вышел из него неформально, создав опять свою особую группу. В июле 1914 г. на конференции в Брюсселе, при участии Исполнительного комитета МСБ, Каутского и Вандервельде, против нас составлен так наз. «брюссельский блок», в который не вошли латыши и от которого тотчас отпалли польские с.-д. — оппозиция. После войны этот блок распадается. «Наша Заря», Плеханов, Алексинский, вождь кавказских с.-д. Ан¹²⁴ становятся открытыми социал-шовинистами, проповедуя желательность поражения Германии. ОК и Бунд защищают социал-шовинистов и основы социал-шовинизма. Фракция Чхеидзе, хотя и голосовавшая против военных кредитов (в России даже буржуазные демократы, трудовики, голосовали против них), остается верным союзником «Нашей Зари». Наши крайние социал-шовинисты, Плеханов с Алексинским и К⁰, вполне довольны фракцией Чхеидзе. В Париже образуется газета «Наше Слово» (раньше «Голос») при участии главным образом Мартова и Троцкого, желающих совместить платоническую защиту интернационализма с безусловным требованием единства с «Нашей Зарей», ОК или фракцией Чхеидзе. После 250 №№ этой газеты она сама вынуждена признать свой распад: одна часть редакции тяготеет к нашей партии, Мартов остается верным ОК, который публично порицает «Наше Слово» за «анархизм» (как оппортунисты в Германии, Давид и К⁰, «Internationale Korrespondenz»¹²⁵, Легин и К⁰ обвиняют в анархизме тов. Либкнехта); Троцкий объявляет о своем разрыве с ОК, но желает идти вместе с фракцией Чхеидзе. Вот программа и тактика фракции Чхеидзе, изложенная одним из ее лидеров. В № 5 «Современного Мира»¹²⁶ 1915 г., журнала с направлением Плеханова и Алексинского, Чхенкели пишет: *«Сказать, что германская социал-демократия была в состоянии помешать военному выступлению своей страны и этого не сделала, значило бы или скрытно желать, чтобы она на баррикадах нашла не только свое, но и своего отечества последнее издыхание, или смотреть на пред-*

меты, рядом лежащие, сквозь анархический телескоп»*.

В этих немногих строках выражена вся сущность социал-шовинизма: и принципиальное оправдание идеи «защиты отечества» в настоящей войне, и насмешки — с позволения военных цензоров — над проповедью и подготовкой революции. Вопрос совсем не в том, в состоянии ли была германская социал-демократия помешать войне, как и не в том, могут ли вообще революционеры ручаться за успех революции. Вопрос в том, вести ли себя, как социалисты, или доподлинно «издыхать» в объятиях империалистской буржуазии.

ЗАДАЧИ НАШЕЙ ПАРТИИ

Социал-демократия в России возникла перед буржуазно-демократической революцией (1905) в нашей стране и окрепла во время революции и контрреволюции. Отсталость России объясняет чрезвычайное обилие течений и оттенков мелкобуржуазного оппортунизма у нас, а влияние марксизма в Европе и прочность легальных с.-д. партий до войны сделали из наших образцовых либералов почти-поклонников «разумной», «европейской» (неревolutionционной), «легальной» «марксистской» теории и социал-демократии. Рабочий класс в России не мог сложить своей партии иначе как в решительной, тридцатилетней, борьбе со всеми разновидностями оппортунизма. Опыт всемирной войны, принесший позорный крах европейского оппортунизма и укрепивший союз наших национал-либералов с социал-шовинистским ликвидаторством, еще более укрепляет нас в убеждении, что наша партия и дальше должна идти по тому же последовательно революционному пути.

---

* «С. М.», 15. № 5, стр. 148. Троцкий недавно заявил, что считает своей задачей поднимать авторитет в Интернационале Франции Чхеидзе. Несомненно. Чхеидзе, с своей стороны, будет столь же энергично поднимать в Интернационале авторитет Троцкого...

О ЛОЗУНГЕ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ ЕВРОПЫ

В № 40 «Социал-Демократа» мы сообщили, что Конференция заграничных секций нашей партии постановила отложить вопрос о лозунге «Соединенные Штаты Европы» до обсуждения в печати *экономической* стороны дела*.

Дискуссия по этому вопросу приняла на нашей конференции односторонне-политический характер. Отчасти это вызвано было, может быть, тем, что в манифесте Центрального Комитета этот лозунг прямо формулирован как политический («ближайшим *политическим* лозунгом...» — говорится там), причем не только выдвинуты республиканские Соединенные Штаты Европы, но и подчеркнуто специально, что «без революционного низвержения монархий германской, австрийской и русской» этот лозунг бессмыслен и лжив.

Возражать против такой постановки вопроса *в пределах* политической оценки данного лозунга, — например, с той точки зрения, что он заслоняет или ослабляет и т. п. лозунг социалистической революции, совершенно неправильно. Политические преобразования в действительно демократическом направлении, а тем более политические революции, ни в коем случае, никогда, ни при каких условиях не могут ни заслонить, ни ослабить лозунга социалистической революции. Напротив, они всегда приближают ее, расширяют для нее базу, втягивают в социалистическую борьбу новые слои мелкой буржуазии и полупролетарских масс. А с другой стороны, политические революции неизбежны в ходе социалистической революции, которую нельзя рассматривать, как один акт, а следует рассматривать, как эпоху бурных политических и эконо-

* См. настоящий том, стр. 137. *Ред.*

мических потрясений, самой обостренной классовой борьбы, гражданской войны, революций и контрреволюций.

Но, если лозунг республиканских Соединенных Штатов Европы, поставленный в связь с революционным низвержением трех реакционнейших монархий Европы, с русской во главе, совершенно неуязвим, как политический лозунг, то остается еще важнейший вопрос об экономическом содержании и значении этого лозунга. С точки зрения экономических условий империализма, т. е. вывоза капитала и раздела мира «передовыми» и «цивилизованными» колониальными державами, Соединенные Штаты Европы, при капитализме, либо невозможны, либо реакционны.

Капитал стал интернациональным и монополистическим. Мир поделен между горсткой великих, т. е. преуспевающих в великом грабеже и угнетении наций, держав. Четыре великих державы Европы: Англия, Франция, Россия и Германия, с населением в 250—300 миллионов, с площадью около 7 млн. кв. километров, имеют колонии с населением почти в полмиллиарда (494,5 млн.), с площадью в 64,6 млн. кв. км., т. е. почти в половину земного шара (133 млн. кв. км. без полярной области). Прибавьте к этому три азиатские государства: Китай, Турцию, Персию, которых теперь рвут на части разбойники, ведущие «освободительную» войну, именно: Япония, Россия, Англия и Франция. В этих трех азиатских государствах, которые можно назвать полуколониями (на деле они теперь на $\frac{9}{10}$ — колонии), 360 млн. населения и 14,5 млн. кв. км. площади (т. е. почти в $1\frac{1}{2}$ раза более площади всей Европы).

Далее, Англия, Франция и Германия поместили за границей не менее 70 миллиардов рублей капитала. Чтобы получать «законный» доходец с этой приятной суммы, — доходец свыше трех миллиардов рублей ежегодно — служат национальные комитеты миллионеров, называемые правительствами, снабженные войском и военным флотом, «помещающие» в колониях и полуколониях сынков и братцев «господина миллиарда» в качестве вице-королей, консулов, послов, чиновников всяческого рода, попов и прочих пиявок.

Так организовано, в эпоху наивысшего развития капитализма, ограбление горсткой великих держав около миллиарда населения земли. И при капитализме иная организация невозможна. Отказаться от колоний, от

«сфер влияния», от вывоза капитала? Думать об этом, значит свести себя на уровень попики, который каждое воскресенье проповедует богатым величие христианства и советует дарить бедным... ну, если не несколько миллиардов, то несколько сот рублей ежегодно.

Соединенные Штаты Европы, при капитализме, равняются соглашению о дележе колоний. Но при капитализме невозможна иная основа, иной принцип дележа, кроме силы. Миллиардер не может делить «национальный доход» капиталистической страны с кем-либо другим иначе, как в пропорции: «по капиталу» (и притом еще с добавкой, чтобы крупнейший капитал получил больше, чем ему следует). Капитализм есть частная собственность на средства производства и анархия производства. Проповедывать «справедливый» раздел дохода на такой базе есть прудонизм, тупоумие мещанина и филистера. Нельзя делить иначе, как «по силе». А сила изменяется с ходом экономического развития. После 1871 года Германия усилилась раза в 3—4 быстрее, чем Англия и Франция, Япония — раз в 10 быстрее, чем Россия. Чтобы проверить действительную силу капиталистического государства, нет и быть не может иного средства, кроме войны. Война не есть противоречие основам частной собственности, а прямое и неизбежное развитие этих основ. При капитализме невозможен равномерный рост экономического развития отдельных хозяйств и отдельных государств. При капитализме невозможны иные средства восстановления, время-от-времени, нарушенного равновесия, как кризисы в промышленности, войны в политике.

Конечно, возможны *временные* соглашения между капиталистами и между державами. В этом смысле возможны и Соединенные Штаты Европы, как соглашение *европейских* капиталистов... о чем? Только о том, как бы сообща давить социализм в Европе, сообща охранять награбленные колонии *против* Японии и Америки, которые крайне обижены при теперешнем разделе колоний и которые усилились за последние полвека неизмеримо быстрее, чем отсталая, монархическая, начавшая гнить от старости Европа. По сравнению с Соединенными Штатами Америки, Европа в целом означает экономический застой. На современной экономической основе, т. е. при капитализме, Соединенные Штаты Европы означали бы организацию

реакции для задержки более быстрого развития Америки. Те времена, когда дело демократии и дело социализма было связано только с Европой, прошли безвозвратно.

Соединенные Штаты мира (а не Европы) являются той государственной формой объединения и свободы наций, которую мы связываем с социализмом, — пока полная победа коммунизма не приведет к окончательному исчезновению всякого, в том числе и демократического, государства. Как самостоятельный лозунг, лозунг Соединенные Штаты мира был бы однако едва ли правилен, во-первых, потому, что он сливается с социализмом; во-вторых, потому, что он мог бы породить неправильное толкование о невозможности победы социализма в одной стране и об отношении такой страны к остальным.

Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприровав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы *против* остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств. Политической формой общества, в котором побеждает пролетариат, свергая буржуазию, будет демократическая республика, все более централизующая силы пролетариата данной нации или данных наций в борьбе против государств, еще не перешедших к социализму. Невозможно уничтожение классов без диктатуры угнетенного класса, пролетариата. Невозможно свободное объединение наций в социализме без более или менее долгой, упорной, борьбы социалистических республик с отстающими государствами.

Вот в силу каких соображений, в результате многократных обсуждений вопроса на Конференции заграничных секций РСДРП и после конференции, редакция ЦО пришла к выводу о неправильности лозунга Соединенных Штатов Европы.

О ЛОЗУНГЕ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ ЕВРОПЫ

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКЦИИ «СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА»
К МАНИФЕСТУ ЦК РСДРП О ВОЙНЕ

Требование Соединенных Штатов Европы, как его выдвинул манифест ЦК — сопроводивший его призывом к низвержению монархий России, Австрии, Германии — отличается от пацифистского толкования этого лозунга Каутским и другими.

В № 44 Центрального Органа нашей партии «Социал-Демократ» помещена редакционная статья, в которой доказана экономическая неправильность лозунга «Соединенных Штатов Европы»*. Либо это — требование, неосуществимое при капитализме, предполагающее установление планомерности мирового хозяйства при разделе колоний, сфер влияния и проч. между отдельными странами. Либо это — лозунг реакционный, означающий временный союз великих держав Европы для более успешного угнетения колоний и ограбления более быстро развивающихся Японии и Америки.

Написано в конце августа 1915 г.

*Напечатано в 1915 г. в брошюре
«Социализм и война». Женева*

Печатается по тексту брошюры

---

* См. настоящий том, стр. 308—311. Ред.

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ЦИММЕРВАЛЬДСКОЙ ЛЕВОЙ¹²⁷

Современная война порождена империализмом. Капитализм достиг этой, наиболее высокой стадии. Производительные силы общества и размеры капитала переросли узкие рамки отдельных национальных государств. Отсюда — стремление великих держав к порабощению чужих наций, к захвату колоний, как источников сырья и мест вывоза капитала. Весь мир сливается в один хозяйственный организм, весь мир разделен между горсткой великих держав. Объективные условия социализма вполне созрели, и теперешняя война есть война капиталистов за привилегии и монополии, которые бы могли отсрочить крах капитализма.

Стремясь к освобождению труда от гнета капитала, отстаивая всемирное братство рабочих, социалисты борются против всякого угнетения и неравноправия наций. В эпоху, когда буржуазия была прогрессивна, когда на исторической очереди дня стояло свержение феодализма, абсолютизма, чуженационального гнета, социалисты, будучи всегда самыми последовательными и самыми решительными демократами, признавали в этом смысле и только в этом смысле «защиту отечества». И в настоящее время, если бы на востоке Европы или в колониях возникла война угнетенных наций против их угнетателей, великих держав, сочувствие социалистов было бы всецело на стороне угнетенных.

Но теперешняя война порождена совсем иной исторической эпохой, когда буржуазия из прогрессивной стала реакционной. Со стороны обеих групп воюющих держав эта война есть война рабовладельцев за сохранение и

укрепление рабства: за передел колоний, за «право» угнетать чужие нации, за привилегии и монополии великодержавного капитала, за увековечение наемного рабства путем раскола рабочих разных стран и реакционного подавления их. Поэтому речи о «защите отечества» со стороны обеих воюющих групп есть обман народа буржуазией. Ни победа какой бы то ни было группы, ни возврат к status quo* не может ни охранить свободы большинства наций мира от империалистского угнетения их горсткой великих держав, ни обеспечить рабочему классу даже теперешних его скромных культурных завоеваний. Эпоха сравнительно мирного капитализма миновала безвозвратно. Империализм несет рабочему классу неслыханное обострение классовой борьбы, нужды, безработицы, дороговизны, гнета трестов, милитаризма, политическую реакцию, которая поднимает голову во всех, даже самых свободных странах.

Действительное значение лозунга «защиты отечества» в данной войне есть защита «права» «своей» национальной буржуазии на угнетение чужих наций, есть национал-либеральная рабочая политика, есть союз ничтожной части привилегированных рабочих со «своей» национальной буржуазией против массы пролетариев и эксплуатируемых. Социалисты, ведущие такую политику, на деле являются шовинистами, социал-шовинистами. Политика голосования военных кредитов, вступления в министерство, Burgfrieden** и т. п., есть измена социализму. Оппортунизм, взрожденный условиями миновавшей «мирной» эпохи, дозрел теперь до полного разрыва с социализмом и стал прямым врагом освободительного движения пролетариата. Рабочий класс не может достигнуть своих всемирно-исторических целей, не ведя самой решительной борьбы с откровенным оппортунизмом и социал-шовинизмом (большинство социал-демократических партий Франции, Германии, Австрии, Гайндман, фабианцы и тред-юнионисты в Англии, Рубанович, Плеханов и «Наша Заря» в России и т. д.), как и с так называемым «центром», сдавшим позицию марксизма шовинистам.

Базельский манифест 1912 г., единогласно принятый социалистами всего мира в предвидении именно такой

* — прежнему положению. *Ред.*

** — гражданского мира. *Ред.*

войны между великими державами, которая теперь наступила, определенно признал империалистский, реакционный характер этой войны, заявил, что считает преступлением, чтобы рабочие одной страны стреляли в рабочих другой, и провозгласил приближение *пролетарской революции* именно в связи с этой войной. И действительно, война создает революционную ситуацию, порождает революционные настроения и брожения в массах, вызывает повсюду в лучшей части пролетариата сознание губительности оппортунизма и обостряет борьбу с ним. Растущее в трудящихся массах желание мира выражает их разочарование, крах буржуазной лжи о защите отечества, начало прояснения революционного сознания масс. Используя это настроение для своей революционной агитации, не останавливаясь в своей революционной агитации перед соображением о поражении «своего» отечества, социалисты не будут обманывать народ надеждой на возможность скорого, сколько-нибудь прочного, демократического, исключаящего угнетение наций, мира, разоружения и т. п. без революционного низвержения теперешних правительств. Только социальная революция пролетариата открывает дорогу к миру и свободе наций.

Империалистская война открывает собой эру социальной революции. Все объективные условия новейшей эпохи ставят на очередь дня революционную массовую борьбу пролетариата. Долг социалистов — не отказываясь ни от единого средства легальной борьбы рабочего класса, соподчинить их все этой насущной и главной задаче, развивать революционное сознание рабочих, сплачивать их в интернациональной революционной борьбе, поддерживать и двигать вперед всякое революционное выступление, стремиться к превращению империалистской войны между народами в гражданскую войну угнетенных классов против их угнетателей, войну за экспроприацию класса капиталистов, за завоевание политической власти пролетариатом, за осуществление социализма.

Написано до 20 августа (2 сентября)
1915 г.

Впервые напечатано в 1930 г.
в Ленинском сборнике XIV

Печатается по рукописи

ЧЕСТНЫЙ ГОЛОС ФРАНЦУЗСКОГО СОЦИАЛИСТА

Во французской Швейцарии, где франкофильский шовинизм бешенствует немногим разве слабее, чем во Франции, раздался голос честного социалиста. В наше подлое время, это — целое событие. И нам тем более необходимо внимательнее прислушаться к этому голосу, что в данном случае мы имеем дело с социалистом типично французского — вернее: романского, ибо итальянцы, например, тоже таковы — темперамента и умонастроения.

Речь идет о маленькой брошюрке Павла *Голэя*, редактора небольшой социалистической газеты в Лозанне. Автор прочел в этом городе 11 марта 1915 г. реферат на тему: «Социализм умирающий и социализм, который должен возродиться» и перенздал его затем отдельно*.

«Первого августа 1914 года война вспыхнула. В течение недель, перед этой отныне знаменитой датой и после нее, миллионы людей ждали». Так начинает автор. Миллионы ждали, не поведут ли резолюции и заявления вождей социализма «к могучему восстанию, которое своим вихрем сметет преступные правительства». Но ожидания миллионов были обмануты. Мы пытались, говорит Голэй, «по-товарищески» оправдать социалистов «молниеносной неожиданностью войны», неосведомленностью, но эти оправдания нас не удовлетворяли. «Мы чувствовали себя не по себе, как-будто бы наша совесть была погружена в грязную воду двусмысленности и лжи». Читатель может видеть уже отсюда, что

* *Paul Golay*: «Le socialisme qui meurt et le socialisme qui doit renaître». Lausanne, 1915, 22 страницы, цена 15 сантимов. En vente à l'Administration du «Grütli», Maison du Peuple, Lausanne. .

Голэй — искренен. Качество, по нашим временам, почти необыкновенное.

Голэй вспоминает «революционную традицию» пролетариата. Вполне сознавая, что «для каждой ситуации необходимо подходящее действие», он напоминает: «для исключительных ситуаций нужны исключительные меры. Сильные болезни — сильные лекарства». Он напоминает «решения конгрессов», «которые прямо обращаются к массам и побуждают их к революционным и повстанческим действиям». Следуют цитаты соответственных мест Штутгартской и Базельской резолюций. И автор подчеркивает, что «эти различные резолюции не содержат никакого рассуждения об оборонительной и наступательной войне, а, следовательно, не предлагают никакой особой, националистской, тактики в отмену общепризнанных основных принципов».

Дочитавши до этого места, читатель убеждается, что Голэй — не только искренний, но и убежденный, честный социалист. Качество видных деятелей II Интернационала прямо уже исключительное!

...«Пролетариат поздравляли военные начальники, а буржуазная пресса восхваляла, в теплых выражениях, воскрешение того, что она называет «национальной душой». Это воскрешение стоит нам трех миллионов трупов.

И однако — никогда рабочая организация не достигала такого большого числа платящих членов, никогда не было такого изобилия парламентариев, такой превосходной организации печати. Никогда не было также более гнусного дела, против которого следовало бы восстать.

В столь трагических обстоятельствах, когда дело идет о существовании миллионов людей, все революционные действия не только допустимы, они — законны. Они более чем законны, они — священны. Повелительный долг пролетариата требовал попытать невозможное, чтобы спасти наше поколение от событий, которые валивают кровью Европу.

Не было ни энергичного поступка, ни попыток возмущения, ни действий, ведущих к восстанию...

...Наши противники кричат о крахе социализма. Они чересчур торопятся. И однако, кто осмелился бы утверждать, что они во всех отношениях неправы? Что умирает в данный момент, это — не социализм вообще, а одна разновидность социализма, социализм сладенький, без духа идеализма, без страсти, с манерами чиновника и с брюшком серьезного отца семейства, социализм без смелости, без безумия, любитель статистики, ушедший по уши в полюбившие соглашения с капитализмом, социализм, занятый одним только реформами, продавший за чечевичную похлебку свое право первородства, социализм, который представляет из себя для буржуазии

душителя народного нетерпения, своего рода автоматический тормоз пролетарских смелых действий.

Вот этот-то социализм, грозивший заразить весь Интернационал, ответственен до известной степени за то бессилие, за ту импотентность, которые ставят нам в упрёк».

В других местах брошюры Голэй говорит прямо о «реформистском социализме» и об «оппортунизме», как об извращении социализма.

Говоря об этом извращении, признавая «общую ответственность» пролетариата *всех* воюющих стран, подчеркивая, что «эта ответственность падает на голову вождей, которым масса оказала доверие и от которых она ждала лозунга», — Голэй вполне правильно берет за образец именно немецкий социализм, «лучше всего организованный, больше всего оформленный, больше всего напичканный доктринами», и показывает «его численную силу, его революционную слабость».

«Одушевленная революционным духом, немецкая социал-демократия могла бы противопоставить милитаристским предприятиям достаточно определенное, достаточно упорное сопротивление, чтобы увлечь за собой, на этот единственный путь спасения, пролетариат других стран центральной Европы.

...Немецкий социализм имел большое влияние в Интернационале. Он мог сделать больше всех. От него ждали наибольшего усилия. Но число есть ничто, если личная энергия парализована слишком суровой дисциплиной или если «вожаки» употребляют свое влияние для получения наименьшего усилия». (Насколько правильна вторая часть фразы, настолько неверна первая: дисциплина вещь прекрасная и необходимая, — напр., дисциплина партии, исключаящей оппортунистов и противников революционного действия.) «Немецкий пролетариат, благодаря своим ответственным вождям, послушался голоса военной камарильи... другие отделы Интернационала испугались и поступили точно так же; во Франции двое социалистов сочли необходимым участвовать в буржуазном правительстве I, таким образом, несколько месяцев спустя после торжественного заявления на конгрессе, что социалисты считают преступлением стрелять друг в друга, миллионы рабочих вступили в войско и принялись совершать это преступление с такой настойчивостью, с таким увлечением, что капиталистическая буржуазия и правительства неоднократно выражали им свою признательность».

Но Голэй не ограничивается тем, что он беспощадно клеймит «социализм умирающий». Нет, он обнаруживает полное понимание того, чем порождено это умирание и какой социализм должен придти на смену умирающему. «Рабочие массы каждой страны испытывают, в известной

мере, влияние идей, распространенных в буржуазных кругах». «Когда Бернштейн под именем ревизионизма формулировал своего рода демократический реформизм», Каутский его «разгромил при помощи подходящих фактов». «Но, когда приличия были соблюдены, партия продолжала попрежнему свою «реальную политику». Социал-демократическая партия стала тем, что она есть в настоящее время. Организация превосходная. Тело могучее, но душа из него ушла». Не только германская социал-демократия, но и все отделы Интернационала обнаруживают те же тенденции. «Растущее число чиновников» порождает определенные последствия; внимание устремляется только на правильность взносов; на стачки смотрят, «как на манифестации, имеющие целью добиться лучших условий соглашения» с капиталистами. Привыкают связывать интересы рабочих с интересами капиталистов, «подчинять судьбу рабочего судьбе самого капитализма», «желать усиленного развития «своей» «национальной» промышленности в ущерб иностранной».

Р. Шмидт (Schmiedt), депутат рейхстага, писал в одной статье, что регулирование условий труда профессиональными союзами выгодно и капиталистам, ибо оно «вносит порядок и устойчивость в экономическую жизнь», «облегчает расчеты капиталистов и противодействует нечестной конкуренции».

«Итак, — восклицает Голэй, цитируя эти слова, — профессиональное движение должно считать честью для себя, что оно делает более устойчивыми прибыли капиталистов! Цель социализма состоит, должно быть, в том, чтобы в рамках капиталистического общества требовать максимума выгод, совместимых с существованием самого капиталистического режима? Если так, то перед нами — отречение от всех принципов. Пролетариат стремится не к укреплению капиталистического строя, не к получению минимальных условий в пользу наемного труда, а к устранению строя частной собственности и к уничтожению системы наемного труда».

...«Секретари больших организаций становятся важными персонами. А в политическом движении депутаты, литераторы, ученые, адвокаты, все, кто приносит, вместе с своей наукой, известное личное честолюбие, пользуются таким влиянием, которое представляет иногда прямо опасность.

Могущественная организация профессиональных союзов и солидность их касс развила у их членов цеховой дух. Одна из

отрицательных сторон профессионального движения, по существу своему реформистского, состоит в том, что оно улучшает положение наемных рабочих по отдельным слоям или прослойкам, ставя одну из них выше другой. Это разрушает основное единство и порождает у наилучше поставленных дух боязливости, заставляющий их иногда опасаться «движения», могущего быть роковым для их положения, для их кассы, для их актива. Таким образом создается своего рода разделение между различными разрядами пролетариата, — разрядами, искусственно создаваемыми самим профессиональным движением».

Это не довод, конечно, против сильных организаций — говорит автор, предвидя, должно быть, придирки известного рода «критиков». Это доказывает лишь необходимость «души» в организациях, «энтузиазма».

«Каковы существенные черты, которыми должен отличаться социализм завтрашнего дня? Он будет интернациональным, непримиримым и повстанческим».

«Непримиримость есть сила», — справедливо говорит Голэй, приглашая читателя бросить взгляд на «историю доктрин». — «Когда они оказывались влиятельными? Тогда ли, когда они бывали приручены властями, или тогда, когда они бывали непримиримыми? Когда христианство потеряло свою ценность? Не тогда ли, когда Константин обещал ему доходы и предложил ему, вместо преследований и казней, обшитое галунами платье придворных лакеев?..

Один французский философ сказал: мертвые идеи суть те, которые являются в изящном одеянии, без терпкости, без смелости. Они мертвы, потому что они входят в всеобщее обращение и составляют часть обычного интеллектуального багажа великой армии филистеров. Сильные идеи — те, которые толкают и вызывают скандал, возбуждают негодование, гнев, раздражение у одних, энтузиазм у других». Напомнить эту истину автор считает необходимым современным социалистам, среди которых очень часто отсутствует всякая «горячность убеждения»: ни во что не верят, ни в реформы, которые запаздывают, ни в революцию, которая все не приходит».

Непримиримость, готовность к восстанию «вовсе не ведет к мечтательности, а напротив, ведет к действиям. Социалист не будет пренебрегать ни одной из форм деятельности. Он сумеет найти новые, сообразно потребностям и условиям момента... Он требует немедленных реформ, он добивается

их не пререканиями с противником, он вырывает их, как уступку у буржуазии, которой внушает страх полная энтузиазма и смелости масса».

После бесстыднейшего опозления марксизма и опозорения социализма Плехановым, Каутским и К^о поистине отдыхаешь душой на брошюре Голэя. У него приходится отметить лишь два следующие недостатка.

Во-первых, Голэй разделяет с большинством романских социалистов, не исключая и теперешних гедистов, несколько невнимательное отношение к «доктрине», т. е. к теории социализма. Он чувствует к марксизму известное предубеждение, которое может быть объяснено, но не оправдано, современным господством злейшей карикатуры на марксизм у Каутского, в «Neue Zeit»* и у немцев вообще. Кто, подобно Голэю, сознал необходимость смерти социализма реформистского и возрождения социализма революционного, «повстанческого», т. е. понимающего необходимость восстания, проповедующего его, способного серьезно готовиться к нему и готовить его, тот на деле в тысячу раз ближе к марксизму, чем те, назвусь знающие «тексты» господя, которые занимаются ныне (в «Neue Zeit», например) оправданием социал-шовинизма в какой бы то ни было форме — вплоть до той формы, что сейчас надо «мириться» с шовинистским ЦК («форштандом») и не «вспоминать прошлого».

Но, как ни понятно, «по человечеству», пренебрежение марксизмом у Голэя, как ни много вины снимается здесь с него и падает на умирающее и умершее направление французских марксистов (гедистов), а все же вина есть. Величайшее в мире освободительное движение угнетенного класса, самого революционного в истории класса, невозможно без революционной теории. Ее нельзя выдумать, она *вырастает* из совокупности революционного опыта и революционной мысли всех стран света. И такая теория *выросла* со 2-ой половины XIX века. Она называется марксизмом. Нельзя быть социалистом, нельзя быть революционным социал-демократом, не участвуя по мере сил в разработке и применении этой теории, а в наши дни в беспощадной борьбе против уродования ее Плехановым, Каутским и К^о.

* — «Новое Время». Ред.

Из невнимания к теории проистекает у Голэя ряд неверных или непродуманных выпадов, напр., против централизма или дисциплины вообще, против «исторического материализма», который будто бы недостаточно «идеалистичен» и т. п. Отсюда же поразительная недоговоренность в вопросе о лозунгах. Напр., требование, чтобы социализм стал «повстанческим», полно глубочайшего содержания и представляет из себя единственно правильную мысль, вне которой все фразы об интернационализме и революционности, о марксизме — сплошное недомыслие, а еще чаще лицемерие. Но эту идею, идею гражданской войны, надо было бы развить, сделать из нее центральный пункт тактики, а Голэй ограничился тем, что *высказал* ее. Это очень много «по нынешним временам», но это недостаточно с точки зрения запросов революционной борьбы пролетариата. Напр., Голэй узко ставит вопрос об «ответе» на войну революцией, если можно так выразиться. Он не учитывает, что, если на войну не сумели *ответить* революцией, то сама война стала учить и учит массы революции, создавая революционную ситуацию, углубляя и расширяя ее.

Второй недостаток у Голэя иллюстрируется всего нагляднее следующим рассуждением в его брошюре:

«Мы не порицаем никого. Интернационал, чтобы возродиться, нуждается в том, чтобы братский дух одушевлял все отделы его; но приходится заявить, что перед лицом великой задачи, которую возлагает на него капиталистическая буржуазия в июле и августе 1914 г., реформистский, централизаторский (?) и иерархический социализм явил жалкое зрелище».

«Мы не порицаем никого»... В этом состоит ваша ошибка, товарищ Голэй! Вы сами признали, что «социализм умирающий» связан с буржуазными идеями (значит, его питает и поддерживает буржуазия), с определенным идейным течением в социализме («реформизм»), с интересами и особым положением определенных слоев (парламентарии, чиновники, интеллигенция, некоторые наилучшие поставленные слои или группы рабочих) и т. д. Из этого вытекает с неизбежностью вывод, которого вы не делаете. Физические лица «умирают» так называемой естественной смертью, но *идейно-политические* течения *так* умирать не могут. Как буржуазия не умрет, пока ее не свергнут, так течение, питаемое и поддерживаемое буржуазией,

выражающее интересы вступившей в союз с буржуазией группы интеллигентов и аристократии рабочего класса, не умрет, если его не «убить», т. е. не свергнуть, не лишить *всякого* влияния на социалистический пролетариат. Это течение сильно именно своими связями с буржуазией, оно стало благодаря субъективным условиям «мирной» эпохи 1871—1914 годов своего рода командующим, паразитическим *слоем* в рабочем движении.

Тут обязательно не только «порицать», но бить в набат, разоблачать беспощадно, свергать, «снимать с постов» этот паразитический слой, разрушать *его* «единство» с рабочим движением, ибо такое «единство» означает на деле единство пролетариата с национальной буржуазией и *раскол* интернационального пролетариата, единство лакеев и раскол революционеров.

«Непримиримость есть сила» — справедливо говорит Голэй, требуя, чтобы социализм, который должен возродиться, был непримиримым. Но не все ли равно для буржуазии, будет ли пролетариат примиренчествовать *прямо* с ней или *косвенно* через посредство ее сторонников, защитников, агентов *внутри* рабочего движения, т. е. оппортунистов? Последнее даже *выгоднее* для буржуазии, ибо обеспечивает ей более прочное влияние на рабочих!

Голэй тысячу раз прав, что есть социализм умирающий и социализм, который должен возродиться, но это умирание и это возрождение представляет из себя именно беспощадную борьбу с течением оппортунизма, не только идейную борьбу, но и удаление из рабочих партий этого уродливого нароста, исключение из организаций определенных представителей этой, чужой пролетариату, тактики, полный разрыв с ними. Они не умрут ни физически, ни политически, но рабочие порвут с ними, столкнут их в яму прислужников буржуазии и на примере их гниения будут воспитывать новое поколение, вернее: новые армии пролетариата, способные на восстание.

ИМПЕРИАЛИЗМ И СОЦИАЛИЗМ В ИТАЛИИ

(ЗАМЕТКА)

Для освещения тех вопросов, которые поставила теперешняя империалистская война перед социализмом, бесполезно бросить взгляд на различные европейские страны, чтобы научиться отделять национальные видоизменения и частности общей картины от коренного и существенного. Со стороны, говорят, виднее. Поэтому, чем меньше сходство Италии с Россией, тем интереснее в некоторых отношениях сравнить империализм и социализм в обеих странах.

В настоящей заметке мы намерены лишь отметить материал, который дают по этому вопросу вышедшие после войны сочинения буржуазного профессора Роберта Михельса: «Итальянский империализм» и социалиста Т. Барбони: «Интернационализм или классовый национализм? (Итальянский пролетариат и европейская война)»*. Болтливый Михельс остался столь же поверхностным, как и в других своих сочинениях, едва коснувшись экономической стороны империализма, но в его книге собран ценный материал о происхождении итальянского империализма и о том переходе, который составляет сущность современной эпохи и который особенно наглядно выступает в Италии, именно: переходе от эпохи войн национально-освободительных к эпохе войн империалистски-грабительских и реакционных. Италия революционно-демократическая, т. е. революционно-буржуазная, свергавшая иго Австрии, Италия времен Гарибальди, превращается окончательно на наших глазах в Италию, угнетающую

* Roberto Michels: «L'imperialismo italiano», Milano 1914. — T. Barboni: «Internazionalismo o Nazionalismo di Classe? (Il proletariato d'Italia e la guerra europea)». Edito dall'autore a Campione d'Intelvi (provincia di Como) 1915.

другие народы, грабящую Турцию и Австрию, в Италию грубой, отвратительно-реакционной, грязной буржуазии, у которой текут слюнки от удовольствия, что и ее допустили к дележу добычи. Михельс, как и всякий порядочный профессор, считает, разумеется, свое услужничество перед буржуазией «научным объективизмом» и называет этот дележ добычи «дележом той части мира, которая еще осталась в руках слабых народов» (стр. 179). Пренебрежительно отвергая, как «утопическую», точку зрения тех социалистов, которые враждебны всякой колониальной политике, Михельс повторяет рассуждения людей, считающих, что Италия «должна была бы быть второй колониальной державой», уступая первенство лишь Англии, по густоте населения и силе эмиграционного движения. А что в Италии 40% населения безграмотны, что в ней доньше бывают холерные бунты и пр. и т. п., то этот аргумент опровергается ссылкой на Англию: разве она не была страной невероятного разорения, принижения, вымирания голодной смертью рабочих масс, алкоголизма и чудовищной нищеты и грязи в бедных кварталах городов в 1-ой половине XIX века, когда английская буржуазия так успешно закладывала основы своего теперешнего колониального могущества?

И надо сказать, что с буржуазной точки зрения это рассуждение непререкаемо. Колониальная политика и империализм — вовсе не болезненные, исцелимые, уклонения капитализма (как думают филистеры и Каутский среди них), а неизбежное следствие самых основ капитализма: конкуренция между отдельными предприятиями ставит вопрос только так — разориться или разорить других; конкуренция между отдельными странами ставит вопрос только так — остаться на девятом месте и вечно рисковать судьбой Бельгии или разорять и покорять другие страны, проталкивая себе местечко среди «великих» держав.

Итальянский империализм прозвали «империализмом бедняков» (*l'imperialismo della povera gente*), имея в виду бедность Италии и отчаянную нищету массы итальянских эмигрантов. Итальянский шовинист Артур Лабриола, который отличается от своего бывшего противника, Г. Плеханова, только тем, что немножко раньше него обнаружил свой социал-шовинизм и пришел к этому социал-шовинизму через мелкобуржуазный полуанархизм,

а не через мелкобуржуазный оппортунизм, этот Артур Лабриола писал в своей книжке о триполитанской войне (в 1912 году):

...«Ясно, что мы боремся не только против турок, ... но и против интриг, угроз, денег и войск плутократической Европы, которая не может потерпеть, чтобы маленькие нации дерзнули совершить хоть один жест, сказать хоть одно слово, компрометирующее железную гегемонию ее» (стр. 22). А вождь итальянских националистов, Коррадини, заявлял: «Как социализм был методом освобождения пролетариата от буржуазии, так национализм будет для нас, итальянцев, методом освобождения от французов, немцев, англичан, американцев севера и юга, которые по отношению к нам являются буржуазией».

Всякая страна, которая имеет больше «нашего» колоний, капиталов, войска, отнимает у «нас» известные привилегии, известную прибыль или сверхприбыль. Как среди отдельных капиталистов получает сверхприбыль тот, кто имеет машины лучше среднего или обладает известными монополиями, так и среди стран получает сверхприбыль та, которая экономически поставлена лучше других. Дело буржуазии — бороться за привилегии и преимущества для своего национального капитала и надувать народ или простонародие (при помощи Лабриола и Плеханова), выдавая империалистскую борьбу ради «права» грабить других за национально-освободительную войну.

До триполитанской войны Италия не грабила — по крайней мере в больших размерах — других народов. Разве это не нестерпимая обида для национальной гордости? Итальянцы — в угнетении и в унижении перед другими нациями. Итальянская эмиграция составляла около 100 000 человек в год в 70-х годах прошлого века, а теперь достигает от $\frac{1}{2}$ до 1 миллиона, и все это нищие, которых гонит из своей страны прямо голод в самом буквальном значении слова, все это поставщики рабочей силы в наихудше оплачиваемых отраслях промышленности, вся эта масса населяет самые тесные, бедные и грязные кварталы американских и европейских городов. Число итальянцев, живущих за границей, с 1 миллиона в 1881 году поднялось до $5\frac{1}{2}$ миллионов в 1910 году, причем громадная масса приходится на богатые и «великие» страны, по отношению к которым итальянцы являются

самой грубой и «черной», нищей и бесправной рабочей массой. Вот главные страны, потребляющие дешевый итальянский труд: Франция — 400 тысяч итальянцев в 1910 г. (240 тысяч в 1881 г.); Швейцария — 135 тысяч (41) — (в скобках число тысяч в 1881 г.); Австрия — 80 тысяч (40); Германия — 180 тысяч (7); Соединенные Штаты — 1779 тысяч (170); Бразилия — 1500 тысяч (82); Аргентина — 1000 (254). «Блестящая» Франция, которая 125 лет тому назад боролась за свободу и по этому случаю называется «освободительной» свою теперешнюю войну за свое и английское рабовладельческое «право на колонии», эта Франция держит сотни тысяч итальянских рабочих прямо-таки в особом гетто, от которых мелкобуржуазная сволочь «великой» нации старается отгородиться как можно больше, которых она всячески старается унижить и оскорбить. Итальянцев зовут презрительной кличкой: «макароны» (пусть припомнит великорусский читатель, сколько презрительных кличек ходит в нашей стране по отношению к «инородцам», которые не имели счастья родиться с правом на благородные великодержавные привилегии, служащие для Пуришкевичей орудием угнетения и великорусского и всех других народов России). Великая Франция заключила в 1896 году договор с Италией, в силу которого эта последняя обязуется не увеличивать число итальянских школ в Тунисе! А итальянское население в Тунисе с тех пор увеличилось вшестеро. Итальянцев в Тунисе 105 000 против 35 000 французов, но из первых только 1 167 поземельные собственники, имеющие 83 000 гектаров, а из вторых 2 395, награбившие в «своей» колонии 700 000 гектаров. Ну, как же не согласиться с Лабриола и другими итальянскими «плехановцами» в том, что Италия имеет «право» на свою колонию в Триполи, на угнетение славян в Далмации, на раздел Малой Азии и т. д.!

* В вышей степени поучительно отметить связь между переходом Италии к империализму и согласием правительства на избирательную реформу. Реформа эта повысила число избирателей с 3 219 000 до 8 562 000, т. е. «почти что» дала всеобщее избирательное право. До триполитанской войны тот же Джиниотти, проводивший реформу, был решительно против нее. «Мотивировка перемены линии правительством» и умеренными партиями — пишет Михельс — была, по своему существу, патристической. «Несмотря на старинное теоретическое отвращение к колониальной политике, промышленные рабочие, а еще больше чернорабочие, дрались против турок чрезвычайно дисциплинированно и послушно, вопреки всем предвидениям. Такое рабочее по отношению к правительственной политике поведение заслуживало награды, чтобы побудить пролетариат продолжать идти

Как Плеханов поддерживает «освободительную» войну России против стремления Германии превратить ее в свою колонию, так вождь партии реформистов Леонид Биссолати вопиет против «нашествия иностранного капитала в Италии» (стр. 97): немецкий капитал в Ломбардии, английский в Сицилии, французский в Пиячентино, бельгийский в трамвайных предприятиях и т. д. и т. д. без конца.

Вопрос поставлен ребром, и нельзя не признать, что европейская война принесла человечеству гигантскую пользу, поставив его действительно ребром перед сотнями миллионов людей разных наций: *либо* защищать, ружьем или пером, прямо или косвенно, в какой бы то ни было форме, великодержавные и вообще национальные привилегии или преимущества или притязания «своей» буржуазии, и тогда это значит быть ее сторонником или лакеем; *либо* использовать всякую, и особенно вооруженную, борьбу за великодержавные привилегии для разоблачения и низвержения всякого, а прежде всего *своего* правительства посредством революционных действий интернационально-солидарного пролетариата. Середины тут нет, или другими словами: попытка занять среднюю позицию означает на деле прикрытый переход на сторону империалистской буржуазии.

Вся книжка Барбони посвящена, в сущности, именно тому, чтобы прикрыть этот переход. Барбони корчит из себя интернационалиста совершенно так же, как наш г. Потресов, рассуждая, что надо с интернациональной точки зрения определить, успех какой стороны полезнее или безвреднее для пролетариата, и решая этот вопрос, разумеется, против... Австрии и Германии. Барбони вполне в духе Каутского предлагает итальянской социалистической партии торжественно провозгласить солидарность рабочих всех стран, — воюющих в первую голову,

---

по этому новому пути. В парламенте председатель совета министров заявил, что итальянский рабочий класс своим патриотическим поведением на полях сражения в Ливии доказал перед родиной, что он достиг отныне самой высокой ступени политической зрелости. Кто способен жертвовать жизнью ради благой цели, тот способен также защищать интересы родины в качестве избирателя и имеет поэтому право на то, чтобы государство считало его достойным всей полноты политических прав» (стр. 177). Хорошо говорят итальянские министры! Но еще лучше немецкие «радикальные» социал-демократы, которые повторяют теперь это лакейское рассуждение: «мы» исполнили свой долг, помогали «вам» грабить чужие страны, а «вы» не хотите дать «нам» всеобщего избирательного права в Пруссии...

конечно, — интернационалистские убеждения, программу мира на основе разоружения и национальной независимости всех наций с образованием «лиги всех наций для взаимной гарантии неприкосновенности и независимости» (стр. 126). И как раз во имя этих принципов Барбони объявляет, что милитаризм — «паразитическое» явление в капитализме, а «вовсе не необходимое»; — что «милитаристским империализмом» пропитаны Германия и Австрия, что их агрессивная политика была «постоянно угрозой европейскому миру», что Германия «постоянно отвергала предложения об ограничении вооружений, делавшиеся Россией (sic!!*) и Англией» и т. д. и т. д. — и что социалистическая партия Италии должна высказаться за вмешательство Италии в пользу тройственного согласия в подходящий момент!

Остается неизвестным, в силу каких принципов можно предпочесть буржуазному империализму Германии, которая развивалась экономически в XX веке быстрее остальных европейских стран и которая особенно «обижена» при разделе колоний, — буржуазный империализм Англии, развивающейся гораздо медленнее, заграбившей бездну колоний, применяющей там (вдали от Европы) зачастую не менее зверские приемы подавления, чем немцы, и нанимающей на свои миллиарды миллионные войска различных континентальных держав для грабежа Австрии, и Турции и пр. Интернационализм Барбони сводится в сущности, как и у Каутского, к словесной защите социалистических принципов, а под прикрытием этого лицемерия проводится на деле защита своей, итальянской буржуазии. Нельзя не отметить, что Барбони, издавший свою книгу в свободной Швейцарии (цензура которой заклеила только половину одной строки, на стр. 75, повидимому, посвященную критике Австрии), на протяжении всех 143 страниц не пожелал привести основных положений Базельского манифеста и добросовестно разобрать их. Зато двух русских бывших революционеров, которых рекламирует теперь вся франкофильская буржуазия, мещанина от анархизма, Кропоткина, и филистера от социал-демократизма, Плеханова, наш Барбони цитирует с глубоким сочувствием (стр. 103). Еще бы!

* — так!! Ред.

Софизмы Плеханова ничем, по сути дела, не отличаются от софизмов Барбони. Только политическая свобода в Италии лучше срывает покровы с этих софизмов, яснее разоблачает истинную позицию Барбони, как агента буржуазии в рабочем лагере.

Барбони жалеет об «отсутствии истинного и настоящего революционного духа» в германской социал-демократии (совсем как Плеханов); он горячо приветствует Карла Либкнехта (как приветствуют его *французские* социал-шовинисты, не видящие бревна в своем глазу); но он решительно заявляет, что «не может быть и речи о банкротстве Интернационала» (стр. 92), что немцы «не изменили духу Интернационала» (стр. 111), поскольку они действовали в «добросовестном» убеждении, что защищают отечество. И Барбони в том же елейном духе, как и Каутский, только с романским красноречием заявляет, что Интернационал готов (после победы над Германией...) «простить немцам, как Христос простил Петру, минуту недоверия, залечить забвением глубокие раны, нанесенные милитаристским империализмом, и протянуть руку для достойного и братского мира» (стр. 113).

Умилительная картина: Барбони и Каутский — не без участия, вероятно, наших Косовского и Аксельрода — прощают друг друга!!

Вполне довольный Каутским и Гедом, Плехановым и Кропоткиным, Барбони недоволен своей социалистической, рабочей, партией в Италии. В этой партии, которая имела счастье еще до войны избавиться от реформистов Биссолати и К^о, создана, видите ли, такая «атмосфера, что нельзя дышать» (стр. 7) тем, кто (подобно Барбони) не разделяет лозунга «абсолютной нейтральности» (т. е. решительной борьбы с защитой вмешательства в войну со стороны Италии). Бедный Барбони горько плачется, что людей, подобных ему, называют в итальянской социалистической рабочей партии «интеллигентами», «людьми, потерявшими контакт с массами, выходцами из буржуазии», «людьми, сбившимися с прямого пути социализма и интернационализма» (стр. 7). Наша партия — возмущается Барбони — «более фанатизирует, чем воспитывает массы» (стр. 4).

Старый мотив! Итальянский вариант знакомого напева русских ликвидаторов и оппортунистов против «демагогии»

злых большевиков, «натравливающих» массы на прекрасных социалистов из «Нашей Зари», ОК и фракции Чхеидзе! Но какое ценное признание итальянского социал-шовиниста, что в единственной стране, где можно было несколько месяцев свободно обсуждать платформы социал-шовинистов и революционеров-интернационалистов, именно *рабочие массы*, именно *сознательный пролетариат* встал на сторону последних, а мелкобуржуазные интеллигенты и оппортунисты на сторону первых.

Нейтральность есть узкий эгоизм, непонимание международной ситуации, есть подлость по отношению к Бельгии, есть «отсутствие» — а «отсутствующие всегда неправы», рассуждает Барбони вполне в духе Плеханова и Аксельрода. Но, так как в Италии две открытые партии, реформистская и социал-демократическая рабочая, так как в этой стране нельзя надуть публику, прикрывая наготу гг. Потресовых, Череваниных, Левицких и К^о фиговым листком фракции Чхеидзе или ОК, то Барбони признается откровенно:

«С этой точки зрения я вижу больше революционности в действиях социалистов-реформистов, которые быстро поняли, какое громадное значение имело бы для будущей антикапиталистической борьбы это обновление политической обстановки» (вследствие победы над германским милитаризмом) «и вполне последовательно встали на сторону тройственного согласия, чем в тактике официальных революционных социалистов, которые спрятались, точно черепаха, под щит абсолютной нейтральности» (стр. 81).

По поводу этого ценного признания нам остается лишь выразить пожелание, чтобы кто-либо из товарищей, знакомых с итальянским движением, собрал и систематически обработал громадный и интереснейший материал, данный *двумя партиями* Италии, по вопросу о том, какие общественные слои, какие элементы, при чьей помощи, какими аргументами защищали революционную политику итальянского пролетариата, с одной стороны, и лакейство перед итальянской империалистской буржуазией, с другой. Чем больше будет собрано такого материала в разных странах, тем яснее выступит перед сознательными рабочими *истина* о причинах и значении краха II Интернационала.

Заметим в заключение, что Барбони, имея перед собой рабочую партию, старается софистически подделаться под

революционные инстинкты рабочих. Он изображает социалистов-интернационалистов в Италии, враждебных войне, которая *на деле* ведется ради империалистских интересов итальянской буржуазии, сторонниками трусливого воздержания, эгоистического желания спрятаться от ужасов войны. «Народ, воспитанный в страхе перед ужасами войны, вероятно, испугается также и ужасов революции» (стр. 83). И рядом с этой омерзительной попыткой подыграться под революционеров — грубо-деляческая ссылка на «ясные» слова министра Саландры: «порядок будет охранен во что бы то ни стало» — попытка всеобщей стачки против мобилизации приведет лишь к «бесполезной бойне»; «мы не могли помешать войне либийской (триполитанской), еще менее сможем помешать войне с Австрией» (стр. 82).

Барбони, подобно Каутскому, Кунову и всем оппортунистам, сознательно, с самым подлым расчетом надуть коекого из массы, приписывает революционерам глупенький план «сразу» «сорвать войну» и дать себя перестрелять в наиболее удобный для буржуазии момент, — желая отговориться от ясно поставленной, в Штутгарте и Базеле, задачи: использовать революционный кризис для систематической революционной пропаганды и подготовки революционных действий масс. А что Европа переживает революционный момент, это Барбони видит совершенно ясно:

...«Есть пункт, на котором я считаю необходимым настаивать, даже рискуя надоесть читателю, ибо нельзя правильно оценить теперешней политической ситуации, не выяснив этого пункта: период, который мы переживаем, есть период катастрофический, период действия, когда дело идет не о выяснении идей, не о составлении программ, не об определении линии политического поведения для будущего, а о применении живой и активной силы для достижения результата на протяжении месяцев, а может быть даже только недель. При таких условиях речь идет не о том, чтобы философствовать о будущем пролетарского движения, а о том, чтобы закрепить точку зрения пролетариата перед лицом текущего момента» (стр. 87—88).

Еще один софизм с подделкой под революционность! 44 года после Коммуны, переживший почти полвека собиранья и подготовки массовых сил, революционный

класс Европы должен думать, в момент, когда она переживает *катастрофический* период, о том, как бы поскорее стать лакеем своей национальной буржуазии, помочь ей грабить, насиловать, разорять, покорять чужие народы, а не о том, чтобы развернуть в массовых размерах непосредственно революционную пропаганду и подготовку революционных действий.

«Коммунист» № 1—2, 1916 г.
Подпись: Н. Ленин

Печатается по тексту журнала
«Коммунист»

ВОЗЗВАНИЕ О ВОЙНЕ

Товарищи-рабочие!

Вот уже больше года тянется европейская война. Судя по всему, она протянется еще очень долго, ибо, если Германия наилучше подготовлена и сейчас всех сильнее, то зато четверное согласие (Россия, Англия, Франция и Италия) имеет больше людей и денег, а кроме того свободно получает военные припасы из самой богатой страны мира — Соединенных Штатов Америки.

Из-за чего же идет эта война, которая несет человечеству невиданные бедствия и мучения? Правительство и буржуазия каждой воюющей страны выкидывает миллионы рублей на книги и газеты, сваливая вину на противника, возбуждая в народе бешеную ненависть к неприятелю, не останавливаясь ни перед какой ложью, чтобы представить себя в виде «обороняющейся» стороны, которая подверглась несправедливому нападению. На самом же деле это есть война между двумя группами разбойнических великих держав из-за дележа колоний, из-за порабощения других наций, из-за выгод и привилегий на мировом рынке. Это — самая реакционная война, война современных рабовладельцев за сохранение и укрепление капиталистического рабства. Англия и Франция лгут, уверяя, что ведут войну за свободу Бельгии. На деле они давно готовили войну и ведут ее ради ограбления Германии, отнятия ее колоний, они заключили договор с Италией и Россией о грабеже и разделе Турции и Австрии. Царская монархия в России ведет грабительскую войну, стремясь к захвату Галиции, к отнятию земель у Турции, к порабощению Персии, Монголии и т. д. Германия ведет войну за грабеж колоний Англии, Бельгии, Франции. Победит ли Германия,

победит ли Россия, будет ли «ничья» — во всяком случае война принесет человечеству новое угнетение сотен и сотен миллионов населения в колониях, Персии, Турции, Китае, новое порабощение наций, новые цепи для рабочего класса всех стран.

Каковы задачи рабочего класса в отношении к этой войне? На этот вопрос уже дан был ответ единогласно принятой социалистами всего мира резолюцией Базельского международного социалистического конгресса 1912 года. Эта резолюция была принята в предвидении именно такой войны, которая в 1914 г. наступила. Эта резолюция говорит, что война реакционна, что она готовится в интересах «прибыли капиталистов», что рабочие считают «преступлением стрелять друг в друга», что война поведет к «пролетарской революции», что образцом тактики для рабочих является Парижская Коммуна 1871 г. и октябрь-декабрь 1905 года в России, т. е. революция.

Все сознательные рабочие России стоят на стороне Российской социал-демократической рабочей фракции в Государственной думе (Петровского, Бадаева, Муранова, Самойлова и Шагова), которые сосланы царизмом в Сибирь за революционную пропаганду против войны и против правительства. Только в такой революционной пропаганде и революционной деятельности, ведущей к возмущению масс, лежит спасение человечества от ужасов современной войны и грядущих войн. Только революционное свержение буржуазных правительств, и в первую голову самого реакционного, дикого и варварского царского правительства, открывает дорогу к социализму и к миру между народами.

И лгут те, — сознательные и бессознательные слуги буржуазии, — которые хотят уверить народ, что революционное свержение царской монархии может привести только к победам и усилению германской реакционной монархии и германской буржуазии. Хотя главари немецких социалистов, как и многие самые видные социалисты России, перешли на сторону «своей» буржуазии и помогают обманывать народ сказками об «оборонительной» войне, но в рабочих массах Германии растет и крепнет протест и возмущение против своего правительства. Социалисты Германии, не перешедшие на сторону буржуазии, объявили печатно, что считают «геройской» тактику Российской

с.-д. рабочей фракции. В Германии издаются нелегально воззвания против войны и против правительства. Десятки и сотни лучших социалистов в Германии, в том числе известная представительница женского рабочего движения Клара Цеткин, брошены немецким правительством в тюрьмы за пропаганду в революционном духе. Во всех без исключения воюющих странах зреет возмущение рабочих масс, и пример революционной деятельности с.-д. России, а тем более всякий успех революции в России, неминуемо двинет вперед великое дело социализма, победы пролетариата над эксплуататорской и кровавой буржуазией.

Война наполняет карманы капиталистов, которым течет море золота из казны великих держав. Война вызывает слепое озлобление против неприятеля, и буржуазия всеми силами направляет в эту сторону недовольство народа, отвлекая его внимание от *главного* врага: правительства и командующих классов *своей* страны. Но война, неся бесконечные бедствия и ужасы трудящимся массам, просвещает и закаляет лучших представителей рабочего класса. Если погибать, погибнем в борьбе за свое дело, за дело рабочих, за социалистическую революцию, а не за интересы капиталистов, помещиков и царей, — вот что видит и чувствует всякий сознательный рабочий. И как ни трудна теперь революционная с.-д. работа, она возможна, она идет вперед во всем мире, в ней одной спасение!

Долой царскую монархию, втянувшую Россию в преступную войну и угнетающую народы! Да здравствует всемирное братство рабочих и международная революция пролетариата!

Написано в августе 1915 г.

*Впервые напечатано 21 января 1928 г.
в газете «Правда» № 18*

Печатается по рукописи

СПАСИБО ЗА ОТКРОВЕННОСТЬ

...«Пустопорожняя мысль о необходимости составить Интернационал из «социал-демократов-интернационалистов»... (из) «оппозиционных элементов, понадерганных из всех социалистических партий... Интернационал можно восстановить только из тех же элементов, из которых он до сих пор состоял... Восстановленный Интернационал будет не «третьим» по счету, в котором нуждается только кучка сектантов и раскольных дел мастеров, а тем же вторым, который не умер, а лишь временно парализован мировой катастрофой»...

Так пишет г. Вл. Косовский в № 8 «Информационного Листка» Бунда. От души благодарим за откровенность этого, не самого умного, бундовца. Он не первый уже раз защищает оппортунизм с прямотой, неприятной для дипломатов бундовцев. Он поможет и теперь борьбе с оппортунизмом, разъясняя рабочим, как безнадежно далек Бунд от пролетарского социализма. Г-н Вл. Косовский не видит связи оппортунизма с социал-шовинизмом. Чтобы увидеть ее, надо уметь подумать: каковы основные идеи того и другого течения? каково развитие оппортунизма в Европе за последние десятилетия? каково отношение к социал-шовинизму оппортунистического и революционного крыла в целом ряде европейских стран, например, в России, Германии, Бельгии, Франции, Англии, Италии, Швеции, Швейцарии, Голландии, Болгарии?

Думал ли об этом г. Вл. Косовский? Если бы он попробовал ответить хотя бы на первый вопрос, он увидал бы быстро свою ошибку.

Кстати. В № 7 «Информационного Листка» г. Вл. Косовский обнаружил германофильский шовинизм, ибо он, обвиняя французских социал-демократов, защищал голосование за кредиты немецких социал-демократов. Некий W. (стр. 11—12 в № 8), защищая г. Вл. Косовского от «обвинения» в шовинизме, пишет, что германофильского шовинизма у организации, работающей в России, быть не может. Не объяснит ли г. Вл. Косовский г-ну W., почему украинский или польский буржуа в России, датский или эльзасский во Франции, ирландский в Англии обнаруживают часто шовинизм, враждебный угнетающим их нациям?

Написано летом 1915 г.

*Впервые напечатано в 1931 г.
в Ленинском сборнике XVII*

Печатается по рукописи

В ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНУЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ КОМИССИЮ (I. S. K.)

Уважаемые товарищи!

Получив Ваше письмо от 25 сентября, мы выражаем наше полное сочувствие плану создания постоянной международной «расширенной комиссии» (erweiterte Kommission) в Берне. Будучи уверены, что и остальные, примкнувшие к I. S. K., организации разделят этот план, мы назначаем от ЦК РСДРП членом этой расширенной комиссии Зиновьева, а заместителями, кандидатами (suppléant, stellvertreter) к нему (1) т. Петрову¹²⁹ и (2) т. Ленина. Адрес для сношений: Herrn Radomisky (bei Fr. Aschwanden). Hertenstein (Ks. Luzern). Schweiz*.

Далее. Что касается до остальных вопросов, поднятых в письме Вашем от 25 сентября, то мы, со своей стороны, держимся следующего мнения:

1. Мы вполне согласны с Вами, что «общие точки зрения» («allgemeine Gesichtspunkte»), установленные конференцией 5—8 сентября, «недостаточны» («nicht genügen»). Настоятельно необходимо дальнейшее, гораздо более подробное и детальное, развитие этих принципов. Необходимо это и с принципиальной и с узко-практической точки зрения, ибо для осуществления *единого действия* в международном масштабе требуется как ясность основных идейных взглядов, так и точная определенность тех или иных практических приемов действия. Нет сомнения, что переживаемый Европой вообще, и рабочим движением Европы в особенности, великий кризис лишь медленно может вести к выяснению массами обеих сторон вопроса, но задача

* — Г-ну Радомисьскому (у г-жи Ашванден). Гертенштейн (Люцернский округ). Швейцария. Ред.

I. S. K. вместе с партиями, примыкающими к ней, состоит именно в содействии такому выяснению. Не ожидая невозможного — быстрого объединения всех на солидарных, точно выработанных взглядах, мы должны добиваться *точного* выяснения *основных течений и направлений* в современном интернационалистском социализме, а затем того, чтобы рабочие массы ознакомились с этими течениями, обсудили их всесторонне, проверили их опытом своего практического движения. Эту задачу, по нашему мнению, I. S. K. следовало бы считать главной своей задачей.

2. Письмо от 25 сентября определяет задачи пролетариата или как борьбу за мир (на случай продолжения войны) или как «конкретная и детальная формулировка интернациональной точки зрения пролетариата по отношению к различным предложениям и программам мира» («den internationalen Standpunkt des Proletariats zu den verschiedenen Friedensvorschlägen und Programmen konkret und ins einzelne gehend zu umschreiben»). В особенности подчеркивается при этом национальный вопрос (Эльзас-Лотарингия, Польша, Армения и т. д.).

Мы полагаем, что в обоих документах, единогласно принятых конференцией 5—8 сентября, именно: и в манифесте и в «резолюции симпатии» («Sympathieerklärung») выражена мысль о *связи* борьбы за мир с борьбой за социализм («борьба за мир... есть борьба за социализм» — «dieser Kampf ist der Kampf... für den Sozialismus» — говорит манифест), с «непримиримой пролетарской классовой борьбой» («unversöhnlicher proletarischer Klassenkampf» — в том тексте резолюций, который голосовала конференция, стояло не «непримиримая», а «революционная» классовая борьба, и если замена была сделана по соображениям легальности, то смысл от этого не должен был измениться). Резолюция о симпатии прямо говорит о необходимости и «торжественном обещании» конференции «будить революционный дух в массах международного пролетариата».

Вне связи с революционной классовой борьбой пролетариата борьба за мир есть лишь пацифистская фраза сентиментальных или обманывающих народ буржуа.

Мы не можем и не должны становиться в позу «государственных мужей» и составлять «конкретные» программы мира. Напротив, мы должны разъяснять массам обманчивость всяких надежд на демократический (без

аннексий, насилий, грабежа) мир, без развития революционной классовой борьбы. Мы сказали массам твердо, ясно и определенно в самом начале манифеста, что причина войны — империализм и что империализм есть «порабощение» наций, всех наций мира горсткой «великих держав». Мы должны, значит, помогать массам свергнуть империализм, вне свержения которого невозможен мир без аннексий. Конечно, борьба за свержение империализма трудна, но массы должны знать *правду* о трудной, но необходимой борьбе. Массы не должны быть убаюкиваемы надеждой на мир без свержения империализма.

3. Исходя из этих соображений, мы вносим предложение:

поставить в порядок дня ближайших заседаний расширенной комиссии (для выработки или сводки и опубликования тезисов или проектов резолюции), а затем и следующей международной конференции (для окончательного принятия резолюции) следующие вопросы:

а) связь борьбы за мир с массовыми революционными действиями или с революционной классовой борьбой пролетариата;

б) самоопределение наций;

с) связь социал-патриотизма с оппортунизмом.

Мы подчеркиваем, что в манифесте, принятом конференцией, *все* эти вопросы вполне определенно *затронуты*, что их принципиальное и практическое значение крайне насущно, что *ни один* практический шаг пролетарской борьбы *немыслим* без того, чтобы социалисты и синдикалисты не наткнулись на эти вопросы.

Разработка этих вопросов необходима именно для содействия массовой борьбе за мир, за самоопределение наций, за социализм, против «лжи капиталистов» (слова манифеста) о «защите отечества» в данной войне.

Если вина или беда II Интернационала состоит, как справедливо указано в письме от 25 сентября, в неопределенности и неразработанности важных вопросов, то наша задача именно помочь массам яснее поставить и точнее разрешить их.

4. Относительно издания бюллетеня на трех языках опыт показывает, по нашему мнению, что этот план нецелесообразен. Такое издание будет стоить, при ежемесячном

выпуске, 2—3 тысячи франков в год, и такую сумму найти не легко. Между тем, две газеты в Швейцарии, «Berner Tagwacht»* и «La Sentinelle»¹²⁹, печатают почти все, что есть в бюллетене. Мы вносим предложение в I. S. K.:

попытаться войти в соглашение с редакциями названных газет и с одной из газет в Америке о печатании как бюллетеня, так и всех сообщений и материалов I. S. K. в этих газетах (либо в тексте от имени I. S. K., либо в отдельных приложениях).

Это будет не только дешевле, но и даст возможность несравненно лучше, полнее, чаще осведомлять рабочий класс о деятельности I. S. K. Наш интерес, чтобы большее число рабочих читало сообщения I. S. K., чтобы все проекты резолюций печатались для осведомления рабочих и помощи им выработать свое отношение к войне.

Мы надеемся, что не будет возражений против необходимости напечатать и проект резолюции (за который голосовало, для взятия его в основу, 12 делегатов против 19, т. е. около 40 проц. всего числа) и письмо видного немецкого социалиста¹³⁰ (с опущением имени и всего, не относящегося к тактике).

Мы надеемся, что I. S. K. будет получать систематические сведения из разных стран о преследованиях и арестах за борьбу с войной, о ходе классовой борьбы против войны, о братании в траншеях, о закрытии газет, о запрещении печатать воззвания о мире и т. д., — и что все эти сведения могли бы, от имени I. S. K., периодически появляться в названных газетах.

Соглашение с одной из американских ежедневных или еженедельных газет могла бы, вероятно, заключить г. Коллонтай, сотрудник «Нашего Слова» и других с.-д. газет, которая как раз теперь выехала в Америку для объезда ее с рефератами. Мы могли бы снести с Коллонтай или доставить ее адрес.

5. По вопросу о способе представительства *частей* партий (особенно Германии и Франции, а также, вероятно, Англии) мы вносим предложение:

пусть I. S. K. предложит товарищам из этих партий обсудить вопрос, не было ли бы целесообразно составлять под разными названиями группы, обращения

* — «Бернский Часовой». Ред.

которых к массам (в виде прокламаций, резолюций и т. п.) будут печататься I. S. K. с отметкой о принадлежности их таким-то группам.

При таком способе, во-первых, массы осведомлялись бы о тактике и взглядах интернационалистов, вопреки запретам военной цензуры; во-вторых, получалась бы возможность видеть развитие и успех пропаганды интернационалистских взглядов, по мере того, как собрания рабочих, организации их и т. п. принимали бы решения о сочувствии их взглядам той или иной группы; в-третьих, получалась бы возможность выражать различные оттенки взглядов (напр., в Англии B. S. P.*, *меньшинство* ее, и I. L. P.**; во Франции — социалисты, как Bourderon и др., синдикалисты, как Merghem и др.; в Германии, как показала конференция, есть оттенки *среди оппозиции*).

Само собою разумеется, что эти группы, как указано в письме от 25 сентября, не создавали бы отдельных организационных единиц, а существовали бы внутри старых организаций *только* для сношений с I. S. K. и для пропаганды борьбы за мир.

Представительство в «расширенной комиссии» и на конференциях было бы от этих групп.

6. По вопросу о числе членов в «расширенной комиссии» и о голосовании мы предлагаем:

не ограничивать числа членов maximum'ом в 3, а ввести, вместо этого, для небольших групп, *дробь при голосованиях* ($\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$ и т. п.).

Это удобнее, ибо лишать представительства группы, имеющие свой оттенок, прямо невозможно и вредно для развития и пропаганды в массах тех принципов, которые установлены манифестом.

7. Относительно опасности «русско-польского характера» расширенной комиссии мы полагаем, что это опасение товарищей (как оно ни обидно для русских) *законно*, поскольку возможно представительство эмигрантских групп без серьезных связей с Россией. Представлены должны быть, по нашему мнению, лишь организации или группы, доказавшие *не менее как 3-летней работой* свою способность представлять движение в самой России.

* — British Socialist Party — Британская социалистическая партия. Ред.
 ** — Independent Labour Party — Независимая рабочая партия. Ред.

Мы предлагаем I. S. K. обсудить и установить такой принцип, а также обратиться ко всем группам с просьбой о доставлении сведений и данных о работе их в России.

8. Наконец, мы пользуемся случаем, чтобы указать на одну неточность в № 1 «Бюллетеня»¹³¹ и просить исправить ее в № 2 (или в «Berger Tagwacht» и в «La Sentinelle»). Именно, в «Бюлл.» № 1, стр. 7, столб. 1, в начале, говорится, что проект резолюции подписали ЦК, польские с.-д. (Landesvorstand*), латыши, шведы и норвежцы. Опущены в этом перечне:

один немецкий делегат (имя которого не печатается по причинам понятным) и один швейцарский, Платтен.

*Написано не ранее 12 (25) сентября
1915 г.*

*Впервые напечатано 6 сентября
1925 г. в газете «Правда» № 203*

Печатается по рукописи

---

* — Главное правление партии. *Ред.*

ПОРАЖЕНИЕ РОССИИ И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КРИЗИС

«Разгон» IV Думы, как ответ на образование оппозиционного блока в ней из либералов, октябристов и националистов, — вот одно из самых рельефных проявлений революционного кризиса в России. Поражение армий царской монархии — рост стачечного и революционного движения в пролетариате — брожение в широких массах — либерально-октябристский блок для соглашения с царем на программе реформ и мобилизации промышленности для победы над Германией. Такова последовательность и связь событий в конце первого года войны.

Все видят теперь, что революционный кризис в России налицо, но не все правильно понимают его значение и вытекающие из него задачи пролетариата.

История как бы повторяется: снова война, как и в 1905 г., притом война, в которую царизм втянул страну ради определенных и явных завоевательных, хищнических и реакционных целей. Снова поражение в войне и ускоренный им революционный кризис. Снова либеральная буржуазия, — на этот раз даже с самыми широкими слоями консервативной буржуазии и помещиков, — выдвигает программу реформ и соглашения с царем. Почти как летом 1905 г. перед булыгинской Думой или как летом 1906 г. после разгона I Думы.

Однако, на деле громадной разницей является [то], что война охватила теперь всю Европу, все передовые страны с массовым и могучим социалистическим движением. Империалистская война *связала* революционный кризис в России, кризис на почве буржуазно-демократической революции, с растущим кризисом пролетарской,

социалистической революции на Западе. Эта связь настолько непосредственна, что никакое отдельное решение революционных [задач] в той или иной стране невозможно: буржуазно-демократическая революция в России теперь уже не только пролог, а неразрывная составная часть социалистической революции на Западе.

Довести до конца буржуазную революцию в России, чтобы разжечь пролетарскую революцию на Западе, — так ставилась задача пролетариата в 1905 году. В 1915-ом вторая половина этой задачи стала настолько насущной, что она на очередь становится одновременно с первой. Возникло новое политическое деление в России на почве новых, более высоких, более развитых, более переплетенных международных отношений. Это новое деление между революционерами-шовинистами, которые хотят революции для победы над Германией, и революционерами-пролетарскими интернационалистами, которые хотят революции в России для пролетарской революции на Западе и одновременно с ней. Это новое деление, по сути дела, есть деление между мелкой буржуазией, городской и деревенской, в России и социалистическим пролетариатом. Это новое деление надо отчетливо сознать, ибо первая задача марксиста, т. е. всякого сознательного социалиста, перед лицом надвигающейся революции состоит в уразумении позиции *разных классов*, в сведении разногласий тактических и принципиальных вообще к различиям в позиции *разных классов*.

Нет ничего пошлее, нет ничего презреннее и вреднее, как ходячая идея революционных филистеров: «забыть» разногласия «по случаю» ближайшей общей задачи в наступающей революции. Кого опыт десятилетия, 1905—1914 гг., не убедил в глупости этой идеи, тот безнадежен в революционном отношении. Кто ограничивается теперь революционными восклицаниями, без анализа того, какие классы *доказали*, что они могут идти и идут за такой-то революционной программой, тот не отличается, в сущности, от «революционеров» Хрусталевых, Амадьиных, Алексинских.

Перед нами ясная позиция монархии и крепостников-помещиков: «не отдать» России либеральной буржуазии; скорее сделка с монархией немецкой. Так же ясна позиция либеральной буржуазии: воспользоваться поражением и

растущей революцией, чтобы добиться у испуганной монархии уступок и дележа власти с буржуазией. Так же ясна позиция революционного пролетариата, стремящегося довести революцию до конца, используя колебания и затруднения правительства и буржуазии. Мелкая же буржуазия, т. е. гигантская масса едва просыпающегося населения России, идет ощупью, «вслепую», в хвосте буржуазии, в плену националистических предрассудков, с одной стороны, подталкиваемая к революции невиданными, неслыханными ужасами и бедствиями войны, дороговизны, разорения, нищеты и голода, с другой стороны, оглядываясь на каждом шагу *назад*, к идее защиты родины, или к идее государственной целостности России, или к идее мелкокрестьянского благоденствия благодаря победе над царизмом и над Германией, без победы над капитализмом.

Эти колебания мелкого буржуа, мелкого крестьянина, не случайность, а неизбежный результат его экономического положения. От этой «горькой», но глубокой истины неумно прятаться, ее надо понять и проследить в различных *политических течениях и группировках*, чтобы не обманывать самих себя и народ, чтобы не ослаблять, не обессиливать революционной партии социал-демократического пролетариата. Пролетариат обессилит себя, если позволит своей партии колебаться так, как колеблется мелкая буржуазия. Пролетариат выполнит свою задачу лишь тогда, если он сумеет идти к своей великой цели, не колеблясь, толкая вперед мелкую буржуазию, предоставляя ей учиться на своих ошибках, когда она качается вправо, утилизируя все ее силы для напора, когда жизнь заставляет ее идти влево.

Трудовики, эсеры, ликвидаторы-«окисты» — вот те политические *течения* в России, которые вполне обрисовались за минувшее десятилетие, доказали свою связь с различными группами, элементами и слоями мелкой буржуазии, обнаружили свои колебания от крайней революционности на словах до союза с шовинистскими народными социалистами или с «Нашей Зарей» на деле. Например, 3 сентября 1915 г. пятерка заграничных секретарей ОК выпустила воззвание о задачах пролетариата, в котором ни звука не говорится об оппортунизме и социал-шовинизме, но говорится о «восстании» в тылу немецкой армии (это после

годовой борьбы с лозунгом гражданской войны!) и провозглашается столь расхваленный кадетами в 1905 г. лозунг «учредительного собрания для ликвидации войны и для ликвидации самодержавного (третьеиюньского) строя»!! Кто не понял необходимости полного отделения, в интересах успеха революции, партии пролетариата от этих мелкобуржуазных течений, тот всеу приемлет имя социал-демократа.

Нет, перед лицом революционного кризиса в России, ускоренного именно поражением, — в этом бояться сознаться разношерстные противники «пораженчества» — задачи пролетариата будут состоять попрежнему в борьбе с оппортунизмом и шовинизмом, без которой невозможно развитие революционного сознания масс, и в помощи их движению посредством недвусмысленных лозунгов революции. Не учредительное собрание, а низвержение монархии, республика, конфискация помещичьей земли и 8-часовой рабочий день, — таковы будут попрежнему лозунги социал-демократического пролетариата, лозунги нашей партии. И в неразрывной связи с этим, чтобы на деле, во всей своей пропаганде и агитации, во всех выступлениях рабочего класса, отделить и противопоставить задачи социализма задачам буржуазного (в том числе плехановского и каутскианского) шовинизма, наша партия будет попрежнему ставить лозунг превращения империалистской войны в войну гражданскую, т. е. лозунг социалистической революции на Западе.

Уроки войны заставляют даже наших противников признавать на деле как позицию «пораженчества», так и необходимость выдвигать — сначала, как хлесткую фразу в воззвании, а потом и более серьезно, более вдумчиво, — лозунг «восстания в тылу» германских милитаристов, т. е. лозунг гражданской войны. Уроки войны, оказывается, вбивают в голову именно то, что мы проповедывали с начала ее. Поражение России *оказалось* наименьшим злом, ибо оно двинуло вперед революционный кризис в величайшем масштабе, расшевелило миллионы, десятки и сотни миллионов. А революционный кризис в России, в обстановке империалистской войны, не мог не толкнуть мысль к идее о единственном спасении народов, к идее о «восстании в тылу» германской армии, т. е. к идее о гражданской войне во *всех* воюющих странах.

Жизнь учит. Жизнь идет через поражение России к революции в ней, а через эту революцию, в связи с ней, к гражданской войне в Европе. Жизнь пошла этим путем. И партия революционного пролетариата России, почерпнув новую силу в этих оправдавших ее уроках жизни, с еще большей энергией пойдет по намеченному ею пути.

*Написано во второй половине
сентября 1916 г.*

*Впервые напечатано 7 ноября 1928 г.
в газете «Правда» № 260*

Печатается по рукописи

ПЕРВЫЙ ШАГ

Медленно движется вперед развитие интернационального социалистического движения в эпоху неизмеримо тяжелого кризиса, вызванного войной. Но все же движется именно в сторону разрыва с оппортунизмом и социал-шовинизмом. Международная социалистическая конференция в Циммервальде (Швейцария) 5—8 сентября 1915 г. ясно показала это.

В течение целого года среди социалистов воюющих и нейтральных стран наблюдался процесс колебаний и выжиданий: боялись признаться самим себе в глубине кризиса, не хотели взглянуть прямо в лицо действительности, оттягивали тысячами способов неизбежный разрыв с господствующими в официальных партиях Западной Европы оппортунистами и каутскианцами.

Но та оценка событий, которую мы дали год тому назад в манифесте Центрального Комитета (№ 33 «Социал-Демократа»)*, оказалась верна; события доказали ее правильность; события *пошли* именно таким путем, что на первой Международной социалистической конференции оказались представленными протестующие элементы меньшинства (Германии, Франции, Швеции, Норвегии), действующие *вопреки* решениям официальных партий, то есть фактически действующие раскольнически.

Итоги работы конференции состоят в манифесте и в резолюции сочувствия арестованным и преследуемым. Оба эти документа напечатаны в этом номере «Социал-Демократа». Конференция отклонила, 19 голосами против 12,

* См. настоящий том, стр. 9—18. *Ред.*

сдачу в комиссию проекта резолюции, предложенного нами и другими революционными марксистами, а наш проект манифеста сдали в комиссию вместе с двумя другими для выработки общего манифеста. Читатель найдет в другом месте данного номера оба наших проекта, сличение которых с принятым манифестом явно указывает на то, что ряд основных мыслей революционного марксизма удалось провести.

Принятый манифест фактически означает шаг к идейному и практическому разрыву с оппортунизмом и социал-шовинизмом. Но в то же время этот манифест, как покажет его разбор, страдает непоследовательностью и недоговоренностью.

Манифест объявляет войну империалистической, отмечая два признака этого понятия: стремление капиталистов каждой нации к прибыли, к эксплуатации; стремление великих держав к разделу мира и к «порабощению» слабых наций. Самое существенное из того, что надо сказать об империалистском характере войны и что сказано в нашей резолюции, здесь повторено. Манифест в этой своей части только *популяризирует* нашу резолюцию. Популяризация — вещь полезная, бесспорно. Но, если мы хотим добиться ясности мысли рабочего класса, если мы придаем значение систематической, упорной пропаганде, то надо точно и полно устанавливать те принципы, которые должны быть популяризуемы. Не делая этого, мы рискуем повторить именно ту ошибку, тот грех II Интернационала, который породил его крах, именно: мы оставляем место для двусмысленностей и кривотолков. Например, можно ли отрицать, что выраженная в резолюции мысль о зрелости объективных предпосылок социализма имеет существенное значение? В «популярном» изложении манифеста она опущена; попытка соединить в одно ясную и точную принципиальную резолюцию с воззванием не удалась.

«Капиталисты всех стран... утверждают, что война служит защите отечества... Они лгут...» Так продолжает манифест. Опять-таки это прямое объявление «ложью» основной идеи оппортунизма в данной войне, идеи «защиты отечества», есть повторение самой существенной мысли из резолюции революционных марксистов. И опять-таки получается обидная недоговоренность, какая-то робость, боязнь сказать всю правду. Кто же не знает теперь, после

года войны, что действительной бедой для социализма явилось *повторение и поддержка лжи* капиталистов не только капиталистической печатью (на то она и капиталистическая, чтобы повторять ложь капиталистов), но и большей частью социалистической печати? Кто не знает, что не «ложь капиталистов» вызвала величайший кризис европейского социализма, а *ложь* Геда, Гайндмана, Вандервельде, Плеханова, *Каутского*? Кто не знает, что *ложь* именно таких вождей доказала внезапно всю силу оппортунизма, увлекшего их за собой в решительный момент?

Посмотрите, что получается. Для популярности широким массам говорят, что идея обороны отечества в данной войне есть ложь капиталистов. Но ведь массы в Европе не безграмотны, и почти все, читающие манифест, слышали и слышат *именно эту ложь* от сотен социалистических газет, журналов, брошюр, повторяющих ее за Плехановым, Гайндманом, Каутским и К°. Что же подумают читатели манифеста? Какие мысли придут им в голову от этого наглядного демонстрирования робости авторов манифеста? Не слушайте капиталистической лжи о защите отечества, — учит рабочих манифест. Хорошо. Почти все ответят или подумают про себя: *ложь капиталистов* нас давно перестала смущать, а вот ложь Каутского и К°...

А дальше манифест повторяет еще одну существенную мысль нашей резолюции, говоря, что социалистические партии и рабочие организации разных стран «*попрали* обязательства, вытекающие из решений конгрессов в Штутгарте, Копенгагене, Базеле», что также *не исполнило своего долга* Международное социалистическое бюро, что это неисполнение долга состояло в голосовании кредитов, в участии в министерстве, в признании «гражданского мира» (манифест называет подчинение ему *рабским*, т. е. обвиняет Геда, Плеханова, Каутского и К° в замене проповеди социализма проповедью *рабских* идей).

Спрашивается, последовательно ли это: говорить в «популярном» манифесте о нарушении своего долга рядом партий — общеизвестно, что речь идет о сильнейших партиях и рабочих организациях всех самых передовых стран, Англии, Франции, Германии — и не давать объяснения этому поразительному, неслыханному и невиданному факту? Неисполнение своего долга большинством

социалистических партий и самим Международным социалистическим бюро! Что же это? Случайность и крах отдельных лиц? Или это перелом целой эпохи? Если первое, если мы допускаем в массах подобную мысль, это равняется *нашему* отречению от основ социалистического учения. Если второе, как же можно не сказать об этом прямо? Всемирно-исторический момент, крах всего Интернационала, перелом целой эпохи, а мы *боимся* сказать массам, что надо искать и разыскать всю правду, что надо додумывать свои мысли до конца, что нелепо и смешно допускать предположение о крахе Международного социалистического бюро и ряда партий без связи этого явления с длительной историей возникновения, роста, созревания и *перезревания* общеевропейского оппортунистического течения, имеющего глубокие экономические корни — глубокие не в смысле неразрывной связи его с массами, а в смысле связи с определенным слоем общества.

Переходя к «борьбе за мир», манифест заявляет: «эта борьба есть борьба за свободу, за братство народов, за социализм» — и дальше поясняется, что на войне рабочие приносят жертвы «на службе господствующим классам», а надо уметь приносить жертвы «за свое дело» (дважды подчеркнуто в манифесте), «за священные цели социализма», а в резолюции о симпатии борцам, арестованным и преследуемым, говорится, что «Конференция торжественно обязуется чтить этих живых и умерших борцов *подражанием их примеру*» и что она ставит задачей «будить революционный дух в международном пролетариате».

Все эти мысли есть повторение той существенной мысли нашей резолюции, что борьба за мир без революционной борьбы есть пустая, лживая фраза, что единственный путь к избавлению от ужасов войны заключается в революционной борьбе за социализм. И опять недоговоренность, непоследовательность, робость: звать массы *подражать* революционным борцам, объявлять, что пятеро осужденных на ссылку в Сибирь членов РСДР Фракции продолжали «славные революционные традиции России», провозглашать необходимость «будить революционный дух» и... *не говорить* прямо, открыто, определенно о революционных средствах борьбы.

Следовало ли нашему Центральному Комитету подписывать страдающий непоследовательностью и робостью

манифест? Мы думаем, что да. О нашем несогласии, — о несогласии не только Центрального Комитета, но всей левой, *международной, революционно-марксистской* части конференции, — сказано открыто и в особой резолюции, и в особом проекте манифеста, и в особом заявлении по поводу голосования за компромиссный манифест. Мы не скрыли ни ноты из своих взглядов, лозунгов, тактики. На конференции было роздано немецкое издание брошюры: «Социализм и война»*. Мы распространили, распространяем и будем распространять наши взгляды не менее, чем будет распространяться манифест. Что этот манифест делает *шаг вперед* к действительной борьбе с оппортунизмом, к разрыву и расколу с ним, это факт. Было бы сектантством отказываться сделать этот шаг вперед *вместе* с меньшинством немцев, французов, шведов, норвежцев, швейцарцев, когда мы сохраняем полную свободу и полную возможность критиковать непоследовательность и добиваться большего**. Было бы плохой военной тактикой отказаться идти вместе с растущим международным движением протеста против социал-шовинизма из-за того, что это движение медленно, что оно делает «только» один шаг вперед, что оно готово и хочет завтра сделать шаг назад, пойти на мир со старым Международным социалистическим бюро. Готовность мириться с оппортунистами есть пока только пожелание, не более. Согласятся ли оппортунисты на мир? Возможен ли, *объективно*, мир между расходящимися все глубже и глубже *течениями* социал-шовинизма, каутскизма и революционного интернационалистского марксизма? Мы думаем, что нет, и мы поведем и дальше свою линию, ободренные *успехом* ее на конференции 5—8/IX.

Ибо успех нашей линии несомненен. Сравните факты. В сентябре 1914 г. манифест нашего Центрального Комитета — как будто одинокий. В марте 1915 года международная женская конференция с бедной пацифистской

* См. настоящий том, стр. 267—307, Ред.

** А что «ОК» и социал-революционеры подписали манифест, как дипломаты, сохранив все свои связи — и *всю свою связанность* — с «Нашей Зарей», Рубановичем и июльской (1915 г.) конференцией народных социалистов и социал-революционеров в России¹³² — это нас не пугает. Мы имеем достаточно возможности бороться с гнилой дипломатией и разоблачать ее. Она сама все более разоблачает себя. «Наша Заря» и фракция Чхеидзе *полагают* нам разоблачать Ансельерода и К^о.

революцией, за которой слепо идет ОК. В сентябре 1915 г. мы спланиваемся в целую группу международной левой, выступаем со своей тактикой, проводим ряд основных наших идей в общем манифесте, участвуем в образовании ИСК (Интернациональной социалистической комиссии), т. е. фактически нового Международного социалистического бюро, вопреки воле старого, на базе манифеста, прямо осуждающего тактику старого.

Рабочие России, которые в подавляющем большинстве шли за нашей партией и ее Центральным Комитетом еще в 1912—1914 годах, увидят теперь на опыте международного социалистического движения, что наша тактика подтверждается и на более широкой арене, что наши основные идеи разделяются все более и более обширной и лучшей частью пролетарского Интернационала.

*«Социал-Демократ» № 45—46,
11 октября 1916 г.*

*Печатается по тексту газеты
«Социал-Демократ»*

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ МАРКСИСТЫ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 5—8 СЕНТЯБРЯ 1915 г.

Идейная борьба на конференции шла между сплоченной группой интернационалистов, революционных марксистов и колеблющимися почти-каутскианцами, составлявшими правый фланг конференции. Сплочение указанной группы — один из самых важных фактов и один из самых больших успехов конференции. После целого года войны *единственным* течением в Интернационале, которое выступало с вполне определенной резолюцией, — а также с основанным на ней проектом манифеста, — и объединило последовательных марксистов России, Польши, Латышского края, Германии, Швеции, Норвегии, Швейцарии, Голландии, оказалось течение, представленное нашей партией.

Какие же доводы были выдвигаемы против нас колеблющимся? Немцы признавали, что мы идем навстречу революционным битвам, но — говорили они — о таких вещах, как братанье в траншеях, политические стачки, уличные демонстрации, гражданская война, не надо кричать на весь мир. Это делают, но об этом не говорят. А другие добавляли: это — ребячество, это — вспышконопускательство.

За эти до смешного, до неприличного противоречивые и уклончивые речи немецкие полуккаутскианцы наказали сами себя, приняв выражение симпатии и заявление о необходимости «подражать» членам РСДР Фрэнции, которые как раз распространяли наш ЦО «Социал-Демократ», «кричавший на весь мир» о гражданской войне.

Вы поступаете по дурному примеру Каутского, отвечали мы немцам: на словах признание грядущей революции,

на деле — отказ от того, чтобы говорить массам прямо о ней, звать к ней, намечать самые конкретные средства борьбы, которые масса испытывает, узаконяет в ходе революции. Маркс и Энгельс *из-за границы* — немецким филистерам казалось ужасным, что о революционных средствах борьбы хотят говорить *из-за границы!* — в 1847 году, в знаменитом «Манифесте коммунистической партии», звали к революции, говорили прямо и открыто о применении насилия, объявляли «презренным» делом сокрытие своих революционных целей, задач и приемов борьбы. Революция 1848 г. доказала, что *только* Маркс и Энгельс подходили к событиям с верной тактикой. В России, за несколько лет до революции 1905 г., в старой «Искре» 1901 г. Плеханов, бывший тогда марксистом, писал в статье, шедшей без подписи, как выражение взглядов всей редакции, о грядущем восстании и о таких путях подготовки его, как уличные демонстрации, и даже о таких технических приемах, как употребление проволоки для борьбы с кавалерией. Революция в России доказала, что только старые «искровцы» подходили к событиям с верной тактикой. И теперь: одно из двух. Либо мы действительно твердо убеждены, что война создает в Европе революционную ситуацию, что вся экономическая и социально-политическая обстановка империалистской эпохи ведет к революции пролетариата. Тогда наш безусловный долг разъяснять массам необходимость революции, звать к ней, создавать соответствующие организации, не бояться говорить самым конкретным образом о различных приемах насильственной борьбы и об ее «технике». Этот наш безусловный долг не зависит от того, будет ли революция достаточно сильна и наступит ли она в связи с 1-ой или 2-ой империалистской войной и т. п. Либо мы не уверены в том, что ситуация революционна, и тогда нечего по-пустому употреблять слова о войне с войной. Тогда мы на деле национал-либеральные рабочие политики аюдекумо-плехановского или каутскианского оттенка.

Французские делегаты тоже заявили, что, по их убеждению, теперешнее положение дел в Европе приведет к революции. Но, — говорили они, — мы пришли сюда не затем, чтобы «давать формулу III Интернационала», это во-1-х; а во-2-х, французский рабочий «не верит никому и ни во что»; он развращен и пресыщен анархистской и

арвейстской фразой. Первый довод неразумен, ибо в общем компромиссном манифесте все же «дана формула» III Интернационала, только непоследовательная, недоговоренная, недодуманная. Второй довод очень важен, как серьезный фактический довод, учет особого положения Франции — не в смысле обороны отечества и нашествия неприятеля, а в смысле «больных мест» французского рабочего движения. Но из этого учета вытекало бы лишь то, что французские социалисты, может быть, *медленнее* подходили бы к общевропейским революционным выступлениям пролетариата, а вовсе не то, что эти действия не нужны. Вопрос о том, с какой *быстротой* пролетариат разных стран, каким путем, в каких особых формах способен совершать переход к революционным действиям, этот вопрос вовсе и не ставился на конференции, да и нельзя было его ставить. Нет еще данных для него. Наше дело пока — сообщать *проповедывать* верную тактику, а там события покажут *темп* движения и видоизменения (национальные, локальные, профессиональные) общего русла. Если французский пролетариат развращен анархической фразой, то он развращен также и мильеранизмом; и не наше дело *усиливать* это развращение *недомолвками* манифеста.

Не кто иной, как сам Мергейм обронил характерную и глубоко верную фразу: «партия (социалистическая), Жуо (секретарь Генеральной конфедерации труда) и правительство — это три головы под одним колпаком». Это правда. Это факт, доказанный годичным опытом борьбы французских интернационалистов с партией и с гг. Жуо. Но вывод отсюда только один: нельзя бороться с правительством, не борясь с партиями оппортунистов и с главарями анархо-синдикализма. А задачи этой борьбы общий манифест, в отличие от нашей резолюции, только наметил, но не договорил до конца.

Один итальянец, возражая против нашей тактики, сказал: «ваша тактика является либо слишком поздно (ибо война уже начата), либо слишком рано» (ибо война еще не породила условий революции); и притом вы предлагаете «изменение программы» Интернационала, ибо всегда вел наша пропаганда велась «против насилия». Нам легко было ответить на это, — цитатой из «En garde!» («На страже!») Жюля Гада, — что никогда ни один влиятельный вождь II Интернационала не отрицал применения насилия и

непосредственно революционных приемов борьбы вообще. Всегда все говорили, что легальная борьба, парламентаризм и восстание взаимно связаны и неизбежно должны переходить друг в друга, смотря по изменению условий движения. Кстати, из той же книги «En garde!» была приведена нами цитата из речи Геда 1899 года, где он говорит о вероятности войны из-за рынков, колоний и т. п., указывая при этом, что если бы при такой войне оказались налицо Мильераны французский, немецкий, английский, то «что случилось бы с интернациональной солидарностью пролетариата?». Гед заранее осудил сам себя этой речью. А что касается до «несвоевременности» проповеди революции, то это возражение покоится на обычном у романских социалистов смешении понятий: начало революции они смешивают с открытой и прямой проповедью ее. В России начало революции 1905 года никто не признает ранее 9 января 1905 года; а революционная проповедь в самом узком смысле, пропаганда и подготовка массовых выступлений, демонстраций, стачек, баррикад велась годами до этого. Например, старая «Искра» с конца 1900 года вела эту проповедь, как Маркс вел ее с 1847 года, когда о начале революции в Европе не могло быть еще и речи.

Когда революция уже началась, тогда ее «признают» и либералы и другие враги ее, признают часто для того, чтобы обмануть и предать ее. Революционеры до наступления революции предвидят ее, сознают ее неизбежность, учат массы ее необходимости, разъясняют массам пути и способы ее.

Ирония истории сделала так, что именно Каутский и его друзья, пытавшиеся прямо вырвать из рук Гримма созыв конференции, пытавшиеся прямо сорвать конференцию левых (ближайшие друзья Каутского совершали даже поездки для этой цели, что было разоблачено Гриммом на конференции), именно они толкнули конференцию влево. Оппортунисты и каутскианцы своей практикой доказывают правильность позиции, занятой нашей партией.

ИСТИННЫЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ: КАУТСКИЙ, АКСЕЛЬРОД, МАРТОВ

Незадолго до Циммервальдской конференции вышла в Цюрихе по-немецки брошюра П. Аксельрода: «Кризис и задачи международной с.-д-тии». В цюрихской газете «Народное Право» появились затем две хвалебные статьи об этой брошюре, принадлежащие Л. Мартову. Мы не знаем, выступают ли оба автора по-русски с этими произведениями. Лучшей иллюстрации того, какими доводами защищают вожди ОК оппортунизм и социал-шовинизм, не найти.

Красной нитью через всю брошюру проходит борьба против «опасностей, грозящих единству партии». «Раскол и смута» — вот чего боится Аксельрод, вот о чем он говорит с бесконечными повторениями до назойливости часто. Не подумайте, что смутой и расколом кажется ему теперешнее положение с.-д-тии, союз ее вождей с той или иной национальной буржуазией. Нет! Смутой называет Аксельрод ясное размежевание и разделение с социал-шовинистами. Каутского Аксельрод зачисляет в разряд товарищей, «коих интернациональное чувство и сознание выше всякого сомнения». При этом на протяжении 46 страниц ни тени попытки свести воедино взгляды Каутского, точно процитировать их, взвесить, не заключается ли шовинизм в признании идеи защиты отечества в данной войне. Ни слова по существу. Ни звука о наших доводах. Зато «донос по начальству»: Ленин на реферате в Цюрихе называл-де Каутского шовинистом, филистером, изменником (стр. 21)... Это же не литература, любезные Мартов и Аксельрод, а какая-то «письменность» полицейского участка!

«На Западе»... «нет той разновидности сверхчеловеков, которые используют всякий партийный кризис, всякое трудное положение, чтобы выступить в роли единственного спасателя партии от гибели и чтобы с легким сердцем вести внутреннюю партийную политику смуты и дезорганизации» (22). Что это такое? литература?

Но если «на Западе» нет таких сверхчудовищ, которые «самого» Каутского и Аксельрода считают шовинистами и оппортунистами и при мысли о которых любезный Аксельрод трепещет от злобы и изливает потоки такой изящной и благоуханной... «лирики», то как же мог Аксельрод двумя страницами раньше написать:

«Если принять во внимание растущее возмущение во все более широких партийных кругах, особенно в Германии и Франции, против той политики «держаться до конца», которую ведут наши ответственные партийные учреждения, то представляется отнюдь не невозможным, что практические тенденции ленинской пропаганды в состоянии проникнуть различными каналами и в ряды западной с.-д.».

Значит, дело не в истинно-русских сверхчудовищах, обижающих любезного Аксельрода! Значит, *интернациональный* шовинизм официальных партий — и в Германии и во Франции, как признал сам Аксельрод, это заметьте! — вызывает возмущение и отпор *интернациональных* революционных с.-д. Перед нами, следовательно, *два течения*. Оба интернациональны. Аксельрод сердится и бранится потому, что не понимает неизбежности обоих течений, неизбежности решительной борьбы между ними, а затем потому, что ему совестно, неловко и невыгодно открыто признать его собственную позицию, состоящую в стремлении *казаться* интернационалистом, а *быть* шовинистом.

«Проблема интернационализации рабочего движения не тождественна с вопросом о революционизировании наших форм и методов борьбы»... это, видите ли, «идеологическое объяснение» сводить все к оппортунизму и игнорировать «громадную силу» «патриотических идей», «являющихся продуктами тысячелетнего исторического процесса»... «надо стремиться создать в рамках этого, буржуазного, общества реальную *действительность* (курсив Аксельрода), объективные жизненные условия, по крайней мере для борющихся рабочих масс, каковы условия могли бы

ослаблять указанную зависимость», именно: «зависимость масс от исторически сложившихся национальных и территориальных общественных образований». «Например, — поясняет свою глубокую мысль Аксельрод, — законодательство об охране труда и о страховании, а также различные другие важные политические требования, наконец, и культурно-просветительные потребности и стремления рабочих должны стать объектом *интернациональных* (курсив Аксельрода) действий и организаций» пролетариев отдельных стран. Все дело в «интернационализации именно «будничной» борьбы за требования сегодняшнего дня»...

Ну, вот и прекрасно! А то какие-то сверхчудовища придумали там борьбу с оппортунизмом! Истинный интернационализм — курсивом — и настоящий «марксизм», не удовлетворяющийся «идеологическими» объяснениями, состоит в заботе об интернационализации страхового законодательства! Какая гениальная мысль... без всякой «борьбы, расколов, смуты» все интернациональные оппортунисты, все интернациональные либералы, от Ллойда-Джорджа до Фр. Наумана и от Леруа-Болье до Милюкова, Струве и Гучкова, обеими руками подпишут этот научный, глубокий, объективный «интернационализм» Аксельрода, Мартова и Каутского.

Перлы «интернационализма»: Каутский — если я защищаю свое отечество в империалистской войне, т. е. войне из-за грабежа и порабощения чужих стран, и признаю за рабочими других воюющих стран право на защиту их отечества, то это и есть истинный интернационализм. Аксельрод — не увлекаясь «идеологическими» нападками на оппортунизм, надо реально бороться с тысячелетним национализмом посредством (тоже тысячелетнего) интернационализирования будничной работы в области страховых законов. Мартов согласен с Аксельродом!

Фразы Аксельрода о тысячелетних корнях национализма и т. п. имеют совершенно такое же политическое значение, как речи русских крепостников перед 1861-м годом о тысячелетних корнях крепостного права. Эти фразы — вода на мельницу реакционеров и буржуазии, ибо Аксельрод умалчивает, — скромно умалчивает, — о том, что десятилетия капиталистического развития, особенно после 1871-го года, создали именно те *объективные* интернациональные связи между пролетариями всех стран, которые

как раз теперь, как раз в данный момент надо реализовать в интернационально-революционных действиях. Аксельрод против таких действий. Он за напоминание о тысячелетних корнях кнута и против действий, направленных к уничтожению кнута!

Ну, а как же быть с пролетарской революцией? Базельский манифест 1912 года говорил о ней в связи с этой, грядущей, — и через два года вспыхнувшей, — войной. Аксельрод считает, должно быть, этот манифест легкомысленной «идеологией» — выраженьице совсем в духе «марксизма» à la* Струве и Кунов! — и не говорит о нем ни словечка. От революции же он отделяется следующим образом:

«Тенденция видеть рычаг к преодолению национализма единственно и исключительно в бурных революционных массовых действиях или восстаниях имела бы еще известное оправдание, если бы мы стояли непосредственно накануне социальной революции, подобно тому, например, как дело было в России со времени студенческих демонстраций 1901-го года, бывших предвестниками приближения решающих битв против абсолютизма. Но даже те товарищи, которые строят все свои надежды на быстром наступлении бурного революционного периода, не рискуют утверждать наверное, что решающее столкновение пролетариата с буржуазией предстоит непосредственно. Напротив, они тоже рассчитывают на период, длящийся десятилетия» (стр. 41). И дальше, разумеется, громы против «утопии» и «бакунистов» в русской эмиграции.

Но пример, взятый Аксельродом, разоблачает нашего оппортуниста бесподобно. Мог ли кто-нибудь, не сойдя с ума, «утверждать наверное», в 1901 году, что решающая борьба с абсолютизмом в России «предстоит непосредственно»? Никто не мог, никто не утверждал. Никто не мог тогда знать, что *через четыре года* предстоит одна из решающих битв (декабрь 1905 г.); а следующая «решающая» битва с абсолютизмом «предстоит», может быть, в 1915—1916 гг., а может быть и позже.

Если никто не утверждал, не только наверное, а и вообще не утверждал в 1901 году, что решающая битва предстоит «непосредственно», если мы утверждали тогда,

* — вроде. Реэ.

что «истерические» крики Кричевского, Мартынова и Ко о «непосредственной» битве несерьезны, то мы, революционные с.-д., утверждали тогда *наверное* иную вещь: мы утверждали тогда, что только безнадежные оппортунисты могли в 1901 году не понимать задачи *непосредственной поддержки* революционных демонстраций 1901-го года, поощрения, развития их, пропаганды самых решительных революционных лозунгов для них. И история оправдала нас, только нас, осудив оппортунистов и выкинув их надолго вон из рабочего движения, хотя «непосредственно» решающей битвы *не* предстояло, хотя первая решающая битва произошла *только* через четыре года и все же оказалась непоследней, значит, нерешающей.

Совершенно то же самое, буквально то же самое переживает Европа теперь. Ни тени сомнения не может быть, что в Европе 1915-го года есть налицо революционная ситуация, как была в России 1901-го года. Мы не можем знать, произойдет ли первая «решающая» битва пролетариата с буржуазией через четыре года или через два или через десять и более лет, — последует ли «вторая» «решающая» битва еще через десятилетие. Но мы твердо знаем и «наверное» утверждаем, что теперь наш немедленный и непосредственный долг поддерживать родившееся брожение и демонстрации, которые *уже* начались. В Германии толпа освистывала Шейдемана, во многих странах толпа демонстрировала против дороговизны. От этой прямой и безусловной обязанности с.-д. Аксельрод увертывается и отговаривает рабочих. Если брать политический смысл и итог рассуждений Аксельрода, то вывод может быть только один: Аксельрод *вместе* с вождями социал-патриотизма и социал-шовинизма *против* немедленной пропаганды и подготовки революционных действий. В этом суть. Все остальное — слова.

Мы стоим, *несомненно*, накануне социалистической революции. Это признавали и «осторожнейшие» теоретики вроде Каутского еще в 1909 году («Путь к власти»), это признал и единогласно принятый Базельский манифест 1912 года. Как в 1901 г. мы не знали, продолжится ли с этого времени «канун» первой русской революции четыре года, так мы не знаем этого и теперь. Революция может состоять и, вероятно, будет состоять из долголетних битв, из нескольких периодов натиска, с промежутками

контрреволюционных судорог буржуазного строя. Вся соль теперешнего политического положения состоит всецело в том, использовать ли революционную ситуацию, которая уже есть налицо, поддержкой и развитием *революционных* движений. Да или нет. По этому вопросу делятся сейчас, политически, социал-шовинисты и революционные интернационалисты. И в этом вопросе Каутский, Аксельрод и Мартов на стороне социал-шовинистов, несмотря на революционные фразы всех их, как и пяти заграничных секретарей ОК.

Свою защиту социал-шовинизма Аксельрод прикрывает необыкновенно щедрой фразеологией. Его брошюра годится в образец — для иллюстрации того, *как* прикрывают свои воззрения, *как* пользуются языком и печатным словом для сокрытия своих мыслей. Аксельрод бесчисленное количество раз склоняет слово интернационализм, он порицает и социал-патриотов и их друзей за нежелание подвинуться влево, он намекает, что он «левее» Каутского, он говорит и о необходимости III Интернационала, который должен быть так силен, чтобы на попытки буржуазии зажечь мировой пожар войны ответить «не угрозами, а воспламенением революционного штурма» (14) и т. д. и т. п. без конца. На словах Аксельрод готов признать все, что угодно, вплоть до революционного штурма, а на деле он хочет единства с Каутским и, следовательно, с Шейдеманом в Германии, с шовинистским и контрреволюционным «Нашим Делом» и фракцией Чхеидзе в России, на деле он *против* того, чтобы *сейчас* поддерживать и развивать *начинающееся революционное движение*. На словах все, на деле ничто. Клятва и божба, что мы «интернационалисты» и революционеры, а на деле поддержка социал-шовинистов и оппортунистов всего мира в их борьбе против революционных интернационалистов.

Написано не ранее 28 сентября
(11 октября) 1915 г.

Впервые напечатано в 1924 г. в жур-
нале «Пролетарская Революция»
№ 3 (26)

Печатается по рукописи

НЕСКОЛЬКО ТЕЗИСОВ

ОТ РЕДАКЦИИ

Приведенный в этом номере материал показывает, какую громадную работу развернул Петербургский комитет нашей партии. Для России и для всего Интернационала это — поистине образец социал-демократической работы во время реакционной войны, при самых трудных условиях. Рабочие Питера и России всеми силами поддержат эту работу и поведут ее дальше, энергичнее, сильнее, шире по тому же пути.

Считаясь с указаниями товарищей из России, мы формулируем несколько тезисов по злободневным вопросам социал-демократической работы: 1) Лозунг «учредительного собрания», как самостоятельный лозунг, неверен, ибо песь вопрос *теперь* в том, кто созовет его. Либералы принимали этот лозунг в 1905 году, ибо его *можно* было толковать в смысле созванного царем и соглашающегося с ним собрания. Правильнее всего лозунги «трех китов» (демократическая республика, конфискация помещичьей земли и 8-часовой рабочий день) с добавлением (ср. № 9) призыва к международной солидарности рабочих в борьбе за социализм, за революционное свержение воюющих правительств и против войны. — 2) Мы против участия в всенно-промышленных комитетах¹³³, помогающих вести империалистскую, реакционную войну. Мы за использование выборной кампании, напр., за участие на первой стадии выборов *только* в агитационных и организационных целях. — О бойкоте Государственной думы не может быть и речи. Участие в перевыборах *безусловно необходимо*. Пока в Государственной думе нет депутатов нашей партии, необходимо использовать все происходящее в Думе с точки зрения революционной социал-демократии. — 3) Самыми очередными и насущными задачами мы считаем упрочение и расширение социал-демократической работы в пролетариате, а затем распространение ее на сельский пролетариат, на деревенскую бедноту и на войско. —

Важнейшей задачей революционной социал-демократии является — развивать начавшееся стачечное движение, проводя его под лозунгом «трех китов». В агитации необходимо отводить должное место требованию немедленного прекращения войны. Среди других требований рабочие не должны забывать о требовании — вернуть немедленно рабочих депутатов, членов РСДР Фракции. — 4) Советы рабочих депутатов и т. п. учреждения должны рассматриваться, как органы восстания, как органы революционной власти. Лишь в связи с развитием массовой политической стачки и в связи с восстанием, по мере его подготовки, развития, успеха, могут принести прочную пользу эти учреждения. — 5) Социальным содержанием ближайшей революции в России может быть только революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Революция не может победить в России, не свергнув монархию и крепостников-помещиков. А свергнуть их нельзя без поддержки пролетариата крестьянством. Шаг вперед расслоения деревни на «хуторян-помещиков» и на сельских пролетариев не уничтожил гнета Марковых и К^о над деревней. За необходимость *отдельной* организации сельских *пролетариев* мы стояли и стоим безусловно, во всех и всяких случаях. — 6) Задача пролетариата России — довести до конца буржуазно-демократическую революцию в России, *дабы* разжечь социалистическую революцию в Европе. Эта вторая задача теперь чрезвычайно приблизилась к первой, но она остается все же особой и второй задачей, ибо речь идет о *разных классах*, сотрудничающих с пролетариатом России: для первой задачи сотрудник — мелкобуржуазное крестьянство России, для второй — пролетариат других стран. — 7) Участие социал-демократов во Временном революционном правительстве вместе с демократической мелкой буржуазией мы считаем, по-прежнему, допустимым, но только *не* с революционерами-шовинистами. — 8) Революционерами-шовинистами мы считаем тех, кто хочет победы над царизмом для победы над Германией, — для грабежа других стран; — для упрочения господства великороссов над другими народами России и т. д. Основа революционного шовинизма — классовое положение мелкой буржуазии. Она всегда колеблется между буржуазией и пролетариатом. Теперь она колеблется между шовинизмом (который мешает ей быть

последовательно-революционной даже в смысле демократической революции) и пролетарским интернационализмом. Политические выразители этой мелкой буржуазии в России в данный момент — трудовики, социал-революционеры, «Наша Заря», фракция Чхеидзе, ОК, г. Плеханов и тому подобные. — 9) Если бы в России победили революционеры-шовинисты, мы были бы против обороны *их* «отечества» в данной войне. Наш лозунг — против шовинистов, хотя бы революционеров и республиканцев, *против них и за* союз международного пролетариата для социалистической революции. — 10) На вопрос, возможна ли руководящая роль пролетариата в буржуазной русской революции, мы отвечаем: да, возможна, *если* мелкая буржуазия в решающие моменты качнется влево, а ее толкает влево не только наша пропаганда, но и ряд объективных факторов, экономических, финансовых (тяжести войны), военных, политических и пр. — 11) На вопрос, что бы сделала партия пролетариата, если бы революция поставила ее у власти в теперешней войне, мы отвечаем: мы предложили бы мир *всем* воюющим на условии освобождения колоний и *всех* зависимых, угнетенных и неполноправных народов. Ни Германия, ни Англия с Францией не приняли бы, при теперешних правительствах *их*, этого условия. Тогда мы должны были бы подготовить и повести революционную войну, т. е. не только полностью провели бы самыми решительными мерами всю нашу программу-минимум, но и систематически стали бы поднимать на восстание все ныне угнетенные великороссами народы, все колонии и зависимые страны Азии (Индию, Китай, Персию и пр.), а также — и в первую голову — поднимали бы на восстание социалистический пролетариат Европы против его правительств и вопреки его социал-шовинистам. Не подлежит никакому сомнению, что победа пролетариата в России дала бы необыкновенно благоприятные условия для развития революции и в Азии и в Европе. Это доказал *даже* 1905-ый год. А международная солидарность революционного пролетариата есть *факт*, вопреки грязной пене оппортунизма и социал-шовинизма. — Выставляя эти тезисы для обмена мнений с товарищами, мы будем развивать наши взгляды в следующих номерах ЦО.

1626 Das revolutionäre Proletariat und
 24 das Selbstbestimmungsrecht der Nationen: !

Das Zimmerwälder Manuskript, sowie auch die
 Mehrzahl der Programme oder der taktischen Resolutionen
 der sozialdem. Parteien, proklamieren das Selbstbestim-
 mungsrecht der Nationen. Gen. Parabellum) in den Nr.
 252-3 der "Hamer Tagwacht" (erklärt für illusorisch)
 den Kampf um das nicht existierende Selbstbestimmungs-
 " für Illusionen"
 recht als und stellt denselben den "revolutionären Mas-
 senkampf des Proletariats gegen den Kapitalismus" entgegen,
 indem er verneint, daß wir gegen die "Anexionen" ziele
 (diese Verneinung ist fünf Mal im Artikel des Gen. P.
 wiederholt worden) sowie auch gegen alle "nationale Ge-
 walttate".

Die Motivierung des Hauptpunktes des Gen. P. über
 die Selbstbestimmungsrechte

Первая страница рукописи В. И. Ленина «Революционный пролетариат
 и право наций на самоопределение». — 1915 г. (на немецком языке)

Уменьшено

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЛЕТАРИАТ И ПРАВО НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

Циммервальдский манифест, как и большинство программ или тактических резолюций с.-д. партий, провозглашает «право наций на самоопределение». Парабеллум¹³⁴ в №№ 252—253 «Berner Tagwacht»* объявляет «иллюзорной» борьбу за несуществующее право на самоопределение и противопоставляет ей «революционную массовую борьбу пролетариата против капитализма», уверяя при этом, что «мы против аннексий» (это утверждение пять раз повторено в статье Парабеллума) и против всяких насилий над нациями.

Мотивировка позиции Парабеллума сводится к тому, что теперь все национальные вопросы, эльзас-лотарингский, армянский и др. суть вопросы империализма, — что капитал перерос рамки национальных государств, — что нельзя «повернуть колесо истории назад» к отжившему идеалу национальных государств и т. д.

Посмотрим, правильны ли рассуждения Парабеллума.

Во-первых, именно Парабеллум смотрит назад, а не вперед, когда, идя в поход против принятия рабочим классом «идеала национального государства», обращает свои взоры на Англию, Францию, Италию, Германию, т. е. на страны, где национально-освободительное движение лежит в прошлом, а не на Восток, Азию, Африку, колонии, где это движение лежит в настоящем и будущем. Достаточно назвать Индию, Китай, Персию, Египет.

Далее. Империализм означает перерастание капиталом рамок национальных государств, он означает расширение

* — «Бернский Часовой». Ред.

и обострение национального гнета на новой исторической основе. Отсюда вытекает, вопреки Парабеллуму, именно то, что мы должны *связать* революционную борьбу за социализм с революционной программой в национальном вопросе.

У Парабеллума выходит так, что *во имя* социалистической революции он с пренебрежением отбрасывает последовательно революционную программу в демократической области. Это неправильно. Пролетариат не может победить иначе, как через демократию, т. е. осуществляя демократию полностью и связывая с каждым шагом своей борьбы демократические требования в самой решительной их формулировке. Нелепо *противопоставлять* социалистическую революцию и революционную борьбу против капитализма *одному* из вопросов демократии, в данном случае национальному. Мы должны *соединить* революционную борьбу против капитализма с революционной программой и тактикой по отношению ко *всем* демократическим требованиям: и республики, и милиции, и выбора чиновников народом, и равноправия женщин, и самоопределения наций и т. д. Пока существует капитализм, все эти требования осуществимы лишь в виде исключения и притом в неполном, искаженном виде. Опираясь на осуществленный уже демократизм, разоблачая его неполноту при капитализме, мы требуем свержения капитализма, экспроприации буржуазии, как необходимой базы и для уничтожения нищеты масс и для *полного и всестороннего* проведения *всех* демократических преобразований. Одни из этих преобразований будут начаты до свержения буржуазии, другие *в ходе* этого свержения, третьи после него. Социальная революция не одна битва, а эпоха целого ряда битв по всем и всяческим вопросам экономических и демократических преобразований, завершаемых лишь экспроприацией буржуазии. Как раз во имя этой конечной цели мы должны дать последовательно революционную формулировку *каждого* из наших демократических требований. Вполне мыслимо, что рабочие какой-либо определенной страны свергнут буржуазию *до* осуществления хотя бы одного коренного демократического преобразования полностью. Но совершенно немыслимо, чтобы пролетариат, как исторический класс, мог победить буржуазию, если он не будет подготовлен к этому воспитанием

в духе самого последовательного и революционно-решительного демократизма.

Империализм есть прогрессирующее угнетение наций мира горсткой великих держав, есть эпоха войн между ними за расширение и упрочение гнета над нациями, эпоха обмана народных масс лицемерными социал-патриотами, т. е. людьми, которые *под предлогом* «свободы наций», «права наций на самоопределение» и «обороны отечества» оправдывают и защищают угнетение большинства наций мира великими державами.

Поэтому в программе с.-д. центральным местом должно быть именно то разделение наций на угнетающие и угнетенные, которое составляет *суть* империализма и которое *ложиво* обходят социал-шовинисты и Каутский. Это разделение не существенно с точки зрения буржуазного пацифизма или мещанской утопии мирной конкуренции независимых наций при капитализме, но оно как раз существенно с точки зрения революционной борьбы против империализма. А из этого разделения должно вытекать *наше*, последовательно демократическое, революционное и *соответствующее* общей задаче немедленной борьбы за социализм, определение «права наций на самоопределение». Во имя этого права, отстаивая его нелицемерное признание, с.-д. угнетающих наций должны требовать свободы отделения наций угнетенных, — ибо в противном случае признание равноправия наций и интернациональной солидарности рабочих было бы на деле лишь пустым словом, лишь лицемерием. А с.-д. угнетенных наций во главу угла должны ставить единство и слияние рабочих угнетенных наций с рабочими угнетающих наций, — ибо в противном случае эти с.-д. окажутся невольно союзниками той или иной национальной *буржуазии*, *всегда* предающей интересы народа и демократии, *всегда* готовой, в свою очередь, к аннексиям и к угнетению других наций.

Поучительным примером может служить постановка национального вопроса в конце 60-х гг. прошлого века. Мелкобуржуазные демократы, чуждые всякой мысли о классовой борьбе и о социалистической революции, рисовали себе утопию мирной конкуренции свободных и равноправных наций при капитализме. Прудонисты вовсе «отрицали» национальный вопрос и право наций на самоопределение, с точки зрения непосредственных задач социальной

революции. Маркс высмеивал французский прудонизм, показывал его родство с французским шовинизмом («вся Европа может и должна сидеть тихо и смиренно на своей задней, пока господа во Франции отменят нищету» ... «под отрицанием национальностей они, сами того не сознавая, понимают, кажется, их поглощение образцовой французской нацией»). Маркс требовал *отделения Ирландии* от Англии, — «хотя бы после отделения дело и пришло к федерации» — и требовал его не с точки зрения мелкобуржуазной утопии мирного капитализма, не из «справедливости к Ирландии»¹³⁵, а с точки зрения интересов революционной борьбы пролетариата *угнетающей, т. е. английской, нации* против капитализма. Свободу *этой* нации связывало и уродовало то, что она угнетала другую нацию. Интернационализм *английского* пролетариата оставался бы лицемерной фразой, если бы *он* не требовал отделения Ирландии. Не будучи никогда сторонником ни мелких государств, ни государственного дробления вообще, ни принципа федерации, Маркс рассматривал отделение угнетенной нации, как шаг к федерации и, следовательно, не к дроблению, а к концентрации и политической и экономической, но к концентрации на базе демократизма. С точки зрения Парабеллума, Маркс вел, вероятно, «иллюзорную борьбу», когда выставлял это требование отделения Ирландии. А на деле *только* такое требование было последовательно революционной программой, только оно отвечало интернационализму, только оно отстаивало концентрацию *не по-империалистически*.

Империализм наших дней привел к тому, что угнетение наций великими державами стало общим явлением. Именно точка зрения борьбы с социал-шовинизмом великодержавных наций, которые ведут теперь империалистскую войну ради укрепления гнета над нациями и которые угнетают большинство наций мира и большинство населения земли, именно эта точка зрения должна быть решающей, главной, основной в национальной программе с.-д.

Посмотрите же на теперешние направления с.-д. мысли в этом вопросе. Мелкобуржуазные утописты, мечтающие о равенстве и мире наций при капитализме, уступили место социал-империалистам. Воюя с первыми, Парабеллум воюет с ветряными мельницами, играя неволью

наруку вторым. Какова программа социал-шовинистов в национальном вопросе?

Либо они вовсе отрицают право на самоопределение, приводя доводы вроде парабеллумовских (Кунов, Парвус, русские оппортунисты: Семковский, Либман и пр.). Либо они признают это право явно лицемерным образом, именно не применяя его как раз к тем нациям, которые угнетены их собственной нацией или военным союзником собственной нации (Плеханов, Гайндман, все франкофильские патриоты, затем Шейдеман и пр. и пр.). Наиболее благовидную, и потому наиболее опасную для пролетариата, формулировку социал-шовинистской лжи дает Каутский. На словах он за самоопределение наций, на словах он за то, чтобы с.-д. партия «die Selbständigkeit der Nationen allseitig (!!) und rückhaltlos (??) achtet und fordert»* («Neue Zeit», 33, II S. 241; 21 V 1915). А на деле он приспособляет национальную программу к господствующему социал-шовинизму, искажает и урезывает ее, не определяет точно обязанностей социалистов угнетающих наций и даже прямо фальсифицирует демократический принцип, говоря, что требовать «государственной самостоятельности» (staatliche Selbständigkeit) для каждой нации значило бы требовать «чрезмерного» («zu viel», «Neue Zeit», 33, II 77; 16 IV 1915). Довольно, изволите видеть, «национальной автономии»!! Как раз тот главный вопрос, которого не позволяет касаться империалистская буржуазия, — вопрос о границах государства, строящегося на угнетении наций, Каутский и обходит, выкидывая из программы самое существенное в угоду этой буржуазии. Буржуазия готова обещать какое угодно «равноправие наций» и какую угодно «национальную автономию», лишь бы пролетариат остался в рамках легальности и «мирно» подчинился ей в вопросе о границах государства! Национальную программу с.-д.-тии Каутский формулирует реформистски, а не революционно.

Национальную программу Парабеллума, вернее его уверения, что «мы против аннексий», Parteivorstand**, Каутский, Плеханов и К^о подписывают обеими руками, именно потому, что эта программа не разоблачает господствующих социал-патриотов. Эту программу подпишут и

* — «всесторонне (!!) и безоговорочно (??) уважала и отстаивала самостоятельность наций». *Ред.*

** — Правление Германской с.-д. партии. *Ред.*

буржуа-пацифисты. Прекрасная *общая* программа Парабеллума («революционная массовая борьба против капитализма») служит ему, — как и прудонистам 60-х годов, — не для того, чтобы в соответствии с ней, в духе ее выработать непримиримую, столь же революционную программу в надписальном вопросе, а для того, чтобы очистить здесь поле перед социал-патриотами. Большинство социалистов мира принадлежит в нашу империалистскую эпоху к нациям, угнетающим другие нации и стремящимся расширить это угнетение. Поэтому наша «борьба против аннексий» останется бессодержательной, несколько не страшной для социал-патриотов борьбой, если мы не будем заявлять: тот социалист угнетающей нации, который не ведет и во время мира и во время войны пропаганды свободы отделения угнетенных наций, не социалист и не интернационалист, а шовинист! Тот социалист угнетающей нации, который не ведет этой пропаганды вопреки запретам правительства, т. е. в свободной, т. е. в нелегальной печати, остается лицемерным сторонником равноправия наций!

Про Россию, которая не завершила еще своей буржуазно-демократической революции, Парабеллум сказал *одну* единственную фразу:

«Selbst das wirtschaftlich sehr zurückgebliebene Russland hat in der Haltung der Polnischen, Lettischen, Armenischen Bourgeoisie gezeigt, dass nicht nur die militärische Bewachung es ist, die die Völker in diesem «Zuchthaus der Völker» zusammenhält, sondern Bedürfnisse der kapitalistischen Expansion, für die das ungeheure Territorium ein glänzender Boden der Entwicklung ist»*.

Это не «с.-демократическая точка зрения», а либерально-буржуазная, не интернационалистская, а великорусско-шовинистская. Видимо, с этим последним шовинизмом очень мало знаком Парабеллум, столь превосходно борющийся с немецкими социал-патриотами. Чтобы сделать из этой фразы Парабеллума с.-демократическое положение и с.-д. выводы, ее надо переделать и дополнить следующим образом:

* — «Даже очень отставшая в хозяйственном отношении Россия показала на поведении польской, латышской и армянской буржуазии, что не только военная стража удерживает народы в этой «тюрьме народов», но и потребности капиталистической экспансии, для которой громадная территория является блестящей почвой для развития». *Ред.*

Россия есть тюрьма народов не только в силу военно-феодалного характера царизма, не только потому, что буржуазия великорусская поддерживает царизм, но и потому, что буржуазия польская и т. д. интересам капиталистической экспансии принесла в жертву свободу наций, как и демократизм вообще. Пролетариат России не может ни идти во главе народа на победоносную демократическую революцию (это его ближайшая задача), ни бороться вместе со своими братьями-пролетариями Европы, за социалистическую революцию, не требуя уже сейчас, полностью и «rückhaltlos»* свободы отделения всех угнетенных царизмом наций от России. Мы требуем этого не независимо от нашей революционной борьбы за социализм, а потому, что эта последняя борьба останется пустым словом, если не связать ее воедино с революционной постановкой всех демократических вопросов, в том числе и национального. Мы требуем свободы самоопределения, т. е. независимости, т. е. свободы отделения угнетенных наций не потому, чтобы мы мечтали о хозяйственном раздроблении или об идеале мелких государств, а наоборот потому, что мы хотим крупных государств и сближения, даже слияния, наций, но на истинно демократической, истинно интернационалистской базе, *немыслимой* без свободы отделения. Как Маркс в 1869 г. требовал отделения Ирландии не для дробления, а для дальнейшего свободного союза Ирландии с Англией, не из «справедливости к Ирландии», а ради интереса революционной борьбы английского пролетариата, так и мы считаем отказ социалистов России от требования свободы самоопределения наций, в указанном нами смысле, прямой изменой демократии, интернационализму и социализму.

*Написано на немецком языке
не ранее 16 (29) октября 1915 г.*

*Впервые напечатано в 1927 г.
в Ленинском сборнике VI*

*Печатается по переводу с немецкого,
сделанному Н. К. Крупской с по-
правками В. И. Ленина*

* — «безоговорочно». Ред.

О ДВУХ ЛИНИЯХ РЕВОЛЮЦИИ

В «Призыве»¹³⁶, № 3, г. Плеханов пытается поставить основной теоретический вопрос о грядущей революции в России. Он берет одну цитату из Маркса, где говорится, что революция 1789 г. во Франции шла по восходящей линии, а 1848-го г. по нисходящей. В первом случае власть переходила постепенно от более умеренной партии к более левой: конституционалисты — жирондисты — якобинцы. Во втором — наоборот (пролетариат — мелкобуржуазные демократы — буржуазные республиканцы — Наполеон III). «Желательно», умозаключает наш автор, «направить русскую революцию по восходящей линии», т. е. чтобы власть сначала перешла к кадетам и октябристам, потом к трудовикам, затем к социалистам. Вывод из этого рассуждения делается, конечно, тот, что неразумны левые в России, не желающие поддерживать кадетов и преждевременно дискредитирующие их.

Это «теоретическое» рассуждение г. Плеханова представляет из себя еще и еще один образец подмена марксизма либерализмом. Г. Плеханов сводит дело к вопросу, «правильны» или «неправильны» были «стратегические понятия» передовых элементов? Маркс рассуждал иначе. Он указывал факт: революция в обоих случаях шла по-разному, а *объяснения* этой разницы Маркс *не* искал в «стратегических понятиях». Смешно, с точки зрения марксизма, искать ее в понятиях. Ее надо искать в различии *соотношения классов*. Тот же самый Маркс писал, что в 1789 г. буржуазия во Франции соединилась с крестьянством и что в 1848 г. мелкобуржуазная демократия изменила пролетариату. Г. Плеханов знает это мнение Маркса, но молчит

о нем, чтобы подделывать Маркса «под Струве». Во Франции 1789 г. дело шло о свержении абсолютизма и дворянства. Буржуазия, на тогдашней ступени экономического и политического развития, верила в гармонию интересов, не боялась за прочность своего господства и шла на союз с крестьянством. Этот союз обеспечил полную победу революции. В 1848 г. дело шло о свержении буржуазии пролетариатом. Последнему не удалось привлечь к себе мелкой буржуазии, и ее измена вызвала поражение революции. Восходящая линия была в 1789 г. формой революции, в которой масса народа победила абсолютизм. Нисходящая линия 1848 г. была формой революции, когда измена пролетариату со стороны массы мелкой буржуазии вызвала поражение революции.

Г. Плеханов марксизм подменил вульгарным идеализмом, сводя дело к «стратегическим понятиям», а не к соотношению классов.

Опыт русской революции 1905 года и контрреволюционной эпохи после нее говорит нам, что у нас наблюдались две линии революции в смысле борьбы двух классов, пролетариата и либеральной буржуазии, за руководящее влияние на массы. Пролетариат выступал революционно и вел за собой демократическое крестьянство на свержение монархии и помещиков. Что крестьянство проявляло революционные стремления в демократическом смысле, это доказали в *массовых* размерах *все* крупные политические события: и крестьянские восстания 1905—1906 гг., и военные волнения тех же лет, и «крестьянский союз» 1905 г., и обе первые Думы, где *крестьяне-трудовики* выступали не только «левее кадетов», но и *революционнее* интеллигентов-социал-революционеров и трудовиков. Об этом, к сожалению, часто забывают, но это — факт. И в III и в IV Думах *крестьяне-трудовики* показали, при всей их слабости, что деревенские массы настроены *против* помещиков.

Первая линия русской буржуазно-демократической революции, взятая из фактов, а не из «стратегической» болтовни, состояла в том, что решительно боролся пролетариат, нерешительно шло за ним крестьянство. Шли оба эти класса против монархии и против помещиков. Недостаток силы и решительности этих классов вызвали поражение (хотя частичная брешь в самодержавии была все же пробита).

Второй линией было поведение либеральной буржуазии. Мы, большевики, всегда говорили, особенно с весны 1906-го года, что ее представляют кадеты и октябристы, как *единая* сила. Десятилетие 1905—1915 гг. подтвердило наш взгляд. В решающие моменты борьбы кадеты вместе с октябристами изменяли демократии и «шли» помогать царю и помещикам. «Либеральная» линия русской революции состояла в «успокоении» и раздроблении борьбы масс, ради примирения буржуазии с монархией. И международная обстановка русской революции, и сила русского пролетариата делала такое поведение либералов неизбежным.

Большевики сознательно помогали пролетариату идти по первой линии, бороться с беззаветной смелостью и вести за собой крестьянство. Меньшевики скатывались постоянно на вторую линию, развращая пролетариат приспособлением его движения к либералам, начиная с приглашения идти в булыгинскую Думу (август 1905 г.), кончая кадетским министерством 1906-го г. и блоком с кадетами *против* демократии в 1907 г. (С точки зрения г. Плеханова — заметим в скобках — «правильные стратегические понятия» кадетов и меньшевиков потерпели тогда поражение. Почему же? Почему массы не послушались мудрого г. Плеханова и кадетских советов, распространившихся раз во сто шире, чем советы большевиков?)

Только эти течения, большевистское и меньшевистское, одни только они проявили себя в политике *масс* в 1904—1908, как и после, в 1908—1914 годах. Почему? Потому, что только эти течения имели прочные классовые корни, первое — пролетарские, второе — либерально-буржуазные.

Теперь мы снова идем к революции. Это все видят. *Сам Хвостов* говорит о настроении крестьян, напоминающем 1905—1906 годы. И опять перед нами *те же* две линии революции, *то же* соотношение классов, только видоизмененное изменившейся международной обстановкой. В 1905 г. вся европейская буржуазия была за царизм и помогала ему кто миллиардами (французы), кто — подготовкой контрреволюционной армии (немцы). В 1914 г. разгорелась европейская война; буржуазия повсюду победила, на время, пролетариат, захлестнула его мутным потоком национализма и шовинизма. В России мелкобуржуазные народные массы, главным образом крестьянство,

составляют попрежнему большинство населения. Они угнетены в первую голову помещиками. Они политически частью спят, частью колеблются между шовинизмом («победа над Германией», «оборона отечества») и революционностью. Политическими выразителями этих масс — и этих колебаний — являются, с одной стороны, народники (трудовики и социал-революционеры), с другой — оппортунисты социал-демократы («Наше Дело», Плеханов, фракция Чхеидзе, ОК), которые с 1910-го года решительно покатались по дорожке либеральной рабочей политики и к 1915-му году докатились до социал-шовинизма гг. Потресо́ва, Черевани́на, Левицко́го, Масло́ва или до требования «единства» с ними.

Из этого фактического положения вытекает с очевидностью задача пролетариата. Беззаветно смелая революционная борьба против монархии (лозунги конференции января 1912 г., «три кита»), — борьба, увлекающая за собой все демократические массы, т. е., главным образом, крестьянство. А вместе с тем беспощадная борьба с шовинизмом, борьба за социалистическую революцию Европы в союзе с ее пролетариатом. Колебания мелкой буржуазии не случайны, а неизбежны, они вытекают из ее классового положения. Военный кризис *усилил* экономические и политические факторы, толкающие ее — и крестьянство в том числе — влево. В этом объективная основа полной возможности победы демократической революции в России. Что в Западной Европе вполне созрели объективные условия социалистической революции, этого нам нет надобности доказывать здесь; это признавали до войны все влиятельные социалисты во всех передовых странах.

Выяснить соотношение классов в предстоящей революции — главная задача революционной партии. От этой задачи уклоняется ОК, который в России остается верным союзником «Нашего Дела», и за границей бросает ничего не значащие «левые» фразы. Эту задачу неправильно решает в «Нашем Слове» Троцкий, повторяющий свою «оригинальную» теорию 1905-го года и не желающий подумать о том, в силу каких причин жизнь шла целых десять лет мимо этой прекрасной теории.

Оригинальная теория Троцкого берет у большевиков призыв к решительной революционной борьбе пролетариата

и к завоеванию им политической власти, а у меньшевиков — «отрицание» роли крестьянства. Крестьянство-де расслоилось, дифференцировалось; его возможная революционная роль все убывала; в России невозможна «национальная» революция: «мы живем в эпоху империализма», а империализм противопоставляет не буржуазную нацию старому режиму, а пролетариат буржуазной нации».

Вот — забавный пример «игры в словечко»: империализм! Если в России уже противостоит пролетариат «буржуазной нации», тогда значит Россия стоит прямо перед *социалистической* революцией!! тогда неверен лозунг «конфискации помещичьих земель» (повторяемый Троцким в 1915 г. вслед за Январской конференцией 1912 г.), тогда надо говорить не о «революционном рабочем», а о «рабочем *социалистическом*» правительстве!! До каких пределов доходит путаница у Троцкого, видно из его фразы, что решительностью пролетариат увлечет и «непролетарские (!) народные массы» (№ 217)!! Троцкий не подумал, что если пролетариат увлечет непролетарские массы деревни на конфискацию помещичьих земель и свергнет монархию, то это и будет завершением «национальной буржуазной революции» в России, это и будет революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства!

Все десятилетие — великое десятилетие — 1905—1915 гг. доказало наличие двух и только двух классовых линий русской революции. Расслоение крестьянства усилило классовую борьбу внутри него, пробудило очень многие политически спавшие элементы, приблизило к городскому пролетариату сельский (на *особой* его организации большевики настаивали с 1906 года и ввели это требование в резолюцию Стокгольмского, меньшевистского, съезда). Но антагонизм «крестьянства» и Марковых — Романовых — Хвостовых усилился, возрос, обострился. Это такая очевидная истина, что *даже* тысячи фраз в десятках парижских статей Троцкого не «опровергнут» ее. Троцкий на деле помогает либеральным рабочим политикам России, которые под «отрицанием» роли крестьянства понимают *нежелание* поднимать крестьян на революцию!

А в этом сейчас гвоздь. Пролетариат борется и будет беззаветно бороться за завоевание власти, за республику, за конфискацию земель, *то есть* за привлечение крестьян-

ства, за *исчерпание* его революционных сил, за участие «непролетарских народных масс» в освобождении *буржуазной* России от *военно-феодалного* «империализма» (= царизма). И этим освобождением буржуазной России от царизма, от земель и власти помещиков пролетариат воспользуется немедленно не для помощи зажиточным крестьянам в их борьбе с сельским рабочим, а — для совершения социалистической революции в союзе с пролетариями Европы.

«Социал-Демократ» № 48,
20 ноября 1916 г.

Печатается по тексту газеты
«Социал-Демократ»

У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ

Превращение отдельных лиц из радикальных социал-демократов и революционных марксистов в социал-шовинистов — явление, общее всем воюющим странам. Поток шовинизма так стремителен, бурен и силен, что повсюду ряд бесхарактерных или переживших себя левых социал-демократов увлечен им. Парвус, показавший себя авантюристом уже в русской революции, опустился теперь в издаваемом им журнальчике «Die Glocke» («Колокол») ¹³⁷ до... последней черты. Он защищает немецких оппортунистов с невероятно-наглым и самодовольным видом. Он сжег все, чему поклонялся; он «забыл» о борьбе революционного и оппортунистического течений и об их истории в международной социал-демократии. С развязностью уверенного в одобрении буржуазии фельетониста хлопает он по плечу Маркса, «поправляя» его без тени добросовестной и внимательной критики. А какого-то там Энгельса он третирует прямо с презрением. Он защищает пацифистов и интернационалистов в Англии, националистов и ура-патриотов в Германии. Он ругает шовинистами и прихвостнями буржуазии социал-патриотов английских, величая немецких — революционными социал-демократами и лобызаясь с Ленчем, Генишем, Грунвальдом. Он лижет сапоги Гинденбургу, уверяя читателей, что «немецкий генеральный штаб выступил за революцию в России», и печатая хамские гимны этому «воплощению немецкой народной души», его «могучему революционному чувству». Он сулит Германии безболезненный переход к социализму через союз консерваторов с частью социалистов и через «хлебные карточки». Как мелкий трус, он снисходительно

полуодобряет Циммервальдскую конференцию, делая вид, будто он не заметил в ее манифесте мест, направленных против всех оттенков социал-шовинизма, от парвусовского и плехановского до кольбовского и каутскианского.

В шести номерах его журнальчика нет ни единой честной мысли, ни одного серьезного довода, ни одной искренней статьи. Сплошная клоака немецкого шовинизма, прикрытая разухабисто намалеванной вывеской: во имя, будто бы, интересов русской революции! Вполне естественно, что эту клоаку похваляют оппортунисты: Кольб и хемницкий «Народный Голос»¹³⁹.

Господин Парвус имеет настолько медный лоб, что публично объявляет о своей «миссии» «служить идейным звеном между вооруженным немецким и революционным русским пролетариатом». Эту шутовскую фразу достаточно выставить на осмеяние перед русскими рабочими. Если «Призыв» гг. Плеханова, Бунакова и К^о вполне заслужил одобрение шовинистов и Хвостова в России, то «Колокол» г-на Парвуса — орган ренегатства и грязного лакейства в Германии.

Нельзя не отметить по этому поводу еще одну полезную сторону теперешней войны. Она не только убивает «скорострельной пушкой» оппортунизм и анархизм, она вежливо разоблачает также авантюристов и переметных сум социализма. Для пролетариата в высшей степени выгодно, что эту предварительную очистку его движения история начала делать накануне социалистической революции, а не в самом ходе ее.

СЕКРЕТАРИО «ЛИГИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ»¹³⁹

Дорогие товарищи!

Мы очень обрадовались, получив Вашу листовку. Ваше обращение к членам социалистической партии с призывом бороться за новый Интернационал, за подлинный революционный социализм, которому учили Маркс и Энгельс, против оппортунизма, в особенности против тех, кто стоит за участие рабочего класса в оборонительной войне, полностью соответствует позиции, которую наша партия (Российская социал-демократическая рабочая партия, *Центральный Комитет*) заняла с самого начала этой войны и которую она всегда занимала на протяжении более 10 лет.

Мы шлем Вам самые искренние приветы и наилучшие пожелания успеха в нашей борьбе за истинный интернационализм.

В нашей печати и нашей пропаганде мы по ряду вопросов расходимся с Вашей программой. Мы считаем совершенно необходимым указать Вам вкратце на эти расхождения, для того чтобы немедленно предпринять серьезные шаги с целью согласования во всех странах международной борьбы не идущих на компромисс революционных социалистов, в особенности марксистов.

Мы подвергаем самой суровой критике старый, второй (1889—1914) Интернационал, мы объявляем его мертвым и не заслуживающим того, чтобы его восстановили на старой основе. Но мы никогда не говорим в нашей печати, что до сих пор слишком большое место уделялось так называемым «непосредственным требованиям» и что это может привести к выхолащиванию социализма. Мы утверждаем и доказываем, что все буржуазные партии, все партии, кроме революционной партии рабочего класса,

To the Secretary of the Socialist Propaganda League
 Mr. C. W. Fitzgerald, 20 Waverly Pl., Waverly,
 Mass.

Dear comrade!

We are extremely glad to get your leaflet, your appeal to the members of the Socialist Party to struggle for ~~the~~^a new International, for clear-cut revolutionary socialism as taught by Marx & Engels, and against the opportunism, especially against those who are in favor of working class participation in a war of defense, corresponds fully with the position our party (Social Democratic Labor Party of Russia, Central Committee) has taken from the beginning of this war & has always taken during more than ten years.

We send you our sincerest greetings

лгут и лицемерят, когда говорят о реформах. Мы стараемся помочь рабочему классу добиться хотя бы самого незначительного, но реального улучшения (экономического и политического) его положения, и мы всегда добавляем, что *никакая* реформа не может быть прочной, подлинной и серьезной, если она не поддерживается революционными методами борьбы масс. Мы всегда учим, что социалистическая партия, не соединяющая этой борьбы за реформы с революционными методами рабочего движения, может превратиться в секту, может оторваться от масс и что это является наиболее серьезной угрозой успеху подлинного революционного социализма.

Мы всегда защищаем в нашей печати внутривнутрипартийную демократию. Но мы никогда не высказываемся против централизации партии. Мы за демократический централизм. Мы говорим, что централизация германского рабочего движения является не слабой, а сильной и положительной его чертой. Порок современной социал-демократической партии Германии заключается не в централизации, а в преобладании оппортунистов, которые должны быть исключены из партии, особенно теперь, после их предательского поведения во время войны. Если бы при каждом данном кризисе маленькая группа (например наш ЦК является маленькой группой) могла направлять широкие массы *в сторону революции*, это было бы очень хорошо. При *всех* кризисах массы не могут действовать непосредственно; массы нуждаются в помощи со стороны маленьких групп центральных учреждений партий. Уже с самого начала этой войны, с сентября 1914 года, наш ЦК внушал массам, чтобы они не верили лживым фразам об «оборонительной войне» и чтобы они порвали с оппортунистами и так называемыми «джинго-социалистами» (так мы называем «социалистов», которые *теперь* стоят за оборонительную войну). Мы думаем, что эти централистические мероприятия нашего Центрального Комитета были полезны и необходимы.

Мы соглашаемся с Вами, что мы должны быть против цеховых союзов и за промышленные союзы, т. е. за крупные, централизованные профсоюзы и за наиболее деятельное участие *всех* членов партии в экономической борьбе и во *всех* профсоюзных и кооперативных организациях рабочего класса. Но таких людей, как г. Легин

в Германии и г. Гомперс в США, мы считаем буржуями, и их политику — не социалистической политикой, а националистической буржуазной политикой. Гг. Легин, Гомперс и подобные им люди не являются представителями рабочего класса: они представляют лишь аристократию и бюрократию рабочего класса.

Мы всецело сочувствуем Вам, когда при политическом выступлении Вы требуете «массового выступления» рабочих. Германские революционные интернационалисты-социалисты также требуют этого. В нашей печати мы стараемся подробнее определить, что именно нужно понимать под таким политическим массовым выступлением, как, напр., политические забастовки (очень обычные в России), уличные демонстрации и гражданская война, которая подготавливается настоящей империалистской войной между нациями.

Мы не проповедуем единства внутри *теперешних* (преобладающих во II Интернационале) социалистических партий. Наоборот, мы настаиваем на *разрыве* с оппортунистами. Война, это — лучший наглядный урок. Во *всех* странах оппортунисты, их лидеры, их наиболее влиятельные газеты и журналы стоят за войну, другими словами, они действительно *объединились* с «их» национальной буржуазией (средним классом, капиталистами) против пролетарских масс. Вы говорите, что в Америке есть также социалисты, которые высказывались в пользу оборонительной войны. Мы убеждены, что союз с такими людьми — преступление. *Такой* союз является союзом с национальным средним классом и капиталистами и *разрывом* с международным революционным рабочим классом. А мы стоим за разрыв с националистскими оппортунистами и за союз с международными революционерами-марксистами и партиями рабочего класса.

Мы никогда не возражаем в нашей печати против объединения Социалистической партии с Социалистической рабочей партией¹⁴⁰ (S.P. and S.L.P.) в Америке. Мы всегда ссылаемся на письма Маркса и Энгельса (особенно к Зорге, активному члену американского социалистического движения), где оба осуждают сектантский характер СРП (S.L.P.)¹⁴¹.

Мы вполне согласны с Вашей критикой старого Интернационала. Мы участвовали в Циммервальдской конфе-

ренции (Швейцария 5—8—IX—1915 г.). Мы образовали там *левое крыло* и предложили *нашу резолюцию* и проект манифеста. Мы только что опубликовали эти документы на немецком языке, и я посылаю их Вам (вместе с немецким переводом нашей брошюры «Социализм и война»), надеясь, что в Вашей Лиге есть товарищи, знающие немецкий язык. Если бы Вы могли помочь нам издать эти вещи на английском языке (это возможно только в Америке, после чего мы послали бы их в Англию), мы охотно приняли бы Вашу помощь.

В нашей борьбе за истинный интернационализм и против «джинго-социализма», мы, в нашей печати, всегда указываем на оппортунистических вождей СП (S.P.) в Америке, которые стоят за ограничение иммиграции китайских и японских рабочих (особенно после Конгресса в Штутгарте в 1907 г. и *вопреки* его решениям). Мы думаем, что нельзя быть интернационалистом и в то же время стоять за подобные ограничения. Мы утверждаем, что если только американские и особенно английские социалисты, принадлежащие к правящей и *угнетающей* нации, не против каких бы то ни было ограничений иммиграции и обладания колониями (Гавайские острова), если они не стоят за полную независимость последних, то такие социалисты в действительности — «джинго».

В заключение я еще раз повторяю наилучшие приветы и пожелания Вашей Лиге. Мы были бы очень рады и далее получать от Вас информацию и *соединить* нашу борьбу против оппортунизма за истинный интернационализм.

Ваш Н. Ленин

NB: В России две соц.-дем. партии. Наша партия («Центральный Комитет») против оппортунизма. Вторая партия («Организационный комитет») оппортунистична. Мы *против* союза с нею.

Вы можете писать на наш официальный адрес (Русская Библиотека. Для ЦК — улица Гюго де Санже, 7, Женева, Швейцария). Но лучше пишите на мой личный адрес: *Вл. Ульянов. Зайденвег 4-а. III. Берн. Швейцария.*

Написано на английском языке до
9 (22) ноября 1915 г.

Первые напечатано в 1924 г.
в Ленинском сборнике II

Печатается по рукописи
Перевод с английского

ПРИКРЫТИЕ СОЦИАЛ-ШОВИНИСТСКОЙ ПОЛИТИКИ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТСКИМИ ФРАЗАМИ

Как относятся политические факты к политической литературе? политические события к политическим лозунгам? политическая действительность к политической идеологии? Этот вопрос имеет в настоящее время самое коренное значение для понимания всего кризиса Интернационала, ибо всякий кризис, даже всякий перелом в развитии, неизбежно ведет к несоответствию старой формы с новым содержанием. Мы не говорим уже о том, что буржуазное общество постоянно вскармливает таких политиков, любящих называть себя внеклассовыми, и таких оппортунистов, любящих называть себя социалистами, которые умышленно и систематически обманывают массы самыми пышными, самыми «левыми» словами. Но в эпоху кризиса даже у добросовестных участников его наблюдается сплошь да рядом расхождение слова с делом. И великое прогрессивное значение всяких кризисов, даже самых тяжелых, трудных и болезненных, состоит, между прочим, именно в том, что они с великолепной быстротой, силой, наглядностью разоблачают и отметают прочь гнилые — хотя бы и добросовестные — слова, гнилые — хотя бы и построенные на базе наилучших намерений — учреждения.

В жизни российской социал-демократии самый крупный факт теперь — выборы питерских рабочих в военно-промышленный комитет. Впервые за время войны и только эти выборы притянули действительно *массы* пролетариев к обсуждению и решению основных вопросов современной политики, показали нам настоящую картину *того, что есть* в социал-демократии, как массовой партии. Оказалось, что есть два, только два течения, одно — револю-

ционно-интернационалистское, действительно пролетарское, организованное нашей партией, оно было *против обороны*. Другое, «оборонческое» или социал-шовинистское, было блоком «нашедельцев» (т. е. главного ядра ликвидаторов), плехановцев, народников и беспартийных, причем весь этот блок поддерживала вся буржуазная печать и все черносотенцы в России, доказав тем буржуазную, а не пролетарскую, сущность политики этого блока.

Таковы факты. Такова действительность. А лозунги и идеология? Питерское «Рабочее Утро», № 2 (22/X)¹⁴², сборник «окистов» («Интернационал и война», № 1, 30/XI 1915), последние номера «Нашего Слова» дают ответ, над которым должен подумать и еще подумать всякий, интересующийся политикой не так, как гоголевский Петрушка интересовался чтением.

Посмотрим же на содержание и значение *этой* идеологии.

Питерское «Рабочее Утро» — самый важный документ. Здесь сидят главари ликвидаторства и социал-шовинизма вкупе с доносчиком г. Гвоздевым. Эти люди знают досконально все, что предшествовало выборам 27/IX и что было на этих выборах. Эти люди могли накинуть флер на свой блок с плехановцами, народниками и беспартийными, и они накинули флер, они ни звука не сказали ни о значении этого блока, ни о численном соотношении различных элементов его. Им выгодно было скрыть такую «мелочь» (данные об этом, несомненно, были у г. Гвоздева и его друзей из «Рабочего Утра»), и они скрыли ее. Но выдумать *третьей* группы, кроме 90 и 81, они не могли; лгать на месте, в Питере, перед лицом рабочих, сочиняя «третью» группу, о которой рассказывает басни «копенгагенский аноним»¹⁴³ на страницах немецкой печати и «Нашего Слова», — невозможно, ибо не сошедшие с ума люди не лгут, если знают, что разоблачение лжи неизбежно тут же и тотчас же. Поэтому «Рабочее Утро» печатает статью К. Оранского¹⁴⁴ (старый знакомый!): «Две позиции», подробнейшим образом разбирает обе позиции, группы 90 и группы 81, ни единым словом не упоминая о 3-ей позиции. Кстати: цензура изуродовала № 2 «Рабочего Утра» почти сплошь; белых полос чуть ли не больше, чем уцелевших, но из статей пощажены именно те, только те две статьи, — «Две позиции» и фельетон, по-либеральному возвращающий историю 1905-го года, — в которых ругают

большевиков за «анархизм» и «бойкотизм». Царскому правительству *выгодно*, чтобы такие вещи писались и печатались. Такие речи пользуются не случайно монополией легальности всюду, от деспотической России до республиканской Франции!

Какими же доводами защищает «Рабочее Утро» свою позицию «оборончества» или «социал-шовинизма»? Исключительно увертками, исключительно интернационалистскими фразами!! Наша-де позиция вовсе не «национальная», вовсе не «оборонческая», у нас лишь выражено — «несколько не выраженное в первой позиции» (т. е. в позиции группы 90) — «небезразличное» «отношение к положению страны», к «спасению» ее «от разгрома и гибели». Наша-де позиция была «действительно международная», указывала пути и средства «освобождения» страны, мы «одинаково (! с первой позицией) оценивали происхождение войны и ее социально-политическую сущность», мы «одинаково (! с первой позицией) намечали общую проблему международной организации и международной работы пролетариата» (не шутите!) «и демократии во время войны, во все без исключения периоды развития мирового конфликта». Мы-де заявляли в нашем наказе, что «в данной общественно-политической обстановке рабочий класс не может взять на себя никакой ответственности за оборону страны», мы «решительно присоединялись прежде всего к международным задачам демократии», «внесли свою лепту в живую струю стремлений, имеющих своими этапами Копенгаген и Циммервальд» (вот как мы!). Мы-де за лозунг «мира без аннексий» (курсив «Рабочего Утра»). Мы «противопоставили абстрактности и космополитическому анархизму первого течения реализм и международность своей позиции, своей тактики».

Не правда ли, ведь это — сплошь перлы! Но в этих перлах, кроме безграмотности и репетиловского вранья¹⁴⁵, есть совершенно трезвая и *правильная*, с точки зрения буржуазии, дипломатия. Чтобы влиять на рабочих, буржуа должны наряжаться социалистами, эсдеками, интернационалистами и т. д., иначе влиять невозможно. И «Рабочее Утро» наряжается, подкрашивается, румянится, прихорашивается, делает глазки, ни перед чем не останавливаясь! Мы готовы подписать хоть сто раз и циммервальдский манифест (пощечина тем из циммервальдцев, которые под-

писали этот манифест, не борясь с его робостью и не делал оговорок!), и какую угодно резолюцию об империалистской сущности войны, и любую присягу в своем «интернационализме» и в своей «революционности» («освобождение страны» в подцензурной печати = революция в нелегальной), — лишь бы... лишь бы нам не мешали звать рабочих к участию в военно-промышленных комитетах, т. е. к *тактическому* участию в грабительской, реакционной («оборонительной») войне.

Только это есть дело, все остальное слова. Только в этом суть, все остальное фразы. *Только это нужно* полиции, царской монархии, Хвостову и буржуазии. Умные буржуа в более умных странах терпимы к интернационалистской и социалистической фразе, лишь бы было участие в обороне: припомните отзывы французских реакционных газет о Лондонской конференции социалистов «тройственного согласия». Это у господ социалистов, знаете ли, вид «тика», — писала одна из этих газет, — вид нервной болезни, когда люди непроизвольно повторяют один жест, одно движение мускулов, одно слово. Вот и «наши» социалисты не могут ни о чем говорить, не повторяя словечек: мы интернационалисты, мы за социальную революцию. Это не опасно! Это только «тик», а «нам» важно то, что они *за оборону* отечества.

Так рассуждали умные французские и английские буржуа: если участие в грабительской войне защищают фразами о демократии, социализме и т. п., то разве же это в самом деле не выгодно для хищников-правительств, для империалистской буржуазии? Разве барину не выгодно иметь лакея, который бы божился и клялся перед народом, что барин всю свою жизнь отдает попечению о народе и любви к нему?

«Рабочее Утро» клянется Циммервальдом и *на словах* отгораживается от плехановцев, заявляя (№ 2), что оно «во многом не согласно» с ними, а *на деле* соглашается с ними *в основном*, на деле идет вместе с ними, вместе со своей буржуазией, в «оборонческие» учреждения шовинистской буржуазии.

ОК не только клянется Циммервальдом, а «подписывается» и расписывается по всей форме, не только отгораживается от плехановцев, но даже выпускает какого-то анонима А. М.¹⁴⁶, который, спрятавшись за свою анонимность,

как ва подворотню, пишет: «мы, примыкающие» (? может быть, А. М. это целых два «примыкающих»?) «к августовскому блоку, считаем нужным заявить: организация «Призыв» далеко перешагнула за пределы терпимого в нашей партии, как мы их понимаем, и членам групп содействия «Призыву» не должно быть места в рядах организаций августовского блока». Ну и храбрые же эти «примыкающие» А. М., так и режут правду-матку открыто в лицо!

Из пяти лиц, составляющих «Заграничный секретариат» ОК, издавший цитируемый сборник, ни одно не пожелало заявить столь храброй вещи! Выходит, что пятерка секретарей против разрыва с Плехановым (еще не так давно П. Аксельрод заявлял, что меньшевик Плеханов ему ближе большевиков интернационалистов), но боясь рабочих и не желая портить своей «репутации», предпочитает молчать об этом, выпуская, однако, одного или двух анонимных примыкающих, чтобы они поблестали дешевым и безопасным интернационализмом...

С одной стороны, отдельные секретари, А. Мартынов, Л. Мартов, Астров, полемизируют с «Нашим Делом», а Мартов даже высказывается против участия в военно-промышленных комитетах от своего лично имени. С другой стороны, бундовец Ионов, считающий себя более «левым», чем отражающий действительную политику Бунда Косовский, и потому охотно выдвигаемый бундистами для прикрытия их национализма, проповедует «дальнейшее развитие старой тактики» (II Интернационала, приведшей к краху его), «но отнюдь не ликвидацию ее». Редакция помещает двусмысленные, ничего не говорящие дипломатически-увертливые оговорочки к статье Иопова, не возражая против ее сути, против защиты гнилого и оппортунистического в «старой тактике». Анонимные А. М., «примыкающие» к августовскому блоку, прямо защищают «Нашу Зарю»: она-де хотя и «уклонилась» от интернационалистской позиции, но «отвергла (?) политику Burgfrieden'a для России, признала необходимость немедленного восстановления интернациональных связей и, как нам» («примыкающим» анонимным А. М.) «известно, одобрила исключение Манькова из думской фракции». Превосходная защита! И мелкобуржуазные народники за восстановление связей, и Керенский против Манькова, а назвать людей,

высказавшихся за «непротиводействие войне», отвергающими политику гражданского мира (Burgfrieden), значит обманывать рабочих пустыми словами.

Редакция сборника ОК выступает, как целое, со статьей: «Опасные тенденции». Вот образец политической увертливости! С одной стороны, громкие левые фразы против авторов оборонческих воззваний (московских и петроградских социал-шовинистов). С другой стороны, *«трудно судить, из каких партийных кругов вышли обе декларации!»* На самом деле, нет ни тени сомнения, что они вышли *«из кругов»* «Нашего Дела», хотя сотрудники этого легального журнала, конечно, неповинны в составлении нелегальной декларации... Окисты подменили вопрос об идейных корнях этих деклараций, о полном тождестве этих корней с течением ликвидаторства, социал-шовинизма, «нашедельства», — нелепым, крючкотворским и никому, кроме полиции, не нужным вопросом о *личном* авторстве членов того или иного *кружка*. С одной стороны, редакция гремит и грохит: сплотим ряды, интернационалисты августовского блока, для «самого энергичного противодействия оборонческим тенденциям» (129), для «непримиримой борьбы» (126); а с другой стороны, тут же, рядом, шулерская фраза: «Линия думской фракции, поддерживаемой ОК, не встречала» (до сих пор) «открытой оппозиции» (129)!!

А эта линия, как это хорошо известно самим авторам, состоит в отсутствии линии и в прикрытой защите «Нашего Дела» и «Рабочего Утра»...

Возьмите самую «левую» и самую «принципиальную» статью сборника, написанную Л. Мартовым. Достаточно привести одну фразу автора, выражающую главную мысль, чтобы убедиться в том, какова его принципиальность. «Само собою разумеется, что, если б нынешний кризис привел к победе демократической революции, к республике, характер войны коренным образом изменился бы» (116). Это сплошная и вопиющая неправда. Мартов не мог не знать, что демократическая революция и республика суть буржуазно-демократические революция и республика. Характер войны между буржуазными и империалистскими великими державами ни на йоту не изменился бы, если бы в одной из этих держав быстро был сметен империализм военно-абсолютистски-феодальный, ибо от этого не исчез, а только *усилился бы* империализм чисто

буржуазный. Поэтому наша газета в № 47, тезис 9*, и заявила, что партия пролетариата России не станет защищать в данной войне даже отечества республиканцев и революционеров, пока они шовинисты, как Плеханов, народники, Каутский, нашедельцы, Чхеидзе, ОК и т. п.

И несколько не спасает Мартова уклончивая фраза в примечании на стр. 118, где он, вопреки сказанному им на стр. 116, «сомневается», может ли буржуазная демократия вести борьбу «против международного империализма» (конечно, не может); «сомневается», не превратит ли буржуазия республику 1793 года в республику Гамбетты и Клемансо. Основная теоретическая фальшь здесь остается: в 1793 году передовой класс *буржуазной* революции во Франции воевал с *дореволюционными* монархиями Европы. Россия же 1915-го года воюет не с более отсталыми, а с более передовыми странами, которые стоят накануне *социалистической* революции. Значит, сыграть роль якобинцев 1793-го года может в войне 1914—1915 гг. только пролетариат, совершающий победоносную социалистическую революцию. Значит, русский пролетариат в теперешней войне мог бы «защищать отечество», мог бы счесть «характер войны коренным образом изменившимся» исключительно в том случае, *если бы* революция именно партию пролетариата поставила у власти, именно этой партии позволила бы всю силу революционного подъема и государственного аппарата направить на немедленное и непосредственное осуществление союза с социалистическим пролетариатом Германии и Европы (№ 47 «Социал-Демократа», тезис 11)**.

Мартов заканчивает свою, эффектными фразами жонглирующую, статью эффектнейшим призывом к «российской социал-демократии» «в самом начале политического кризиса занять ясную революционно-интернационалистскую позицию». Если читатель желает проверить, не гнилушка ли скрывается под этой эффектной вывеской, пусть он поставит себе вопрос: что значит вообще занять позицию в политике? (1) Дать оформленную, от имени организации (хотя бы «пятерки» секретарей), оценку момента и тактики, ряд резолюций; (2) дать боевой лозунг момента;

* См. настоящий том, стр. 368. Ред.

** См. там же. Ред.

(3) связать то и другое с *действием* пролетарских масс и их сознательного авангарда. Мартов и Аксельрод, идейные вожди «пятерки», не только не дают ни первого, ни второго, ни третьего, но дают фактически во всех этих трех областях *поддержку социал-шовинистам*, прикрытие их! За 16 месяцев войны пятеро заграничных секретарей не заняли ни «ясной», ни вообще никакой программно-тактической позиции. Мартов качается то влево, то вправо, Аксельрод гнет только вправо (см. его немецкую брошюру особенно). Ничего ясного, ничего оформленного, ничего организованного, никакой позиции! «Центральным боевым лозунгом момента, — пишет Мартов от себя, — для русского пролетариата должно стать всенародное учредительное собрание для ликвидации и царизма и войны». Это никуда не годный, не центральный и не боевой лозунг, ибо в нем нет главного, социально-классового и политически-определенного содержания понятия этой двойной «ликвидации». Это — вульгарная буржуазно-демократическая фраза, а не центральный, не боевой, не пролетарский лозунг.

Наконец, в главном, в связи с *массами* в России Мартов и К^о дают не только ноль, но минус. Ибо за ними нет ничего. Выборы доказали, что массы есть только у блока буржуазии и «Рабочего Утра», а ссылка на ОК и фракцию Чхеидзе есть лишь фальшивое прикрытие этого буржуазного блока.

ОПОРТУНИЗМ И КРАХ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Поучительно сопоставить отношение разных классов и партий к краху Интернационала, обнаруженному войной 1914—1915 гг. Буржуазия, с одной стороны, расхваливает, превозносит до небес тех социалистов, которые высказываются за «защиту отечества», т. е. за войну и за помощь буржуазии. С другой стороны, более откровенные или менее дипломатичные представители буржуазии злорадствуют по поводу краха Интернационала, краха «иллюзий» социализма. Среди социалистов, «защищающих отечество», те же два оттенка: «крайние», вроде немцев В. Кольба и В. Гейне, признают крах Интернационала, обвиняя в этом крахе «революционные иллюзии» и стремясь к воссозданию *еще более* оппортунистического Интернационала. Но на практике они сходятся с «умеренными» и осторожными социалистическими «защитниками отечества» типа Каутский, Ренодель, Вандервельде, которые упорно отрицают крах Интернационала, считают его лишь временно приостановленным, защищают жизнеспособность и право на существование именно II Интернационала. Революционные с.-д. разных стран признают крах II Интернационала и необходимость строить третий.

Чтобы решить, кто прав, возьмем исторический документ, который относится как раз к настоящей войне и подписан единогласно, притом официально *всеми* социалистическими партиями мира. Документ этот — Базельский манифест 1912 года. Замечательно, что в теории ни один социалист не решится отрицать необходимости конкретно-исторической оценки каждой войны в отдельности. Но теперь никто, кроме малочисленных «левых»

с.-д. не решается ни прямо, открыто, определенно отречься от Базельского манифеста, объявить его ошибочным, ни проанализировать его добросовестно, сравнивая его положения с поведением социалистов после войны.

Почему это? Потому, что Базельский манифест беспощадно разоблачает всю фальшь рассуждений и поведения большинства официальных социалистов. *Ни единого словечка* этот манифест не говорит ни о «защите отечества», ни о различии наступательной и оборонительной войны!! *Ни звука* о том, о чем больше всего говорят, кричат и вопиют официальные вожди с.-д. как Германии, так и четверного согласия. Базельский манифест совершенно точно, ясно, определенно оценивает именно те конкретные конфликты интересов, которые вели к войне в 1912 г. и привели к ней в 1914 году. Манифест говорит, что это — конфликты на почве «капиталистического империализма», конфликты Австрии и России из-за «преобладания на Балканах», Англии, Франции и Германии из-за их (их *всех!*) «завоевательной политики в Малой Азии», Австрии и Италии из-за стремлений «втянуть Албанию в сферу их влияния», подчинить ее своему «господству», Англии и Германии из-за их общего «антагонизма», далее из-за «покушений царизма на Армению, Константинополь и т. п.». Всякий видит, что это относится целиком именно к теперешней войне. Чисто завоевательный, империалистский, реакционный, рабовладельческий характер этой войны признан яснее ясного в манифесте, который сделал и неизбежный вывод: война не может быть «оправдана ни самым малейшим предлогом какого бы то ни было народного интереса», война готовится «ради прибылей капиталистов и честолюбия династий»; будет со стороны рабочих «преступлением стрелять друг в друга».

В этих положениях содержится все существенное, что необходимо для понимания коренной разницы двух великих исторических эпох. Одна — эпоха 1789—1871 гг., когда войны в Европе большей частью были связаны, несомненно, с *важнейшим* «народным интересом», именно: с могучими, затрагивающими миллионы буржуазно-прогрессивными, национально-освободительными движениями, с разрушением феодализма, абсолютизма, чужестранного гнета. На этой почве и только на ней выросло понятие «защиты отечества», защита освобождающейся буржуазной

нации против средневековья. Только в этом смысле признавали социалисты «защиту отечества». И теперь *в этом смысле* нельзя не признать ее, например, защиты Персии или Китая от России или от Англии, Турции от Германии или России, Албании от Австрии и Италии и т. п.

Война 1914—1915 гг., как это ясно сказано в Базельском манифесте, принадлежит совершенно иной исторической эпохе, носит совершенно иной характер. Война между хищниками из-за раздела добычи, из-за порабощения чужих стран. Победа России, Англии, Франции несет удушье Армении, Малой Азии и т. д. — это сказано в Базельском манифесте. Победа Германии — удушье Малой Азии, Сербии, Албании и пр. Это сказано там же, это признали все социалисты! Лживы, бессмысленны и лицемерны всякие фразы об оборонительной войне или защите отечества со стороны великих держав (читай: великих хищников), воюющих из-за господства над миром, из-за рынков и «сфер влияния», из-за порабощения народов! Неудивительно, что «социалисты», признающие защиту отечества, *боятся* вспомнить и точно процитировать Базельский манифест, ибо он *изобличает* их лицемерие. Базельский манифест *доказывает*, что социалисты, способные признавать «защиту отечества» в войне 1914—1915 гг. — социалисты на словах лишь, а на деле шовинисты. Они — социал-шовинисты.

Из признания войны, связанной с интересами национального освобождения, вытекает одна тактика социалистов. Из признания войны империалистскою, завоевательною, хищническою — другая. И Базельский манифест ясно очертил эту другую тактику. Война вызовет «экономический и политический кризис», — говорит он. Этот кризис надо «использовать» для «ускорения падения господства капитала»: в этих словах *признано*, что социальная революция *назрела*, что она *возможна*, что она *грядет* в связи с войной. «Господствующие классы» боятся «пролетарской революции», гласит манифест, ссылаясь прямо на пример Коммуны и 1905-го года, т. е. на примеры революций, стачек, гражданской войны. Лгут те, кто говорит, что социалисты «не обсуждали», «не решили» вопроса об отношении к войне. Базельский манифест *решил* эту тактику: тактику пролетарски-революционных действий и гражданской войны.

Ошибкой было бы думать, что Базельский манифест пустая декламация, казенная фраза, несерьезная угроза. Так готовы заявить те, кого этот манифест изобличает! Но это неправда! Базельский манифест есть сводка гигантского пропагандистского и агитационного материала за всю эпоху II Интернационала, 1889—1914 гг. Этот манифест *резюмирует*, без преувеличения, *миллионы и миллионы* прокламаций, газетных статей, книг, *речей* социалистов всех стран. Объявить ошибкой этот манифест значит объявить ошибкой весь II Интернационал, всю работу десятилетий и десятилетий с.-д. партий. Отмахнуться от Базельского манифеста значит отмахнуться от всей истории социализма. Базельский манифест не говорит ничего *особенного*, ничего *экстраординарного*. Он дает то и только то, чем социалисты *вели за собой массы*: признание «мирной» работы *подготовки* к пролетарской революции. Базельский манифест повторил то, что говорил на конгрессе Гед в 1899 г., высмеивая министерализм социалистов *на случай* войны из-за рынков, «brigandages capitalistes»* («En garde!», стр. 175—176), или Каутский в 1909 г. в «Пути к власти», указывая на конец «мирной эпохи», на наступление эпохи войн и революций, борьбы пролетариата за власть.

Базельский манифест доказывает неопровержимо полную *измену* социализму со стороны социалистов, голосовавших за кредиты, вступавших в министерство, признававших защиту отечества в 1914—1915 гг. Факт измены неоспорим. Отрицать его могут лишь лицемеры. Вопрос лишь в том, как *объяснить* ее.

Было бы нелепо, ненаучно, смешно сводить дело к *личностям*, ссылаться на Каутского, Геда, Плеханова («даже» такие люди!). Это — жалкая уловка. Серьезное объяснение требует разбора *экономического* значения данной политики, затем анализа ее основных *идей*, наконец, изучения истории *направлений* в социализме.

В чем *экономическая* сущность «защиты отечества» в войне 1914—1915 гг.? Ответ дан уже в Базельском манифесте. Войну ведут *все* великие державы из-за грабежа, раздела мира, из-за рынков, из-за порабощения народов. Буржуазии это несет увеличение прибылей. Маленькому

* — «капиталистические разбои». *Ред.*

слою рабочей бюрократии и аристократии, затем мелкой буржуазии (интеллигенция и т. п.), «примкнувшей» к рабочему движению, это обещает *крохи* этих прибылей. Экономическая основа «социал-шовинизма» (этот термин точнее, чем социал-патриотизм, последний прикрашивает зло) и оппортунизма одна и та же: союз ничтожного слоя «верхов» рабочего движения с «своей» национальной буржуазией *против* массы пролетариата. Союз *слуг* буржуазии с буржуазией *против* *класса*, эксплуатируемого буржуазией. Социал-шовинизм есть законченный оппортунизм.

Политическое содержание социал-шовинизма и оппортунизма одно и то же: сотрудничество классов, отречение от диктатуры пролетариата, отказ от революционных действий, преклонение перед буржуазной легальностью, недоверие к пролетариату, доверие к буржуазии. Те же политические идеи. То же политическое содержание тактики. Социал-шовинизм — прямое продолжение и завершение миллерианства, бернштейнианства, английской либеральной рабочей политики, их сумма, их итог, их результат.

Два основных направления в социализме, оппортунистическое и революционное, мы видим за всю эпоху 1889—1914 гг. Два направления по вопросу об отношении к социализму есть и теперь. Отбросьте манеру буржуазных и оппортунистических лгунов, ссылающихся на *лиц*; возьмите *направления* в целом ряде стран. Берем 10 европейских стран: Германию, Англию, Россию, Италию, Голландию, Швецию, Болгарию, Швейцарию, Бельгию, Францию. В 8 первых странах деление на оппортунистическое и революционное *направления* соответствует делению на социал-шовинистов и революционных интернационалистов. Основные *ядра* социал-шовинизма, — в социальном, политическом смысле, — «Sozialistische Monatshefte» * и К⁰ в Германии, фабианцы и раб. партия в Англии (Независимая рабочая партия шла в *блоке* с ними, и в этом блоке гораздо больше влияние социал-шовинизма, чем в Британской социалистической партии, в которой ок. $\frac{3}{7}$ интернационалистов: 66 и 84), «Наша Заря» и ОК (и «Наше Дело») в России, партия Биссолати в Италии, партия Трульстры в Голландии, Брантинг и К⁰ в Швеции, «ши-

* — «Социалистический Ежемесечник». Ред.

рокие» в Болгарии, Грейлих и «его» люди* в Швейцарии. Именно среди революционных с.-д. во *всех* этих странах уже раздался более или менее резкий протест против социал-шовинизма. Исключение: 2 страны из 10, но и в этих странах интернационалисты *слабы*, а не отсутствуют, факты скорее неизвестны (Вальян признавал, что получает письма интернационалистов, но не печатал их), чем не существуют.

Социал-шовинизм есть законченный оппортунизм. Это неоспоримо. Союз с буржуазией был идейный, тайный. Он стал открытым, грубым. Силу социал-шовинизму дал именно союз с буржуазией и генеральными штабами. Глут те, кто говорят (Kautsky в том числе), что «массы» пролетариев повернули к шовинизму: массы *не были* опрошены нигде (за исключением, может быть, Италии — 9 мес. споров до объявления войны! — и в Италии массы были *против* партии Биссолати). Массы были оглушены, забиты, разьединены, задавлены военным положением. Свободно голосовали *только* вожди — голосовали за буржуазию против пролетариата! Смешно и дико считать оппортунизм явлением *внутри*-партийным! Все марксисты, и в Германии и во Франции и т. д., всегда говорили и доказывали, что оппортунизм есть проявление влияния буржуазии на пролетариат, есть буржуазная рабочая политика, есть союз ничтожной части околопролетарских элементов с буржуазией. И оппортунизм, созревая десятки лет в условиях «мирного» капитализма, созрел к 1914—1915 гг. до того, что стал открытым союзником с буржуазией. Единство с оппортунизмом есть единство пролетариата со своей национальной буржуазией, т. е. подчинение ей, есть раскол интернационального революционного рабочего класса. Это не значит, чтобы был желателен или хотя бы лишь возможен немедленный раскол с оппортунистами во всех странах: это значит, что он исторически назрел, стал неизбежен и прогрессивен, необходим для революционной борьбы пролетариата, что история, повернув от «мирного» капитализма к империализму, повернула к такому расколу. *Volentem ducunt fata, nolentem trahunt***.

* В рукописи над словом «люди» Ленин приписал «крыло». Ред.

** Латинская поговорка, дословно: рок ведет того, кто хочет идти, и тащит упирающегося. Ред.

Буржуазия всех стран, и воюющих в первую голову, вполне объединилась с начала войны на расхваливании социалистов, признающих «защиту отечества», т. е. защиту грабительских интересов буржуазии в империалистской войне *против пролетариата*. Посмотрите же, как этот основной и самый существенный интерес международной буржуазии пролагает себе дорогу, находит себе выражение *внутри* социалистических партий, *внутри* рабочего движения. Пример Германии здесь особенно поучителен, ибо в этой стране эпоха II Интернационала создала самую сплывшую партию, но в других странах мы видим вполне и целиком *то же самое*, что в Германии, лишь с ничтожными различиями формы, обличья, внешности.

В апреле 1915 г. консервативный германский журнал «Preussische Jahrbücher»* поместил статью *социал-демократа*, члена с.-д. партии, который скрылся под псевдонимом *Monitor*'а. И этот оппортунист выболтал правду, открыто сказал то, в чем состоит *суть* политики *всей* всемирной буржуазии по отношению к рабочему движению XX века. Ни отмахнуться от этого движения, ни подавить его грубой силой уже нельзя. Его надо развратить изнутри, *купив* верхний слой его. Именно так поступала уже десятилетия англо-французская буржуазия, покупая тред-юнионистских вождей, Мильеранов, Брианов и К^о. Именно так поступает теперь и немецкая. С.-д. партия, — говорит *Monitor* перед лицом буржуазии (а, по сути дела, *от имени* буржуазии) — ведет себя «безукоризненно» во время войны (т. е. *безукоризненно служит* буржуазии против пролетариата). «Процесс перерождения» с.-д. партии в национал-либеральную рабочую партию идет вперед великолепно. Но *опасно* было бы для буржуазии, если бы эта партия *поправела*: «Характер рабочей партии с социалистическими идеалами она должна сохранить. Ибо в тот день, когда она откажется от этого, возникнет новая партия, которая воспримет программу, от которой старая прежняя партия отреклась, и придаст ей еще более радикальную формулировку» («Рг. Ј.» 1915 г. № 4, 50—51).

В этих словах открыто выражено то, что всегда и повсюду прикрито делала буржуазия. Массам *нужны* «радикальные» слова, чтобы массы верили в них. Оппорту-

* — «Прусский Ежегодник». Ред.

нисты готовы повторять их лицемерно. Им полезны, нужны *такие* партии, каковы были с.-д. партии II Интернационала, ибо они породили *защиту* буржуазии социалистами в кризис 1914—1915 гг.! Совершенно ту же политику, как немец Monitor, ведут фабианцы и либеральные вожди тред-юнионов в Англии, оппортунисты и жоресисты во Франции. Monitor — оппортунист откровенный или циничный. Посмотрите на другой оттенок, на оппортуниста прикровенного или «честного». (Энгельс справедливо сказал однажды, что «честные» оппортунисты самые опасные для рабочего движения.) Образчик таковых — Каутский.

В № 9 «N. Z.» 26/XI 1915 г. он пишет, что большинство официальной партии нарушает ее программу (сам Каутский защищал политику этого большинства целый год после войны и оправдывал ложь «защиты отечества!»). «Оппозиция против большинства растет» (272). («Die Opposition gegen die Mehrheit im Wachsen ist»). Массы «оппозиционные» («oppositionnel»). «Nach dem Kriege»... (nur nach dem Kriege?)... «werden die Klassengegensätze sich so verschärfen, dass der Radikalismus in den Massen die Oberhand gewinnt» (272)... Es «droht uns nach dem Kriege» (nur nach dem Kriege?) «die Flucht der radikalen Elemente aus der Partei u. ihr Zustrom zu einer Richtung antiparlamentarischen» (?? soll heissen: ausserparlamentarischen) «Massenaktionen»... «So zerfällt unsere Partei in zwei Extreme, die nichts Gemeinsames haben»*.

Каутский хочет представлять «золотую середину», примирять эти «2 крайности», «не имеющие между собой ничего общего»!! Он признает теперь (16 месяцев после начала войны), что массы революционны. И, осуждая тут же революционные действия, называя их «Abenteuer» «in den Strassen» (S. 272)**, Каутский хочет «примирить» революционные массы с «неимеющими с ними ничего общего» оппортунистами-вожаками — примирить *на чем?* На словах! На «левых» словах «левого»

* — «После войны»... (только после войны?)... «классовые противоречия так обостряются, что в массах перевес окажется на стороне радикализма» (272)... «Нам угрожает после войны» (только после войны?) «бегство радикальных элементов из партии и их присоединение к сторонникам противопарламентских» (?? следовало бы сказать: внепарламентских) «массовых действий»... «Таким образом, наша партия распадется на два крайних лагеря, не имеющих ничего общего между собой». *Ред.*

** — «уличными авантюрами». *Ред.*

меньшинства в рейхстаге! Пускай меньшинство осуждает, как Каутский, революционные *действия*, называет их *авантюрой*, но кормит массы левыми *словами* — и тогда в партии будет единство и мир... с Зюдекумами, Легинами, Давидами, Monitor'ами!

Да ведь это целиком та же программа Monitor'a, программа буржуазии, лишь *выраженная* «добрым голосом», «сладенькими фразами»! И эту программу проводил также Wirth, когда в заседании с.-д. фракции рейхстага 18/III 1915 г. «warnte die Fraktion den Bogen zu überspannen; in den Arbeitermassen wachse die Opposition gegen die Fraktionstaktik; es gelte, beim marxistischen Zentrum zu verharren». (S. 67 «Klassenkampf gegen den Krieg! Material zum «Fall Liebknecht». Als Manuskript gedruckt*.)

Заметьте, что здесь от имени всего «марксистского центра» (Каутский в том числе) признается, что массы революционны! И это 18/III 1915!!! *Через 8 1/2 месяца*, 26/XI 1915 Каутский опять предлагает успокоить революционные массы левыми речами!

Оппортунизм Каутского отличается от оппортунизма Monitor'a только словами, только оттенками, только способами достижения *одной цели: сохранения* влияния оппортунистов (т. е. буржуазии) на массы, сохранить *подчинение* оппортунистам (т. е. буржуазии) пролетариата! Очень метко назвали Паннекук и Гортер позицию Каутского «пассивным радикализмом» (verbiage**, как говорят французы, прекрасно изучившие *эту* разновидность революционности на своих «родных» образцах!). Но я бы предпочел назвать это прикровенным, робким, лицемерным, слащавым оппортунизмом.

По сути дела 2 направления в с.-д-ии отличаются теперь повсе не словами и не фразами. По части соединения «защиты отечества» (т. е. защиты грабежей буржуазии) с фразами о социализме, интернационализме, свободе народов и т. п. Вандервельде, Ренодель, Самба, Гайндман, Гендерсон, Ллойд-Джордж не уступят Легину, Зюдекуму

* — он предупреждал фракцию не перегибать палку; в рабочих массах растет оппозиция против тантики фракции; надлежит держаться марксистского центра». (Стр. 67 «Классовая борьба против войны! Материал к «Делу Либкнехта». На правах рукописи.) *Ред.*

** — болтовня. *Ред.*

и Каутскому с Гаазе! Действительное различие начинается именно с полного отрицания защиты отечества в данной войне, с признания революционных действий в связи с ней, *во время нее и после нее*. И в этом, единственном серьезном вопросе, единственно деловом, Каутский и Кольб с Гейне едино суть.

Сравните фабианцев в Англии и каутскианцев в Германии. Первые почти либералы, никогда не признававшие марксизма. Энгельс писал о фабианцах 18 января 1893 г.: ... «шайка карьеристов, достаточно рассудительных, чтобы понимать неизбежность социального переворота, но ни в коем случае не желающих доверить эту исполинскую работу исключительно незрелому пролетариату... Их основной принцип — страх перед революцией»... И 11 ноября 1893 г.: «высокомерные буржуа, милостиво снисходящие к пролетариату, чтобы освободить его сверху, если бы только он захотел понять, что такая серая необразованная масса не может сама себя освободить и ничего не может достигнуть без милости этих умных адвокатов, литераторов и сентиментальных баб»...¹⁴⁷ Как далеки от них каутскианцы по своей «теории»! А на практике, в их отношении к войне, те и другие *вполне совпадают!* Наглядное доказательство того, как выветрился весь марксизм у каутскианцев, как превратился он в мертвую букву, в лицемерную фразу.

Какими явными софизмами опровергали каутскианцы после войны тактику революционных пролетарских действий, единогласно принятую социалистами в Базеле, можно видеть из следующих примеров. Каутский выдвинул теорию «ультра-империализма». Он разумел под этим замену «борьбы национальных финансовых капиталов между собой» общему эксплуатации мира интернационально-объединенным финансовым капиталом» («N. Z.» № 5, 30/IV 1915, S. 144). При этом сам Каутский добавлял: «Осуществима ли подобная новая фаза капитализма, для решения этого нет еще достаточных предпосылок»! На основании того, что «мыслима» новая фаза, которую сам же ее сочинитель не решает даже объявить «осуществимой», отрицаются революционные задачи пролетариата теперь, во время заведомо наступившей *фазы кризиса и войны!* И отрицает революционные действия тот самый авторитет II Интернационала, который в 1909 г.

писал целую книгу «Путь к власти», переведенную почти на все главные европейские языки и доказывавшую *связь* грядущей войны с революцией, доказывавшую, что «революция *не может* быть преждевременной»!»

В 1909-м году Каутский доказывает, что миновала эпоха «мирного» капитализма, грядет эпоха войн и революций. В 1912-м году Базельский манифест именно этот взгляд кладет в основу всей тактики социалистических партий мира. В 1914 году наступает война, наступает «экономический и политический кризис», предвиденный Штутгарт-ом и Базелем. И Каутский выдумывает теоретические «отговорки» *против* революционной тактики!

П. Б. Аксельрод проводит те же идеи в чуточку более «левой» фразеологии: он пишет в свободной Швейцарии и желает влиять на русских революционных рабочих («Die Krise und die Aufgaben der internationalen Sozialdemokratie». Zürich, 1915 г.*). Здесь мы читаем приятное для оппортунистов и буржуа всего мира открытие, что «das Internationalisierungsproblem der Arbeiterbewegung ist mit der Frage der Revolutionisierung unserer Kampfesformen und Methoden nicht identisch» (37) и что «Der Schwerpunkt des Internationalisierungsproblems der proletarischen Befreiungsbewegung liegt in der weiteren Entwicklung u. Internationalisierung eben jener Alltagspraxis» (40)... «*beispielsweise* müssen die Arbeiterschutz- u. Versicherungsgesetzgebung... zum Objekt ihrer (der Arbeiter) *internationalen* Aktionen u. Organisationen werden» (39)**.

Разумеется, не только Зюдекумы, Легины и Гайндманы с Вандервельде, но и Ллойд-Джорджи, Науманы и Брианы всецело одобряют такой «интернационализм»! Аксельрод защищает «интернационализм» Каутского, не приведя и не разобрав ни единого довода его за защиту отечества. Аксельрод — как и франкофильские социал-шовинисты — боится даже вспомнить, что Базельский манифест говорит

* — «Кризис и задачи международной социал-демократии». Цюрих, 1915 г. Ред.

** — «проблема интернационализации рабочего движения не тождественна с вопросом революционирования наших форм и методов борьбы» (37) и что «центр тяжести проблемы интернационализации пролетарского освободительного движения лежит в дальнейшем развитии и интернационализации именно той повседневной практики» (40)... «*напримр*, законодательство по охране труда и страхованию должно... стать объектом их (рабочих) *интернациональных* действий и организаций» (39). Ред.

именно о революционной тактике. Для будущего, — неопределенного, неизвестного будущего, — Аксельрод готов бросить самые левые, пререволюционные фразы о том, как будущий Интернационал выступит — *entgegentreten wird (den Regierungen im Falle der Kriegsgefahr) «mit der Entfaltung eines revolutionären Sturmes»... «Einleitung der sozialistischen Revolution» (14)**. Не шутите!! А когда речь идет о применении именно теперь, во время теперешнего кризиса, революционной тактики, Аксельрод отвечает *ganz à la Kautsky***: «*revolutionäre Massenaktionen*»... эта тактика... «*hätte noch eine gewisse Berechtigung, wenn wir unmittelbar am Vorabend der sozialen Revolution ständen, ähnlich wie es etwa in Russland seit den Studentendemonstrationen des J. 1901 der Fall war, die das Herannahen entscheidender Kämpfe gegen den Absolutismus ankündigten*»***... (40—41) и дальше громы против «Утопии»****, «Бакунизма»*****, вполне в духе Кольба, Гейне, Зюдекума и Легина!! Но пример России особенно наглядно разоблачает Аксельрода. С 1901 по 1905 г. прошло 4 года, и никто не мог ручаться в 1901 г., что революция в России (первая революция против абсолютизма) наступит через 4 года. Совершенно таково же положение Европы перед соц. революцией. Никто не может ручаться, наступит ли первая революция этого рода через 4 года. Но что революционная ситуация есть *налицо*, это факт, предсказанный в 1912 г. и наступивший в 1914 г. Демонстрации рабочих и голодающих горожан в России и в Германии 1914 г. также несомненно «*ankündigen des Herannahen entscheidender Kämpfe*»*****. Прямой и безусловный долг социалистов — поддерживать и развивать *эти* демонстрации и всякого рода «революционные массовые действия» (стачки, экономические и политические, движение в войске вплоть до восстания и гражданской войны),

* — выступит (против правительств в случае опасности войны) и подымет революционную бурю... «Пролог социалистической революции» (14). Ред.

** — совсем по Каутскому. Ред.

*** — тактика «революционных массовых выступлений»... «имела бы еще некоторое оправдание, если бы мы стояли непосредственно накануне социальной революции, подобно тому, как это было, например, в России, где стачечные демонстрации 1901 года явились предвестниками приближения решающих битв против абсолютизма». Ред.

**** — «утопий». Ред.

***** — «бакунизма». Ред.

***** — «предвещают приближение решающих битв». Ред.

давать им ясные лозунги, создавать нелегальную организацию и литературу, без которой *нельзя* звать массы к революции, помогать им осознать ее, организовать для нее. Именно так поступали с.-д. в России 1901 г. перед «Am Vorabend»* буржуазной революции (которая началась в 1905 г., но не кончилась и в 1915). Именно так обязаны поступать с.-д. в Европе 1914—1915 гг. «am Vorabend» der sozialistischen Revolution**. Революции никогда не рождаются готовыми, не выходят из головы Юпитера, не вспыхивают сразу. Им предшествует всегда процесс брожений, кризисов, движений, возмущений, *начала* революции, причем это начало *не всегда* развивается до конца (напр., если слаб революционный класс). Аксельрод выдумывает отговорки, отвлекая с.-д. от их *долга* помогать развитию революционных движений, уже начинающихся на почве уже наличной революционной ситуации. Аксельрод защищает тактику Давида и фабрианцев, только прикрывая свой оппортунизм левыми фразами.

«Den Weltkrieg in einen Bürgerkrieg umwandeln zu wollen wäre Wahnsinn gewesen»***, пишет вождь оппортунистов Э. Давид («Die Sozialdemokratie im Weltkrieg», Brl. 1915, S. 172)****, возражая на манифест ЦК нашей партии РСДРП, опубликованный 1/XI—1914 и бросивший этот лозунг и добавивший «Wie gross die Schwierigkeiten dieser Umwandlung zur gegebenen Zeit auch sein mögen,—die Sozialisten werden niemals ablehnen, die Vorarbeiten in der bezeichneten Richtung *systematisch, unbeugsam* und energisch auszuführen, falls der Krieg zur Tatsache geworden ist»***** (zitiert bei David. S. 171). Заметим, что за месяц до выхода книги Давида (1/V—1915 г.) наша партия опубликовала (№ 40 «С.-Д.», 29/III) резолюцию о войне: систематические «шаги по пути превращения империалистской войны в гражданскую» определялись в них следующим образом: 1) отказ от вотиро-

* — «накануне». *Ред.*

** — «накануне» социалистической революции. *Ред.*

*** — «Было бы безумием захотеть превратить мировую войну в гражданскую». *Ред.*

**** — «Социал-демократия во всемирной войне», Берлин, 1915, стр. 172. *Ред.*

***** — «Как бы ни извались велики трудности такого превращения в ту или иную минуту, социалисты никогда не откажутся от систематической, настойчивой, неуклонной подготовительной работы в этом направлении, рав война стала фантом». *Ред.*

вания военных кредитов etc.; 2) разрыв «Burgfrieden»*; 3) создание нелегальной организации; 4) поддержка братанья солдат в траншеях; 5) поддержка всякого рода революционных массовых выступлений пролетариата вообще.

О, храбрый Давид! В 1912 г. он не находил «безумной» ссылку на пример Парижской Коммуны. В 1914 г. он подпеваает буржуазии: «безумие»!!

Вполне согласную с Давидом оценку революционной тактики дал Плеханов, типичный представитель социалшовинистов «4-ного согласия». Он назвал мысли о...** ...именно «Vorabend»*** социальной революции, от которого может пройти и 4 и более лет до «entscheidende Kämpfe»****. Это есть именно зачатки, пусть слабые, но все же зачатки «пролетарской революции», о которой говорил Базель и которая *никогда* не станет сразу сильной, а неизбежно пройдет стадии сравнительно *слабых* зачатков.

Поддержка, развитие, расширение, обострение революционных массовых действий и революционного движения. Создание нелегальной организации для пропаганды и агитации в этом направлении, для помощи массам осознать движение и его задачи, его средства, его цели. К этим 2-м пунктам неизбежно сводится всякая практическая программа деятельности с.-д. во время данной войны. Все остальное — оппортунистическая, контрреволюционная фраза, какими бы левыми, лжемарксистскими, пацифистскими вывертами она ни украшалась.

И если нам возражат, как обычно возражают рутинеры II Интернационала: о! эти «русские» способы!! («Die russische Taktik» — Kap. VIII bei David)***** — то мы ответим простой ссылкой на факты. В Берлине 30. X. 1915 несколько сот (einige Hundert) женщин демонстрировали перед Parteivorstand'ом и через свою депутацию заявили ему: «Die Verbreitung von unzensurierten Flugblättern und Druckschriften und die Abhaltung nicht

* — «гражданского мира». *Ред.*

** На этом страница заканчивается. В начале следующей страницы рукописи несколько слов отсутств. Продолжение статьи печатается впервыс. *Ред.*

*** — «напуп». *Ред.*

**** — «решающих битв». *Ред.*

***** — «Русская тактика» — глава VIII у Давида. *Ред.*

genehmigter Versammlungen wäre bei dem grossen Organisationsapparat heute leichter möglich als zur Zeit des Sozialistengesetzes. Es fehlt nicht an Mitteln und Wegen, sondern offensichtlich an dem Willen» * (курсив мой). («Berner Tagwacht» № 271)**.

Должно быть, эти берлинские работницы совращены «бакунистским» и «авантюристическим», «сектантским» (siehe Kolb & K^o***) и «безумным» манифестом ЦК русской партии от 1. XI.

Написано в конце 1915 г.

Впервые напечатано в 1924 г. в журнале «Пролетарская Революция» № 5 (28)

Печатается по рукописи

---

* — «Распространять нелегальные листовки и брошюры и устраивать неразрешенные собрания было бы теперь, при наличии большого организационного аппарата, легче, чем во времена исключительного закона против социалистов. Не ощущается недостатка в средствах и путях, но нет, очевидно, достаточной воли». *Ред.*

** — «Бернский Часовой» № 271. *Ред.*

*** — смотри Кольб и К^o. *Ред.*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне» — тезисы о войне; написаны Лениным не позднее 24 августа (6 сентября) 1914 года по приезде из Поронина (Галиция) в Берн (Швейцария). Тезисы обсуждались на совещании группы большевиков в Берне 24—26 августа (6—8 сентября), были приняты и как резолюция группы разосланы другим зарубежным секциям большевиков. В целях конспирации на копии, переписанной Н. К. Крупской, помечено: «Копия с воззвания, выпущенного в Дании».

Тезисы были нелегальным путем направлены в Россию для обсуждения русской частью Центрального Комитета партии, партийными организациями и думской фракцией большевиков. В конце 1914 года тезисы получил И. В. Сталин, находившийся в то время в туруханской ссылке.

Через швейцарских социал-демократов тезисы были переданы также итало-швейцарской конференции социалистов, происходившей 27 сентября (н. ст.) 1914 года в Лугано (Швейцария). Многие положения из них вошли в резолюцию этой конференции.

Получив сообщение из России об одобрении тезисов, Ленин переработал их в манифест ЦК РСДРП: «Война и российская социал-демократия» (см. настоящий том, стр. 9—18).

Вступление к тезисам под названием «Российская социал-демократия о европейской войне», написанное Лениным на отдельном листке, найдено позднее и в Сочинениях печатается впервые. — 1.

² В буржуазные министерства вступили: в Бельгии — Э. Вандервельде, во Франции — Ж. Гед, М. Самба и А. Тома. — 2.

³ «Социалистический Ежемесячник» («Sozialistische Monatshefte») — журнал; главный орган оппортунистов немецкой социал-демократии и один из органов международного оппортунизма. Во время мировой империалистической войны (1914—1918) занимал позицию социал-шовинизма; выходил в Берлине с 1897 по 1933 год. — 2.

- 4 См. статью В. И. Ленина «О лоунге Соединенных Штатов Европы» и «Примечание редакции «Социал-Демократа» к Манифесту ЦК РСДРП о войне» (настоящий том, стр. 308—311, 312).—4.
- 5 «*Avanti!*» («Вперед!») — ежедневная газета, центральный орган Итальянской социалистической партии; основана в декабре 1896 года. В годы мировой империалистической войны (1914—1918) газета занимала непоследовательно-интернационалистическую позицию, не порывая связи с реформистами. Газета выходит в настоящее время как центральный орган Итальянской социалистической партии. — 5.
- 6 *Эюдекум*, Альберт — германский социал-демократ; во время мировой империалистической войны (1914—1918) крайний социал-шовинист. Слово «Эюдекум» стало нарицательным для характеристики социал-шовинистов. — 5.
- 7 «*Volksrecht*» («Народное Право») — ежедневная газета, орган швейцарской социал-демократической партии; издается в Цюрихе с 1898 года. В годы мировой империалистической войны (1914—1918) газета помещала статьи левых циммервальдистов. В ней были напечатаны статьи Ленина: «Двенадцать кратких тезисов о защите Г. Грейлихом защиты отечества», «О задачах РСДРП в русской революции», «Проделки республиканских шовинистов» и др. Газета продолжает выходить до настоящего времени; занимает антикоммунистическую и антидемократическую позицию. — 6.
- 8 «*Bremer Bürger-Zeitung*» («Бременская Гражданская Газета») — ежедневная газета, орган бременской группы немецких социал-демократов. Газета выходила с 1890 по 1919 год; в 1914—1915 годах была фактически органом немецких левых социал-демократов; в 1916 году перешла в руки каутскианцев. — 6.
- 9 «*Vorwärts*» («Вперед») — ежедневная газета, центральный орган германской социал-демократии; газета издавалась с 1876 года под редакцией В. Либнехта и других. На страницах газеты Ф. Энгельс вел борьбу против всяческих проявлений оппортунизма. Со второй половины 90-х годов, после смерти Ф. Энгельса, в газете «*Vorwärts*» систематически печатались статьи оппортунистов, господствовавших в германской социал-демократии и во II Интернационале. В годы мировой империалистической войны (1914—1918) «*Vorwärts*» стоял на позициях социал-шовинизма. После Великой Октябрьской социалистической революции газета «*Vorwärts*» стала одним из центров антисоветской пропаганды; выходила в Берлине до 1933 года. — 6.
- 10 *Wiener Arbeiter-Zeitung* (венская «Рабочая Газета») — ежедневная газета, центральный орган австрийской социал-демократии; выходила в Вене с 1889 года; в период мировой империалистической войны (1914—1918) занимала социал-шовинистическую позицию. Ленин называл ее газетой «венских предателей социализма».

В 1934 году газета была закрыта. Возобновила свой выход в 1945 году как центральный орган социалистической партии Австрии. Газета носит ярко выраженный антидемократический характер, проводит политику раскола в австрийском рабочем движении в интересах англо-американских империалистов. — 6.

- 11 «*Hamburger Echo*» («Гамбургское Эхо») — ежедневная газета немецкой социал-демократии; выходила с 1887 года; в период мировой империалистической войны (1914—1918) занимала социал-шовинистическую позицию. — 6.
- 12 «*L'Humanité*» («Человечество») — ежедневная газета, основанная Ж. Жоресом в 1904 году как орган Французской социалистической партии. В годы мировой империалистической войны (1914—1918) газета находилась в руках крайне правого крыла Французской социалистической партии и занимала социал-шовинистическую позицию. Вскоре после раскола социалистической партии на конгрессе в декабре 1920 года и образования коммунистической партии Франции газета стала ее органом; выходит в Париже и в настоящее время как центральный орган коммунистической партии. — 6.
- 13 Ленин имеет в виду воззвание французской и бельгийской делегаций в Международном социалистическом бюро к германскому народу. Воззвание было опубликовано в «*L'Humanité*» 6 сентября 1914 года. В нем бельгийские и французские социалисты обвиняли германское правительство в захватнических стремлениях, а немецких солдат в зверствах, чинимых на оккупированной территории. Правление германской социал-демократической партии 10 сентября 1914 года опубликовало в «*Vorwärts*» протест против этого воззвания. В связи с этим произошла полемика в печати между французскими и немецкими социал-шовинистами. — 6.
- 14 Ленин ссылается здесь на революцию группы большевиков, принятую на совещании в Берне 24—26 августа (6—8 сентября) 1914 года (см. настоящий том, стр. 1—4). — 6.
- 15 «*Die Neue Zeit*» («Новое Время») — журнал германской социал-демократии; выходил в Штутгарте с 1883 по 1923 год. В 1885—1895 годах в «*Die Neue Zeit*» были опубликованы некоторые статьи Ф. Энгельса. Он часто давал указания редакции журнала и резко критиковал ее за отступления от марксизма. Со второй половины 90-х годов, после смерти Ф. Энгельса, журнал систематически печатал статьи ревизионистов. В годы мировой империалистической войны (1914—1918) журнал занимал центристскую, каутскианскую позицию, поддерживал социал-шовинистов. — 8.
- 16 Штутгартский конгресс II Интернационала происходил 18—24 августа (н. ст.) 1907 года. На этом конгрессе РСДРП была представлена 37 делегатами. От большевиков присутствовали Ленин, Лукачарский, Литвинов и другие.

Основная работа конгресса сосредоточилась в комиссиях, где составлялись проекты резолюций для пленарных заседаний. Ленин принял участие в работе комиссии по выработке резолюции по вопросу «Милитаризм и международные конфликты». Вместе с Розой Люксембург Ленин внес в проект резолюции Бебеля историческую поправку об обязанностях социалистов использовать создаваемый войной кризис для поднятия масс и свержения капитализма; поправка была принята конгрессом. (О конгрессе см. статьи В. И. Ленина «Международный социалистический конгресс в Штутгарте», Сочинения, 4 изд., том 13, стр. 59—65; 66—77.) — 15.

- 17 *Копенгагенский конгресс II Интернационала* состоялся 28 августа — 3 сентября (н. ст.) 1910 года. РСДРП на конгрессе представляли Ленин, Плеханов, Луначарский, Коллонтай, И. П. Покровский и другие. Для предварительного обсуждения и выработки резолюций по отдельным вопросам конгрессом было выделено несколько комиссий. Ленин работал в кооперативной комиссии.

Резолюция, принятая конгрессом, «Борьба с милитаризмом и войной» подтвердила резолюцию Штутгартского конгресса «Милитаризм и международные конфликты» и выдвинула ряд требований, которые должны выставляться социалистическими депутатами в парламентах в борьбе против войны: а) обязательное представление всех конфликтов между государствами на решение международных третейских судов, б) всеобщее разоружение, в) уничтожение тайной дипломатии, г) автономия всех народов и защита их от военных нападений и притеснений. — 15.

- 18 *Базельский конгресс II Интернационала* состоялся 24—25 ноября (н. ст.) 1912 года. Он был создан как чрезвычайный в связи с балканской и надвигающейся европейской войной. Конгресс принял манифест, в котором подчеркнул империалистическую сущность грядущей мировой войны и призвал социалистов всех стран к активной борьбе против войны. (О Базельском манифесте см. настоящий том, стр. 184—193 и 278—279.) — 15.

- 19 «*Британская социалистическая партия*» («British Socialist Party») была основана в 1911 году в Манчестере. Ядром ее явилась возникшая в 1884 году Социал-демократическая федерация (во главе которой стояли Гайндман, Гарри Квелч, Томас Манн и др.), переименованная впоследствии в Социал-демократическую партию. Британская социалистическая партия вела пропаганду и агитацию в марксистском духе и была партией «не оппортунистической, действительно независимой от либералов» (Ленин). Малочисленность и оторванность партии от масс придавали ей некоторый сектантский характер.

В период мировой империалистической войны (1914—1918) в партии обозначились два течения: одно — открыто социал-шовинистическое во главе с Гайндманом и другое — интерна-

ционалистическое во главе с А. Инкпином, Ф. Ротштейном и др. В апреле 1916 года в партии произошел раскол. Гайндман со своими сторонниками оказались в меньшинстве и вышли из партии. С этого времени во главе Британской социалистической партии встали интернационалистические элементы, которые вели борьбу против империалистической войны. Британская социалистическая партия была инициатором создания Коммунистической партии Англии, оформившейся в 1920 году, и большинство ее организаций вошло в компартию. — 20.

- 20 *«Независимая рабочая партия Англии»* («Independent Labour Party») основана в 1893 году. Во главе партии стояли Джемс Кейр-Гарди, Р. Макдональд и др. Претендуя на политическую независимость от буржуазных партий, Независимая рабочая партия на самом деле была «независимой от социализма, но зависимой от либерализма» (Ленин). В период мировой империалистической войны (1914—1918) Независимая рабочая партия вначале выступила с манифестом против войны (13 августа (н. ст.) 1914 года). Затем в феврале 1915 года, на Лондонской конференции социалистов стран Антанты, независимцы присоединились к принятой на конференции социал-шовинистической революции. С этого времени лидеры независимцев, прикрываясь пацифистскими фразами, занимали социал-шовинистическую позицию. После основания Коминтерна, в 1919 году, под давлением полевевших партийных масс, лидеры Независимой рабочей партии приняли решение о выходе из II Интернационала. В 1921 году независимцы вступили в так называемый 2^{1/2} Интернационал, а после его распада вновь присоединились ко II Интернационалу. — 20.

- 21 *Итальянская социалистическая партия* была основана в 1892 году как «Партия итальянских рабочих»; в 1893 году на съезде в Реджио-Эмилия она приняла название «Итальянской социалистической партии». В первую половину мировой империалистической войны (1914—1918) Итальянская социалистическая партия занимала непоследовательную интернационалистическую позицию. Она принимала участие в международных социалистических конференциях в Циммервальде (сентябрь 1915) и Кинтале (апрель 1916), примыкала к центристскому большинству. В конце 1916 года Итальянская социалистическая партия, под влиянием реформистского крыла, вступила на путь социал-пацифизма.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции в России в рядах Итальянской социалистической партии усилилось левое крыло. Партийный съезд в Болонье (октябрь 1919 года) высказался за включение в программу пункта о борьбе за диктатуру пролетариата и за присоединение к Коммунистическому Интернационалу, но сохранил в рядах партии оппортунистов.

В январе 1921 года на съезде партии в Ливорно левые порвали с социалистической партией, организовали свой съезд

и основали Коммунистическую партию Италии. Итальянская социалистическая партия в 1921 году на III конгрессе Коминтерна была исключена из рядов Коммунистического Интернационала.

В период фашистской диктатуры в партии вновь образовалось влиятельное левое крыло. В 1934 году Итальянская социалистическая партия заключила с Коммунистической партией Италии соглашение о единстве действий. Это соглашение послужило базой сотрудничества обеих партий в период второй мировой войны и в послевоенный период. В январе 1947 года Итальянская социалистическая партия раскололась. Из ее рядов вышла группа правых социалистов во главе с агентом американского империализма Сарагатом и образовала так называемую «Социалистическую партию итальянских трудящихся». — 20.

- 22 «Голос» — ежедневная меньшевистско-троцкистская газета; выходила в Париже с сентября 1914 года по январь 1915 года. Газета занимала центристскую позицию.

В первые дни мировой империалистической войны (1914—1918) в «Голосе» были напечатаны статьи Мартова против социал-шовинистов. После поворота Мартова вправо, газета все больше брала под свою защиту социал-шовинистов, предпочитая «единство с социал-шовинистами сближению с людьми, которые относятся к социал-шовинизму непримиримо» (Ленин).

С января 1915 года вместо «Голоса» начала выходить газета «Наше Слово». — 21.

- 23 Заметки о реферате Ленина помещены в «Vorwärts» («Вперед») № 308 от 10 ноября и в Wiener «Arbeiter-Zeitung» (венская «Рабочая Газета») № 309 от 7 ноября 1914 года. В связи с письмом Ленина редакция «Vorwärts» 22 ноября 1914 года напечатала краткую заметку, в которой сообщала, что Ленин в своем реферате критиковал позицию немецкой и австрийской социал-демократии и дал оценку краха II Интернационала. — 25.

- 24 В. И. Ленин начал писать статью «Карл Маркс» для энциклопедического словаря товарищества братьев Гранат весной 1914 года в Поронине (Галиция) и закончил ее в ноябре 1914 года в Берне (Швейцария). В предисловии к этой статье, изданной в 1918 году отдельной брошюрой, Ленин по памяти указывает дату написания статьи — 1913 год.

Статья была напечатана в 1915 году в словаре за подписью В. Ильин, с приложением «Библиографии марксизма». По цензурным условиям редакция опустила две главы — «Социализм» и «Тактика классовой борьбы пролетариата» — и внесла ряд изменений в текст.

В 1918 году издательство «Прибой» выпустило эту работу с предисловием В. И. Ленина отдельной брошюрой в том виде, как она была напечатана в словаре, но без приложения «Библиографии марксизма».

Впервые полный текст статьи по рукописи опубликован в 1925 году в сборнике «Маркс, Энгельс, марксизм», подготовленном Институтом Ленина при ЦК РКП(б). — 27.

- 25 Имеется в виду высказывание Маркса из его работы «К критике гегелевской философии права» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. I, 1938, стр. 392). — 31.
- 26 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1947, стр. 126—131 и 132—133. — 51.
- 27 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1947, стр. 139. — 59.
- 28 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXI, 1932, стр. 144. — 59.
- 29 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXII, 1931, стр. 271 и 360. — 59.
- 30 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIII, 1932, стр. 142, 145 и 336. — 60.
- 31 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIV, 1931, стр. 252 и 529. — 60.
- 32 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VII, 1930, стр. 56. — 60.
- 33 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1947, стр. 86. — 61.
- 34 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIII, 1932, стр. 232, 239. — 61.
- 35 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIII, 1932, стр. 152, 154—155, 166, 199, 225—226, 232, 237—238, 461, 482, 488. — 61.
- 36 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIV, 1931, стр. 480—481, 488, 505—506, 513 и 515. — 62.
- 37 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1947, стр. 331. — 75.
- 38 *Мильеранизм* — оппортунистическое течение, названное по имени французского «социалиста» Мильерана, который в 1899 году вошел во французское реакционное буржуазное правительство и помогал буржуазии проводить ее политику.
- Вопрос о допустимости участия социалистов в буржуазном правительстве обсуждался в 1900 году на Парижском конгрессе II Интернационала. Конгресс принял предложенную Каутским примиренческую революцию, которая осуждала участие социалистов в буржуазном правительстве, но допускала

вступление социалистов в буржуазные правительства в «чрезвычайных» случаях. Эту оговорку французские социалисты использовали для оправдания своего вхождения в правительство империалистической буржуазии в начале войны 1914—1918 годов. — 80.

- 39 *Бернштейниада* (бернштейнианство) — враждебное марксизму течение в международной социал-демократии, возникшее в конце XIX века в Германии и названное по имени германского социал-демократа Эдуарда Бернштейна. Бернштейн выступил с ревизионной революционной учения Маркса в духе буржуазного либерализма.

Сторонниками Бернштейна в России были «легальные марксисты», «экономисты», бундовцы, меньшевики. — 81.

- 40 *Гора и Жиронда* — название двух политических группировок буржуазии периода французской буржуазной революции конца XVIII века. Горой — якобинцами — называли наиболее решительных представителей революционного класса того времени — буржуазии, отстаивавших необходимость уничтожения абсолютизма и феодализма. Жирондисты, в отличие от якобинцев, колебались между революцией и контрреволюцией и шли по пути сделок с монархией.

«Социалистической Жирондой» Ленин называл оппортунистическое течение в социал-демократии; пролетарскими якобинцами, «Горой» — революционных социал-демократов. После раскола РСДРП на большевиков и меньшевиков Ленин часто подчеркивал, что меньшевики представляют собой жирондистское течение в рабочем движении. — 81.

- 41 *Международное социалистическое бюро* (МСБ) — исполнительный орган II Интернационала; создано по решению Парижского конгресса 1900 года; с 1905 года Ленин входил в состав МСБ представителем от РСДРП. — 83.

- 42 Ленин приводит цитату из романа Чернышевского «Пролог» (см. Н. Г. Чернышевский. «Избранные сочинения», т. V, 1932, стр. 488). — 85.

- 43 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XV, 1935, стр. 223. — 86.

- 44 Ленин имеет в виду следующий случай: на съезде шведской социал-демократической партии в Стокгольме 23 ноября (н. ст.) 1914 года представитель ЦК РСДРП, выступая с приветствием от имени Центрального Комитета, указал на социал-шовинизм лидеров немецкой социал-демократии и других европейских партий и на измену их делу пролетариата. Руководитель правого крыла шведской социал-демократии Брантинг предложил выразить сожаление по поводу того места приветствия, где давалась оценка поведению германской социал-демократии. Против предложения Брантинга выступил Хеглунд, бывший

тогда руководителем левого крыла социал-демократии Швеции, но съезд принял предложение Брантинга.

Отчет о работе съезда опубликован в газете «Социал-Демократ» № 36 от 9 января 1915 года. — 90.

- 45 **ОК** — Организационный комитет; руководящий центр меньшевиков; образовался в 1912 году на августовской конференции меньшевиков-ликвидаторов и всех антипартийных групп и течений; действовал до выборов ЦК меньшевистской партии в августе 1917 года.

Беленин — А. Г. Шляпников. — 90.

- 46 **«Социал-Демократ»** — нелегальная газета, Центральный Орган РСДРП; издавалась с февраля 1908 года по январь 1917 года; вышло 58 номеров. Первый номер газеты вышел в России, в дальнейшем издание было перенесено за границу, сначала в Париж, затем в Женеву. Редакция ЦО была составлена, согласно решению ЦК РСДРП, из представителей большевиков, меньшевиков и польских социал-демократов.

В газете «Социал-Демократ» напечатано больше 80 статей и заметок Ленина. Внутри редакции газеты Ленин вел борьбу за последовательную большевистскую линию. Часть редакции (Каменев и Зиновьев) примиренчески относилась к ликвидаторам, пыталась сорвать проведение ленинской линии. Члены редакции, меньшевики Мартов и Дан, саботируя работу в редакции Центрального Органа, в то же время открыто защищали ликвидаторство в своей фракционной газете «Голос Социал-Демократа».

Непримиримая борьба Ленина против ликвидаторов привела к уходу Мартова и Дана в июне 1911 года из состава редакции «Социал-Демократа». С декабря 1911 года «Социал-Демократ» редактировался В. И. Лениным.

В газете «Социал-Демократ» был напечатан ряд статей И. В. Сталина: «Письма с Кавказа», «Наказ петербургских рабочих своему рабочему депутату», «Выборы в Петербурге» и другие (см. И. В. Сталин. Сочинения, том 2, 1946, стр. 174—196; 250—252; 271—284). — 90.

- 47 **«Документом»** Ленин называет ответ петербургских ликвидаторов (Потресова, Маслова, Череваншина и др.) на телеграмму Вандервельде, в которой он призывал русских социал-демократов не противодействовать войне. В своем ответе русские ликвидаторы одобрили вступление бельгийских, французских и английских социалистов в буржуазные правительства и заявили, что они в своей деятельности в России не противодействуют войне. — 93.

- 48 **«Bernar Tagwacht»** («Бернский Часовой») — ежедневная газета, орган швейцарской социал-демократической партии; основана в 1893 году в Берне. В начале первой мировой войны в газете публиковались статьи К. Либкнехта, Ф. Меринга и других левых социал-демократов. С 1917 года газета стала открыто

поддерживать социал-шовинистов; газета выходит в настоящее время и занимает антикоммунистическую и антидемократическую позицию. — 94.

49 Организационный комитет (ОК) меньшевиков объявил об издании своего органа «Отклики», но это издание не было осуществлено. — 95.

50 «Мысль» — ежедневная газета партии эсеров; издавалась в Париже с ноября 1914 года по март 1915 года. — 95.

51 Ленин имеет в виду написанную им резолюцию «О народниках», принятую совещанием ЦК РСДРП с партийными работниками, происходившим 23 сентября — 1 октября (6—14 октября) 1913 года в деревце Поронин (недалеко от Кракова). По конспиративным соображениям совещание называлось «летним» или «августовским». Резолюция напечатана в Сочинениях, 4 изд., том 19, стр. 387—388. — 95.

52 Статья «Какое единство» провозгласил на шведском съезде Ларин?» написана Лениным в связи с выступлением меньшевика Ю. Ларина 23 ноября (н. ст.) 1914 года на съезде шведской социал-демократической партии в Стокгольме.

Приведенные Лениным 14 пунктов условий единства взяты из написанного им «Доклада ЦК РСДРП и инструктивных указаний делегации ЦК на брюссельском совещании» (см. Сочинения, 4 изд., том 20, стр. 463—502). — 97.

53 «Третьеиюльский» блок (Брюссельский блок) был заключен во время Брюссельского «объединительного» совещания 16—18 июля (н. ст.) 1914 года, созванного Исполнительным комитетом Международного социалистического бюро для обмена мнений по вопросу о возможности восстановления единства РСДРП. На совещании были представлены: ЦК РСДРП (большевики); Организационный комитет (меньшевики) с примыкавшими к нему организациями — Кавказский областной комитет и группа «Борьба» (троцкисты); думская с.-д. фракция (меньшевики); группа Плеханова «Единство»; группа «Вперед»; Бунд; с.-д. Латышского края; с.-д. Литвы; польские с.-д.; польская с.-д. оппозиция; ППС («левица»).

Несмотря на то, что совещание должно было ограничиться только обменом мнений и не принимать обязательных решений, была поставлена на голосование резолюция Каутского об объединении РСДРП. Большевики и латышские социал-демократы отказались от участия в голосовании этой резолюции, но большинством голосов резолюция была принята.

«Под видом «примирения» большевиков с ликвидаторами, под видом установления «мира в партии» II Интернационал потребовал от большевиков прекращения критики соглашательской политики ликвидаторов. Но большевики были непримиримы: они отказались подчиниться решению оппортунистического II Интернационала и не пошли ни на какие уступки» («История ВКП(б). Краткий курс», стр. 151—152). — 97.

- 54 *«Левица»* — левое крыло мелкобуржуазной националистической Польской социалистической партии (ППС), выделившееся в самостоятельную фракцию в 1906 году после раскола ППС. *«Левица»*, не отвергая полностью национализма, отказалась от ряда националистических требований ППС и террористических методов борьбы. В тактических вопросах она была близка к русским меньшевикам-ликвидаторам и вместе с ними вела борьбу против большевиков. В годы первой мировой войны большая часть *«левицы»* встала на интернационалистическую позицию и сблизилась с польской с.-д. партией; вместе они в декабре 1918 года образовали Коммунистическую рабочую партию Польши. — 97.
- 55 *«Наша Заря»* — ежемесячный легальный журнал меньшевиков-ликвидаторов; выходил в 1910—1914 годах в Петербурге. Вокруг *«Нашей Зари»* сложился центр ликвидаторов в России. — 97.
- 56 *«Наша Рабочая Газета»* — ежедневная газета, орган меньшевиков-ликвидаторов; выходила легально в Петербурге с мая по июль 1914 года. — 97.
- 57 Имеется в виду выступление меньшевиков-ликвидаторов против легально существовавшего Страхового совета, избранного петербургскими рабочими в марте 1914 года. В состав Страхового совета вошли рабочие по списку, предложенному большевиками (*«правдистами»*). Меньшевики-ликвидаторы призывали рабочих не подчиняться решениям Страхового совета. — 98.
- 58 *«Страхование Рабочих»* — журнал меньшевиков-ликвидаторов; выходил в Петербурге с декабря 1912 года по июнь 1918 года. — 98.
- 59 *«Тройственное согласие»*, или *«Антанта»*, — военно-политический союз Англии, Франции и России, возникший в 1907 году. — 99.
- 60 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. *Избранные письма*, 1947, стр. 241—244. — 100.
- 61 Ленин имеет в виду работу Ф. Энгельса *«По и Рейн»* (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. *Сочинения*, т. XI, ч. II, 1934, стр. 1—50). — 100.
- 62 См. К. Маркс. *«Нищета философии»*, 1941, стр. 173. — 102.
- 63 *«Наше Слово»* — ежедневная меньшевистско-троцкистская газета; выходила в Париже с января 1915 года по сентябрь 1916 года, заменив собой газету *«Голос»*.
Письмо В. И. Ленина является ответом на предложение редакции *«Нашего Слова»* об организации совместного выступления против социал-патриотизма в связи с предстоящей Лондонской конференцией социалистов стран Антанты. Ленин ответил согласием, изложил проект декларации для оглашения на Лондонской конференции и подверг критике социалшовинистическую позицию меньшевистского Организационного

комитета и Бунда, к которым редакция «Нашего Слова» также обращалась с предложением о совместном выступлении. Редакция «Нашего Слова» не согласилась с проектом Ленина и выработала свою декларацию.

После Лондонской конференции редакция «Нашего Слова» вторично обратилась в ЦК РСДРП с предложением созвать объединенное совещание «интернационалистов» для выработки отношения к войне и к социал-шовинистам. В ответном письме редакции «Нашего Слова» от 10 (23) марта 1915 года (см. настоящий том, стр. 143—146) Ленин выдвинул ряд принципиальных условий, на основе которых возможно сплочение действительных интернационалистов. Ввиду того что редакция «Нашего Слова» взяла под свою защиту ОК и Бунд, Ленин прекратил дальнейшие переговоры.

Объединительные попытки «Нашего Слова», закончившиеся, по выражению Ленина, «идейно-политическим крахом», освещены Лениным в работах настоящего тома: «По поводу Лондонской конференции» (стр. 155—157), «Вопрос об объединении интернационалистов» (стр. 165—168), «Крах платонического интернационализма» (стр. 171—175), «О положении дел в Российской социал-демократии» (стр. 253—258), «Социализм и война» (стр. 305—306). — 105.

- 64 *Лондонская конференция социалистов* стран «тройственного согласия» состоялась 14 февраля (н. ст.) 1915 года. На ней присутствовали представители социал-шовинистов и пацифистских групп социалистических партий Англии, Франции, Бельгии и от России — меньшевики и эсеры.

Хотя большевики и не были приглашены, но по поручению В. И. Ленина на конференцию явился Литвинов (Максимович) для оглашения декларации ЦК РСДРП, в основу которой был положен проект, написанный Лениным. Декларация требовала выхода социалистов из буржуазных правительств, полного разрыва с империалистами, отказа от сотрудничества с ними, решительной борьбы против своих империалистических правительств и осуждения голосований за военные кредиты. Во время оглашения декларации Литвинова прервали и лишили слова, и он, передав президиуму текст декларации, покинул конференцию.

См. статьи Ленина «О Лондонской конференции» и «По поводу Лондонской конференции», настоящий том, стр. 112—114; 155—157. — 105.

- 65 Ю. Гарденин — В. Чернов, лидер партии эсеров. — 110.

- 66 Ропшин — эсер Б. Савинков. — 111.

- 67 «Современник» — ежемесячный литературно-политический журнал; выходил в Петербурге в 1911—1915 годах. Вокруг журнала группировались меньшевики-ликвидаторы, эсеры, народные социалисты и левые либералы.

Журнал не имел никакой связи с рабочими массами. Направление журнала Ленин в 1914 году определял как помесь народничества с марксизмом. — 111.

68 *Максимович* — М. М. Литвинов. — 112.

69 *«Labour Leader»* («Рабочий Вождь») — еженедельная газета; основана в 1890 году; после образования в 1893 году оппортунистической Независимой рабочей партии Англии газета стала ее органом. В годы первой мировой войны газета занимала центристскую позицию. С 1922 года выходит под названием *«New Leader»* («Новый Вождь»), с 1946 года — под названием *«Socialist Leader»* («Социалистический Вождь»). — 113.

70 Статья Ленина *«Под чужим флагом»* подвергалась изменению со стороны редакции *«Сборника»* издательства *«Прилив»*. Сборник вышел в марте 1917 года. — 115.

71 *«Наше Дело»* — ежемесячный меньшевистский журнал, главный орган ликвидаторов, социал-шовинистов в России; выходил в 1915 году в Петрограде вместо закрытого в октябре 1914 года журнала *«Наша Заря»*. — 117.

72 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, 1931, стр. 139—140. — 119.

73 *«Общедельцы»* — оппортунистическая, социал-шовинистическая часть болгарской социал-демократической партии, издававшая журнал *«Общее Дело»*; известны также под названием «широкые» социалисты.

«Тесняки» — революционная социал-демократическая рабочая партия Болгарии, основанная в 1903 году после раскола социал-демократической партии. Основателем и вождем «тесняков» был Д. Благоев, а затем во главе «тесняков» стояли ученики Благоева — Г. Димитров, В. Коларов и другие. В 1914—1918 годах «тесняки» выступали против империалистической войны. В 1919 году «тесняки» вошли в Коммунистический Интернационал и образовали Коммунистическую партию Болгарии, впоследствии преобразованную в Болгарскую рабочую партию (коммунистов). — 135.

74 *«Ежедневный Гражданин»* (*«The Daily Citizen»*) — ежедневная газета, орган оппортунистического блока: Рабочей партии, фабианцев и Независимой рабочей партии Англии; выходила в Лондоне с 1912 до 1915 года. — 135.

75 *«Ежедневный Вестник»* (*«The Daily Herald»*) — ежедневная газета, орган Британской социалистической партии; выходит в Лондоне с 1912 года; в настоящее время является органом партии лейбористов. — 135.

76 *Фабианцы* — члены реформистского, крайне оппортунистического «Общества фабианцев», основанного группой буржуазной интеллигенции в Англии в 1884 году. Общество названо по имени римского полководца Фабия Кунктатора («Медлителя»), известного своей выжидательной тактикой, уклоном от решительных боев. Фабианское общество, по выражению Ленина, представляет собой «самое законченное выражение оппортунизма и либеральной рабочей политики». Фабианцы отвлекали пролетариат от классовой борьбы, проповедывали возможность мирного перехода от капитализма к социализму путем мелких реформ. В период мировой империалистической войны (1914—1918) фабианцы занимали позицию социал-шовинизма. Характеристику фабианцев см. в произведениях Ленина: «Предисловие к русскому переводу книги: «Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.»» (Сочинения, 4 изд., том 12, стр. 330—331), «Аграрная программа социал-демократии в русской революции» (Сочинения, 4 изд., том 15, стр. 154), «Английский пацифизм и английская нелюбовь к теории» (см. настоящий том, стр. 234) и др. — 135.

77 *Рабочая партия Англии* (Labour Party) основана в 1900 году как объединение рабочих организаций — профсоюзов, социалистических партий и групп — в целях создания рабочего представительства в парламенте («Комитет рабочего представительства»). В 1906 году Комитет переименовался в Рабочую (лейбористскую) партию. Лейбористская партия, являясь по своей идеологии и тактике наиболее оппортунистической организацией, «насквозь буржуазной» (Ленин), проводила политику классового сотрудничества с буржуазией. Во время мировой империалистической войны (1914—1918) лидеры лейбористской партии занимали социал-шовинистическую позицию, были, по выражению Ленина, «соучастниками империалистского бандитизма».

Лейбористская партия приходила к власти в 1924, 1929 и 1945 годах и формировала свои правительства, которые неизменно проводили политику английского империализма. Лейбористское правительство, образованное в 1945 году, осуществляет во внутренней и внешней политике реакционную программу английских империалистов. Правые лидеры лейбористов, выступая по сути дела в качестве агентуры американского империализма, занимают антисоветскую позицию и ведут борьбу против сил демократии и социализма. — 135.

78 *Конференция заграничных секций РСДРП* состоялась 27 февраля — 4 марта (н. ст.) 1915 года в Берне (Швейцария). Конференция была созвана по инициативе Ленина и имела значение общепартийной большевистской конференции, поскольку общероссийскую конференцию во время войны собрать не представлялось возможным. На конференции были представители от парижской, цюрихской, женеvской, бернской, лозаннской большевистских секций, а также от «божийской» группы.

Ленин представлял на конференции Центральный Комитет и Центральный Орган («Социал-Демократ»), руководил работой конференции, выступал докладчиком по основному вопросу повестки дня — «Война и задачи партии». Конференция приняла написанные Лениным резолюции о войне. — 137.

79 «Правда» — ежедневная легальная большевистская газета; издавалась в Петербурге; была основана по указанию В. И. Ленина и по инициативе И. В. Сталина. Под руководством И. В. Сталина была выработана платформа «Правды» и подготовлен первый номер, вышедший 22 апреля (5 мая) 1912 года.

«Правда» издавалась на средства рабочих: в 1912 году рабочие провели 620 групповых сборов на большевистскую печать, в 1913 году — 2181, в январе — мае 1914 года — 2873. Передовые рабочие являлись корреспондентами «Правды». Тираж ее доходил до 40—60 тысяч экземпляров в день. Каждый экземпляр газеты читали десятки рабочих.

Большевиков тогда называли «правдистами». «Правда» 1912 года, — писал И. В. Сталин, — это закладка фундамента для победы большевизма в 1917 году».

Ленин руководил из-за границы «Правдой», почти ежедневно писал в газету, давал указания ее редакции. После побега из нарымской ссылки в сентябре 1912 года руководящее участие в «Правде» принимал И. В. Сталин. В январе — феврале 1913 года редактором «Правды» был Я. М. Свердлов. В феврале 1913 года И. В. Сталин вместе с Я. М. Свердловым провел реорганизацию редакции «Правды» по указаниям Ленина. С мая по ноябрь 1912 года секретарем и членом редакционной коллегии работал В. М. Молотов; осенью 1913 года, будучи на нелегальном положении, он руководил в «Правде» отделом профессионального движения. Постоянными сотрудниками редакции были: М. С. Ольминский, Н. Н. Батулин, К. С. Еремеев, Н. Г. Полетаев, К. Н. Самойлова, А. И. Елизарова и другие. Деятельное участие в газете принимали депутаты IV Думы — большевики. В «Правде» печатались произведения А. М. Горького.

Царское правительство зарывало «Правду» восемь раз, но газета продолжала выходить под другими названиями: «Рабочая Правда», «Северная Правда», «Правда Труда», «За Правду», «Пролетарская Правда», «Путь Правды», «Рабочий», «Трудовая Правда».

Издание «Правды», закрытой накануне империалистической войны — 8 (21) июля 1914 года, возобновилось только после февральской революции, 5 (18) марта 1917 года; газета стала выходить как официальный орган Центрального Комитета и Петербургского комитета РСДРП(б). 15 (28) марта на расширенном заседании Бюро ЦК в состав редакции «Правды» был введен И. В. Сталин. По возвращении в Россию в апреле 1917 года В. И. Ленин возглавил руководство «Правдой». После июльских дней, в связи с переходом В. И. Ленина на нелегальное положение, ответственным редактором Центрального Органа партии стал И. В. Сталин. В июле — октябре 1917 года «Правда»,

- преследуемая Временным правительством, четыре раза меняла свое название и выходила под названиями: «Листок «Правды», «Пролетарий», «Рабочий», «Рабочий Путь». С 27 октября (9 ноября) газета стала выходить под своим старым названием — «Правда». — 112.
- 80 Документ заголовка не имсет. Заглавие дано Институтом Маркса — Энгельса — Ленина. — 143.
- 81 «Информационный Листок Заграничной Организации Бунда» выходил в Женеве с июня 1911 года по июнь 1916 года. Всего вышло 11 номеров. Продолжением «Информационного Листка» являлся «Бюллетень Заграничного Комитета Бунда». Всего вышло 2 номера (сентябрь и декабрь 1916 года). — 144.
- 82 Копенгагенская конференция социалистов нейтральных стран (Швеции, Норвегии, Дании и Голландии) состоялась 17—18 января (н. ст.) 1915 года с целью восстановления II Интернационала. Конференция постановила обратиться через парламентских представителей социалистических партий нейтральных стран к своим правительствам с предложением — выступить в качестве посредников между воюющими державами и добиваться прекращения войны. — 145.
- 83 Царский суд над большевистской фракцией IV Государственной думы происходил 10—13 (23—26) февраля 1915 года. На конференции в Озерках, под Петроградом, 2—4 (15—17) ноября 1914 года, созванной для обсуждения вопроса об отношении к войне, присутствовали члены думской с.-д. фракции и делегаты от с.-д. организаций: Петербурга, Иваново-Вознесенска, Риги, Харькова и др. Депутаты-большевики: Бадаев А. Е., Петровский Г. И., Муранов М. К., Самойлов Ф. Н. и Шагов Н. Р., арестованные 5 (18) ноября, обвинялись царским правительством «в государственной измене». Обвинительным материалом являлись отобранные у депутатов при аресте тезисы Ленина «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне» и манифест ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия», опубликованный в газете «Социал-Демократ» № 33, 1 ноября 1914 года (см. настоящий том, стр. 1—4 и 9—18).
- Привлеченный к суду по делу думской фракции Каменев (Розенфельд) занял предательскую позицию, отрекшись от ленинской политики большевистской партии. На суде Каменев заявил о своем несогласии с большевиками по вопросу о войне и в доказательство этого просил вызвать в качестве свидетеля меньшевика Иорданского. — 149.
- 84 «День» — ежедневная газета либерально-буржуазного направления; издавалась в Петербурге с 1912 года. В газете принимали участие меньшевики-ликвидаторы, в руки которых газета перешла целиком после февраля 1917 года. Закрыта Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете 26 октября (8 ноября) 1917 года. — 149.

- 85 «Речь» — ежедневная газета, центральный орган партии кадетов; выходила в Петербурге с февраля 1906 года. Закрыта Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете 26 октября (8 ноября) 1917 года; выходила под другими названиями по август 1918 года. — 150.
- 86 «Северная Рабочая Газета» — ежедневная легальная газета меньшевиков-ликвидаторов; выходила в Петербурге с января по май 1914 года. — 152.
- 87 «Le Temps» («Время») — ежедневная буржуазная газета; выходила в Париже с 1861 по 1942 год. Ленин имеет в виду две статьи о Лондонской конференции, помещенные в этой газете 15 и 16 февраля 1915 года.
«L'Echo de Paris» («Парижское Эхо») — ежедневная буржуазная, крайне реакционная газета; выходила в Париже с 1884 по 1938 год. — 155.
- 88 «Journal des Débats politiques et littéraires» («Журнал Политических и Литературных Дебатов») — еженедельный буржуазный журнал; издавался с 1894 по 1921 год в Париже. Ленин имеет в виду статью «Конференция социалистов в Лондоне», напечатанную в этом журнале 19 февраля 1915 года. — 155.
- 89 «Известия Заграничного Секретариата ОК РСДРП» издавались в Швейцарии меньшевистским Организационным комитетом с февраля 1915 года по март 1917 года. — 156.
- 90 «Tägliche Rundschau» («Ежедневное Обозрение») — ежедневная газета, орган независимых социалистов Германии; издавалась в Берлине с 1881 по 1933 год. — 158.
- 91 Ленин имеет в виду журнал меньшевиков-ликвидаторов «Наша Заря». — 166.
- 92 «Вопросы Страхования» — большевистский легальный журнал; выходил в Петербурге с октября 1913 года по февраль 1918 года с перерывами. Журнал находился под руководством Центрального Комитета большевистской партии. Он вел борьбу не только за осуществление рабочего страхования; но и за большевистские «неурезанные лозунги».
Приветствуя возобновление издания журнала «Вопросы Страхования» после длительного перерыва, группа ссыльных большевиков во главе с И. В. Сталиным в марте 1916 г. писала из турханской ссылки: «Пусть «Вопросы Страхования» приложат все усилия и старания и к делу идейного страхования рабочего класса нашей страны от глубоко развращающей, антипролетарской и в корне противоречащей принципам международной проповеди гг. Потресовых, Левицких и Плехановых». — 168.
- 93 «Северный Голос» — еженедельная меньшевистская газета; выходила в Петрограде с января по март 1915 года. — 168.

- 94 «*Экономист*» («The Economist») — еженедельный буржуазный журнал; издается в Лондоне с 1843 года. — 169.
- 95 См. И. С. Тургенев. Сочинения, т. IX, 1930, стр. 394. — 172.
- 96 «*Lichtstrahlen*» («Лучи Света») — ежемесячный журнал, орган группы левых социал-демократов Германии («Интернациональные социалисты Германии»), издававшийся под редакцией Ю. Борхардта. Журнал выходил нерегулярно с 1913 по 1921 год в Берлине. — 172.
- 97 «*Die Internationales*» («Интернационал») — журнал, основанный Р. Люксембург и Фр. Мерингом. Вышел единственный номер в апреле 1915 года в Берлине; переиздан в Мюнхене в 1922 году в издании «Futurus» («Будущее»). — 172.
- 98 *Международная женская социалистическая конференция* по вопросу об отношении к войне состоялась 26—28 марта (н. ст.) 1915 года в Берне. Конференция была созвана по инициативе женских организаций при Центральном Комитете РСДРП при участии руководительницы международного женского движения Клары Цеткин. На конференции присутствовали представители Англии, Германии, Франции, Голландии, Швейцарии, Италии, России и Польши — всего 25 делегатов. В числе делегатов от России были Н. К. Крупская и Инесса Арманд. Отчет о международной женской социалистической конференции напечатан в приложении от 1 июня 1915 года к газете «Социал-Демократ» № 42. — 176.
- 99 «*Жизнь*» — газета партии эсеров; издавалась с марта 1915 года по январь 1916 года, вначале в Париже, а затем в Женеве, вместо закрытой в марте 1915 года газеты «Мысль». — 196.
- 100 Это изречение принадлежит Гете (см. Goethe's Werke, B. 2, 6, Aufl., Berlin, 1893, S. 593). — 206.
- 101 «*Социализм*» («Le Socialisme») — журнал; издавался и редактировался французским социалистом Ж. Гедом с 1907 по июнь 1914 года в Париже. — 213.
- 102 «*Новое Время*» («Ново Време») — двухнедельный журнал, теоретический орган революционного крыла Болгарской социал-демократической партии («тесняков»); редактировался Д. Благоевым; закрыт болгарским реакционным правительством в 1923 году. — 219.
- 103 Ленин имеет в виду воззвание «Главный враг в собственной стране», написанное К. Либнехтом. — 221.
- 104 «*Прусский Ежегодник*» («Preussische Jahrbücher») — ежемесячный консервативный журнал, орган немецких капиталистов и землевладельцев; выходил в Берлине с 1858 по 1935 год. — 222.

- 105 *«Рабочая Мысль»* — газета «экономистов»; выходила в 1897—1902 годах. Критику взглядов «Рабочей Мысли» как русской разновидности международного оппортунизма Ленин дал в статьях, опубликованных в газете «Искра», и в книге «Что делать?». — 231.
- 106 *«Рабочее Дело»* — журнал «экономистов», неперIODический орган «Союза русских социал-демократов за границей»; издавался в Женеве в 1899—1902 годах. Критику взглядов «рабочедельцев» Ленин дал в статьях, опубликованных в газете «Искра», и в книге «Что делать?». — 231.
- 107 Ленин имеет в виду два издания переписки Маркса и Энгельса с Зорге на русском языке: 1) «Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.». С предисловием Н. Ленина, С.-Петербург, издание П. Г. Дауге, 1907; 2) «Письма К. Маркса, Фр. Энгельса и др. к Ф. Зорге и др.». Под редакцией и с предисловием П. Аксельрода, С.-Петербург, издание б-ки «Общественная польза», 1908. — 234.
- 108 *«The New Statesman»* («Новый Государственный Деятель») — еженедельный журнал Фабианского общества; основан в 1913 году в Лондоне; с 1931 года журнал выходит под названием «New Statesman and Nation» («Новый Государственный Деятель и Нация»). — 234.
- 109 *Буквосл* — Д. Рязанов. — 247.
- 110 Ленин имеет в виду меньшевиков, изгнанных из большевистской партии на Пражской конференции РСДРП в январе 1912 года. — 254.
- 111 *Венская конференция* социалистов Германии и Австрии состоялась в апреле 1915 года. Резолюция, принятая конференцией, одобряла позицию немецких и австрийских социал-шовинистов. — 261.
- 112 *А. П.* — Антон Паннекук, левый голландский социалист. — 262.
- 113 Брошюра *«Социализм и война»* была издана в сентябре 1915 года на немецком языке и роздана делегатам Циммервальдской конференции социалистов; в 1916 году издана на французском языке. — 267.
- 114 См. Клаузевитц. «О войне», т. I, изд. 5-е, 1941, стр. 43. — 276.
- 115 *«Брентанизм»* — буржуазно-реформистское учение, признающее «школу капитализма», но отвергающее школу революционной классовой борьбы (Ленин). Л. Брентано — немецкий буржуазный экономист, сторонник так называемого «государственного социализма», пытался доказать возможность осуществления социального равенства в рамках капитализма путем

- реформ и примирения интересов капиталистов и рабочих. Прикрываясь марксистской фразеологией, Брентано и его последователи пытались подчинить рабочее движение интересам буржуазии. — 282.
- 116 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. II, 1936, стр. 245. — 285.
- 117 *«Новости»* — ежедневная газета партии эсеров; издавалась в Париже с августа 1914 года по май 1915 года. — 289.
- 118 *«Пролетарский Голос»* — нелегальная газета; орган Петербургского комитета РСДРП; издавалась с февраля 1915 года по декабрь 1916 года. Вышло четыре номера. В первом номере газеты был перепечатан манифест Центрального Комитета РСДРП *«Война и российская социал-демократия»*. — 290.
- 119 *Международная социалистическая конференция молодежи* по вопросу об отношении к войне состоялась 4—6 апреля (н. ст.) 1915 года в Берне (Швейцария). На конференции присутствовали представители юношеских организаций 10 стран: России, Норвегии, Голландии, Швейцарии, Болгарии, Германии, Польши, Италии, Дании и Швеции. Конференция приняла решение о проведении ежегодно Международного юношеского дня, избрала Международное бюро социалистической молодежи, которое, согласно решениям конференции, начало издавать журнал *«Jugend-Internationale»* (*«Интернационал Молодежи»*). В журнале принимали участие В. И. Ленин и К. Либкнехт. — 295.
- 120 *Трибунисты* — левая группа голландской социал-демократической рабочей партии, издававшая с 1907 года газету *«Трибуна»*. В 1909 году трибунисты были исключены из голландской социал-демократической рабочей партии и организовали самостоятельную партию (Социал-демократическую партию Голландии). Трибунисты не были последовательно-революционной партией, но представляли левое крыло рабочего движения Голландии.
- В 1918 году трибунисты образовали Коммунистическую партию Голландии. Газета *«Трибуна»* с 1909 года являлась органом Социал-демократической партии Голландии, а с 1918 года — органом коммунистической партии; с начала тридцатых годов по 1940 год выходила под названием *«Фолксдахблад»* — *«Народная Газета»*. — 298.
- 121 *«Луч»* — ежедневная легальная газета меньшевиков-ликвидаторов; издавалась в Петербурге с сентября 1912 года по июль 1913 года; существовала «на средства богатых друзей из буржуазии» (*Ленин*). — 303.
- 122 *«Марксизм и ликвидаторство. Сборник статей об основных вопросах современного рабочего движения. Часть II»* издан партийным издательством *«Прибой»* в июле 1914 года. В нем помещен ряд статей Ленина, направленных против ликвидато-

ров. Ссылаясь на этот сборник, Ленин имеет в виду свои статьи: «Рабочий класс и рабочая печать» и «Отклик рабочих на образование Российской социал-демократической рабочей фракции в Государственной думе» (см. Сочинения, 4 изд., т. 20, стр. 338—348 и 503—509). — 303.

123 *«Лейпцигская Народная Газета»* («*Leipziger Volkszeitung*») — орган левого крыла германской социал-демократии. Газета выходила ежедневно с 1894 по 1933 год. В течение длительного времени в состав редакции газеты входили Фр. Меринг и Р. Люксембург. С 1917 по 1922 год «*Leipziger Volkszeitung*» являлась органом германских «независимых». После 1922 г. — орган правых с.-д. — 303.

124 *Ан* — лидер кавказских меньшевиков Н. Н. Жордания. — 306.

125 *«Internationale Korrespondenz»* («Международная Корреспонденция») — еженедельный немецкий социал-шовинистический журнал по вопросам международной политики и рабочего движения; выходил с 1914 по 1917 год в Берлине. — 306.

126 *«Современный Мир»* — ежемесячный литературный, научный и политический журнал; выходил в Петербурге с 1906 по 1918 год. Ближайшее участие в журнале принимали меньшевики, в том числе Г. В. Плеханов. В период блока с илехановской группой меньшевиков-партийцев и в начале 1914 года в журнале сотрудничали большевики.

В марте 1914 года в «Современном Мире» была напечатана статья Ленина «Еще одно уничтожение социализма» (см. Сочинения, 4 изд., том 20, стр. 167—188). Во время мировой империалистической войны (1914—1918) журнал стал органом социал-шовинистов. — 306.

127 *«Проект резолюции Циммервальдской левой»* готовился Лениным к Международной социалистической конференции, которая состоялась в Циммервальде (Швейцария) 5—8 сентября (н. ст.) 1915 года и была первой конференцией интернационалистов во время войны. На ней присутствовало 38 делегатов от 11 европейских стран. Порядок дня конференции был следующий: 1) доклады представителей отдельных стран, 2) совместная декларация представителей Германии и Франции, 3) предложение Циммервальдской левой о принятии принципиальной резолюции, 4) принятие манифеста, 5) выборы в Интернациональную социалистическую комиссию (I. S. K.), 6) принятие резолюции симпатии жертвам войны и преследуемым.

На конференции развернулась борьба между революционными интернационалистами, во главе с Лениным, и каутскианским большинством. Ленин организовал на этой конференции левую группу, в которой единственно правильную и до конца последовательную интернационалистическую позицию против войны занимала только партия большевиков. Оценку

- конференции Ленин дал в статьях «Первый шаг» и «Революционные марксисты на Международной социалистической конференции 5—8 сентября 1915 г.» (см. настоящий том, стр. 350—355 и 356—359). — 313.
- 128 *Петрова* — Инесса Арманд. — 339.
- 129 «*La Sentinelle*» («Часовой») — газета, орган швейцарской социал-демократической организации кантона Невшатель (Французская Швейцария); основана в Шо-де-Фоне в 1884 году. В первые годы мировой империалистической войны (1914—1918) газета занимала интернационалистическую позицию. 13 ноября 1914 года в № 265 газеты был напечатан в сокращенном виде манифест ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия» (см. настоящий том, стр. 9—18). Газета выходит в настоящее время. — 342.
- 130 Ленин имеет в виду письмо К. Либкнехта от 2 сентября 1915 года, присланное на имя Международной социалистической конференции в Циммервальде. В этом письме Либкнехт призывал делегатов конференции к борьбе против империалистической войны и разрыву с социал-шовинистами. — 342.
- 131 Ленин имеет в виду «*Бюллетень*» Интернациональной социалистической комиссии в Берне («*Bulletin*», Internationale sozialistische Kommission zu Bern) — исполнительного органа Циммервальдского объединения. «Бюллетень» выходил с сентября 1915 года по январь 1917 года на английском, французском и немецком языках. Всего вышло 6 номеров. — 344.
- 132 *Конференция народных социалистов и социал-революционеров* России происходила в июле 1915 г. в Петрограде. На ней обсуждался вопрос об отношении к войне. Резолюция, принятая конференцией, призывала к активному участию в войне на стороне царизма. — 354.
- 133 *Военно-промышленные комитеты* были созданы в России в 1915 году крупной империалистической буржуазией. Пытаясь подчинить рабочих своему влиянию и привить им оборонческие настроения, буржуазия придумала организацию «рабочих групп» при этих комитетах. Буржуазии было выгодно привлечь в эти группы представителей рабочих, которые агитировали бы среди рабочих масс за повышение производительности труда на военных заводах. Меншевики приняли активное участие в этом лжепатриотическом деле, затеянном буржуазией. Большевики объявили бойкот военно-промышленных комитетов и успешно его провели при поддержке большинства рабочих.
- На собрании уполномоченных от рабочих Петрограда 27 сентября (10 октября) 1915 года за большевистскую резолюцию, призывавшую к бойкоту военно-промышленных комитетов и революционному выходу из войны, голосовали 90 человек, за

резолюцию меньшевиков — 81 человек. Лишь на вторичном собрании, в связи с уходом с собрания рабочих — сторонников большевиков, меньшевикам во главе с Гвоздевым и провокатором Абросимовым удалось избрать 10 человек в «рабочую группу».

В результате разъяснительной работы, проведенной большевиками, из общего числа 239 областных и местных волепромышленных комитетов выборы прошли лишь в 70 комитетах, а рабочие представители избраны были только в 36. — 366.

134 *Парабеллум* — Н. Радек. — 371.

135 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIII, 1932, стр. 355, 359, 464. — 374.

136 *«Призыв»* — еженедельная газета, орган меньшевиков и эсеров; издавалась в Париже с октября 1915 года по март 1917 года. Речь идет о статье Плеханова «Две линии революции», напечатанной в этой газете 17 октября 1915 года. — 378.

137 *«Die Glocke»* («Колокол») — двухнедельный журнал; издавался в Мюнхене, а затем в Берлине в 1915—1925 годах членом германской социал-демократической партии социал-шовинистом Парвусом (Гельфандом), агентом германского империализма. — 384.

138 *«Народный Голос»* («Volksstimme») — газета; выходила в Хемнице с января 1890 года по февраль 1933 года; в период мировой империалистической войны (1914—1918) — орган социал-шовинистов. — 385.

139 Письмо «Секретарю «Лиги социалистической пропаганды»» является ответом на полученный В. И. Лениным в ноябре 1915 года листок Лиги социалистической пропаганды в Америке. Письмо печатается полностью впервые. — 386.

140 *Социалистическая партия Америки* — реформистская, оппортунистическая партия; основана в 1901 году. В годы первой мировой войны (1914—1918) правое большинство партии оправдывало империалистическую войну и поддерживало политику американского империализма. Революционное меньшинство, стоявшее на интернационалистических позициях, выступало против войны и, под влиянием Октябрьской социалистической революции в России, образовало левое крыло, которое в 1921 году стало инициатором создания и основным ядром Коммунистической партии США.

В настоящее время Социалистическая партия Америки является немногочисленной сектантской организацией, состоящей из социал-реформистских, троцкистских и иных предателей рабочего класса, и представляет собой агентуру реакционных империалистических кругов США.

Социалистическая рабочая партия Америки была создана в 1876 году путем слияния Североамериканской секции

- I Интернационала, руководимой Зорге, Социал-демократической рабочей партии и ряда социалистических групп США. Большинство членов партии составляли эмигранты. Социалистическая рабочая партия Америки была сектантской по своему характеру, никогда не имела широких связей с пролетарскими массами. В годы первой мировой войны Социалистическая рабочая партия склонялась к интернационализму. — 390.
- 141 См. «Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.». С предисловием Н. Ленина, С.-Петербург, издание П. Г. Дауге, 1907. Письма Энгельса к Зорге от 29 апреля 1886 года; к Вишневецкой от 28 декабря 1886 года; к Зорге от 7 декабря 1889 года; к Шлютеру от 11 января 1890 года. — 390.
- 142 «Рабочее Утро» — меньшевистская легальная газета; выходила в Петрограде в октябре — декабре 1915 года. — 393.
- 143 *Копенгагенский аноним* — Троцкий, выступивший в 1910 году в органе германской социал-демократии «Vorwärts» с анонимной клеветнической статьей о положении дел в РСДРП. Во время Копенгагенского конгресса II Интернационала В. И. Ленин, Г. В. Плеханов и представитель польской социал-демократии в специальном заявлении разоблачили и опротестовали эту клевету перед правлением германской социал-демократической партии. — 393.
- 144 *Оранский, К.* — Кучин Г. Д. — меньшевик-ликвидатор, сотрудник «Нашей Зари». — 393.
- 145 *Репетиллов* — персонаж из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». — 394.
- 146 *А. М.* — А. С. Мартынов. — 395.
- 147 К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIX, 1946, стр. 184—187, 265. — 409.
-

Г

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В. И. ЛЕНИНА

(Август 1914 года — декабрь 1915 года)

1914

- Август, 23*
(сентябрь, 5). Ленин приезжает из Поронина (Галиция) в Берн (Швейцария).
- Август, 24—26*
(сентябрь, 6—8). Ленин на совещании большевиков в Берне выступает с докладом об отношении к войне. Его тезисы о войне принимаются совещанием как резолюция группы социал-демократов.
- Конец августа —*
сентябрь. Ленин пишет набросок статьи «Европейская война и международный социализм». Статья осталась незаконченной.
- Ленин рассылает тезисы о войне отдельным заграничным секциям большевиков, пересылает их в Россию для обсуждения членами русской части ЦК РСДРП, партийными организациями и думской фракцией.
- Август — 1* (14)
ноябрь. Ленин продолжает работать над статьей «Карл Маркс» для энциклопедического словаря товарищества Гранат.
- Сентябрь, 14*
(27). Тезисы Ленина о войне обсуждаются на итало-швейцарской конференции социалистов в Лугано (Швейцария). Многие положения тезисов вошли в резолюцию, принятую конференцией.
- Сентябрь, до 27*
(октябрь, до 10). Ленин в Берне выступает с рефератом о войне.
- Сентябрь, 27*
(октябрь, 10). Ленин в Берне выступает в прениях по реферату бундовца В. Косовского «Война и социал-демократия».
- Сентябрь, до 28*
(октябрь, до 11). Ленин пишет манифест ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия» и поручает женевской секции большевиков выпустить его отдельным изданием.
- Сентябрь, 28*
(октябрь, 11). Ленин в Лозанне выступает в прениях по реферату Плеханова «Об отношении социалистов к войне» с критикой шовинизма Плеханова.

- Сентябрь — октябрь.* Ленин работает над брошюрой «Европейская война и европейский социализм»; собирает материал, делает выписки из книг, статей и заметок в иностранной и русской прессе, снабжает их своими замечаниями, составляет конспект и план брошюры. Брошюра не была написана.
- Октябрь, 1 (14).* Ленин в Лозанне читает реферат на тему «Пролетариат и война».
- Октябрь, 2 (15).* Ленин в Женеве выступает с рефератом на тему «Европейская война и социализм».
- Октябрь, 3 (16).* Ленин возвращается в Берн; получает извещение о присоединении русской части ЦК РСДРП к его тезисам о войне.
- Октябрь, 4 (17).* Ленин принимает решение возобновить издание ЦО РСДРП газеты «Социал-Демократ»; дает женевакской секции большевиков практические указания по изданию газеты.
- Октябрь, 13 (26).* Ленин в Кларахе вблизи Монтре (Швейцария) выступает с рефератом о войне.
- Не ранее 14 (27) октября.* Ленин в Цюрихе выступает с рефератом на тему «Война и социал-демократия».
- Октябрь, 19 (ноябрь, 1).* Под редакцией Ленина после годичного перерыва возобновляется издание газеты «Социал-Демократ». В № 33 «Социал-Демократа» публикуются написанные Лениным манифест ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия» и статья «Положение и задачи социалистического Интернационала».
- Между 29 октября — 8 ноября (11—21 ноября).* Ленин пишет письмо в редакцию газет «Vorwärts» и венской «Arbeiter-Zeitung» с протестом против искажения этими газетами реферата о войне, прочитанного им в Цюрихе.
- Октябрь, 31 (ноябрь, 13).* Манифест ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия» в сокращенном виде публикуется в швейцарской газете «La Sentinelle» («Часовой»).
- Ноябрь, 4 (17).* Ленин отправляет рукопись статьи «Карл Маркс» в Россию в издательство энциклопедического словаря товарищества Гранат.
- Не позднее 5 (18) ноября.* Ленин направляет манифест ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия» во французские, английские и немецкие социал-демократические газеты.

- Ноябрь, 8 (21).* Ленин поручает женевской секции большевиков организовать реферат Инессы Арманс на французском языке на тему «Разные течения среди русских социалистов по отношению к войне».
- Ноябрь, 22 (декабрь, 5).* Статья Ленина «Один немецкий голос о войне» публикуется в № 34 газеты «Социал-Демократ».
- После 23 ноября (6 декабря).* Ленин пишет ответ на запрос Английской независимой рабочей партии об отношении большевиков к войне и программе мира.
- Ноябрь, 29 (декабрь, 12).* Статьи Ленина «Мертвый шовинизм и живой социализм. (Как восстанавливать Интернационал?)» и «О национальной гордости великороссов» публикуются в № 35 газеты «Социал-Демократ».
- Декабрь, 3 (16).* Ленин в Берне выступает с критикой доклада Мартова «Война и кризис социализма».
- Декабрь, 25 (7 января 1915 г.).* Ленин в письме от имени Заграничного бюро ЦК РСДРП резко осуждает сепаратистские действия антипартийной «божийской» группы Бухарина и Пятакова, наметившей без решения ЦК издание своей газеты.
- Декабрь, 27 (9 января 1915 г.).* Статья Ленина «Что же дальше? (О задачах рабочих партий по отношению к оппортунизму и социал-шовинизму)» публикуется в № 36 газеты «Социал-Демократ».
- Сентябрь 1914 — май 1915.* Ленин работает в Бернской библиотеке над трудами Фейербаха, Гегеля, Аристотеля и других философов: в тетрадях, озаглавленных им «Тетрадки по философии», делает выписки, составляет конспекты, пишет наброски о материалистической диалектике.

1915

- Январь, 19 (февраль, 1).* Статьи Ленина «Какое «единство» провозгласил на шведском съезде Ларин?» и «Русские Зюденкумь» публикуются в № 37 газеты «Социал-Демократ».
- Январь, 27 (февраль, 9).* Ленин пишет письмо редакции «Нашего Слова» и просит декларации ЦК РСДРП на Лондонской конференции социалистов стран Антанты. Копию проекта декларации направляет представителю ЦК в Международном социалистическом бюро М. М. Литвинову для оглашения на конференции.
- Февраль, 10 (23).* Ленин в Берне выступает на объединенном митинге протеста социал-демократов и членов профсоюзов против ареста в России большевиком-депутатов Государственной думы.

- Февраль, 14—19*
(*февраль, 27 — март, 1*). Ленин руководит конференцией заграничных секций РСДРП в Берне; выступает с докладом по основному вопросу порядка дня конференции «Война и задачи партии» и пишет резолюции, которые принимаются конференцией.
- Февраль, 18*
(*март, 3*). Статьи Ленина «Как полиция и реакционеры охраняют единство германской социал-демократии» и «О Лондонской конференции» публикуются в № 39 газеты «Социал-Демократ».
- Февраль, 27*
(*март, 12*). И. В. Сталин из туруханской ссылки пишет письмо Ленину с резкой критикой социал-шовинистической позиции Плеханова и всей международной социал-демократии.
- Не ранее февраля.* Ленин пишет статью «Под чужим флагом». Впервые напечатана в 1917 г. в «Сборнике» книгоиздательства «Прилив». Москва.
- Март, 10 (23).* Ленин пишет письмо редакции «Нашего Слова», в котором разоблачает социал-шовинистические взгляды меньшевистского Организационного комитета и Бунда.
- Март, 13—15*
(*26—28*). Ленин руководит работой делегации ЦК РСДРП на международной социалистической женской конференции в Берне.
- Март, 16 (29).* В № 40 газеты «Социал-Демократ» публикуются статьи Ленина «Конференция заграничных секций РСДРП», «Что доказал суд над РСДР Фракцией?», «По поводу Лондонской конференции» и «К иллюстрации лозунга гражданской войны».
- Март, 22—24*
(*апрель, 4—6*). Ленин руководит работой делегации ЦК РСДРП на международной социалистической конференции молодежи в Берне.
- Апрель, не ранее 11 (27).* Ленин пишет конспект реферата «Первое мая и война».
- Апрель, 18*
(*май, 1*). Статьи Ленина «Софизмы социал-шовинистов», «Вопрос об объединении интернационалистов» и «Буржуазные филантропы и революционная социал-демократия» публикуются в № 41 газеты «Социал-Демократ».
- Апрель, до 19*
(*май, до 2*). Ленин дает директивы парижской секции большевиков по вопросам организации клуба социал-демократов-интернационалистов в целях борьбы против социал-шовинистов.
- Апрель, 22*
(*май, 5*). Ленин одобряет план издания левыми голландскими социалистами интернационального социалистического журнала; дает практические указания по организации издания на иностран-

- ных языках брошюр, направленных против международного социал-шовинизма.
- Май, 8 (21).* Статья Ленина «Крах платонического интернационализма» публикуется в № 42 газеты «Социал-Демократ».
- Май, до 9 (22).* Ленин принимает участие в подготовке издания журнала «Коммунист».
- Май, 12 (25).* Ленин получает приглашение Заграничного комитета социал-демократии Латышского края принять на себя представительство от латышской социал-демократии на конференции социалистических партий нейтральных стран.
- Май, 19 (июнь, 1).* Статья Ленина «О борьбе с социал-шовинизмом» публикуется в приложении к № 42 газеты «Социал-Демократ».
- Май, до 24 (июнь, до 6).* Ленин переезжает из Берна в горную деревушку Зёренберг (Швейцария).
- Вторая половина мая — первая половина июня.* Ленин пишет статью «Крах II Интернационала».
- Июнь.* Ленин пишет статьи «Английский пацифизм и английская нелюбовь к теории» и «Как соединяют прислужничество реакции с игрой в демократию?».
- Июль — июль.* Ленин пишет статью «Главный труд немецкого оппортунизма о войне».
- Июль, 13 (26).* Статьи Ленина «О поражении своего правительства в империалистской войне» и «О положении дел в российской социал-демократии» публикуются в № 43 газеты «Социал-Демократ».
- Июль — август.* Ленин путем переписки завязывает связи с левыми интернационалистами, социал-демократами разных стран, с целью их сплочения к предстоящей международной социалистической конференции; дает поручения большевистским секциям об установлении связей с интернационалистическими элементами в разных странах. Поручает организовать переводы и издание основных документов партии: манифеста ЦК РСДРП о войне, резолюций бернской конференции и др.
- Ленин посылает в Скандинавию «Проект декларации Циммервальдской левой» для перевода на шведский и норвежский языки и передачи его левым социал-демократам Швеции и Норвегии.
- Ленин пишет статьи «К оценке лозунга «мир» и «Вопрос о мире».
- Ленин пишет брошюру «Социализм и война».

- Август, 7 (20).* Ленин получает мандат на Циммервальдскую социалистическую конференцию от латышской социал-демократической партии.
- Август, 10 (23).* Статья Ленина «О лозунге Соединенных Штатов Европы» публикуется в № 44 газеты «Социал-Демократ».
- Август, до 20 (сентябрь, до 2).* Ленин организует издание брошюры «Социализм и война» на немецком языке.
- Ленин пишет «Проект резолюции Циммервальдской левой».
- Август, 20—22 (сентябрь, 2—4).* Ленин приезжает в Циммервальд для участия в работах международной социалистической конференции.
- Август, 22 (сентябрь, 4).* Ленин руководит частным совещанием левых социал-демократов — делегатов Циммервальдской социалистической конференции, выступает на совещании с докладом о характере войны и о тактике международной социал-демократии.
- Август, 23—26 (сентябрь, 5—8).* Ленин принимает участие в работах Циммервальдской конференции, организует и спонсирует ее левое крыло.
- Август, между 23—26 (сентябрь, между 5—8).* Выходит брошюра Ленина «Социализм и война» на немецком языке. Брошюра раздается делегатам Циммервальдской конференции.
- Август, 29—30 (сентябрь, 11—12).* Выходит № 1—2 журнала «Коммунист» со статьями Ленина «Крах II Интернационала», «Честный голос французского социалиста», «Империализм и социализм в Италии (Заметка)».
- Август.* Ленин пишет «Воззвание о войне».
- Лето.* Ленин пишет статью «Спасибо за откровенность».
- Сентябрь, не ранее 12 (25).* Ленин пишет письмо в Интернациональную социалистическую комиссию.
- Вторая половина сентября.* Ленин пишет статью «Поражение России и революционный кризис».
- Между 18—23 сентября (1—6 октября).* Ленин возвращается из Зёренберга в Берн.
- Сентябрь, 28 (октябрь, 11).* Статьи Ленина «Первый шаг» и «Революционные марксисты на международной социалистической конференции 5—8 сентября 1915 г.» публикуются в № 45—46 газеты «Социал-Демократ».

- Осень; не ранее 28 сентября (11 октября).* Ленин пишет статью «Истинные интернационалисты: Каутский, Аксельрод, Мартов».
- Сентябрь, 30 (октябрь, 13).* Статья Ленина «Несколько тезисов. От редакции» публикуется в № 47 газеты «Социал-Демонстрат».
- Сентябрь.* Ленин разрабатывает план издания серии антивоенных листовок; редактирует брошюру А. М. Коллонтай «Кому нужна война», посылает в Скандинавию А. М. Коллонтай 500 экземпляров немецкого издания брошюры «Социализм и война» для распространения и поручает ей принять меры к изданию брошюры в Америке на английском языке.
- Не ранее 16 (29) октября.* Ленин пишет статью «Революционный пролетариат и право наций на самоопределение».
- Конец октября.* Ленин организуе издание брошюры с проектом резолюции и Манифеста Циммервальдской левой на немецком и французском языках, поручает А. М. Коллонтай издать ее в Америке на английском языке.
- Ноябрь, 2 (15).* Ленин получает приглашение на заседание Правления швейцарской социал-демократической партии 20 ноября 1915 года.
- Ноябрь, 7 (20).* Статьи Ленина «О двух линиях революции» и «У последней черты» публикуются в № 48 газеты «Социал-Демократ».
- Ноябрь, до 9 (22).* Ленин пишет письмо секретарю «Лиги социалистической пропаганды» в Америке.
- Ноябрь, 10 (23).* И. В. Сталин пишет из туруханской ссылки письмо В. И. Ленину.
- Декабрь, 8 (21).* Статья Ленина «Прикрытие социал-шовинистской политики интернационалистскими фразами» публикуется в № 49 газеты «Социал-Демонстрат».
- 1915 год.* Ленин пишет книгу «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Выпуск I. Капитализм и земледелие в Соединенных Штатах Америки».
- Конец 1915 г.* Ленин пишет статью «Оппортунизм и крах II Интернационала».

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие	VII
ЗАДАЧИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ВОЙНЕ	1—4
Российская социал-демократия о европейской войне	1
Резолюция группы социал-демократов	1
ЕВРОПЕЙСКАЯ ВОЙНА И МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЦИАЛИЗМ	5—8
ВОЙНА И РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ	9—18
ПОЛОЖЕНИЕ И ЗАДАЧИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА	19—24
ПИСЬМО В «VORWÄRTS» И WIENER «ARBEITER-ZEITUNG»	25
КАРЛ МАРКС (<i>Краткий биографический очерк с иллюстрациями марксизма</i>)	27—74
Предисловие	29
Учение Маркса	34
Философский материализм	34
Диалектика	37
Материалистическое понимание истории	38
Классовая борьба	41
Экономическое учение Маркса	43
Стоимость	43
Прибавочная стоимость	45
Накопление капитала	47
Историческая тенденция капиталистического накопления	48
Средняя норма прибыли	49

Теория поземельной ренты.....	50
Эволюция капитализма в земледелии.....	52
Социализм.....	54
Тактика классовой борьбы пролетариата.....	58
Литература.....	63
ОДИН НЕМЕЦКИЙ ГОЛОС О ВОЙНЕ.....	75—76
МЕРТВЫЙ ШОВИНИЗМ И ЖИВОЙ СОЦИАЛИЗМ (Как вос- становлять Интернационал?).....	77—83
О НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОРДОСТИ ВЕЛИКОРОССОВ.....	84—88
ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ? (О задачах рабочих партий по отно- шению к оппортунизму и социал-шовинизму).....	89—96
КАКОЕ «ЕДИНСТВО» ПРОВОЗГЛАСИЛ НА ШВЕДСКОМ СЪЕЗДЕ ЛАРИН?.....	97—98
РУССКИЕ ЗЮДЕКУМЫ.....	99—104
РЕДАКЦИИ «НАШЕГО СЛОВА».....	105—108
КАК ПОЛИЦИЯ И РЕАКЦИОНЕРЫ ОХРАНЯЮТ ЕДИНСТВО ГЕРМАНСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ.....	109—111
О ЛОНДОНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ.....	112—114
ПОД ЧУЖИМ ФЛАГОМ.....	115—136
I.....	119
II.....	125
III.....	129
КОНФЕРЕНЦИЯ ЗАГРАНИЧНЫХ СЕКЦИЙ РСДРП.....	137—142
Революция конференции.....	137
О характере войны.....	137
О ловушке «защиты отечества».....	138
Ловушки революционной социал-демократии.....	139
Оппортунизм и крах II Интернационала.....	140
III Интернационал.....	140
Пацифизм и ловушка мира.....	141
Поражение царской монархии.....	141
Отношение к другим партиям и группам.....	142
ПИСЬМО ЦК РСДРП — РЕДАКЦИИ «НАШЕГО СЛОВА».....	143—146

ЧТО ДОКАЗАЛ СУД НАД РСДР ФРАКЦИЕЙ?	149—154
ПО ПОВОДУ ЛОНДОНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ	155—157
К ИЛЛЮСТРАЦИИ ЛОЗУНГА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ	158—159
СОФИЗМЫ СОЦИАЛ-ШОВИНИСТОВ	160—164
ВОПРОС ОБ ОБЪЕДИНЕНИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ	165—168
БУРЖУАЗНЫЕ ФИЛАНТРОПЫ И РЕВОЛЮЦИОННАЯ СОЦИАЛ- ДЕМОКРАТИЯ	169—170
КРАХ ПЛАТОНЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА	171—175
О БОРЬБЕ С СОЦИАЛ-ШОВИНИЗМОМ	176—180
КРАХ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА	181—232
I	184
II	188
III	193
IV	198
V	202
VI	208
VII	215
VIII	224
IX	229
АНГЛИЙСКИЙ ПАЦИФИЗМ И АНГЛИЙСКАЯ НЕЛЮБОВЬ К ТЕОРИИ	233—238
КАК СОЕДИНЯЮТ ПРИСЛУЖНИЧЕСТВО РЕАКЦИИ С ИГ- РОЙ В ДЕМОКРАТИЮ?	239—241
ГЛАВНЫЙ ТРУД НЕМЕЦКОГО ОПОРТУНИЗМА О ВОЙНЕ	242—246
О ПОРАЖЕНИИ СВОЕГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ИМПЕРИА- ЛИСТСКОЙ ВОЙНЕ	247—252
О ПОЛОЖЕНИИ ДЕЛ В РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРА- ТИИ	253—258
К ОЦЕНКЕ ЛОЗУНГА «МИР»	259—261
ВОПРОС О МИРЕ	262—266

СОЦИАЛИЗМ И ВОЙНА (Отношение РСДРП к войне).....	267—307
<i>Предисловие к 1-му (заграничному) изданию</i>	269
<i>Предисловие к 2-му изданию</i>	270
Глава I. Принципы социализма и война 1914 - 1915 г.	271
Отношение социалистов к войнам	271
Исторические типы войн нового времени	271
Различие между наступательной и оборонительной войной	272
Теперешняя война есть империалистская война	273
Война между крупнейшими рабовладельцами за сохранение и укрепление рабства	274
«Война есть продолжение политики иными» (именно: насильственными) «средствами»	276
Пример Бельгии	276
За что воюет Россия?	277
Что такое социал-шовинизм?	278
Базельский манифест	278
Ложные ссылки на Маркса и Энгельса	279
Крах II Интернационала	280
Социал-шовинизм есть законченный оппортунизм ...	281
Единство с оппортунистами есть союз рабочих со «своей» национальной буржуазией и раскол интернационального революционного рабочего класса	282
«Каутскианство»	282
Лозунг марксистов — лозунг революционной социал- демократии	283
Пример братанья в траншеях	284
Значение нелегальной организации	285
О поражении «своего» правительства в империалист- ской войне	285
О пацифизме и лозунге мира	286
О праве наций на самоопределение	286
Глава II. Классы и партии в России	287
Буржуазия и война	287
Рабочий класс и война	289
Российская социал-демократическая рабочая фрак- ция в Государственной думе и война	290

<i>Глава III. Восстановление Интернационала</i>	293
Метод социал-шовинистов и «центра»	293
Положение дел среди оппозиции	295
Российская социал-демократическая рабочая партия и III Интернационал	299
<i>Глава IV. История раскола и теперешнее по- ложение социал-демократии в России</i>	300
«Экономисты» и старая «Искра» (1894—1903)	301
Меньшевизм и большевизм (1903—1908)	302
Марксизм и ликвидаторство (1908—1914)	302
Марксизм и социал-шовинизм (1914—1915)	304
Теперешнее положение дел в с.-д. России	305
Задачи вашей партии	307
О ЛОЗУНГЕ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ ЕВРОПЫ	308—311
О ЛОЗУНГЕ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ ЕВРОПЫ. Приме- чание редакции «Социал-Демократа» к Манифесту ЦК РСДРП о войне	312
ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ЦИММЕРВАЛЬДСКОЙ ЛЕВОЙ	313—315
ЧЕСТНЫЙ ГОЛОС ФРАНЦУЗСКОГО СОЦИАЛИСТА	316—323
ИМПЕРИАЛИЗМ И СОЦИАЛИЗМ В ИТАЛИИ (Заметка)	324—333
ВОЗЗВАНИЕ О ВОЙНЕ	334—336
СПАСИБО ЗА ОТКРОВЕННОСТЬ	337—338
В ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНУЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ КОМИС- СИЮ (I.S.K.)	339—344
ПОРАЖЕНИЕ РОССИИ И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КРИЗИС	345—349
ПЕРВЫЙ ШАГ	350—355
РЕВОЛЮЦИОННЫЕ МАРКСИСТЫ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 5—8 СЕНТЯБРЯ 1915 г.	356—359

ИСТИННЫЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ: КАУТСКИЙ, АКСЕЛЬ-РОД, МАРТОВ	360—365
НЕСКОЛЬКО ТЕЗИСОВ. <i>От редакции</i>	366—368
РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЛЕТАРИАТ И ПРАВО НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ	371—377
О ДВУХ ЛИНИЯХ РЕВОЛЮЦИИ	378—383
У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ	384—385
СЕКРЕТАРЮ «ЛИГИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ»	386—391
ПРИКРЫТИЕ СОЦИАЛ-ШОВИНИСТСКОЙ ПОЛИТИКИ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТСКИМИ ФРАЗАМИ	392—399
ОПОРТУНИЗМ И КРАХ 11 ИНТЕРНАЦИОНАЛА	400—414
<i>Примечания</i>	415—440
<i>Даты жизни и деятельности В. И. Ленина</i>	441—449

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Первая страница рукописи В. И. Ленина «Маркс Карл». — Июль — ноябрь 1914 г.	30—31
Первая страница газеты «Социал-Демократ» № 40, 29 марта 1915 г. со статьями В. И. Ленина «Что доказал суд над РСДР Фракцией?» и «По поводу Лондонской конференции»	147
Первая страница рукописи В. И. Ленина «Революционный пролетариат и право наций на самоопределение». — 1915 г. (на немецком языке).....	369
Первая страница письма В. И. Ленина «Секретарю «Лиги социалистической пропаганды». — Ноябрь 1915 г. (на английском языке).....	387

Тираж 500 тыс. экз. (251—500 тыс.)
Подписано к печати 5/XI 1948 г.
Объем 29 п. л. + 1 вкладка (1/8 п. л.)
24,25 уч.-изд. л.
Цена 6 р. 50 коп.

★

2-я типография «Печатный Двор»
им. А. М. Горького треста «Поли-
графкнига» ОГИЗа при Совете
Министров СССР,
Ленинград, Гатчинская, 26.

Первая страница
рукописи В. И. Ленина
«Переписка Маркса с Энгельсом». —
Конец 1913 г.

Уменьшено